В164 — 57
кн. 1

C
4586

Эта книга прина
длежитъ Влади
миру Извольскому

Куплен 1851 года

93

ХАМОВНИЧЕСКАЯ РАЙОННАЯ БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

1е СТУД. ОБЩЕЖИТІЕ М.У. БИБЛІОТЕ[КА]

67

[illegible]

Изъ библ. К. Маркса
B164
57

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНІЯ

НОВОЙ ИСТОРІИ.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЙОНИРОВАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

Изображеніе характера и содержанія Исторіи первыхъ десяти вѣковъ по паденіи Западной Римской Имперіи.

(ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.)

Ивана Шульгина

67
БИБЛІОТЕКА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ,

исправленное и умноженное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 4 Февраля 1845 года.

Цензоръ И. *Ивановскій.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

785721 V V

№ 93
БИБЛІОТЕКА 1-го СТУДЕНЧЕСК. ОБЩЕЖИТІЯ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
67.
ЧИТАЛЬНЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Сочиненіе, представляемое милостивому и снисходительному воззрѣнію Вашему, предпринято на пользу заведеній, цвѣтущихъ подъ высокимъ и просвѣщеннымъ Вашимъ покровительствомъ, и одно это, а не достоинство труда самаго, даетъ мнѣ смѣлость украсить его именемъ Вашего Императорскаго Высочества. Счастливымъ себя почту, когда усердное желаніе по мѣрѣ силъ моихъ и способовъ быть полезнымъ для заведеній, къ которымъ принадлежать честь имѣю, послужитъ хотя нѣкоторою замѣною недостатковъ и сочиненія и сочинителя; еще болѣе почту себя счастливымъ, когда преподаваемые мною уроки Исторіи разовьютъ въ сердцахъ юныхъ моихъ слушателей то чувство, которое я поселить въ нихъ стараюсь: чувство благородной и возвышенной гордости, что они суть сыны великаго Русскаго Отечества, и неразлучное съ симъ чувство благоговѣйной преданности и благодарной любви къ Отцу сего Отечества, къ Тому, чья державная рука отечески бережетъ и царски возвеличиваетъ землю Русскую. Хранимые сею могучею рукою,

Въ надеждѣ славы и добра,
Глядимъ впередъ мы безъ боязни.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ
и совершенною преданностію
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Шульгинъ.

С. Петербургъ,
1832.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ прошломъ 1837 году вышло первое изданіе сей книги. Умножающіяся на нее требованія сдѣлали необходимымъ новое изданіе въ нынѣшнемъ году. Приступая къ тому, авторъ считалъ обязанностію своею передъ читателями представить новое изданіе въ видѣ улучшенномъ противу прежняго. Онъ и старался этого достигнуть присовокупленіемъ разныхъ и многихъ пополненій и раздѣленіемъ сочиненія на главы. Если отъ того сочиненіе и не выиграло, можетъ-быть, въ отношеніи къ внутреннему своему достоинству, то по крайней мѣрѣ удобнѣе сдѣлалось для чтенія. Авторъ поручаетъ новое изданіе тому же благосклонному вниманію читателей, какого удостоилось его сочиненіе въ прежнемъ изданіи.

И. Ш.

С. Петербургъ,
Іюнь, 1838.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Давно уже авторъ этой книги съ разныхъ сторонъ побуждаемъ былъ приступить къ новому ея изданію; рѣшась на то, онъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя перемѣны и дополненія, особенно въ обозрѣніи Русской Исторіи, и снова смѣетъ надѣяться на благосклонное и снисходительное вниманіе читателей къ труду его. Если просвѣщенное любопытство однихъ найдетъ себѣ въ этой книгѣ нѣкоторое удовлетвореніе; если для другихъ оно послужитъ къ освѣженію нѣкоторыхъ воспоминаній, то авторъ почтетъ себя вполнѣ награжденнымъ.

И. Ш.

С. Петербургъ,
1845.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе объ Исторіи; объемъ ея; необходимость и основаніе ея раздѣленія.

1. Воспоминанія о томъ, что было прежде, сохраняются или въ живомъ *преданіи*, или въ *памятникахъ* разнаго рода, и, посредствомъ того или другихъ, доходятъ до нашего вѣдѣнія и производятъ въ душѣ нашей представленіе о былomъ, какъ бы о настоящемъ. По таковымъ воспоминаніямъ народы позднѣйшіе могутъ составить себѣ представленіе о минувшей жизни народовъ прежнихъ, а изображеніе сего представленія словомъ, составляетъ Исторію: посему *Исторія есть словесное изображеніе жизни и судьбы народовъ.*

2. *Преданія* сохраняютъ, и на-долго, иногда многія отдѣльныя черты изъ жизни народа; но они никогда не въ состояніи представить ничего цѣлаго, никакой полной картины этой жизни и перемѣнъ, въ ней происходившихъ. Сверхъ того, во всякомъ преданіи эти отдѣльныя черты изъ жизни народа до такой степени бываютъ или украшены, или обезображены вымысломъ, что позднимъ потомкамъ почти невозможно бываетъ отличить, что́ въ преданіи истина и что́ вымыселъ. Посему, если, съ одной стороны, преданія суть первоначальные источники всякой Исторіи, то, съ другой, это суть источники недостаточные и невѣрные.

3. *Памятники* суть сохранившіеся вещественные остатки дѣйствительной жизни народа. Они бываютъ *двухъ* родовъ. *Одни* — остатки общественнаго и домашняго быта народнаго, каковы напр. зданія, оружія, монета, одежды, разная домашняя утварь и собственно такъ называемые памятники (монументы), т. е. сооруженія, дѣланныя съ намѣреніемъ увѣковѣчить память какого-нибудь именитаго событія или лица: ихъ назовемъ *нѣмыми памятниками*. Они или намъ вовсе ничего не говорятъ о быломъ, или выражаютъ собою одинъ только моментъ, или одну сторону народной жизни; во всякомъ случаѣ, они могутъ насъ вести только къ тому или другому заключенію о народѣ, а отнюдь не выскажутъ намъ, *какія* перемѣны испыталъ народъ въ жизни и судьбѣ своей и *отчего* онъ испыталъ таковыя перемѣны. *Другіе* памятники назовемъ *говорящими:* это суть всякаго рода *письменные памятники*, остатки умственной жизни народа; ихъ можно назвать, по преимуществу, *историческими памятниками*; въ нихъ только найдемъ картину жизни народа и объясненіе перемѣнъ, испытанныхъ народомъ въ его жизни.

4. Но только народы *образованные* могутъ оставлять по себѣ подобные слѣды бытія собственнаго, или свидѣтельствовать о бытіи другихъ народовъ; посему преимущественнымъ предметомъ Исторіи и могутъ быть образованные народы; ихъ, по преимуществу, и должно назвать *Историческими народами*. Жизнь таковыхъ народовъ одна соотвѣтствуетъ тому назначенію, какое человѣкъ имѣетъ по своей природѣ.

5. «Человѣкъ природы, есть человѣкъ общества,» говоритъ Шлёцеръ. Самый даръ слова, отличающій человѣка отъ другихъ тварей, свидѣтельствуетъ о его назначеніи для жизни общественной. Хотя общество не содержитъ въ себѣ всего человѣка: ибо общества раждаются, живутъ и умираютъ на землѣ, безсмертная же часть человѣка переживаетъ это, хотя и продолжительное, но при всемъ томъ срочное существованіе обществъ, мгновенное ихъ существованіе предъ Тѣмъ, для Кого «тысяча лѣтъ яко день единъ;» однако лишь въ общественномъ соединеніи, въ Государствѣ, жизнь человѣка, такъ-какъ и жизнь народа, котораго каждый человѣкъ составляетъ часть, достигаетъ своего возможнаго развитія и усовершенствованія соотвѣтственно тому назначенію, какое человѣкъ имѣетъ по своей природѣ, а потому и предметомъ Исторіи преимущественнымъ могутъ быть только общества бла-

гоустроенныя, Государства. Если иногда обращается она къ народамъ дикимъ, то это въ такомъ случаѣ, когда они могущественное вліяніе имѣли на жизнь и судьбу образованныхъ народовъ, или по крайней мѣрѣ были съ ними въ столь близкомъ соприкосновеніи, что многія явленія жизни сихъ послѣднихъ были бы неясны безъ познанія о таковыхъ дикихъ народахъ. Примѣромъ сего могутъ служить Скиѳы для Исторіи Мидянъ и Персовъ, и Германцы для Исторіи всѣхъ вообще Европейскихъ народовъ. Съ другой стороны, иногда и народы образованные лежатъ внѣ горизонта Исторіи, коль скоро они, такъ сказать, скупились своею народностію; коль скоро неразумно и самолюбиво исключали себя изъ среды другихъ народовъ, не дѣлясь съ ними своимъ, и отъ нихъ ничего себѣ не принимая, какъ Китайцы и Японцы. Въ отношеніи къ человѣчеству, таковые народы и Государства то же, что́ народы дикіе въ отношеніи къ Государствамъ: жизнь ихъ, сосредоточенная сама въ себѣ, не достигла своего полнаго развитія, или получила развитіе одностороннее; ибо только взаимнымъ обмѣномъ потребностей и понятій народы образуютъ другъ друга, и взаимно другъ друга развиваютъ.

6. На основаніи сихъ понятій *историческій міръ* вмѣщаетъ въ себѣ не *всѣ* страны, обитаемыя людьми, а только *тѣ*, въ которыхъ обитавшіе люди оставили памятники бытія своего и своихъ дѣйствій другъ на друга. Посему предѣлы сего міра въ теченіе бо́льшей части времени, которое объемлетъ Исторія (въ теченіе 3000 лѣтъ), ограничиваются странами юго-западной Азіи до Инда, сѣверной Африки до Нильскихъ водопадовъ и до горъ Атлантическихъ, и южной Европы до Рейна, Дуная и Чернаго моря, или, однимъ словомъ, странами, облегающими море Средиземное. И понятно, что здѣсь должна была начаться Исторія: здѣсь ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ тогдашняго историческаго міра народы должны были достигнуть наибольшаго развитія и усовершенствованія, ибо на всей нашей планетѣ нѣтъ другаго мѣста, въ которомъ бы Океанъ сдѣлалъ столь благодѣтельное вторженіе во внутренность земель, и разлилъ между ними часть водъ своихъ на такомъ большомъ пространствѣ, какъ здѣсь, между предѣлами Европы, Азіи и Африки, и, слѣдственно, нигдѣ народы не имѣютъ такого великаго орудія къ сообщенію другъ съ другомъ и къ своему взаимному образованію, какъ здѣсь, у береговъ Средиземнаго моря. Земли, лежавшія внѣ означенныхъ предѣловъ, не были

земли историческія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ сами по себѣ достигли — и съ давняго времени — значительной степени образованія и могутъ имѣть свою отдѣльную Исторію: такъ Индія и Китай (*).

7. Если Исторія есть изображеніе жизни и судьбы народовъ, соединенныхъ въ Государствахъ, то, соотвѣтственно сему понятію, и за начало ея принимать должно не начало человѣческаго рода, а начало соединенія людей въ жизнь общественную; начало существованія первыхъ Государствъ на землѣ. Никто не знаетъ эпохи, въ которую основались первыя и древнѣйшія Государства, ни мѣста, на которомъ они основались; никто не знаетъ и не можетъ знать этого, какъ потому, во-первыхъ, что и самые древнѣйшіе письменные памятники слишкомъ молоды относительно къ той эпохѣ, съ которой начались Государства; никто этого не можетъ знать, во-вторыхъ и потому, что Государство не есть изобрѣтеніе человѣческое и не могло основаться въ опредѣленный моментъ и устроиться по опредѣленному плану. Государство есть выраженіе естественной потребности человѣка къ общежитію, и устроивалось по мѣрѣ того, какъ эта потребность въ человѣкѣ развивалась и очищалась.

8. Есть однако же и надобность для учебнаго употребленія, и возможность опредѣлить *вѣроятную* эпоху, въ которую *могли* основаться первыя и древнѣйшія Государства изъ тѣхъ, о которыхъ сохранились памятники. Отыскивать эту эпоху должно въ тѣхъ письменныхъ памятникахъ, которые имѣютъ на своей сторонѣ и преимущество *древности* и преимущества *подлинности*. Таковы суть книги Моисеевы. Въ нихъ найдемъ указаніе вѣроятной эпохи основанія древнѣйшихъ Государствъ, именно, въ опи-

(*) Индія вошла въ постоянное соприкосновеніе съ историческими землями и народами только за 300 лѣтъ до нашего времени; Китай еще позже, не состоя однако жъ и донынѣ въ тѣсной связи ни съ кѣмъ; и хотя памятники образованія Китая, и особенно Индіи, указываютъ на глубокую древность сихъ странъ, но ни кто, до XVI вѣка, не докажетъ, какое вліяніе жизнь и судьба народовъ Китая и Индіи имѣла на жизнь и судьбу народовъ собственно историческаго міра и обратно. До XVI вѣка нѣтъ ни одного явленія въ жизни историческихъ народовъ, для изъясненія котораго нужно было бы наводить справки въ лѣтописяхъ Индіи или Китая; посему, не смотря на важность сихъ странъ во многихъ отношеніяхъ, онѣ, по всей справедливости, исключаются изъ области Исторіи Всеобщей: Индія до XVI вѣка, Китай донынѣ; ибо народъ принадлежитъ Исторіи съ тѣхъ только поръ, какъ перемѣны въ судьбѣ его начинаютъ оказывать вліяніе на судьбу другихъ народовъ, имѣющихъ Исторію.

санія жизни Авраама; во времена его жизни были уже Государства на Тигрѣ, Евфратѣ, между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ, и на Нилѣ. Эти Государства, во времена Авраама (около XXII вѣковъ до Р. Х.) были уже на значительной степени образованія, которой должны были достигать вѣками; но сколько вѣковъ должны были прожить эти Государства до Авраама, чтобы къ этому времени можно было имъ достигнуть до той степени образованія, на какой находились они во времена Авраама, — этого опредѣлить вовсе невозможно; очевидно только то, что время ихъ начала за-долго предшествуетъ эпохѣ Авраама, и что это время только условно можетъ быть опредѣлено.

9. Нѣтъ однако же никакой надобности, ни пользы для науки относить далеко назадъ отъ эпохи Авраама время начала первыхъ Государствъ; какъ бы продолжительнымъ или краткимъ ни представили мы себѣ этотъ періодъ, онъ, во всякомъ случаѣ, есть такой отдѣлъ времени, о которомъ нѣтъ памятниковъ (7). Если, съ одной стороны, много причинъ думать, что этотъ періодъ образованія первыхъ Государствъ былъ весьма продолжителенъ; то, съ другой, выразить эту величину его какимъ-нибудь большимъ количествомъ вѣковъ, значило бы безполезно увеличивать учебный объемъ Исторіи присовокупленіемъ къ нему такого времени, про которое никто не можетъ дать отчета. Посему этой *вѣроятною* эпохою, въ которую *могли* основаться первыя и древнѣйшія Государства, примемъ, условно, XXV-ый вѣкъ до Р. Х. Но и ограничивъ начало Исторіи временемъ основанія первыхъ Государствъ въ предѣлахъ историческаго міра (6), мы дадимъ ей объемъ обширный: она будетъ заключать въ себѣ болѣе 4000 лѣтъ, отъ 2500 предъ Р. Х., до нашего времени. Много перемѣнъ въ эти четыре тысячелѣтія испыталъ міръ историческій; много Государствъ и народовъ являлись и исчезали; многихъ и слѣды бытія истребились, не оставивъ по себѣ даже и воспоминаній. Но всѣ эти многочисленныя перемѣны состоятъ между собою въ связи неразрывной; всѣ онѣ являютъ одну великую цѣпь событій, связанныхъ между собою, какъ причина и слѣдствіе, и одна, истинно достойная своего высокаго назначенія, Исторія, есть та, которая изображаетъ сіи перевороты въ ихъ взаимной связи, объясняетъ одинъ другимъ, и доказываетъ, что великія событія міра не были дѣломъ слѣпаго случая, и что всякое изъ нихъ въ судьбѣ человѣческаго рода имѣло свою цѣль, волею премудрою и всемогущею опредѣленную.

10. Но силы ума человѣческаго, при ограниченности своей, недостаточны къ обозрѣнію звеньевъ сей великой цѣпи произшествій однимъ взглядомъ, и не иначе, какъ при помощи искусственнаго раздѣленія, можно облегчить себѣ связное изображеніе жизни и судьбы народовъ. Таковое искусственное раздѣленіе предмета, по существу своему нераздѣльнаго, не должно и не можетъ быть произвольное. Оно должно быть основано на самомъ свойствѣ произшествій, произведшихъ великую перемѣну въ жизни и судьбѣ историческихъ народовъ; части Исторіи должны быть отдѣлены другъ отъ друга такими событіями, чтобы каждое изъ нихъ было окончаніемъ прежняго, и началомъ новаго порядка вещей въ историческомъ мірѣ, и чтобы каждая часть исторіи представляла особое цѣлое и имѣла свою собственную физіономію. Въ ряду перемѣнъ, испытанныхъ историческимъ міромъ, нѣтъ другой, болѣе важной, какъ совершившееся въ исходѣ V вѣка по Р. Х. — разрушеніе Западной Римской Имперіи, основаніе новыхъ Государствъ на ея развалинахъ, и современное съ симъ расширеніе предѣловъ историческаго міра включеніемъ въ оный народовъ, неизвѣстныхъ дотолѣ, но начавшихъ, или готовившихся начать отселѣ свое историческое бытіе (Германцы, Славяне, Аравитяне) и свои дѣйствія на жизнь и судьбу другихъ народовъ. Сими событіями раздѣляется Исторія на *два* главныя отдѣленія: *одно* заключаетъ въ себѣ всѣ времена отъ *вѣроятной* эпохи основанія первыхъ Государствъ въ предѣлахъ историческаго міра, до того времени, какъ сокрушился пятисотлѣтній престолъ Римскихъ императоровъ, воздвигнутый надъ всѣми сими государствами и народами (исключая народовъ, между Тигромъ и Индомъ жившихъ); сіе отдѣленіе можно назвать *Древнею Исторіею*, отъ 2500 предъ Р. Х. до 500 по Р. Х. *Другое отдѣленіе* заключаетъ въ себѣ изображеніе жизни и судьбы *новыхъ* историческихъ народовъ въ предѣлахъ *новаго* историческаго міра, отъ 500 г. по Р. Х. до нашего времени, и сіе отдѣленіе можно назвать *Новою Исторіею*.

11. Древняя Исторія столь рѣзко отдѣлена отъ Новой, различіе между ними во всемъ быту народовъ историческихъ столь велико, что нельзя не признать предѣломъ между обѣими того времени, въ которое кончится владычество Римлянъ, и въ которое начинается извѣстность Германцевъ. Бой между сими двумя народами продолжался съ малыми перерывами почти 600 лѣтъ, отъ первой встрѣчи Римлянъ и Германцевъ, за 100 лѣтъ до Р. Х., до

того времени, какъ они сокрушили престолъ Римскихъ императоровъ, въ 476 по Р. Х. и истребили послѣдніе остатки Римской власти въ 486 году. Сія эпоха указываетъ и предѣлъ Древней Исторіи, и конецъ міра древняго; конецъ бытія древнихъ языковъ, вѣрованій, обычаевъ, законовъ, всей жизни общественной и домашней. Что исходъ V вѣка, когда совершилось такъ называемое *Паденіе Западной Римской Имперіи*, есть дѣйствительно время, въ которое кончился прежній, и начался новый порядокъ вещей, въ этомъ можно убѣдиться сравненіемъ состоянія историческаго міра передъ самымъ началомъ V вѣка и по его окончаніи, и именно въ самыхъ послѣднихъ годахъ IV и въ самыхъ первыхъ годахъ VI вѣка. Таковое сравненіе представитъ разительное различіе въ состояніи историческаго міра въ исходѣ IV и началѣ VI вѣка: I. *по географическому очертанію и раздѣленію;* II. *по устройству и управленію;* III. *по образованію умственному*, котораго явственнымъ выраженіемъ служитъ языкъ и литература народа. Представимъ же состояніе историческаго міра въ обѣ упомянутыя эпохи въ *трехъ* сказанныхъ отношеніяхъ.

12. I. *Въ отношеніи географическомъ.* Въ исходѣ IV вѣка, и именно въ 395 г. Историческій міръ заключалъ въ себѣ Ю Европу до Рейна, Дуная и Чернаго моря; ЮЗ. Азію до Инда, Кавказскихъ горъ и степей Аравіи; С. Африку до горъ Атлантическихъ и Нильскихъ водопадовъ (6). Все это пространство раздѣлено было между *двумя* только государствами: *Римская Имперія*, заключавшая всѣ земли отъ Атлантическаго Океана до р. Тигра, и *Новоперсидское государство* отъ Тигра до Инда. Въ первыхъ годахъ VI вѣка Римская Имперія не существуетъ; часть ея, *Имперія Греческая* или *Византійская* занимаетъ только страны отъ Іоническаго морѣ до р. Евфрата, (*) такъ измѣнился видъ историческаго міра вообще отъ исхода IV до начала VI вѣка. Но сіе измѣненіе представится еще очевиднѣе, если возьмемъ, для сравненія, въ эти же самыя эпохи одну какую-нибудь страну. Такъ, Пиренейскій полуостровъ (Hispania) въ исходѣ IV вѣка составлялъ частъ (Діоцэзъ) *Галльской префектуры*, одной изъ четырехъ главныхъ областей, на которыя Константинъ В. раздѣлилъ Рим-

*) По паденіи Западной Имперіи уже несвойственно называть сказанныя земли *Восточною Римскою Имперіею.*

скую Имперію, и подраздѣлялся, для управленія на 5 провинцій: 1) *Лузитанія* — З. часть; 2) *Галиція* СЗ.; 3) *Тарраконская* и 4) *Карѳагенская Испанія* (Tarragonensis et Carthaginensis) С. и В. часть; 5) *Бетика* Ю. часть. Въ началѣ VI вѣка вмѣсто всего этого на Пиренейскомъ полуостровѣ находится *Королевство Свевовъ* на СЗ., и во всей остальной части *Королевство Вестготовъ*, простирающееся черезъ Пиренейскія горы въ Галліи, до Луары.

13. II. *Въ отношеніи правительственномъ.* Различіе въ семъ отношеніи не требуетъ даже и поясненій: оно само собою усматривается въ измѣненіяхъ географическихъ; естественно, что правительство Короля Свевовъ въ бывшей Лузитаніи и Галиціи, и Короля Вестготовъ въ бывшей Бетикѣ, Карѳагенской и Тарраконской Испаніи, было во всемъ совершенно иное, нежели правительство Римскаго *Викарія*, начальствовавшаго въ Испанскомъ Діоцэзѣ, и подчиненныхъ ему *Корректоровъ* въ 5-ти провинціяхъ Діоцэза.

14. III. *Въ отношеніи языка, или литературномъ.* Въ исходѣ IV вѣка языкомъ правительства, науки, церкви, былъ языкъ Латинскій, во всѣхъ земляхъ, составлявшихъ Римскую Имперію, слѣд. въ самой большой части историческаго міра; въ началѣ VI вѣка новые властелины земель не говорятъ съ своими подвластными Латинскимъ языкомъ и не знаютъ его; съ VI столѣтія полагается основаніе происхожденію новыхъ языковъ, образовавшихся изъ смѣси языка побѣжденныхъ (Латинскаго), который составилъ основаніе, съ языкомъ побѣдителей (Германскимъ), отъ котораго заимствованы были формы этихъ новыхъ языковъ.

15. Новая Исторія, уступая въ объемѣ Древней, далеко превосходитъ ее богатствомъ, разнообразіемъ и многосложностію событій, ею изображаемыхъ. Въ теченіе тринадцати вѣковъ, кои она объемлетъ, міръ историческій дѣлается обширнѣе и обширнѣе; на эту болѣе прежняго обширную сцену выступаютъ новые дѣйствователи; государства и народы являются въ болѣе многообразной между собою связи; жизнь ихъ слагается изъ элементовъ сходныхъ; дѣйствіе ихъ другъ на друга дѣлается могущественнѣе, и памятниковъ жизни народовъ новыхъ становится несравненно болѣе; слѣдственно, также не могутъ быть окинуты однимъ взглядомъ и перемѣны въ жизни и судьбѣ народовъ, изображаемыя Новою Исторіею. Но здѣсь не найдется примѣтнаго рубежа для отдѣленія частей ея; гдѣ бы ни взять его, всегда найдемъ, что

конецъ одной и начало другой сливаются и исчезаютъ другъ въ другѣ. Во всѣ тринадцать вѣковъ Новой Исторіи дѣйствующія лица и театръ дѣйствій остаются, повидимому, одни и тѣ же: тѣ же Европейскіе народы и въ тѣхъ же прежнихъ жилищахъ, только въ болѣе многообразномъ развитіи и усовершенствованіи своего быта. Наблюдая однако же ходъ сихъ перемѣнъ, убѣдиться можно, что въ теченіе *трехъ послѣднихъ вѣковъ:* XVI, XVII, XVIII, совершенно измѣнились внутреннія отношенія народовъ историческихъ; измѣнилось устройство государственное и церковное, война и торговля, науки и художества. Конечно, всѣ сіи перемѣны относятся непосредственно до народовъ и государствъ Европы; но еще съ тѣхъ временъ, какъ Александръ, разгромивъ Персидское Государство, уничтожилъ самобытность Азіятскихъ народовъ и подчинилъ Азію вліянію Европы; съ тѣхъ временъ, какъ Римляне утвердили свое владычество надъ прочими историческими землями и народами, Европа сдѣлалась, по превосходству, страною Исторіи. Завоеванія Аравитянъ отъ VII — IX, Монголовъ въ XIII и Турокъ въ XIV и XV вѣкахъ, какъ будто бы опять готовы были перевести театръ великихъ переворотовъ въ Азію, и возвратить ей прежнее первенство; но сіи явленія были преходящи. Европа, вслѣдствіе ихъ, только-что утратила на время свое владычество надъ Азіею и Африкою; но ни Азія, ни Африка не возродились для Исторіи. Между-тѣмъ Европа, обновленная великими событіями XV вѣка, рѣшительно возвысилась надъ двумя древними частями Свѣта, открыла и покорила себѣ третью, привела ихъ въ соединеніе, и утвердила за собою владычество надъ міромъ. Посему Исторія Европы, особенно въ теченіе 3-хъ послѣднихъ вѣковъ, есть въ полномъ смыслѣ Исторія Всеобщая, а слѣдственно, перемѣны въ состояніи Европы должны быть принимаемы за перемѣны въ состояніи цѣлаго міра. Если въ исходѣ XV вѣка жизнь и судьба Европейскихъ государствъ и народовъ столь много измѣнилась, то, слѣдственно, конецъ его и можно принять за пунктъ раздѣленія Новой Исторіи на *двѣ* части: *одна* простирается до XV вѣка, *другая* до нашего времени. Первые десять вѣковъ составляютъ такъ называемую *Исторію Среднюю*, и самые сіи вѣки именуются *Средними вѣками;* послѣдніе три вѣка составляютъ собственно такъ называемую *Новую* или *Новѣйшую Исторію*, такъ-какъ и самые вѣки сіи именуются *временами новѣйшими:* названія относительныя, неопредѣленныя! Настоя-

щая эпоха есть, можетъ быть, начало и новаго положенія и новыхъ отношеній между государствами и народами историческаго міра и новаго расширенія предѣловъ онаго включеніемъ самостоятельныхъ государствъ, образующихся нынѣ въ Америкѣ; такимъ образомъ новѣйшія времена скоро могутъ сдѣлаться временами старыми. Тѣмъ не менѣе эти названія приняты и утверждены употребленіемъ общимъ.

16 Но государства и народы XVI, XVII и XVIII вѣковъ суть потомки народовъ VI, VII, VIII и слѣдующихъ столѣтій: міръ исторической трехъ послѣднихъ вѣковъ вылился и образовался изъ міра, ему предшествовавшаго. Какіе же постепенные переходы испытала жизнь и судьба народовъ въ теченіе сего достопамятнаго тысячелѣтія, которое слыветъ подъ именемъ Средней Исторіи? Какая связь между ею и такъ называемою Новѣйшею Исторіею, и въ чемъ отличіе сей послѣдней отъ первой? Вопросы важные! Постараемся обозрѣть это родство вѣковъ между собою, чтобы объяснить и эту связь и это важное различіе, примѣтное, такъ сказать, осязаемое различіе трехъ послѣднихъ вѣковъ отъ десяти вѣковъ предшествовавшихъ, но тогда лишь примѣтное, когда въ него всмотришься. Никто изъ историковъ не раскрылъ намъ сего образованія нынѣшняго историческаго міра изъ міра Среднихъ вѣковъ столь очевиднымъ образомъ, какъ Гизо и Луденъ: будемъ слѣдовать симъ руководителямъ надежнымъ. Отыщемъ прежде всего между развалинами міра Римскаго и поднимемъ то, что осталось отъ него въ наслѣдіе новымъ человѣческимъ обществамъ, начинавшимъ вырастать среди сихъ развалинъ; покажемъ, что къ симъ старымъ элементамъ общественной жизни присоединилось новаго, и какъ изъ боренія сихъ разнородныхъ элементовъ другъ съ другомъ, и время усилія человѣческія образовали нынѣшнія, возможно стройныя общества, среди которыхъ живемъ мы, и можемъ теперь, съ берега спокойнаго и надежнаго, смотрѣть, какъ среди бурь и бѣдствій вырабатывалась и созидалась жизнь общественная. Но не увлечемся однако жъ чувствомъ нашего превосходства надъ нашими предками! Если съ одной стороны, найдемъ и порадуемся мы, что жизнь и судьба наша достигла и большаго развитія и большаго усовершенствованія, то, съ другой, убѣдимся также, что намъ недостаетъ постоянства и того гордаго терпѣнія, съ которымъ предки наши боролись и съ несовершенствами общественной и съ недостатками домашней жизни,

«и своими бѣдствіями изготовили наше величіе» (*); убѣдимся, что именно этому боренію разнородныхъ стихій общественной жизни, и потомъ сліянію ихъ въ одно стройное цѣлое подъ рукою власти единодержавной Европа одолжена и многостороннимъ развитіемъ жизни народовъ, ее населяющихъ, и тѣмъ перевѣсомъ, который она удерживаетъ доселѣ надъ прочими частями свѣта, при всемъ томъ, что уступаетъ имъ во многихъ преимуществахъ матеріяльныхъ. Европу, слѣдственно, имѣемъ право считать настоящимъ историческимъ міромъ (15), и ея судьба есть главный предметъ Всеобщей Исторіи. Чтобъ показать, какимъ образомъ послѣ паденія Западной Римской Имперіи въ теченіе первыхъ десяти вѣковъ Новой Исторіи постепенно созидалось и устроивалось новое Европейское общество, и представить выводы главнѣйшихъ событій сихъ вѣковъ, постараемся изобразить *характеръ ихъ и содержаніе*.

(*) Карамзинъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Изображеніе характера и содержанія исторіи первыхъ десяти вѣковъ.

ГЛАВА I.

Характеръ такъ называемыхъ Среднихъ вѣковъ; видъ Историческаго міра въ эпоху паденія З. Р. И.; видъ СВ. и ЮВ. Европы; Германцы главные дѣйствователи въ эту эпоху; Германцы на родинѣ и племена сосѣдственныя имъ на В.; Германцы въ Римскихъ областяхъ.

17. Трудно, почти невозможно выразить характеръ сего достопамятнаго тысячелѣтія, называемаго обыкновенно *Средними вѣками!* Начало и конецъ его совершенно не похожи другъ на друга, и вообще все продолженіе сего великаго періода Всеобщей Исторіи представляетъ такое разнообразіе, такую нерѣдко противоположность въ характерѣ событій, что о сихъ вѣкахъ существуютъ мнѣнія, другъ другу совершенно противорѣчащія. Одни считаютъ Средніе вѣки временемъ глубочайшаго униженія человѣчества, временемъ, въ которое обществомъ человѣческимъ овладѣло гру-

бѣйшее невѣжество и варварство, самое наглое и ужасное. Другіе смотрятъ на сіи вѣки какъ на такое время, въ которое дѣйствовали и развивались въ народахъ свѣжія, юныя силы въ плѣнительной простотѣ и свободѣ. Что и то и другое мнѣніе можно подкрѣпить и оправдать событіями, дѣйствительно совершавшимися въ сіе тысячелѣтіе — это служитъ доказательствомъ, что оно имѣетъ двѣ стороны: плѣнительно-свѣтлую и отвратительно-мрачную. Въ одномъ и томъ же классѣ людей (напр. въ свѣтскихъ вассаллахъ) можно встрѣтить, съ одной стороны, всѣ ужасы дикой, необузданной воли, а съ другой, дѣтскую преданность Промыслу, возвышенное чувство чести, вѣрность данному слову; или опять въ другомъ классѣ (въ духовенствѣ западной Европы) съ одной стороны то хитрое, то наглое стремленіе къ господству и стяжанію, жизнь праздную и чувственную; съ другой, кротость и смиреніе, неутомимую дѣятельность, направленную то на занятія науками, искусствами и полезными ремеслами, то на проповѣдь и наставленіе; жизнь тихую, созерцательную. Дѣйствительно, сіе время было временемъ перерожденія и воспитанія народовъ; въ немъ дѣйствительно совокуплены были великія силы, но силы нестройныя и несогласныя, старавшіяся одолѣть одна другую и отъ того являвшіяся нерѣдко въ грозномъ, варварскомъ бореніи другъ съ другомъ, бореніи, которое именно и придаетъ среднимъ вѣкамъ эту печать грубаго невѣжества и варварства наглаго. Должно узнать и изучить сіи дѣятельныя силы: онѣ составили собою стихіи будущаго Европейскаго общества, изъ которыхъ устроилось оно въ три послѣдніе вѣка; а для сего должно прежде показать: какой видъ имѣлъ историческій міръ въ эпоху паденія Западной Римской Имперіи, чтобы узнать и дѣйствователей и мѣсто дѣйствія.

18. Когда 600-лѣтняя брань Германцевъ съ Римлянами кончилась (11), развалины покрывали міръ историческій на пространствѣ отъ Шотландскихъ горъ до Сицилійскаго пролива, и оттуда до сѣверныхъ береговъ Африки, а отъ запада на востокъ отъ западнаго края Пиренейскаго Полуострова до Рейна и Дуная. Не было (*) въ предѣлахъ сего разрушеннаго Древняго міра ничего прочнаго и опредѣленнаго: ни народовъ съ полною самобытно-

(*) Луденъ.

стію, ни государствъ съ безопасными границами, ни языковъ въ чистотѣ безпримѣсной, ни порядка, ни закона, ни права, ни власти; всюду опустошеніе, буйное насиліе, одичалость. Жизнь утратила свой прежній блескъ и свою былую прелесть и радости, и тамъ, гдѣ обнаруживаются свѣжія силы, тамъ нѣтъ для нихъ основанія, на которомъ бы онѣ могли утвердиться и развиться. Византійская Имперія, остатокъ древняго міра, стояла еще, украшенная по наружности всѣмъ тѣмъ, что духъ человѣческій произвелъ изящнѣйшаго и возвышеннѣйшаго въ искусствахъ и наукахъ; но безъ силы внутренней, безъ добродѣтели, исполненная всѣхъ тѣхъ же ужасовъ, отъ которыхъ погибъ Римъ, и малодушно и коварно изгибающаяся подъ ударами своихъ непріятелей. Она также страшно потрясена была бурями сего времени; но сіи бури взяли другое направленіе и разгрянулись надъ другими землями и народами. Восточная Имперія, посему, устояла; сохранила надолго еще свое полубытіе — какъ памятникъ величественной старины, чтобы новыя варварскія поколѣнія могли всмотрѣться по крайней мѣрѣ въ эти величественные образы древней жизни, и узнать то, что Древность произвела великаго въ наукахъ и искусствахъ изящныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы также могли они увидѣть, какъ низко могутъ пасть потомки съ той высоты, на которой стояли предки, коль скоро не хранятъ они въ себѣ доблестей предковъ. Тогда только пробилъ часъ сего государства, носившаго въ самомъ себѣ всѣ знаменія неудержимаго разрушенія, когда жизнь его сдѣлалась уже ненужною для человѣчества; когда достигла уже оная зрѣлости своей въ юныхъ народахъ Запада и когда цѣлыя сотни тысячъ сихъ народовъ (во время Крестовыхъ походовъ) насмотрѣлись на Константинополь и на великолѣпные города Имперіи, и возвратясь въ свои жилища, принесли съ собою новыя понятія о жизни общественной и домашней, и объ ея удобствахъ, и объ ея усовершенствованіяхъ. Среди сего хаоса, среди разрушенія на одной, и зарожденія на другой сторонѣ, устояла непоколебимо одна Святая Вѣра Христіанская, какъ утѣшеніе въ настоящемъ, и какъ залогъ для будущаго. Хотя и ея свѣтъ помутился, и отъ варварства побѣдителей, большею частію язычниковъ, и отъ распрей и мудрованій ея собственныхъ послѣдователей, распрей, которыхъ не могли остановить и самые ужасы событій современныхъ; но она устояла и потому, что основаніе ея выше колебаній и суетъ земныхъ, и потому, что она

глубоко вкоренилась въ сердцахъ благороднѣйшихъ изъ людей; и потому, наконецъ, что Церковь Христіанская получила уже полное и прочное устройство и управленіе, которое успѣло созрѣть прежде, чѣмъ разрушеніе началось и совершилось; съ этимъ устройствомъ она и вошла въ составъ новаго общества, которое основывалось на развалинахъ стараго.

19. Внѣ сихъ предѣловъ погибшаго или погибавшаго историческаго міра лежали земли, готовившіяся войти въ составъ онаго, и жили народы, готовившіеся быть новыми дѣйствователями на новомъ театрѣ; но часъ ихъ еще не насталъ! Сѣверъ Европы покрытъ былъ прежнимъ глубокимъ мракомъ; никто не проникъ сего мрака и не заботился о судьбѣ народовъ, жившихъ на той сторонѣ Балтійскаго моря, въ невѣдомой Скандинавіи: всѣхъ вниманіе поглощали предметы ближайшіе, перевороты сосѣдніе. Огромныя страны на В. и ЮВ., отъ моря Балтійскаго до предѣловъ Восточной Имперіи и на З. до Ельбы (Лабы), Рудныхъ (Ерцгебирге) и Богемскихъ горъ, и потомъ черезъ Дунай вдоль Норическихъ Альповъ до Адріатическаго моря, занимало обширное племя Славянское, коренное племя въ сихъ странахъ, знакомое Римлянамъ по войнамъ со временъ Августовыхъ (съ 16 г. до Р. Х.) до III вѣка, подъ неопредѣленнымъ названіемъ Сарматовъ, потомъ вовсе закрытое для Исторіи именемъ Готовъ, простершихъ въ III вѣкѣ на сіи племена власть свою, а въ исходѣ IV точно также закрытое именемъ Гунновъ, разрушившихъ владычество Готовъ и основавшихъ на сихъ мѣстахъ свое собственное. Во второй половинѣ V вѣка и Гунны пали въ свою очередь; народы, такъ сказать, потопленные ими, начали выникать по сбытіи наводненія Гуннскаго; но съ исхода V вѣка уже не слышится болѣе имя Сарматовъ; въ началѣ VI столѣтія имя Славянъ дѣлается извѣстнымъ и славнымъ, но народъ не началъ еще тогда своего историческаго существованія. За Славянами въ отдаленномъ СВ. прозябали племена Финскія, которымъ не суждено было никогда сдѣлаться народомъ историческимъ; а на ЮВ., въ равнины Приволжскія и Придонскія, прикочевывали по-очередно народы Турецкаго племени. Главными дѣйствователями остаются Германцы, побѣдители, виновники того великаго переворота, который отдѣляетъ міръ Среднихъ вѣковъ отъ міра древняго. Взглянемъ на тѣ племена ихъ, которыя въ исходѣ V и въ началѣ VI вѣка оставались на родинѣ, и на тѣ, которыя водворялись въ земляхъ Римскихъ.

20. Сѣверозападныя страны нынѣшней Германіи, отъ Эмса черезъ Везеръ и Ельбу до нижнихъ частей Одера, и на Ю. до линіи Гарцскихъ горъ, обитали Саксы, невладычествующіе ни надъ кѣмъ, но и ни кому неподвластные, и еще западнѣе ихъ, Фризы, между Эмсомъ и устьями Рейна. Прямо на Ю. отъ Саксовъ, Тюринги, отъ Гарца черезъ Верхній Майнъ и Фихтельгебирге почти до лѣваго берега Дуная. Къ Ю. отъ сихъ, отчасти уже въ предѣлахъ міра Римскаго, но въ такой части онаго, которая отъ переходовъ и по-очередныхъ завладѣній ея Нѣмцами уже совершенно — такъ сказать — огермэнилась, жили Бавары по обѣимъ сторонамъ Дуная между Лехомъ и Инномъ. Сіи четыре народа находились хотя уже не въ первоначальной самобытности, уже подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ и отношеній, но по крайней мѣрѣ безъ чужеземной примѣси и въ языкѣ и въ уставахъ. На В. отъ сихъ народовъ, отъ верховьевъ Ельбы и Одера до неизвѣстныхъ тогда восточныхъ предѣловъ Европы, распространялись Славяне, коихъ западныя племена, вѣроятно, прежде подвластны были сосѣднимъ Германцамъ, и кои теперь, по ниспроверженіи владычества Готовъ Гуннами, и по паденіи сихъ послѣднихъ, грозно возстали противъ своихъ прежнихъ властителей и заняли нѣкоторыя страны, имъ принадлежавшія: такъ Чехи вторгнулись въ страну Маркманновъ — въ Богемію; но сіи западныя Славянскія племена по Одеру и Ельбѣ не удержали своей народности, и подчинились впослѣдствіи Германскому быту, заимствовавъ отъ Германцевъ и вѣру и уставы общественной и домашней жизни. За Чехами, внизъ по Дунаю, жили опять Германскія племена: Лонгобарды, втиснутые въ странѣ между Богеміею и верховьемъ Тиссы и Гепиды, на В. отъ нихъ, отъ Дуная съ того мѣста, гдѣ онъ беретъ направленіе на Ю. (почти отъ устья Грана), черезъ Тиссу, до Алуты. Оба народа, отброшенные бурнымъ движеніемъ далеко отъ родины; оба враждебные между собою, оба безъ опредѣленныхъ границъ, однимъ словомъ, временные, случайные обитатели странъ, въ которыя судьба ихъ бросила; не безъ удивленія видѣвшіе себя обитателями оныхъ, и вскорѣ дѣйствительно покинувшіе ихъ безъ сожалѣнія. — Лонгобарды совокупно съ Аварами истребили Гепидовъ (г. 560); но, истребя сосѣдовъ, которые уже испытали на себѣ многократные удары ихъ, и потому не могли быть опасны, Лонгобарды получили въ Аварахъ сосѣдство гораздо болѣе страшное. Они скоро ушли (г. 568) въ

привлекательную Италію. Авары же, Турецкое или Монгольское племя, прикочевали въ половинѣ VI вѣка изъ Азіи къ Придонскимъ равнинамъ, и быстро разлились, подобно Гуннамъ, отъ Азовскаго моря вверхъ по теченію Дуная до предѣловъ Баваріи. Утвердясь въ сихъ странахъ на жительство, и утвердивъ власть свою надъ Южными Славянскими племенами, громили они поочередно и на З., земли Германовъ, и на С., земли Славянъ, и на Ю. Болгарію и области Греческой Имперіи, до того времени, пока сами истреблены были въ исходѣ VIII и въ началѣ IX вѣка, завѣщавъ Исторіи одно только свое страшное имя.

21. На З. отъ Саксовъ, Тюринговъ и Баваровъ жили Аллеманы и Франки, два народа, сдѣлавшіе завоеванія въ областяхъ Римскихъ, но — обстоятельство важное! — они сдѣлали завоеванія, не оставляя своей родины, а раздвинувшись только, такъ сказать, изъ оной на ЮЗ., и З. Первые занимали страну отъ Вогезовъ до Леха, и отъ Нижняго Майна на Ю. до горъ, отдѣляющихъ Швейцарію отъ Италіи; вторые же, сокрушивъ послѣдній остатокъ Римскаго владычества въ Сѣверной Галліи, распространились отъ Майна внизъ, по обѣ стороны Рейна, до самаго устья его, занимая страну на В. до горъ (Вестервальдъ и Теутобугервальдъ), раздѣляющихъ систему Рейна и Везера; на З. до устья Луары, и до того крайняго треугольника нынѣшней Франціи (Бретани), въ которомъ поселились Бритты, бѣжавшіе изъ родины отъ ударовъ Англо-Саксовъ; и наконецъ, съ Ю. на С. отъ праваго берега Луары и верховья Соны до устьевъ Рейна. Слѣдственно Франки и Аллеманы оставались въ знакомомъ мірѣ, и одною только стороною прикасались міру чужому: первые ЮЗ., вторые Ю.; фундаментомъ же ихъ владычества была родимая почва, и убылыя мѣста въ ихъ дружинахъ, могли пополняться изъ того же народонаселенія, изъ котораго составились первыя завоевательныя дружины Аллемановъ и Франковъ. Посему они могли опасаться только другъ друга; перевѣсъ силы Франковъ былъ очевиденъ, хотя сія сила и не была соединена, хотя Франки состояли подъ управленіемъ различныхъ вождей, называемыхъ уже тогда Королями, и раздѣлялись на два большія отдѣленія: Франковъ Рипуарскихъ, отъ Арденновъ на В. черезъ Мозель и Рейнъ до предѣловъ земель, занимаемыхъ Тюрингами и Саксами, и Франковъ Салическихъ къ З. отъ Арденновъ. Открылась вражда между Аллеманами и Рипуарскими Франками. Клодвигъ, вождь

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Салическихъ Франковъ, поспѣшилъ на помощь къ своимъ собратіямъ, и Аллеманы пали (г. 496) подъ его ударами; ихъ земли по лѣвому берегу Рейна, поступили во власть Клодвига, и если не всю страну Аллемановъ онъ успѣлъ подчинить себѣ, этому причиною былъ осторожный и осмотрительный Теодорикъ, владыка Остъ-Готовъ, который заботливо смотрѣлъ на расширеніе могущества Франковъ, вступился въ дѣла ихъ съ Аллеманами, такъ какъ позже, вступился въ дѣла ихъ съ Бургундцами и Вестъ-Готами, и во всѣхъ сихъ случаяхъ старался, и успѣлъ, не дать Клодвигу вполнѣ совершить то, что король Франковъ совершить намѣревался. Побѣдитель Аллемановъ, уже самою побѣдою высоко поставленный, возвысился еще болѣе, сдѣлался еще сильнѣе нравственнымъ могуществомъ: онъ и дружина его приняла Христіанскую вѣру, и — обстоятельство важное — вѣру ту же самую, какую исповѣдывали и природные жители Галліи. Это укрѣпило Клодвига всею силою туземнаго народонаселенія Галліи; облегчило сліяніе здѣсь побѣдителей и побѣжденныхъ въ одинъ народъ, между тѣмъ, какъ другія Германскія побѣдительныя племена, разлучены были отъ завоеванныхъ ими народовъ, или своимъ язычествомъ, или послѣдованіемъ не правиламъ Православной Христіанской Церкви, а одной изъ ересей, наиболѣе распространенной въ тогдашнемъ Христіанствѣ, Аріанской. Отселѣ рѣшительный перевѣсъ Франковъ Салическихъ не только надъ всѣми окрестными Германскими племенами, но и большая прочность власти ихъ противу всѣхъ другихъ Германскихъ поколеній, овладѣвшихъ разными частями бывшей Римской Имперіи.

22. Принятіе Клодвигомъ Христіанской вѣры, отдѣливъ *его* Франковъ отъ ихъ Восточныхъ собратій, еще остававшихся въ язычествѣ, и усиливъ Салическихъ Франковъ сближеніемъ съ природными жителями покоренной ими страны, имѣло великія послѣдствія. Въ пылу битвы съ Аллеманами произнесъ клятву Клодвигъ, обратиться къ Богу истинному, если Онъ даруетъ ему побѣду; почти потерянная битва выиграна; непріятель пораженъ и разсѣянъ, и Франки привыкли познавать Бога Христіанскаго Богомъ побѣдъ, и вождя своего, Клодвига, обреченнымъ и благословеннымъ на вѣрное торжество надъ врагами; посему съ довѣріемъ и радостію шли они подъ его знаменемъ, и одерживали побѣды отъ увѣренности, что должны быть побѣдителями. Другое

важное послѣдствіе то, что народы остальной Галліи, подвластные неправовѣрнымъ завоевателямъ Германскимъ, Бургундцамъ и Вестъ-Готамъ, съ призывными надеждами могли обращаться мыслію къ Франкамъ Клодвига, и желать его владычества надъ собою. Бургундцы занимали страну отъ верховья Соны по теченію Роны и на В. до Альповъ, отдѣляющихъ Францію отъ Италіи. По покоренін Аллемановъ, Клодвигъ уже съ двухъ сторонъ обхватывалъ Королевство Бургундское: съ С. и СВ. Аріане-Бургунды при смятенін и безпорядкѣ, произведенномъ въ тогдашней Европѣ движеніемъ Гунновъ, захватили (г. 458) сію страну, отрѣзали себѣ двѣ трети достоянія природныхъ жителей, и жили въ постоянной непріязни съ подвластными имъ народами, ненавидѣвшими своихъ властелиновъ и какъ грабителей, и какъ еретиковъ. Въ первый же свой походъ (г. 500) Клодвигъ покорилъ бы Бургундію, если бы Теодорикъ не помѣшалъ ему. Въ подобномъ же положенін было и владѣніе Вестъ-Готовъ, растянутое на пространствѣ отъ лѣваго берега Луары черезъ Пиренеи далеко на Ю. въ Испанію; владѣніе безъ границъ опредѣленныхъ и безопасныхъ, разрѣзанное по срединѣ горами, служившими рубежемъ для двухъ различныхъ народностей: Гальской и Иберской; владѣніе, въ которомъ побѣдители къ побѣжденнымъ находились въ такомъ же отношеніи, какъ и въ Бургундіи. Очевидно, что или Вестъ-Готы должны были, оставивъ свои завоеванія на Ю. Пиренеевъ, стремиться на Сѣверъ, и очистить Галлію отъ другихъ Германскихъ поколеній, подлѣ нихъ сею страною владѣвшихъ; или они должны были лишиться своего достоянія на С. Пиренеевъ, не смотря на то, что здѣсь было политическое средоточіе ихъ Государства — Тулуза — столица Королей Вестъ-Готскихъ. «Не дадимъ еретикамъ,» говорилъ Клодвигъ своей дружинѣ: «владѣть въ нашей прекрасной Галліи! за мною!» И посреди знаменій и чудесъ пустился онъ въ бой съ Вестъ-Готами, и опять безъ расчетливыхъ вмѣшиваній Теодорика, онъ тогда же бы продвинулъ свои владѣнія до подошвы Пиренеевъ и до Средиземнаго моря. Тѣмъ не менѣе однако-жъ Клодвигъ такъ поколебалъ и Вестъ-Готію и Бургундію, что съ небольшимъ 20 лѣтъ спустя послѣ его кончины, и та и другая (г. 531 и 534) сдѣлались легкою добычею сыновей его, такъ что Франки Салическіе къ теченіе VI вѣка владѣли уже всею Галліею, отъ Пиренеевъ и моря Средиземнаго до устьевъ Рейна: ибо еще Клодвигъ, не безъ хитрости и злодѣйствъ, уничт-

тожилъ особые владѣтельные роды Франковъ въ странахъ отъ Сейны къ С., по Маасу и Мозелю.

23. Въ столь же и еще болѣе, чѣмъ Галлія, неопредѣленномъ состояніи находились два южные полуострова: Пиренейскій и Аппенинскій. Неудобное географическое положеніе Государства Вестъ-Готовъ по обѣ стороны Пиренеевъ, наглое захватченіе ими двухъ третей, собственности у природныхъ жителей, и всего болѣе, различіе вѣры ихъ съ побѣжденными, было и здѣсь причиною насильственнаго состоянія обѣихъ сторонъ. Сверхъ того Вестъ-Готы, расширившись на обѣ стороны Пиренеевъ, не успѣли еще утвердиться на южной сторонѣ оныхъ: тамъ, въ СЗ. части полуострова, отъ устья Таго до Бискайскаго моря, владѣли еще Свевы, и уголъ между Иберскими и Пиренейскими горами по обѣ стороны верховья Эбро, занимали независимые природные жители, Кантабры (Баски), которыхъ и Римляне не могли подчинить себѣ. Потеря владѣній на С. отъ Пиренеевъ, должна была считаться для Готовъ болѣе выгодою, чѣмъ тратою. Король Теудесъ (г. 531 до 548) утвердилъ свою резиденцію въ Толедо, и тѣмъ сосредоточилъ доселѣ развлеченныя силы своего народа, и положилъ основаніе полному утвержденію владычества Вестъ-Готовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ; но религія стояла непреодолимой преградою сліянію побѣдителей съ побѣжденными, а избирательное правленіе было источникомъ смутъ между самими Вестъ-Готами и причиною гибели Королей ихъ, такъ, что изъ 8 Королей, царствовавшихъ въ промежуткѣ между 506 и 586 годами, только одинъ Атанагильдъ (г. 554 — 567) умеръ естественною смертію. Торжественный переходъ (г. 589) Короля Реккареда, сына Леовигильдова, отъ Аріанства къ Католичеству, положилъ основаніе и сближенію побѣдителей съ побѣжденными, и совершенному уничтоженію владычества Свевовъ, приготовленному еще Леовигильдомъ (въ г. 584). Но тогда открылись новые источники неустройствъ. Католическое Духовенство въ прежнемъ бою съ Аріанствомъ пріобрѣло единство и силу, и возвысилось еще болѣе своею новою побѣдою надъ побѣдителями; оно старалось удержать избирательную форму правленія, чтобы имѣть Монарховъ отъ себя въ зависимости; многіе изъ нихъ стремились освободиться изъ-подъ опеки духовной, но гибли въ неровномъ бою, и въ такомъ положеніи до начала VIII вѣка была Испанія, когда Аравитяне, привлеченные внутренними ея раздорами, по вторже-

нiи въ сію страну, ниспровергли весь, дотолѣ существовавшій порядокъ вещей, и положили основаніе и своему долговѣчному владычеству надъ Пиренейскимъ полуостровомъ и столь же долговѣчнымъ боямъ, которыхъ Испанія была театромъ, отъ начала VIII до исхода XV вѣка.

24. Когда Одоакръ, предводитель Геруловъ, по низложеніи послѣдняго Римскаго Императора съ престола (г. 476), сдѣлался властелиномъ Италіи, страны, въ которой, доселѣ служилъ онъ Императору, то находился по видимому въ затрудненіи, какимъ образомъ дѣйствовать ему въ землѣ, пріобрѣтенной безъ боя и усилій. Съ одной стороны онъ принялъ титулъ Короля, съ другой искалъ и получилъ отъ Восточнаго Императора Зенона достоинство Патриція Римскаго. Онъ покровительствовалъ Римлянамъ, оставилъ имъ ихъ прежніе уставы; но взялъ для себя и для своихъ воиновъ треть земли въ собственность, и поставилъ себя въ непріязненное отношеніе съ природными жителями, составлявшими сущность народонаселенія его Государства, какъ сею мѣрою, такъ и въ особенности Аріанствомъ, которое въ Италіи, въ центрѣ Православія для народовъ Западной Европы, еще болѣе рѣзко отдѣлять должно было побѣдителей отъ побѣжденныхъ, нежели во всякой другой странѣ; притомъ его собственные сподвижники, и вмѣстѣ съ нимъ отселѣ владыки Италіи, составляли не націю, а смѣшанную толпу изъ разныхъ Германскихъ, и можетъ быть, нѣкоторыхъ не-Германскихъ народовъ: Геруловъ, Сциррovъ, Ругіевъ, Турцилинговъ, Алановъ, толпу, въ которой, слѣдовательно, трудно, почти невозможно было содержать порядокъ и сохранить природныхъ жителей отъ притѣсненій и насильства. Слѣдственно Государство Одоакра не имѣло основанія и не могло быть долговѣчно. На четырнадцатомъ году его властительства Теодорикъ, воспитанникъ Константинополя, владыка Остъ-Готовъ, жившихъ тогда по Савѣ и Дунаю, повелъ сей народъ (г. 489) на Италію, и народъ его пошелъ за любимымъ вождемъ съ радостію и надеждою на побѣду. Почти четыре года съ геройскимъ мужествомъ защищался Одоакръ противу врага могущественнаго, и палъ болѣе жертвою вѣроломства, чѣмъ открытой силы.

25. Теодорикъ, король Остъ-Готовъ, новый владыка Италіи, имѣлъ много преимуществъ передъ своимъ предшественникомъ. Треть Герульская досталась теперь ему, какъ побѣдителю, и слѣдственно онъ не имѣлъ необходимости насильствен-

нымъ захваченіемъ собственности у побѣжденныхъ удовлетворять своихъ сподвижниковъ; знакомый съ Римскимъ образованіемъ и умѣвшій цѣнить его, Теодорикъ, справедливо заслуживший названіе Великаго, своимъ правосудіемъ старался облегчить долю побѣжденныхъ, защищая ихъ отъ всякаго насилія со стороны своихъ Готовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожно отнявъ у побѣжденныхъ всякое средство къ возстанію. Глубокое уваженіе нравственнаго достоинства въ человѣкѣ, Готъ ли онъ былъ или Римлянинъ; любовь къ порядку и благочинію; рѣдкая умѣренность въ немъ, въ Аріанинѣ, касательно дѣлъ церковныхъ; дальновидная предусмотрительность въ отношеніяхъ въ другимъ Государствамъ и народамъ, въ дѣла которыхъ онъ искусно, но безъ вѣроломства и насилія вмѣшивался, то благоразумными внушеніями, то связями фамильными, то угрожающимъ движеніемъ вооруженныхъ силъ (22), пріобрѣли ему уваженіе у народовъ близкихъ и отдаленныхъ. Но 33 года его правительствованія (отъ 493 - 526) недостаточны были къ тому, чтобы положить твердое основаніе Государству, которое и не имѣло прочныхъ географическихъ границъ, облегая собою обѣ стороны Адріатическаго моря, и заключая на З. отъ онаго Италію и Сицилію, а на В. Иллирію и Далмацію до предѣловъ Эпира и Македоніи, и простираясь на С. за горы Альпійскія къ Дунаю; которое и не имѣло единства въ составѣ своего народонаселенія ни по племенамъ, ни по вѣроисповѣданію жителей. Съ кончиною Теодорика начались погибельныя смуты въ Остъ-Готіи, и если вслѣдствіе сихъ смутъ Государство не пало отъ войны междоусобной, то этому единственною причиною было, что въ сіе же время полумертвая Греческая Имперія, оказала признаки жизни и дѣятельности небывалой. Императоръ Юстиніанъ, въ 38-лѣтнее свое царствованіе (отъ 527 — 565) и безъ великихъ качествъ совершилъ великія дѣла, счастливый въ выборѣ тѣхъ людей, которые дѣйствовали его именемъ и пріобрѣли сему имени громкую многообразную славу и на полѣ бранномъ, и во внутреннемъ управленіи Государства, и на поприщѣ Наукъ и Художествъ. Побѣдитель страшнаго Хозроя, Царя Персидскаго (г. 529), руками Велизарія, Юстиніанъ, безопасный съ В., обратился на З. и имѣлъ планъ собрать находившіяся уже въ рукахъ варваровъ части Западной Римской Имперіи подъ свою державу, и возстановить вполнѣ и имя и достоинство Римскаго Императора. Вандальское Государство въ Африкѣ, гибнувшее

уже отъ собственнаго внутренняго разстройства, сдѣлалось его первою, легкою добычею (г. 533), и Велизарій, побѣдитель и Персовъ и Вандаловъ, обратился на покореніе Остъ-Готовъ (г. 535). Въ то время, когда Велизарій, покоривъ Сицилію, быстро и побѣдоносно шелъ по Италіи съ Ю. на С., Мундъ, другой полководецъ Императора, завоевывалъ для него Далмацію и Иллирію, часть Остъ-Готскаго Государства, отдѣленную отъ центра Державы Адріатическимъ моремъ. До 553 года продолжалась война, и Нарзесъ довершилъ то, чего не дали привести къ концу Велизарію и происки враговъ его, и мелкая зависть Юстиніана къ славѣ полководца, который разсѣявалъ полки непріятелей своимъ искусствомъ и мужествомъ, и покорялъ народы, пріобрѣтая опасное для Императора довѣріе ихъ, своимъ благородствомъ и снисходительнымъ великодушіемъ.

26. Но не надолго осталась Италія въ рукахъ Императора Греческаго. Опытъ доказалъ, что пріобрѣтеніе страны, разоренной многократными нападеніями варваровъ, опустошенной всего болѣе послѣднею, почти 20 лѣтнею войною, могло приносить много славы, но мало существенной пользы Имперіи, и что опасеніе новыхъ нападеній обязывало еще Императора къ бо́льшимъ издержкамъ и пожертвованіемъ для сохраненія завоеванной страны. — Пока живъ былъ Юстиніанъ, онъ, какъ виновникъ завоеванія, могъ довольствоваться одною славою и не жалѣть издержекъ. Преемникъ его, Юстинъ II, смотрѣлъ иначе на сіи отношенія. Требованія Нарзесомъ, который съ титуломъ Экзарха управлялъ Италіею, разныхъ пособій отъ Императора оставались часто безъ исполненія, или получали отказъ, оскорбительный для старика заслуженаго. Сіи обстоятельства съ одной стороны производили и усиливали неудовольствія между Дворомъ и Экзархомъ, а съ другой приводили сего послѣдняго въ необходимость искать средствъ около себя, и прибѣгать къ мѣрамъ строгимъ, иногда жестокимъ, чтобы сохранить завоеваніе, къ которому привязана была лучшая слава Нарзесова. Таковыя мѣры тѣмъ больше тягостными казались жителямъ Италіи, чѣмъ больше они надѣялись нажить для себя счастливые дни, освободясь отъ ига иновѣрныхъ варваровъ, чѣмъ живѣе помнили дѣйствительно счастливыя времена Теодорика. При такомъ положеніи дѣлъ не трудно было Лонгобардамъ покорить себѣ Италію. Не нужно предполагать, что огорченный Нарзесъ самъ пригласилъ ихъ овладѣть сею страною; положеніе Лонгобардовъ

само по себѣ объясняетъ необходимость ихъ движенія: тогда они жили на Дунаѣ, и истребивъ Гепидовъ, пришли въ опасное сосѣдство съ Аварами (20). Опасность сія тѣмъ могла быть болѣе для Лонгобардовъ, чѣмъ менѣе могли обозрѣть они могущество Аваровъ, которыхъ владычество простиралось далеко на В., теряясь въ странѣ другихъ, столь же многочисленныхъ и столь же страшныхъ ордъ ихъ Азіятскихъ соплеменниковъ. И таковое положеніе Лонгобардовъ на Дунаѣ, и извѣстное имъ приволье Италіи, и слабость средствъ, какія имѣлъ Нарзесъ къ защитѣ сей страны, и — можетъ быть, дѣйствительно его собственный призывъ, — все вмѣстѣ было достаточными причинами къ ихъ предпріятію на Италію. Подъ начальствомъ Короля своего, Албоина, они отправились туда (г. 568) съ смѣлыми надеждами; но сіи надежды не могли быть болѣе тѣхъ успѣховъ, какими ознаменовано ихъ первое вступленіе. Нарзесъ умеръ въ самое время ихъ вторженія; преемникъ его (Лонгинъ) въ робкомъ бездѣйствіи смотрѣлъ на опустошеніе страны; Императоръ Юстинъ, прикованный къ одру болѣзни, и занятый ближайшею опасностію: нападеніями Аваровъ, Персовъ и Мавровъ на Имперію въ Европейскихъ, Азіятскихъ и Африканскихъ областяхъ ея, не въ силахъ былъ помочь Италіи. И дикою толпою разлились Лонгобарды, грубѣйшее изъ Германскихъ племенъ, занявшихъ земли Западной Имперіи по всему полуострову отъ С. до Ю. Цѣль однако же была не совсемъ достигнута: Италія не досталась имъ *вся;* предводители дружинъ слишкомъ торопились вознаградить себя за трудъ завоеванія; брали земли по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтали оныя, и при самомъ началѣ раздробивъ свои силы и основавъ на полуостровѣ болѣе 30 разныхъ владѣній, сами поставили тѣмъ непреоборимое препятствіе къ полному владычеству надъ Италіею, и вмѣстѣ съ тѣмъ положили основаніе раздѣльности, въ какой страна сія осталась и до нашихъ дней.

27. На крайнемъ С. и на крайнемъ Ю. бывшаго Римскаго міра, лежали Британія и земли Сѣверной Африки. И въ сихъ странахъ основались новыя Государства, случайныя, странныя Государства, нечаянно основанныя, въ которыхъ господствующіе Германцы и подвластные природные жители ничего не имѣли общаго, кромѣ земли, по которой лилась ихъ кровь въ бояхъ жестокихъ, и кромѣ солнца, которое глядѣло съ высотъ небесныхъ на сіи мелкія тревоги людскія, освѣщая и согрѣвая одинаково и

жертвы и губителей. Всѣхъ далѣе отъ родины отброшены были судьбою Вандалы. Сей Германскій народъ, извѣстный еще Тациту подъ своимъ именемъ, придвинулся въ теченіе временъ и движеній народныхъ изъ Сѣверной Германіи къ Дунаю, откуда дружина Вандальская, соединясь, или случайно встрѣтясь съ дружинами Алановъ, Свевовъ и Бургундцевъ, перешагнула черезъ Рейнъ въ Галлію (г. 406). Три года Вандалы съ товарищами опустошали сію страну во всѣхъ направленіяхъ, и влекомые удальствомъ и жадностію добычи, перешли черезъ Пиренеи (г. 409), и повторили сего же рода подвиги въ Испаніи. Когда Вестъ-Готы вторгнулись въ Испанію (г. 415), Вандалы, и тѣснимые новыми враждебными пришельцами, и призываемые правителемъ Африканскихъ провинцій Западной Имперіи, Бонифаціемъ, желавшимъ отмстить ихъ рукою обиду, нанесенную ему Императрицею Плацидіею, оставили Испанію и отправились на берега Африканскіе. Съ надеждою безъ всякаго труда получить страну, за обладаніе которой не нужно было ни съ кѣмъ спорить, прибыли Вандалы въ древнюю Мавританію (г. 429); а между тѣмъ Бонифацій примирился съ Дворомъ, и встрѣтилъ призванныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вандалы приведены были въ крайнее положеніе: возвратиться ли въ оставленную Испанію, итти ли впередъ — и тамъ и тутъ, надобно было брать мечемъ и силою. При такихъ обстоятельствахъ, при хладнокровной ужасной рѣшимости вождя ихъ Гензериха: не щадя никого и ничего, достигнуть цѣли, для которой онъ былъ призванъ, для которой онъ привелъ съ собою не дружину, а народъ съ женами, дѣтьми и невольниками, понятны жестокости неслыханныя, совершенныя Вандалами и Маврами, которые къ нимъ присоединились, чтобы ужасно мстить Римлянамъ за свое долговременное рабство. Десятилѣтняя отчаянная брань передала Мавританію и Нумидію въ руки Гензериха (г. 439). Но и сіе странное Государство не имѣло другаго основанія, кромѣ личныхъ свойствъ своего перваго владыки, котораго непоколебимой воли въ теченіе полувѣка привыкли слушаться Вандалы, и трепетать народы побѣжденные. Со смертію его (г. 478) все измѣнилось. Съ необузданною жадностію предались Вандалы разрушительному наслажденію, скоро пріобрѣтенными богатствами; разслабляющее дѣйствіе климата Африканскаго изнѣжило суровыхъ сыновъ Сѣвера; природные жители съ пламенною, какъ знойное небо ихъ родины, ненавистію устремились на новыхъ властителей,

еще болѣе тягостныхъ, чѣмъ прежніе; безпорядки избирательнаго правленія дѣлали невозможнымъ принятіе прочныхъ мѣръ къ обезопасенію Державы, и Юстиніанъ воспользовался симъ положеніемъ Королевства Вандальскаго, чтобы съ него начать возвращеніе бывшихъ Римскихъ провинцій подъ свой скипетръ (25).

28. Отдаленная Британія весьма рано (г. 410) была оставлена Римлянами, поелику надежда удержать ее, при тогдашнемъ состояніи Имперіи, изчезла, и поелику легіоны, въ ней стоявшіе, и служившіе сколько къ удержанію сей страны въ повиновеніи, столько же и къ защищенію ея отъ сѣверныхъ хищныхъ, но воинственныхъ сосѣдей (Пиктовъ и Скоттовъ), понадобились для защиты самой Италіи отъ безпрерывныхъ вторженій Германцевъ. Но Бриты въ вѣки (отъ 43 — 410 г.) Римскаго надъ ними владычества, отвыкнувъ отъ дикой простоты своихъ прежнихъ временъ, отвыкли также и отъ прежнихъ доблестей, и не готовы были существовать въ качествѣ націи независимой. Возникнувшія между ними самими распри, лишили ихъ и послѣдней возможности защищаться отъ опустошительныхъ нападеній съ С., и хотя въ первыя времена они еще получали слабое пособіе отъ Римскихъ Намѣстниковъ въ Галліи, но вскорѣ симъ послѣднимъ не возможно стало удѣлять силы свои на защиту Британіи. Надежнѣе казались Британъ эти удальцы, которые съ ЮВ. на легкихъ челнахъ приплывали къ ихъ берегамъ для грабежа и добычи, и которыхъ нанимая, они надѣялись избавиться и отъ ихъ собственныхъ нападеній, и защититься ими отъ набѣговъ съ С.: это были Саксы и Англы, ихъ соплеменники, жившіе въ южной части нынѣшней Ютландіи. Подъ начальствомъ Генгиста и Горзы они прибыли (г. 449) въ Британію, дѣйствительно отбили Пиктовъ и Скоттовъ, но тотъ же мечь обратили скоро Саксы на самихъ Бритовъ, или, недовольные назначеннымъ имъ въ вознагражденіе за трудъ, СВ. небольшимъ уголкомъ Кента (*), или увлекаясь возможностію воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ Бритовъ и изъ наемниковъ сдѣлаться владыками. Тогда началась продолжительная борьба между пришельцами и туземцами; толпы многочисленныя и разнородныя приходили изъ Германіи, чтобы помогать соотечественникамъ, и дѣлиться съ ними добычею. Бриты оказали опы-

(*) Островъ Тэнтъ, образуемый рукавами рѣки Стауръ, впадающей въ Нѣмецкое море.

ты мужества и самоотверженія, но запоздалые опыты! Новые непріятели овладѣли ЮВ. и СВ. ихъ родины, и съ сихъ обоихъ пунктовъ сжимали, такъ сказать, Бритовъ подъ свою крѣпкую руку. Около 150 лѣтъ (г. 450 — 590) продолжалась опустошительная борьба, прежде чѣмъ рѣшилось первенство Англо-Саксовъ надъ Бритами; одно за другимъ основались семь владѣній Англо-Саксонскихъ въ Британіи; но западная часть страны оставалась еще долго неподвластною: Корнваллисъ почти до 1000, Валлисъ почти до 1300 года: здѣсь сохранялись еще и языкъ и народность Бритовъ; и въ покоренной части долго, долго еще отзывалась разница между побѣдителями и побѣжденными, въ угрюмой ненависти послѣднихъ и въ заносчивомъ чванствѣ первыхъ. Не повѣримъ, чтобы Саксы истребили всѣхъ природныхъ жителей въ ЮВ. Британіи; но что опустошеніе должно было быть велико, поймемъ, во 1-хъ, изъ того, что Христіанская вѣра, проникнувшая въ Британію еще въ III вѣкѣ, и уже значительно тамъ распространенная, почти совершенно была истреблена языческими Саксами, такъ что только въ исходѣ VI вѣка, вслѣдствіе торжественнаго обращенія къ Христіанству Короля Этельберта Кентскаго (г. 596), она снова начала распространяться; во 2-хъ, изъ того, что Латинскій языкъ, столь же распространенный и столь же слитый съ языкомъ природныхъ жителей въ Британіи, какъ напримѣръ въ Галліи и Испаніи, вытѣсненъ былъ языкомъ Нѣмецкимъ, такъ, что нынѣшній Англійскій языкъ есть въ существѣ Нѣмецкій, между тѣмъ какъ языки Французскій, Испанскій, Италіянскій суть въ существѣ Латинскіе. Слѣдственно и Британія въ эпоху, нами означенную, въ исходѣ V и въ началѣ VI вѣка, представляла — и еще на долго послѣ — страну безпорядочнаго броженія и борьбы разнородныхъ элементовъ будущей общественной жизни.

29. Таковъ былъ въ исходѣ V и въ VI вѣкѣ видъ ЮЗ. Европы. Сія часть древняго историческаго міра составляетъ главную часть онаго; что внѣ ея лежало, то (въ исходѣ V и въ VI вѣкѣ) или перестало, или не начинало (18, 19) еще существовать для Исторіи; между тѣмъ какъ сія страна сдѣлалась отселѣ, и надолго главнымъ театромъ событій въ будущемъ. Опередивъ восточную (Славянскую) Европу въ устройствѣ и образованіи, она передала ей впослѣдствіи отъ себя многое: она опредѣлила судьбу нашей части свѣта, и слѣдственно судьбу цѣлаго свѣта до нынѣшняго

времени и впредь до того времени, пока продолжится владычество Европы надъ прочими частями свѣта. А гдѣ предѣлъ сего владычества? Если въ наши времена надменное чадо побѣдъ и славы, Наполеонъ, говаривалъ, что Европа состарѣлась, и что ему уже «наскучила эта старая Европа (*),» которую онъ дерзновенно мечталъ перестроить по своему; если бы и въ самомъ дѣлѣ уже состарѣлась она и близка была къ тому времени, въ которое суждено ей утратить господство надъ другими частями свѣта; — не возврастаетъ ли юная Заатлантическая Европа въ Америкѣ, съ новыми средствами къ жизни и промысламъ, съ новымъ умѣньемъ пользоваться сими средствами, и вскорѣ, можетъ быть — съ новыми понятіями о жизни. Достойно Исторіи, слѣдственно, взглянуть на эту часть историческаго міра со внутренней стороны его.

(*) Cette vieille Europe m'ennuit!

ГЛАВА II.

Общій взглядъ на Югозападную Европу въ исходѣ V и въ VI вѣкѣ; элементы новаго Европейскаго общества: общество Римское свѣтское; общество Римское духовное; перевѣсъ послѣдняго надъ первымъ; Германскій элементъ въ составѣ новаго общества.

---

30. Самое изображеніе наружнаго вида ЮЗ. Европы (21—29) представляетъ, что въ исходѣ IV и въ V вѣкѣ ее составляли двѣ разнородныя стихіи: 1) *Міръ Римскій*, остатки учрежденій Римскихъ, пережившіе Имперію и сохранившіеся еще и въ общественной жизни, и въ домашнемъ быту народовъ побѣжденныхъ; 2) *Міръ Германскій*, обычаи и уставы внѣсенные побѣдителями. Новое общество Европейское и составилось изъ сихъ двухъ главныхъ стихій, въ разныхъ странахъ ЮЗ. Европы, въ разныхъ пропорціяхъ одна съ другою соединившихся: такъ въ Испаніи и въ Италіи *Римское* было въ бо́льшей пропорціи, чѣмъ *Германское;* въ Англіи и Германіи на оборотъ; въ Ю. Франціи опять Римское было въ бо́льшей пропорціи, между тѣмъ, какъ въ С. опять Германское. Міръ Римскій состоялъ также изъ двухъ разнородныхъ частей: a) изъ общества *Свѣтскаго* и b) изъ общества *Духовнаго;* каждое изъ нихъ руководствовалось своими правилами, жило и дѣйствовало по своимъ понятіямъ. Посему новое общество Европейское составилось изъ трехъ стихій: a) *изъ общества Римскаго свѣтскаго*, b) *изъ общества Римскаго духовнаго*, c) *изъ общества Германскаго.* Исторія образованія и устройства новаго Европейскаго общества и имѣетъ цѣлію показать: 1) какимъ образомъ каждая

изъ сихъ стихій устроивалась и вызрѣвала отдѣльно, и готовилась подчинить себѣ остальныя; 2) какимъ образомъ господству полному одного изъ сихъ элементовъ надъ двумя другими, сіи другіе противодѣйствовали, и симъ взаимнымъ противодѣйствіемъ сближались другъ съ другомъ; 3) какимъ образомъ вслѣдствіе сего сближенія, и сліянія другъ съ другомъ, сихъ разнородныхъ стихій, послѣ долгаго боренія образовались Государства благоустроенныя; тогда можемъ знать, какъ Европа XVI, XVII и XVIII вѣковъ произошла изъ Европы VI, VII, VIII и слѣдующихъ столѣтій.

31. *Общество свѣтское* держится прочностію уставовъ Государственныхъ, стройностію и порядкомъ въ управленіи. Общество свѣтское Римское не представляло, особенно во времена Республики, ни прочности уставовъ Государственныхъ, ни стройности и порядка въ управленіи, относительно къ тѣмъ землямъ, которыя покорены были Римлянамъ въ трехъ частяхъ свѣта. Римъ и тогда, какъ былъ онъ уже владыкою цѣлаго историческаго міра, не переставъ быть *городскою общиною*, (minicipium) какъ онъ былъ въ первые вѣки по своемъ основаніи. Правленіе Римское было въ началѣ совокупность постановленій, приспособленныхъ для людей живущихъ въ городѣ, и это не было принадлежностію одного Рима, а таковъ былъ образъ жизни во всей Италіи, такъ, что различные народы Италіянскіе, съ которыми Римляне вели войны, были не что другое, какъ союзы (конфедераціи) городовъ. Латины, Этрусски, Самнитяне, народы Великой Греціи, были конфедераціи городовъ Латинскихъ, Самнитскихъ, Этрусскихъ; деревень въ нынѣшнемъ значеніи сего слова, не было въ древней Италіи: поля принадлежали городскимъ жителямъ, которые приходили ихъ обработывать, и иногда содержали среди полей своихъ, нѣкоторое количество рабовъ. Таковую же физіономію имѣли и Галлія и Испанія въ то время, какъ онѣ дѣлаются извѣстными черезъ Римлянъ и подъ ихъ властію. Слѣдственно владычество Римлянъ надъ міромъ, не было владычество націи, которая бы, восторжествовавъ силою оружія и политики надъ своими непріятелями, сдѣлалась націею господствующею, и передала бы свою народность побѣжденнымъ; а было владычество города надъ множествомъ другихъ городовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ странахъ извѣстнаго тогда свѣта. Жители сего владѣтельнаго города смотрѣли на земли, ими покоренныя, какъ на свои помѣстья; видѣли въ нихъ источники, легкаго для себя набогаще-

нія, и мало заботились о благосостояніи сихъ земель, ввѣряя управленіе оныхъ по-годно смѣняемымъ чиновникамъ, Префектамъ, которые—кочевые тираны—старались пользоваться краткимъ срокомъ своей власти, чтобы набогатиться съ толпою подчиненныхъ имъ чиновниковъ. Посему въ Римской Республикѣ не было союза Государственнаго; каждый городъ, какъ въ Италіи, такъ особенно внѣ Италіи, составлялъ собою особую общину, готовую отдѣлиться при первомъ случаѣ, и Республика Римская неминуемо распалась бы на нѣсколько мелкихъ республикъ, если бы этотъ шаткій союзъ не скрѣпленъ былъ властію единодержавною. Со временъ обращенія Республики въ Имперію, дѣйствительно больше замѣтно единства въ управленіи, а потому и прочности въ общественномъ союзѣ, поелику съ утвержденіемъ Императорской власти, утвердилась центральная власть, выше Префектовъ, и кольми паче выше толпы тѣхъ мелкихъ чиновниковъ, которые изъ властительнаго Рима разсѣявались по Римскому міру. Посредствомъ Іерархіи чиновниковъ гражданскихъ, и посредствомъ постоянно содержимыхъ въ провинціяхъ военныхъ силъ, Имперія держалась, и долго, борясь и со внутреннимъ, неизбѣжнымъ при такомъ составѣ общества разстройствомъ, и съ непріятелями внѣшними, наносившими ей съ разныхъ сторонъ удары. И дѣйствительно отъ I до III вѣка ощутительно стало нѣкоторое улучшеніе въ состояніи провинцій, улучшеніе, обнаруживавшееся въ возвышеніи благосостоянія городовъ въ подвластныхъ провинціяхъ. Но сіе возвышеніе опять было не прочно; народы покоренные не возродились для существованія самобытнаго, и ужасы событій III вѣка въ самомъ Римѣ погубили все, и тогда не помогли ни умъ и искусство Діоклетіана, ни намѣреніе Константина оживить и освятить развращенное и такъ сказать, мертвое Римское общество новою, истинною вѣрою; ни высокія качества Юліана, принесшія болѣе вреда, нежели пользы Имперіи. По мѣрѣ (*) того, какъ Имперія, или лучше, какъ власть Императорская, идеею которой только еще и держалось сіе общество, ослабѣвала; по мѣрѣ того, какъ она видѣла себя добычею большихъ и большихъ опасностей и внутреннихъ и внѣшнихъ, нужды ея дѣлались и больше и неотвратимѣе; ей надобно было и больше денегъ и больше людей, больше средствъ

(*) Гизо.

всякаго рода для дѣйствованія; она требовала больше отъ народовъ покоренныхъ и въ то же время менѣе могла заниматься ихъ судьбою. Императоры чтобы противиться варварамъ, посылали больше войскъ на границы, и тѣмъ меньше могли оставить оныхъ, для содержанія порядка внутри; доходы, собираемые съ провинцій, издерживались ими больше въ Константинополѣ или въ Римѣ, для того, чтобы ими купить союзниковъ, или удовлетворить жадности опасныхъ придворныхъ, и меньше употреблялись на предметы управленія провинцій. Такимъ образомъ власть Императоровъ сдѣлалась слабѣе, и въ то же время взыскательнѣе; приведена въ необходимость брать много, но не имѣла способовъ оградить и то не многое, чего она не брала. Сіе двоякое зло вполнѣ обнаружилось въ исходѣ IV вѣка. Въ сію эпоху не только остановилось всякое преспѣяніе общества, но сдѣлалось замѣтнымъ, что оно идетъ назадъ; варвары вторгаются со всѣхъ сторонъ, и полчища ихъ проходятъ и опустошаютъ внутренность областей; народонаселеніе убываетъ, особенно въ деревняхъ; въ городахъ сооруженія на пользу общую прекращаются, украшенія останавливаются; свободные люди стараются искать покровительства какого нибудь сильнаго человѣка; всюду обнаруживаются признаки упадка Правительства и опустошенія земель управляемыхъ. Зло до того увеличилось, что Имперія Римская уже находила себя не въ состояніи существовать; она отозвала свои войска; она объявила провинціямъ, Британіи, Галліи: «я не могу васъ болѣе защищать, защищайтесь сами.» Вскорѣ она сдѣлала еще болѣе: она совершенно перестала управлять; Правительство удалилось точно такъ же, какъ удалилось войско. Сіе совершилось въ половинѣ V вѣка. Имперія Римская сжимается со всѣхъ сторонъ, и оставляетъ провинціи, съ такимъ трудомъ нѣкогда завоеванныя, или въ добычу варварамъ, или на произволъ собственной судьбы ихъ.

32. Сей образъ внутренняго состоянія Имперіи въ V вѣкѣ показываетъ, что *общества*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. соединенія людей, хотя и раздѣленныхъ на разные классы, но принадлежащихъ къ одной націи, и живущихъ подъ защитою своихъ національныхъ законовъ, не было въ Римскомъ Государствѣ ни во времена Республики, ни даже во времена Имперіи, хотя въ этотъ періодъ наружный союзъ частей казался гораздо крѣпче прежняго. Кромѣ толпы чиновниковъ, ни душею, ни мы-

слію не принадлежавшихъ къ тѣмъ провинціямъ, въ которыхъ они жили по должности, классъ Декуріоновъ, т. е. классъ городскихъ жителей, которые имѣли поземельную собственность около 6 десятинъ (*), составлялъ еще сословіе, пользовавшееся особыми правами, имѣвшее свое городское управленіе; но ихъ привиллегіи до такой степени поглощаемы были тягостями на нихъ лежавшими (**), что не только ни кто не льстился поступать въ сословіе Декуріоновъ, но изъ него старались выходить всѣми мѣрами, и нужны были особые понудительные законы, чтобы остановить сіи выходы; слѣдственно и сіе сословіе, не пополняясь со стороны, должно было естественно убывать въ числѣ, и слабѣть въ силѣ, не бывъ въ состояніи ни управлять обществомъ, ни защищать его. Еще менѣе могъ спасти и переродить Римскій міръ собственно народъ, Плебеи, заключавшіе въ себѣ всѣ прочія сословія жителей провинцій, не принадлежавшія къ сословію Декуріоновъ или къ классу рабовъ: мелкіе владѣльцы земли, купцы и ремесленники, люди безправные и безгласные. По сему именно только сословіе чиновниковъ собою держало, по наружности, союзъ общественный; когда сей правительственный механизмъ, не изъ внутренняго устройства общества происшедшій, а такъ сказать, снаружи къ нему приложенный и чуждый ему, разстроился, тогда и части Имперіи, не имѣвшія внутренней связи, отстали одна отъ другой, и Римскій міръ по паденіи Имперіи, обратился въ то состояніе, изъ котораго произошелъ онъ: Римская Республика, такъ какъ и Римская Имперія, была суммою *отдѣльныхъ городскихъ общинъ*, подъ верховнымъ владычествомъ города Рима; владычество Рима уничтожилось, *отдѣльныя городскія общины остались*. Но что-жъ осталось въ сихъ общинахъ, и что осталось и вообще въ провинціяхъ Римскихъ? Ни народа, ни Правительства; Императорское правленіе пало; сословіе горожанъ не въ большемъ числѣ, безъпромышленности, безъ правъ и безъ обороны того и другаго; однимъ словомъ въ эпоху разрушенія Римской

(*) 25 югеровъ.

(**) Напримѣръ: на нихъ возлагался сборъ податей въ казну и со своего сословія, и со всего народонаселенія округа, принадлежащаго къ ихъ городу; но они же своимъ имуществомъ отвѣчали за исправную уплату сихъ податей.

Имперіи общества не было, а была только масса людей для составленія новаго общества.

33. Среди сего разрушившагося свѣтскаго Римскаго общества, возникло въ то же время *общество духовное*, получившее устройство свое прежде, чѣмъ разрушеніе началось и совершилось (15). Въ лицѣ Константина Великаго Христіанская вѣра вступила на престолъ Имперіи, и сею-то святою вѣрою Императоръ надѣялся переродить, пересоздать, уже близкое тогда къ разрушенію Римское общество. Надежды его не сбылись однакожъ! Едва воздвигъ Константинъ знаменіе креста, и надѣялся связать части Имперіи единомысліемъ религіознымъ, Арій раздѣлилъ церковь, и расколы, бывшіе прежде мелочными распрями, мало обращавшими на себя вниманіе Правительства, сдѣлались отселѣ предметомъ раздѣленій государственныхъ; гоненія на Христіанъ кончились; но начались преслѣдованія ересей, потрясавшихъ Государство во всѣхъ его основаніяхъ. Этотъ міръ (*) былъ слишкомъ испорченъ, слишкомъ наполненъ пороками, жестокостію, неправдою; слишкомъ упоенъ былъ своими ложными богами и своими зрѣлищами, и потому не могъ быть совершенно перерожденъ Христіанствомъ. Новая вѣра требовала новыхъ народовъ; надобно было для чистоты Евангелія, чистоту людей дикихъ, для простой вѣры, сердца простыя, какъ сія вѣра. Сверхъ того, послѣ кончины Константина, въ теченіе 24 лѣтъ (гг. 337 — 361) Имперія представляла позорище злодѣйствъ и безпорядковъ внутри, и параллельно имъ, усугубившихся смѣлыхъ и губительныхъ нападеній непріятелей внѣшнихъ. Въ теченіе сего мрачнаго времени, сыновья Константиновы, не наслѣдовавшіе ни ума, ни дѣятельности родителя, и не способные понять его великихъ намѣреній, въ бѣшенствѣ страсти, истребляли и другъ друга и прочихъ членовъ своего семейства, а племянникъ Императора, Юліанъ, рожденный съ великою душею и глубоко въ душѣ своей, огорченный зрѣлищемъ того, что совершалось передъ его глазами и чего онъ остановить не могъ, утѣшалъ духъ свой въ бѣдствіяхъ настоящаго, переносясь мыслію ко временамъ Древности, которой великіе писатели были его любимыми собесѣдниками. Юліанъ смутился духомъ, и въ заблужденіи приписывалъ несчастія и злодѣйства на-

(*) Шатобріанъ.

стоящаго, перемѣнѣ обычаевъ и въ особенности перемѣнѣ вѣры; и въ заблужденіи полагалъ, что, возвратясь къ вѣрѣ предковъ, онъ воскреситъ и доблести предковъ: здѣсь источникъ его несчастнаго отступничества, и его усилій, когда онъ сдѣлался Императоромъ (г. 361), утвердить снова язычество въ Имперіи. Хотя сіи усилія были кратковременны, и послѣ смерти Юліана (г. 363) Христіанство снова восторжествовало, и на вѣки, надъ язычествомъ, но тѣмъ не менѣе Юліанъ былъ виновникомъ, новаго и сильнаго потрясенія во всемъ Государствѣ, котораго составъ былъ уже столь сильно разстроенъ.

34. Такимъ-то образомъ утвердилась новая вѣра среди устарѣлаго общества. Еще не проникнула сія новая вѣра въ составъ его, еще не обняла онаго. Общество удерживало свой языческій бытъ и въ уставахъ публичной и въ обычаяхъ домашней жизни; но тѣмъ не менѣе съ начала IV вѣка (г. 325) Христіанская вѣра сдѣлалась въ Римской Имперіи вѣрою государственною, и съ тѣхъ поръ утвердилось управленіе церковное. Сословіе духовныхъ составило особый классъ людей въ обществѣ Римскомъ; опредѣлена постепенность духовнаго чиноначалія; духовенство получало свои доходы, имѣло свои соборы (сеймы), областные и государственные (вселенскіе); предметы сихъ соборовъ были и дѣла, касавшіяся догматовъ вѣры, и дѣла касательно управленія церковнаго; однимъ словомъ, духовенство составило общество полное, имѣвшее всѣ средства существованія независимо отъ того общества, среди коего оно возникло. Но сіи учрежденія и сіи уставы управленія церковнаго не скоро могли получить свою прочность и зрѣлость. Церковь въ отношеніяхъ своихъ къ обществу, требовала на каждомъ шагѣ защиты и покровительства гражданскихъ правительствъ, которыя она уже нашла существующими и устроенными. Императоръ былъ главою церкви; самые соборы церковные производились по его повелѣнію, не рѣдко подъ предсѣдательствомъ его собственнымъ, или его уполномоченнаго; Императоръ опредѣлялъ самые предметы разсужденій, и сіе положеніе подчиненности Императорской власти удержала церковь Восточная во-все время существованія Греческой Имперіи, не смотря на то, что и въ ней власть Императорская, при несчастномъ состояніи Государства, была въ великой слабости: здѣсь характеристическая разница между церковію Во-

сточною и Западною. Западная Имперія пала (*); Короли въ тулупахъ заняли мѣста Императоровъ въ порфирѣ; церковь не питала къ нимъ такого уваженія, какъ къ прежнимъ своимъ владыкамъ и покровителямъ; она не рѣдко должна была бороться съ ними и стараться не давать ни имъ, ни ихъ воинственной грубой дружинѣ, участія въ дѣлахъ своего управленія, и сія самая борьба ее усилила. Здѣсь зарожденіе той независимости, въ которую поставила себя впослѣдствіи церковь Западная отъ свѣтской власти.

35. И такъ, когда въ V вѣкѣ, еще прежде окончательнаго паденія Западной Имперіи, Римскаго общества не стало, потому, что не стало Правительства Римскаго; когда тѣ классы людей, которые по своему состоянію и по своей образованности занимали высшія степени общества, погибали, уменьшась чрезвычайно въ числѣ, лишась совершенно и своего вліянія на общество и своихъ правъ; когда тѣ люди изъ сихъ классовъ, которые сохраняли еще нѣкоторую силу духа и дѣятельность нравственную, старались входить въ сословіе духовныхъ, какъ въ единственное сословіе, которое представляло какое нибудь устройство, какіе нибудь способы, къ усовершенствованію природы человѣческой; когда оставалось въ провинціяхъ только простолюдство бѣдное и невѣжественное: тогда естественно, что вся масса народонаселенія, должна была смотрѣть на духовныхъ, какъ на единственныхъ своихъ законныхъ правителей и руководителей; естественно, что Архіепископы и Епископы по городамъ сдѣлались какъ бы градоначальниками и судіями, и тѣмъ удобнѣе, что и во времена Императорскія Епископы завѣдывали уже многими отраслями гражданской власти, по дѣламъ судимъ. Сіе преимущество духовнаго общества надъ свѣтскимъ, произведено было не одними обстоятельствами, а дѣйствительнымъ превосходствомъ перваго надъ послѣднимъ. Лучшіе (**) люди погибшаго свѣтскаго общества старались по возможности уединить себя отъ бурь и бѣдствій жизни; старались сосредоточить около себя свои наслажденія, и жизнь ихъ могла быть пріятна, разнообразна и тиха, но чувственна, исполнена эгоизма, чужда всякаго важнаго занятія, безплодна

(*) Гизо.

(**) Гизо.

для общества. Лучшіе люди изъ общества духовнаго, жили среди народа, въ занятіяхъ важныхъ, общеполезныхъ, всякой разъ обнаруживавшихъ вліяніе на жизнь и судьбу народа. Предметы умственныхъ занятій для тѣхъ изъ свѣтскихъ людей, которые еще не чуждались сихъ занятій, были мелочные литературные труды, тонкости грамматическія, какія нибудь ораторскія рѣчи на разные случаи, какія нибудь произведенія мелочной поэзіи: эпиграммы, эпитафіи, идилліи, какія нибудь историческія хроники безъ жизни и безъ духа. Напротивъ предметы умственныхъ занятій духовныхъ, касались важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни: нравственности, политики, философіи, и въ то время, когда упадали училища свѣтскія, уменьшаясь и въ числѣ своемъ и въ числѣ учащихся, стѣснялись и въ предметахъ ученія, и по обширности и по содержанію оныхъ, учреждались монастыри (съ V вѣка) и въ нихъ училища духовныя, въ которыхъ ученіе приготовляло людей къ будущимъ ихъ важнымъ занятіямъ, и которыя сдѣлались вскорѣ единственными хранилищами человѣческихъ познаній. По сему на сторонѣ общества свѣтскаго совершенный недостатокъ союза, совершенная раздѣльность въ жизни, ограниченіе умственной дѣятельности предметами почти ничтожными, немогшими содѣйствовать ея дальнѣйшему развитію и усовершенствованію, или полный упадокъ сей дѣятельности; на сторонѣ же духовнаго общества, полнота жизни, ревностная дѣятельность важныя занятія, умственная крѣпость соединенія, безпрерывное развитіе. Удивительно ли, что послѣ паденія Имперіи общество духовное, возраставшее и усиливавшееся и совершенствовавшееся, имѣло такой перевѣсъ надъ обществомъ свѣтскимъ, и что при упадкѣ Правительства, духовные явились правителями оставшагося около нихъ народа? И сіе обстоятельство было благодѣтельно для тогдашнихъ народовъ Западной Европы. Уже и то одно представляло несмѣтныя выгоды, что среди силы матеріяльной, которая ринулась въ сіе время на общество, существовала сила нравственная, сила, основанная единственно на убѣжденіи, вѣрованіи и чувствованіяхъ нравственныхъ. Если бы не существовала Христіанская церковь, цѣлый міръ сдѣлался бы жертвою силы матеріяльной; церковь одна оказывала могущество нравственное; она дѣлала еще болѣе: она поддерживала, распространяла идею правила, закона, высшаго всѣхъ законовъ человѣческихъ, и тѣмъ самымъ смиряла, останавливала дѣйствіе физической силы.

36. Изъ всего прежденложеннаго (18—34) выводится слѣдующее: Германцы водворяются (21 — 28) въ областяхъ Римскихъ въ исходѣ V и началѣ VI вѣка и находятъ въ нихъ остатки Римской жизни; находятъ уже совершенно разстроенное *общество свѣтское* (31 — 32) безъ хранительнаго попеченія власти верховной, безъ законовъ и постановленій, скрѣпляющихъ союзъ его и ограждающихъ его прочность; устроенное *общество духовное* (33, 34, 35, возвышавшееся и внутреннею крѣпостію, и вліяніемъ своимъ на умы народа, и естественно получившее въ свои руки власть правительственную при отсутствіи настоящей власти. Въ такомъ состояніи застали варвары Римскій міръ, когда пришли взять оный во владѣніе. Они внесли съ собою въ свои новыя жилища, свои *уставы и обычаи*, и сіи-то уставы и обычаи суть третій элементъ, вошедшій въ составъ общественной жизни, Европейскихъ новыхъ народовъ Должно, слѣдственно представить въ главныхъ чертахъ, бытъ завоевателей на родинѣ, чтобы знать, что они внесли съ собою въ свои новыя жилища.

ГЛАВА III.

Взглядъ на Германію по понятіямъ Римлянъ; бытъ Германцевъ на родинѣ; мирныя и военныя учрежденія ихъ; Гелеты; особенная важность ихъ и на родинѣ и въ Римскихъ областяхъ.

---

37. Страна, которую Римляне со временъ Имперіи стали называть Германіею, ограничивалась на Ю. Дунаемъ, до того мѣста, гдѣ онъ (ниже устья Грана) перемѣняетъ свое теченіе и идетъ къ Ю.; на З Рейномъ; на С. моремъ. В. невѣдомъ былъ Римлянамъ; съ этой стороны они никогда не приближались къ Германіи, и потому не точно опредѣляли здѣсь ея границу. Согласуя однако же разныя извѣстія ихъ различныхъ писателей, можно принимать границею Римской Германіи съ сей стороны р. Вислу, при которой сосѣдствовали и смѣшивались между собою Германскія и Сарматскія (Славянскія) племена. Сія страна обитаема была народомъ, который, подобно другимъ народамъ, несоединеннымъ въ общество благоустроенное, вѣроятно не имѣлъ одного общаго названія, или, если имѣлъ какое нибудь, то назывался Тейтами или Тейтшами (Teutsche). Римляне именовали сей народъ Германами, услышавъ, что Галлы такъ называли своихъ безпокойныхъ сосѣдей, Тунгровъ, перешедшихъ къ нимъ изъ-за Рейна; названіе перенятое у Галловъ Римлянами, и приданное сими послѣдними всему народу, жившему къ С. отъ Дуная и къ В. отъ Рейна, сдѣлалось историческимъ именемъ сего народа.

38. Германы, или Германцы, должны быть признаваемы за пер-

вобытныхъ обитателей своей страны; Исторія не знаетъ ни мѣста, гдѣ бы они жили прежде, ни времени, въ которое бы переселились въ эту землю. Они жили въ своей отчизнѣ, раздѣленные на разныя поколѣнія, и Римскіе писатели насчитываютъ въ Германіи болѣе 60 народовъ, разноименныхъ, но единоплеменныхъ. Изъ сего раздробленія поколѣній ясно, что Германцы далеки еще были отъ полнаго устройства государственнаго; но изъ самихъ же Римскихъ писателей ясно также и то, что народъ сей былъ не кочевой, и тѣмъ болѣе не дикій, а *осѣдлый*, по крайней мѣрѣ бо́льшею частію, народъ; ибо онъ занимался хлѣбопашествомъ, при которомъ невозможна бродячая жизнь. Но хлѣбопашество и промыслы, къ нему близкіе и съ нимъ сходные, были ихъ единственными промыслами; потому образованность была малая; нравы суровые и грубые; потому также мало было и изобилія въ предметахъ потребностей житейскихъ, ибо достояніе людей составляли болѣе, добровольные дары природы, однородные, или по крайней мѣрѣ сходные у всѣхъ; а богатство народа состоитъ не въ большомъ количествѣ предметовъ, годныхъ къ употребленію, а въ большомъ ихъ разнообразіи. Симъ промысломъ опредѣлялся и образъ жизни и весь бытъ Германцевъ. Поземельная собственность была единственнымъ источникомъ богатства для всѣхъ; различіе въ обширности поземельнаго владѣнія производило и различіе состояній; отъ сего *три* класса, составлявшіе собственно націю: 1) *Оделинги*, или *Аделинги* (Adeling), имѣвшіе большіе участки земли, такъ, что они не имѣли ни средствъ, ни надобности обработать все то, что было въ ихъ владѣніи; 2) *Фрилинги* (Fryling), владѣвшіе небольшими участками, которые они могли обработывать сами, и которые были достаточны для ихъ безбѣднаго содержанія; 3) *Гинтерзассы* (Hintersassen) или *Литы* (Liten, Leute, *Людины*), неимѣвшіе вовсе земли, или, можетъ быть, имѣвшіе столь малые участки, что они вовсе недостаточны были для ихъ содержанія, и потому бравшіе землю въ *кортому* (*) у тѣхъ, которые имѣли оную въ избыткѣ, платя за кортому или личными услугами, или частію пло-

(*) Да позволено мнѣ будетъ употребить это провинціяльное слово, значащее въ Приволжскихъ Губерніяхъ именно то, что называется Pacht, fermage, переводимыя у насъ словами; *откупъ*, *наемъ*; сіи слова, принадлежа не одному земледѣльческому промыслу, не выражаютъ, мнѣ кажется, въ точности того, что значитъ Pacht, fermage.

довъ, съ земли собираемыхъ. Сіи три класса, были люди свободные; кромѣ ихъ были: 4) *рабы*, классъ, составившійся изъ плѣнниковъ, которые у всѣхъ полудикихъ народовъ считаются военною добычею и раздѣляются между побѣдителями. Владѣльцы земель жили среди своихъ полей; отъ того жилье каждой фамиліи было отдѣльное; отъ того въ древней Германіи, не было ни городовъ, и не могли они возникнуть, пока земледѣліе было единственнымъ промысломъ; ни даже, вѣроятно, деревень, въ нашемъ смыслѣ слова, а разсѣянные хутора покрывали обработанное пространство Германіи; остальное занимали дремучіе лѣса, озера, болота непроходимыя, и болѣе суровое, чѣмъ нынѣ, небо простерто было надъ сею, тогда суровою страною.

39. Между тѣмъ, легко представить можно, что жители хуторовъ, находившихся между собою въ бо́льшемъ, чѣмъ съ другими, сосѣдствѣ, имѣвшихъ, напримѣръ, общее священное мѣсто для отправленія своихъ религіозныхъ обрядовъ, общій лѣсъ для своего пользованія, общее озеро или рѣку для своего рыбнаго промысла и для своего сообщенія, должны были по необходимости находиться между собою въ разныхъ сношеніяхъ, и составлять собою, какъ бы одно цѣлое въ отношеніи къ другому соединенію такихъ же хуторовъ. Таковыя соединенія назывались *волостями* (Gau), и каждая волость, составляя собою цѣлое, имѣла и свое собственное имя, такъ, что жители ея, по имени составляли особый народъ, отдѣльный отъ жителей другой волости: отъ того такое множество названій народовъ у Римскихъ писателей. Каждая волость должна уже была имѣть непремѣнно общія правила, обычаемъ укорененныя и мнѣніемъ охраняемыя, для опредѣленія правъ и обязанностей всѣхъ людей, къ ней принадлежащихъ. Таковыя правила опредѣлялись на общемъ собраніи владѣльцевъ хуторовъ, и сіи собранія бывали у иныхъ еженедѣльно, у другихъ ежемѣсячно; они назывались Gautag (волостной день) или Mahl (пиршество), можетъ быть, отъ того, что Германцы, устроивъ дѣла свои, оставались еще и послѣ собранія, для пиршества. Для предсѣдательствованія на собраніи избирался *Старшина*, Grau, Grav, *Графъ*, названіе, которое потомъ, какъ и другія названія должностей у Германцевъ, обратилось въ титулъ наслѣдственный; онъ предлагалъ предметы для совѣщанія; онъ наблюдалъ и за тѣмъ, чтобы опредѣленія собранія приводимы были въ исполненіе. Помощниками его были *Маркграфы* или *Центграфы* (Сотскіе), подоб-

но ему старшины въ собраніяхъ округовъ, (Марки, Marken), на которые раздѣлялась волость; а подъ ними *Тунгины* (Тіуны, Десятскіе) старшины надъ небольшимъ числомъ (напр. надъ десятью) сосѣдственныхъ хуторовъ, составлявшихъ *общину* (Gemeinde). Всѣ сіи достоинства были, по крайней мѣрѣ въ началѣ, избирательныя, ибо въ древней Германіи не существовало между владѣльцами поземельной собственности ни какихъ правомѣрныхъ преимуществъ, другъ предъ другомъ, кромѣ тѣхъ преимуществъ, которыя происходили между ними отъ неравенства имѣнія, отъ неравенства силъ духа, отъ неравенства заслугъ ихъ самихъ или ихъ предковъ.

40. Но подлѣ сихъ мѣръ, для сохраненія безопасности внутренней, необходимы и мѣры для огражденія внѣшней безопасности. У Германцевъ учрежденія гражданскія не разнились съ военными. На волостныхъ собраніяхъ всѣ были вооружены, такъ, что сіе собраніе, для распоряженій внутреннихъ составлявшееся, имѣло вмѣстѣ и видъ военнаго лагеря, и цѣлый бытъ Германскихъ народовъ представлялъ двѣ стороны: одну мирную, другую воинственную. Каждый свободный житель волости былъ непремѣнно вмѣстѣ и воинъ; оружіе составляло и красу и неотъемлемую принадлежность всякаго свободнаго человѣка, и въ волостныхъ собраніяхъ оно возлагаемо было на юношей, съ разными торжественными обрядами. Германецъ со стороны своего военнаго назначенія, назывался *защитникъ* (Wehr), и всѣ титулы, изъ общественныхъ отношеній происшедшіе, имѣли еще особыя значенія въ отношеніи къ войнѣ. Глава собранія (Графъ) назывался *Военачальникомъ*, *Воеводою* (Герцогъ, Herzog), подчиненные ему Маркъ или Центграфы, *Предводителями* (Führer, Fürsten). Не всегда сіи достоинства были неразлучны: иныхъ качествъ требовалось отъ Предсѣдателя собранія для мирныхъ внутреннихъ распоряженій, и опять иныхъ для предводительствованія воинствомъ. Не рѣдко нѣкоторыя сосѣдственныя другъ другу волости составляли, добровольно или по неволѣ, между собою союзъ для взаимной обороны, и для совокупнаго нападенія; таковой союзъ назывался *Верманнея* (Wehrmannei) и начальникъ онаго именовался Король (Chunig, König). Такова была Верманнея Тунгровъ, вторгнувшихся черезъ Рейнъ въ Галлію, и покорившихъ СВ. часть ея. Галлы сочли названіе Верманнеи за собственное имя своихъ новыхъ сосѣдовъ; стали ихъ по своему называть *Германнеи;* Римляне (при Цесарѣ) услышали это имя: отсюда

названіе *Германіи*. Войны Римлянъ съ Германцами, и были войны ихъ съ подобными Верманнеями, которыя опять получали какія нибудь общія наименованія, въ коихъ исчезали уже названія частныя волостей до-того, что съ III вѣка по Р. Х. совершенно не слышатся частныя наименованія, и вмѣсто нѣсколькихъ, десятковъ разныхъ народныхъ названій, Исторія слышитъ только имена и дѣла Аллемановъ (Allemannei) Франковъ, Саксовъ, Готовъ, и когда Готы выдвинулись изъ Германіи, еще нѣкоторыя другія (немногія) наименованія, несомнѣнно наименованія подобныхъ же Верманней.

41. Верманнеи имѣли преимущественно оборонительное назначеніе; но въ націи, раздѣленной на множество отдѣльныхъ народовъ, не могло быть въ поводахъ недостатка къ войнѣ; долговременная брань съ Римлянами составила изъ войны постоянное занятіе на цѣлыя 600 лѣтъ; посему не было недостатка въ случаяхъ, питавшихъ страсть къ военной славѣ, такъ, что Германцы считали войну единственнымъ занятіемъ, достойнымъ свободныхъ людей; личная храбрость, сила и искусство въ бояхъ были единственными качествами, которыя давали Германцу право, на уваженіе между соотечественниками, и на великое вліяніе и въ дѣлахъ общественныхъ. Отъ того легко произошли въ волостяхъ особенныя учрежденія, непринадлежавшія однако же къ составу волости: это были военныя дружины, называвшіяся *Гелейтами* (Geleit), имѣвшія величайшее вліяніе на судьбу тогдашняго міра. Аделингъ, имѣвшій много земли, и съ избыткомъ обезпеченный въ своемъ содержаніи; праздный, потому что земля его была обработываема Гинтерзассами и рабами, собиралъ около себя такую дружину, и ходилъ съ нею или противу непріятелей своей волости, или на помощь другимъ волостямъ, или, когда начался долговѣчный бой съ Римлянами, противу Римлянъ. Подобный Гелейтъ составлялся: a) изъ Гинтерзассовъ Аделинга, которые иногда по условію за землю, имъ данную въ кортому, обязаны были сопровождать его на войну; b) изъ молодежи, влекомой и собственнымъ удальствомъ, и славою вождя, и желаніемъ добычи; c) изъ другихъ свободныхъ людей, также подобными чувствами наполненныхъ. Члены таковыхъ Гелейтовъ назывались *людьми* (Lieten, Leute) своего вождя; Гелейтъ уже выходилъ изъ состава волости; принадлежалъ единственно своему вождю, давалъ ему клятву ненарушимой вѣрности, и безпрекословнаго повиновенія во всѣхъ дѣлахъ, до войны относящихся, но состоялъ изъ людей свободныхъ, которые могли оставить Гемейтъ, такъ же до-

бровольно, какъ доброльно въ него вступили, и которые вознаграждались за свое участіе въ предпріятіяхъ вождя, добычею, опредѣленною по жеребью. Такимъ образомъ Гелейты, составляли особенныя подвижныя общества, хотя и находившіяся среди волости, но имѣвшія свои уставы, свою постепенность властей, свои собранія, на которыхъ дружина и вождь совѣщались о предпріятіяхъ военныхъ. Безпрерывная опасность, въ которой волости находились отъ Римлянъ, сдѣлала сіи учрежденія постоянными, придала имъ особенную важность, такъ, что сами Короли Верманней дѣлались начальниками Гелейтовъ, и — вѣроятно — волость, или Верманнея, сама давала Королямъ часть средствъ къ содержанію Гелейтовъ, во всегдашней готовности къ нападенію и къ оборонѣ. Такіе Гелейты завоевали большею частію Римской міръ, и внесли свои уставы въ земли ими покоренныя.

ГЛАВА IV.

Смутное состояніе общества отъ столкновенія быта побѣдителей и быта побѣжденныхъ; бореніе разнородныхъ стихій общественнаго состава, отъ исхода V до исхода IX вѣка; происхожденіе изъ сей борьбы началъ новаго общественнаго устройства.

---

42. Вышеизложенныя уставы, были условіями и основаніемъ общественнаго быта Германцевъ въ теченіе вѣковъ, въ теченіе, можетъ быть, цѣлыхъ тысячелѣтій. Никто не опредѣлитъ эпохи, когда подобное устройство утвердилось въ Германіи; оно могло принадлежать многимъ эпохамъ. Состояніе народа полудикаго, живущаго внѣ сообщенія съ другими народами, долго не измѣняется; такъ и бытъ Германцевъ, могъ быть почти одинаковъ и на родинѣ, и въ первое время по завоеваніи и водвореніи ихъ въ областяхъ Рима. Тацитово описаніе состоянія Германіи въ I вѣкѣ по Р. Х. и указанія, находящіяся въ законахъ Германцевъ, собранныхъ и писанныхъ уже послѣ завоеванія ими Римскихъ областей, слѣдственно не ранѣе VI вѣка, имѣютъ въ отношеніи къ сему предмету замѣтное сходство и подтверждаютъ вышесказанное. Что же внесли Германцы *своего* въ страны, которыя они пріобрѣли? Именно то, что составляло отличительную черту ихъ характера отъ тѣхъ народовъ, которыхъ они съ исхода V вѣка сдѣлались сожителями и властелинами въ бывшихъ Римскихъ областяхъ: чувство *личной независимости*, въ каждомъ полудикомъ народѣ чувство сильное; а въ Германцахъ тѣмъ болѣе сильное, что къ нему примѣшивалась надменность, презрѣніе къ побѣжденнымъ. Понят-

но, посему, какое броженіе должно было произойти въ областяхъ, завоеванныхъ Германцами, когда они съ своими уставами и мнѣніями поселились среди покоренныхъ народовъ. Цѣлое общество получило смутный, неопредѣленный видъ; оно не могло уже руководствоваться прежними уставами Римскими; но не могло также основаться и на уставахъ чисто Германскихъ. Съ одной стороны побѣдители были и слишкомъ невѣжественны, и слишкомъ малочисленны для того, чтобы подчинить своимъ уставамъ побѣжденныхъ; эти уставы приспособлены были къ быту общества немногочисленнаго и необразованнаго, и ни какъ негодились для такого общества, какое нашли побѣдители въ покоренныхъ земляхъ, для общества и многолюднаго и образованнаго. Съ другой стороны слишкомъ дорожилъ каждый изъ побѣдителей своею личною независимостію, слишкомъ полонъ былъ эгоизма, чтобы подчиниться условіямъ того общества, которое побѣдители еще застали. По сему въ эпоху соприкосновенія общества Германскаго и общества Римскаго, столь различныхъ другъ отъ друга по своимъ понятіямъ и правиламъ, должно было произойти сильное и долговременное бореніе, и отъ сего боренія оба общести должны были естественно измѣниться.

43. И во-первыхъ общество Римское свѣтское, утратило и послѣдній остатокъ своего союза по совершенномъ вторженіи Германцевъ. Вторженіе производилось не вдругъ и не огромными массами, а въ теченіе долгаго времени отдѣльными толпами, большею частію Гелейтами; по сему казалось бы, что разрушеніе было только мѣстное, частное; но оно неминуемо должно было имѣть вліяніе на цѣлое общество. Такъ въ одномъ мѣстѣ ограбленъ былъ городъ, въ другомъ опустошено поле, въ третьемъ, разломанъ мостъ или испорчена дорога; средства къ сообщенію городовъ и селеній уничтожились. Продолжительный недостатокъ безопасности и лицъ и имуществъ; ежедневное ожиданіе разоренія и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя еще не были разорены; не имѣніе средствъ къ оборонѣ: вотъ что разрушило окончательно Римскій міръ, уничтожило Римское общество. Жители остались, но безъ обезпеченія правъ личныхъ и правъ собственности; города остались, но города живутъ только тогда, когда около нихъ есть населеніе земледѣльческое, доставляющее имъ и первоначальныя потребности жизни, и матеріалы для рукодѣлій и фабрикъ, и въ замѣнъ того получающее отъ нихъ отдѣланные товары; а для сего нужно, чтобы средства

къ сообщенію городовъ съ тою частію населенія, которая занимается промыслами земледѣльческими, такъ какъ и средства къ сообщенію городовъ другъ съ другомъ, были свободны и безопасны, безъ того города существовать не могутъ. По сему, если Римское общество и состояло доселѣ только въ городахъ; если города, по вторженіи, пришли въ это состояніе ничтожества, ясно, что *общества* не было; города остались (32); жители каждаго старались, по возможности заключиться въ стѣнахъ своихъ и кое-какъ держались своими прежними муниципальными уставами, въ смутномъ ожиданіи совершеннаго разрушенія, которое каждый день могло ихъ постигнуть.

44. Во-вторыхъ, и состояніе церкви должно было измѣниться по вторженіи; но на церковь разрушеніе Римскаго владычества имѣло другое вліяніе, чѣмъ на общество свѣтское. Германцы вторгнулись въ Римскія области и водворились въ нихъ или уже Христіанами, или еще язычниками. Вестъ и Остъ-Готы и Лонгобарды принадлежатъ къ первому, Франки и Англосаксы ко второму роду; отъ сего различныя послѣдствія для церкви въ разныхъ странахъ. Въ Италіи и Испаніи, которыми овладѣли Германцы — Христіане, но другой вѣры, нежели природные жители страны, духовенство, должно было остаться на сторонѣ природныхъ жителей, чтобы защищать православіе и не допускать примѣси еретической. Въ сихъ странахъ, слѣдственно, духовенство было сильно тѣмъ, что оно имѣло на своей сторонѣ всѣхъ природныхъ жителей, для которыхъ оно защищало драгоцѣннѣйшее ихъ достояніе: чистоту вѣры и остатокъ правъ гражданскихъ; то же самое разумѣть и объ тѣхъ частяхъ Галліи, которыя заняты были Бургунцами и Вестъ-Готами. Но въ Испаніи духовные естественно должны были пріобрѣсти еще бо́льшую власть, чѣмъ въ Италіи: здѣсь было болѣе городовъ, чѣмъ во всякой другой области Имперіи; уставы муниципальные сохранились въ бо́льшей силѣ, и больше воспоминаній осталось отъ Рима древняго; по сему духовенство здѣсь, менѣе было могущественно, не смотря на то, что въ Италіи былъ центръ Христіанскаго міра. Въ Испаніи напротивъ, духовенство имѣло вліяніе на народъ туземный болѣе, нежели гдѣ либо. Около 150 лѣтъ (г. 450 — 590) духовные отстаивали православіе отъ Аріанскихъ Вестъ-Готовъ; потомъ усилились еще болѣе своею побѣдою надъ побѣдителями, когда Король Реккаредъ, перешелъ съ своимъ народомъ къ вѣрѣ Католической. Могущество

духовныхъ, явственно обнаруживается въ томъ вліяніи, которое имѣли они и на избраніе Королей, и на внутреннее управленіе, и на законодательство. Государственныя собранія (старинный памятникъ Германскихъ уставовъ!) производились въ Испаніи не только съ участіемъ, но, можно сказать, подъ начальствомъ духовенства, и Соборы Толедскіе замѣняли тамъ собою древнія волостныя собранія. Сравненіе законовъ постановленныхъ сими соборами для управленія Государственнаго и для опредѣленія правъ разныхъ классовъ народа, съ законами другихъ Германскихъ народовъ, собранными и обнародованными также уже по завоеваніи ими Римскихъ областей, явственно свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, какое духовенство имѣло въ Испаніи на дѣла государственныя. Сіе вліяніе удержалось и въ послѣдующія времена: съ начала VIII вѣка начинается почти 800-лѣтняя брань Испанцевъ съ Аравитянами; сія брань производилась столькоже за независимость политическую, сколько и за независимость религіозную, и слѣдственно, духовенство и въ семъ дѣлѣ, должно было принимать участіе живое и играть главную ролю. Франки, напротивъ язычниками пришли въ страну, ими завоеванную, и приняли *въ ней* Христіанскую вѣру одинаковую съ туземцами. По сему здѣсь духовные, не измѣняя своему званію, могли перейти на сторону побѣдителей, которые привязали ихъ къ себѣ подѣлясь съ ними и выгодами мірскими. Въ Британіи Христіанство было почти истреблено языческими Англосаксами; но оно возстановилось въ исходѣ VI вѣка, и возстановленное, сдѣлалось вѣрою общею и побѣдителямъ и побѣжденнымъ, а потому и здѣсь съ сихъ поръ духовенство получило важное вліяніе на общество. Впрочемъ таковое отношеніе духовенства къ побѣдителямъ, утвердилось не вдругъ, а въ теченіе времени; первое же чувство, съ которымъ духовные должны были встрѣтить побѣдителей во всѣхъ странахъ, должно было быть чувство не довѣрчивости и опасеній.

45. Въ-третьихъ, наконецъ, и самое общество Германское испытало перемѣну. Бытъ его внутренній: постепенность властей, отношенія членовъ, оставались сходны съ прежними временами; но отношенія сего общества къ міру, его окружавшему; измѣнились. Гелейтами (41) совершена была бо́льшая часть завоеваній. Гелейты на родинѣ были дружины подвижныя, для которыхъ война была промысломъ, и добыча, пріобрѣтаемая отъ побѣжденныхъ, вознагражденіемъ. Гелейты, слѣдственно, не имѣли на родинѣ по-

стоянной собственности, постояннаго мѣстопребыванія; они не принадлежали къ волости; воины и вожди Гелейтовъ могли быть изъ разныхъ волостей. По утвержденіи своемъ въ Римскихъ областяхъ, Гелейты сдѣлались владѣльцами поземельной собственности; ибо завоеваніе, ими сдѣланное, представляло добычу, состоящую не въ однѣхъ вещахъ, пріобрѣтенныхъ побѣдою и грабежемъ, но въ земляхъ населенныхъ и обширныхъ, которыя побѣдители отрѣзывали мечемъ своимъ отъ собственности побѣжденныхъ и обращали въ свое достояніе; такъ Бургундцы и Вестъ-Готы взяли $^2/_3$, Лонгобарды $^1/_2$, Остъ-Готы и Герулы $^1/_3$, другіе болѣе, другіе менѣе, земли, которая на томъ же правилѣ, какъ прежде добыча, состоявшая въ движимомъ имуществѣ, долженствовала быть и была впослѣдствіи раздѣлена между членами Гелейта. Важная, слѣдственно, перемѣна послѣдовала въ судьбѣ Гелейтовъ та, что они изъ общества подвижнаго, такъ сказать, кочеваго, должны были перейти къ жизни осѣдлой.

46. И слѣдственно по вторженіи Германцевъ въ Римскія области, всѣ три стихіи будущаго общества: городскія общины, духовенство, сословіе побѣдителей, были на-лицо; но они не были такъ сказать, спаяны одна съ другою, а существовали независимо одна подлѣ другой, и вызрѣвали каждая отдѣльно подъ вліяніемъ своихъ особенныхъ уставовъ. Каждая страна являла собою многообразную раздѣльность: 1) раздѣльность въ вѣроисповѣданіи, скорѣе, впрочемъ, чѣмъ другія, уничтожившуюся; 2) раздѣльность въ племенахъ и языкахъ; ибо долго не могло совершиться сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ въ одинъ народъ; 3) раздѣльность въ правахъ и законахъ и во властяхъ, которыя должны были блюсти нерушимость и тѣхъ и другихъ: побѣдитель Германецъ состоялъ подъ завѣдываніемъ своей особой власти, судился своимъ судомъ и жилъ по своимъ правиламъ; по особымъ правиламъ управлялся природный житель завоеванной страны, и опять особымъ слѣдовалъ духовный. Таковое безобразное состояніе общества продолжалось около 4-хъ вѣковъ, отъ исхода V до исхода IX и начала X вѣка. Не должно думать, что когда Римская Имперія пала, и когда государства Варварскія основались на ея развалинахъ, уже движеніе народовъ кончилось, и новый порядокъ вещей начался; нѣтъ, еще долго спустя послѣ разрушенія Западной Имперіи, продолжались и сіе движеніе и сей безпорядокъ, и одно изображеніе наружнаго вида новыхъ государствъ (21—28) достаточно показываетъ многослож-

ность и разнородность ихъ состава. Въ бо̀льшей осѣдлости являются народы Германскіе послѣ вторженія Лонгобардовъ въ Италію (г. 568); но около того же времени начинаются на В. Европы движенія народовъ Славянскихъ, которые вскорѣ вступаютъ въ борьбу съ сопредѣльными имъ племенами Германцевъ и вторгаются въ ихъ землю съ СВ. Не долго спустя (съ половины VII вѣка) Аравитяне начинаютъ свои грозныя завоеванія во всѣхъ странахъ кругомъ Средиземнаго моря и возмущаютъ Ю. Европу. Отъ исхода V до исхода IX вѣка продолжается таковое смутное существованіе историческаго міра; разнородные элементы общественнаго состава борются между собою; въ разныхъ странахъ, то одинъ изъ нихъ, то другой стремится сдѣлаться основою общественнаго соединенія. Такъ, въ Италіи и южной Галліи городскія общины, которыя въ сихъ странахъ были и въ бо̀льшемъ числѣ и въ бо̀льшей силѣ, ободрившись отъ перваго ужаса опустошеній, старались, съ тѣхъ поръ, какъ прекратились вторженія Германцевъ (съ половины VI вѣка), пріобрѣсти себѣ полную независимость и основать у себя новое общество на правилахъ республиканскихъ; такъ въ Испаніи духовенство, по особенному своему положенію между побѣдителями и побѣжденными пріобрѣтшее великую власть, готовилось подчинить своему преобладанію всѣ прочіе элементы общественнаго состава; такъ въ прочихъ земляхъ Германцы приведеніемъ (съ VI по VIII вѣкъ) своихъ обычаевъ въ нѣкоторый родъ системы и въ письменные своды, желали ихъ положить въ основаніе устройства государственнаго; такъ, наконецъ, Карлъ В. въ началѣ IX вѣка, принявъ титулъ Римскаго Императора (г. 800), хотѣлъ вмѣстѣ съ титуломъ возобновить забвенную идею и власти Императоровъ Римскихъ. Этимъ средствомъ думалъ онъ дать стройность Европѣ нестройной и варварской, распространивъ вводимыя имъ въ своемъ царствѣ учрежденія и въ полудикую Германію между племенами, которыя остались на родинѣ въ первобытной грубости, и которыя теперь, завидуя своимъ собратіямъ, помѣстившимся въ привольныхъ областяхъ бывшей Римской Имперіи, хотѣли быть для нихъ тѣмъ же, чѣмъ тѣ были нѣкогда для Римлянъ; такъ Алфредъ В. (г. 871—900) думалъ утвердить единодержавіе и имъ скрѣпить раздѣльность Англіи: — и всѣ сіи опыты были безуспѣшны; общество не созрѣло еще для подобныхъ преобразованій; чувство раздѣльности еще слишкомъ сильно было всюду. Между тѣмъ однако же общество не могло остаться въ

столь неопредѣленномъ положеніи; одинъ изъ сихъ элементовъ долженъ былъ взять перевѣсъ надъ другими и созрѣть ранѣе другихъ. Весьма понятно, что таковой перевѣсъ должны были наконецъ взять уставы и обычаи Германцевъ: на ихъ сторонѣ были и сила и побѣда. Время образовало изъ уставовъ и обычаевъ Германской старины, измѣнившихся отъ новыхъ отношеній, въ какихъ жили побѣдители въ покоренныхъ ими странахъ, *Феодальную систему*. Сіе устройство, проникнувъ вскорѣ во всѣ составныя части общества и — такъ сказать — обхвативъ его, должно было, казалось сдѣлаться основою новаго Европейскаго общества, и въ самомъ дѣлѣ было таковою основою на весьма долгое время.

ГЛАВА V.

Феодальная система.

Происхожденіе ея изъ установъ Гелейта; доказательство, что она у Франковъ должна быть преимущественно изучаема; эпохи распространенія Феодальной системы на все общество; предѣлъ ея распространенія; вліяніе на общество; паденіе ея и отъ собственнаго неустройства и отъ противодѣйствія посторонніхъ силъ.

---

47. Сіе новое государственное учрежденіе, проистекшее изъ обычаевъ и уставовъ Германской старины, не во всѣхъ государствахъ, Германцами основанныхъ, развилось одинаково. Вандальское, Остъ и Вестъ-Готское, Бургундское и другія малыя государства погибли, прежде чѣмъ Феодальная система могла достигнуть въ нихъ полнаго образованія; Англосаксы внесли ее въ Британнію; но тамъ бой пришельцевъ съ туземцами былъ и продолжительнѣе и упорнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ. До половины XI вѣка Феодальная система повидимому оставалась здѣсь на первой степени своего устройства: толпы (*) завоевателей должны были по необходимости удержать свое древнее образованіе Гелейтовъ и владѣть пріобрѣтенными участками собща. Уже въ XI вѣкѣ, по завоеваніи Англіи Вильгельмомъ Норманскимъ, укоренена была здѣсь Феодальная система и обхватила цѣлое государство вдругъ: ибо введена была побѣдителемъ на основаніи предварительно начертаннаго плана, а не сама изъ себя развивалась, какъ въ другихъ странахъ. У Лонгобардовъ и Франковъ достигла она наибольшаго своего развитія; но Лонгобарды вошли въ Ита-

(*) Schaaren, отъ того нынѣшнее названіе областей Англіи, Шейрами.

лію цѣлымъ народомъ, а не Гелейтомъ, и потому у нихъ, какъ въ старинныхъ Верманнеяхъ, всякій свободный человѣкъ былъ воинъ, и всякій, по завоеваніи, получилъ свой участокъ въ полную собственность (алодъ). Франки, напротивъ, составляли Гелейтъ, и у Франковъ должна быть преимущественно сія система изучаема и потому, что нигдѣ не развилась она въ такой постепенности и полнотѣ, какъ у нихъ, и потому, что Франкамъ изъ всѣхъ Германскихъ племенъ суждено было имѣть важнѣйшее и долговременное вліяніе на судьбу окрестнаго міра. Скоро, уничтоживъ владѣнія другихъ своихъ соотечественниковъ въ Галліи и подчинивъ ихъ своей власти, они простерли свое владычество почти на всѣ племена Германцевъ, остававшихся на родинѣ: на Аллемановъ, Тюринговъ, Баваровъ, Саксовъ, и ввели Феодальную систему и въ самую Германію. Познаніе учрежденій, введенныхъ Франками въ земляхъ, ими покоренныхъ, даетъ понятіе и объ учрежденіяхъ другихъ Германцевъ въ завоеванныхъ ими странахъ; ибо основныя отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ вездѣ были сходны.

48. Франки еще съ половины III вѣка начали утверждаться въ С. части Галліи по нижнимъ частямъ Рейна и Мааса до Шельды, и, смиренные побѣдами Юліана, они признали тогда власть Римлянъ надъ собою. Послѣ скорой кончины Юліана (г. 363), прежніе безпорядки начались въ Имперіи, и Франки, освободясь отъ своей кратковременной зависимости, стали глубже и глубже проникать въ Галлію, пока, наконецъ, Клодвигъ, Король Верманнеи Салическихъ Франковъ и предводитель многочисленнаго Гелейта, сокрушилъ, при Соассонѣ (г. 486), послѣдній остатокъ Римскаго владычества. Побѣда при Соассонѣ открыла Клодвигу всю ту часть Галліи, которая еще не покорена была Бургундцами и Вестъ-Готами, т. е. все пространство до Луары и до верховья Саоны. Такимъ образомъ Гелейтъ Клодвига получилъ, кромѣ богатой добычи, состоявшей въ вещахъ движимыхъ, раздѣленныхъ между побѣдителями, какъ водилось, по жеребью, землю обширную (болѣе 4000 кв. г. м.), и по опустошеніи, ее постигшемъ, все еще имѣвшую милліоны жителей, имѣвшую многіе значительные города, памятники Римскаго владычества, и земля сія составляла отселѣ также добычу Гелейта. Но надобно было, во-первыхъ, сохранить эту добычу отъ возстанія природныхъ жителей, хотя и оглушенныхъ побѣдою, но все еще опасныхъ по превосходству своего числа и своего образованія; надобно было, во-вторыхъ, сохранить

ее и отъ другихъ Германцевъ, которые еще прежде Франковъ утвердились въ разныхъ частяхъ Галліи (Аллеманы на СВ., Бургундцы на ЮВ., Вестготы на ЮЗ.). Слѣдственно Гелейтъ Клодвига, и безъ смѣлыхъ надеждъ, которыя побѣда возродила въ душахъ и вождя и воиновъ, не могъ, по положенію своему, остановиться на томъ, что уже было совершено, а долженъ былъ итти далѣе; долженъ былъ оставаться, попрежнему, соединеннымъ и вооруженнымъ, чтобы новыми побѣдами укрѣпить за собою свое пріобрѣтеніе; и онъ укрѣпилъ за собою свое пріобрѣтеніе новыми побѣдами, какъ видѣли мы выше (21, 22). Вмѣстѣ съ сими побѣдами вводились и учрежденія для сохраненія завоеванія. Гелейтъ не могъ взять въ свое непосредственное завѣдываніе всю покоренную страну; и нѣтъ сомнѣнія что Клодвигъ (съ согласія дружины) оставилъ знатнѣйшую часть земли прежнимъ владѣльцамъ, Галламъ и Римлянамъ, обложивъ ихъ за то податью и поставивъ ихъ, слѣдственно, въ то положеніе, въ какомъ находились Гинтерзассы или Литы въ Германіи. Впрочемъ, сіи Римляне удержали свои прежніе уставы и законы, не столько по великодушію побѣдителя, сколько по неимѣнію у него средствъ перемѣнить эти уставы и по невозможности примѣнить свои старинные уставы къ быту сей, самой большей части народонаселенія покоренной страны, — быту, столь во всѣхъ отношеніяхъ отличному отъ Германскаго. Особенное затрудненіе для Германцевъ, незнавшихъ городовъ, ни жизни въ нихъ, ни потребностей ихъ, представляли города, находившіеся и во всей Галліи, но преимущественно и по числу своему и по важности, въ Галліи южной. Не было и для опредѣленія отношеній побѣдителей къ сему, самому важному классу побѣжденныхъ, другаго, лучшаго основанія, какъ тоже: поставивъ жителей въ сословіе Литовъ и опредѣливъ для безопасности и надзора за ними особеннаго градоначальника (Бургъ-графъ) съ частію дружины, оставить имъ ихъ прежнее устройство.

49. Но на всѣхъ сихъ подданныхъ нельзя было надѣяться: они могли вспомнить, что у нихъ есть руки, и могли всеобщимъ возстаніемъ подавить немногочисленныхъ побѣдителей; слѣдственно и относительно къ симъ покореннымъ нужны были мѣры осторожности. Въ предѣлахъ Галліи жили и владѣли землями, еще съ утвержденія Римлянъ, многіе единоплеменники Клодвига и его дружины: во-первыхъ, Франки Салическіе, которые, какъ видно, и утвердясь въ Бельгиче-

ской Галліи, и признавая надъ собою, по имени, власть Римскихъ Императоровъ, жили по обычаямъ своей родины, волостями, подъ начальствомъ нѣсколькихъ Королей; однимъ изъ таковыхъ былъ самъ Клодвигъ, но онъ былъ Королемъ съ такою лишь властію, какая принадлежала вообще начальникамъ Верманней; потомъ на СВ. жили Франки Рипуарскіе, страна которыхъ простиралась отъ Мааса за Рейнъ, въ собственную Германію. Не столько по чувству единоплеменства, сколько по расчету: имѣть въ сихъ единоплеменникахъ себѣ на будущее время вѣрныхъ союзниковъ и помощниковъ для Гелейта, утвердилъ Клодвигъ (опять съ согласія Гелейта) за Аделингами оставшихся теперь подъ властію его въ предѣлахъ Галліи и около оной своихъ единоплеменниковъ, земли, бывшія во владѣніи ихъ еще въ Римское время, съ правомъ полной собственности. Таковыя земли назывались *алодами* (отчинами), вѣроятно, потому, что онѣ даваемы были также по жеребью или, можетъ быть, потому, что онѣ составляли полную наслѣдственную собственность своихъ владѣльцевъ (*). *Алодами* также назывались и участки, которые Король, изъ земель уже, непосредственно назначенныхъ въ собственность Гелейта, и, безъ сомнѣнія, съ его согласія, выдѣлялъ Германцамъ, поселившимся на такихъ участкахъ, съ обязанностію подкрѣплять Гелейтъ, во всѣхъ дальнѣйшихъ его предпріятіяхъ, и, въ случаѣ нужды, ополчаться самимъ по призыву Короля, какъ начальника Гелейта. Алоды сего рода назывались *Салическою землею* (terra salica), а владѣльцы ихъ именовались *Баронами* (**). Алодіальные владѣльцы хотя и владѣли землями, утвержденными имъ отъ Гелейта, съ полнымъ правомъ собственности, подобно Аделингамъ и Фрилингамъ (Верамъ) въ Германіи, но они не совершенно то же значили, чѣмъ были сіи классы людей на родинѣ, именно потому, что они земли свои *получили* отъ Гелейта, и, слѣдственно, Гелейтъ, какъ настоящій владѣлецъ всего имъ покореннаго, стоялъ выше ихъ всѣхъ, уступая имъ только лишь часть своего достоянія и сохраняя право ожидать и требовать и отъ нихъ услугъ себѣ.

50. И такъ, гелейтъ опирался, съ одной стороны, на сомнительное подданство такъ называемыхъ Римлянъ, съ другой на завист-

---

(*) Loos, въ нижней Германіи Lod, жребій, или All — od полное имѣніе.

(**) Безъ сомнѣнія, отъ слова Wehr, какъ назывались Германцы на родинѣ, по качеству защитниковъ своей отчизны.

ливое, безъ сомнѣнія, союзничество алодіальныхъ владѣльцевъ и Бароновъ, и, слѣдственно, все еще находился въ такомъ положеніи, что оружія изъ рукъ выпускать не надлежало. Между тѣмъ первоначальный Гелейтъ Франковъ знатно увеличился включеніемъ въ составъ его дружинъ Аллеманскихъ, Бургундскихъ, Вестъ-Готскихъ, Тюрингскихъ, и тѣмъ ощутительнѣе оказывалась надобность, чтобы, независимо отъ тѣхъ доходовъ, которые получаемы были съ поступившихъ въ окладъ состояній, многочисленный Гелейтъ имѣлъ прочное обезпеченіе для своего постояннаго существованія. Таковое обезпеченіе могла представлять, и по понятіямъ Германцевъ, и по состоянію промышленности народной, опять только земля; посему, за раздачею участковъ алодіальнымъ владѣльцамъ, и за утвержденіемъ Римлянамъ земель, на которыхъ они остались въ качествѣ Литовъ, назначены были обширныя помѣстья въ непосредственную общую собственность всего Гелейта. Сіи помѣстья составляли прежде, можетъ быть, именно тотъ участокъ, который принадлежалъ Римской казнѣ, а потому для него удержано и Франками прежнее Римское названіе *фиска* (fiscus). Земли сіи обработывались рабами, принадлежавшими фиску (servi fiscales), а смотрѣніе и управленіе, какъ сихъ земель, такъ и доходовъ, получаемыхъ отъ данниковъ, ввѣряемо было отъ Гелейта особенному, избранному лицу, называвшемуся *Палатнымъ Мэромъ* (старшиною дома: Major Domus). Достоинство его, какъ правителя той части завоеванной страны, на которой преимущественно основывалось прочное существованіе Гелейта, было самое важное, первое, послѣ достоинства начальника Гелейта, Короля; оттого и давали ему разные почетные титулы: помощникъ Короля (subregulus), защитникъ и хранитель Государства, Консулъ Франціи и другіе. Достоинство Палатнаго Мэра было вначалѣ, безъ сомнѣнія, избирательное, и повидимому, на одинъ годъ; иначе и быть не могло. Если члены Гелейта заботливо дѣлили между собою всякія малозначущія вещи, военную добычу составлявшія, и не допускали, чтобы кто нибудь, даже и самый глава Гелейта, Король, получилъ что нибудь сверхъ слѣдовавшаго ему изъ общей добычи, то легко понять, что они не иначе, какъ съ общаго согласія, и не иначе, какъ на время, ввѣряли одному лицу завѣдываніе того, что составляло для всѣхъ ихъ, такъ сказать, основаніе ихъ существованія. Само собою разумѣется, что Палатный Мэръ обязанъ былъ давать Гелейту отчетъ въ своемъ управленіи, и таковой

отчетъ отдаваемъ былъ на собраніяхъ Гелейта. Сіи собранія Гелейта, подъ предсѣдательствомъ Короля, составляли и верховный правительственный совѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лагерь. На нихъ рѣшались дѣла касательно управленія фиска и всей вообще покоренной страны: ибо хотя Франки, составлявшіе Гелейтъ Клодвига и его преемниковъ, и обязывались клятвенно вождю своему въ ненарушимой вѣрности и постоянномъ служеніи въ дѣлахъ войны; но нѣтъ сомнѣнія, что и вождь Гелейта имѣлъ обязанность спрашивать у своей дружины совѣта, касательно всякой войны и вообще всякой службы, и располагать свои рѣшенія согласно съ мнѣніемъ большинства членовъ своего Гелейта. Клодвигъ и его преемники дѣлали предложенія собранному Гелейту: отъ него зависѣло рѣшеніе, и нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, что Короли принуждаемы были дружиною къ предпріятіямъ, для нихъ непріятнымъ (*). Назначеніе таковыхъ собраній Королемъ зависѣло отъ обстоятельствъ и надобности въ нихъ; и когда, впослѣдствіи, настали времена болѣе мирныя, тогда производились собранія постоянно въ Мартѣ или Маѣ мѣсяцахъ, и потому назывались Мартовскими (Марсовыми) или Майскими полями; у Англосаксовъ назывались они Виттенагемотами, у Лонгобардовъ собраніями Павійскими (отъ города Павіи), и каждое собраніе было, какъ и прежде, лагерь, общій военный смотръ цѣлой дружины.

51. Между тѣмъ время текло; два три поколѣнія людей со времени завоеванія миновались; завоеватели обжились между завоеванными; Гелейты не имѣли болѣе въ виду новыхъ походовъ въ предѣлахъ Галліи, а развѣ только внѣшнія военныя предпріятія. Жизнь боевая должна была наскучить; въ душахъ должно было возродиться желаніе къ спокойному пользованію пріобрѣтеннымъ, къ прочному обезпеченію судьбы своей и своего потомства на будущее время. Гелейтъ, при всѣхъ преимуществахъ, которыми онъ, какъ владѣлецъ всего, пользовался, не могъ не чувствовать шаткости своего положенія: тотъ или другой изъ воиновъ не могъ не позавидовать иногда спокойному довольству алодіальнаго владѣльца. Конечно, каждый воинъ могъ по волѣ выступить изъ Гелейта, получить отъ фиска алодъ, сдѣлаться Барономъ; но тогда онъ лишился бы той первостепенности въ обществѣ,

(*) Такъ напр. Клотаръ, сынъ Клодвига, принужденъ былъ (около 500 г.), по настоянію дружины, противъ своей воли вести войну съ Саксонцами.

какая принадлежала членамъ Гелейта передъ всѣми другими классами жителей. Естественно, посему должно было возникнуть между членами Гелейта желаніе пользоваться выгодами поземельной собственности, не теряя своихъ преимуществъ. Средствомъ къ сему было: раздѣлить землю, составлявшую собственность Гелейта, между членами онаго на такомъ основаніи, чтобы всякій, получившій таковой участокъ, выполнялъ по прежнему всѣ обязанности члена Гелейта, и именно, чтобы находился во всегдашней готовности итти на войну по королевскому призыву. Въ случаѣ неисполненія такихъ обязанностей, помѣстье отбиралось въ казну (конфисковалось) и потомъ отдавалось, на такихъ же точно условіяхъ, другому; тоже самое дѣлалось и въ случаѣ смерти того, кому оно давалось. Наслѣдники умершаго члена Гелейта не имѣли на данное предку ихъ отъ фиска помѣстье никакого преимущественнаго права: оно могло быть опять отдано или одному изъ наслѣдниковъ умершаго, коль скоро онъ въ состояніи выполнить тѣ же обязанности, которыя лежали на помѣстьѣ, или всякому другому постороннему члену Гелейта, и всегда на одинаковомъ основаніи. Таковые участки именовались вначалѣ *фискальными имѣніями*, потомъ *бенефиціями* (beneficium) и наконецъ (съ IX вѣка) *феодами или ленами* (помѣстьями) (*), и получившіе ихъ — *вассалами* или, употребительнѣе, *вассалами*, т. е. крѣпкими, вѣрными (**). Само собою разумѣется, что при семъ и Король, какъ начальникъ Гелейта, получилъ знатную часть фискальныхъ земель въ свое непосредственное владѣніе, которому дано названіе Regalium, Dominium, Domaine. Сіе-то учрежденіе и получило впослѣдствіи имя *феодальной или ленной системы*. При сей перемѣнѣ способа пользованія фискомъ, необходима была и перемѣна въ управленіи онаго. Въ слѣдствіе того, власть Палатнаго Мэра должна была возрасти, и возрасла чрезвычайно; кругъ дѣятельности его сталъ многосложнѣе: ему надлежало имѣть полное свѣдѣніе объ розданныхъ ленахъ и объ обязанностяхъ, которыя на каждомъ Вассаллѣ лежали; онъ долженъ былъ наблюдать и за исполненіемъ сихъ обязанностей; въ его рукахъ была конфискація выморочныхъ леновъ, равно какъ и передача въ другія руки лена, отобраннаго у Вассалла, который не выполняетъ своихъ обязанностей; однимъ

(*) Lehn, ссуда, Fe-od помѣстье вѣрности (за вѣрность), fides вѣрность, od помѣстья, или fee награда и od.

(**) Vasz, въ сѣв. Германіи вмѣсто vest, fest, крѣпкій.

словомъ, его расположенія должны были искать всѣ Вассаллы и самъ Король. Достоинство его могло оставаться, по прежнему, избирательнымъ; но, безъ сомнѣнія, уже не на столь короткіе сроки; на цѣлую жизнь стали избирать Палатнаго Мэра; и чѣмъ долѣе сіе достоинство находилось въ однѣхъ рукахъ, тѣмъ важнѣе оно должно было дѣлаться; оно превратилось впослѣдствіи въ наслѣдственное, и уничтожилось только тогда, какъ Палатные Мэры оттѣснили выродившуюся династію Клодвига отъ престола и сами сдѣлались Королями (г. 752).

52. Не безъ великихъ затрудненій могла быть произведена столь важная перемѣна въ судьбѣ Гелейта, и нельзя опредѣлить эпохи, въ которую она начата и произведена была. Для современниковъ сія перемѣна была незамѣтна, и потому, что она произошла не вдругъ, а вводилась постепенно, и потому, что современники считали это дѣло частнымъ обстоятельствомъ, касавшимся только до Гелейта и до его начальника, Короля, и потому, наконецъ, что современники не могли предвидѣть и оцѣнить необъятныхъ послѣдствій, которыя отъ сей перемѣны должны были произойти для цѣлаго общества. По сей-то причинѣ и не найдемъ у современныхъ писателей указанія: когда столь великая перемѣна произведена; достовѣрно только, что въ исходѣ VI вѣка, при внукахъ Клодвига, уже существовало, по крайней мѣрѣ уже начато было такое надѣленіе членовъ Гелейта. Впрочемъ, въ средствахъ къ оному недостатка не было: фискъ былъ довольно богать; онъ обнималъ цѣлую Галлію и многія земли въ самой Германіи, за исключеніемъ тѣхъ участковъ, которые розданы были алодіальнымъ владѣльцамъ и Баронамъ. Выгоды таковое надѣленіе представляло великія: судьба каждаго воина въ Гелейтѣ и судьба его потомства обезпечивалась навсегда, и между тѣмъ Гелейтъ оставался попрежнему въ цѣлости и соединеніи. Мысль распустить Гелейтъ, не могла и возникнуть: на немъ основывалось государство или, лучше, онъ самъ составлялъ государство, и слѣдственно сила его заключалась въ соединеніи и въ постоянной обязанности членовъ немедленно вооружаться и итти туда, куда позоветъ опасность. Неисполнявшіе сей обязанности, не только лишались даннаго имъ лева, но даже подвергались смертной казни. Такимъ образомъ, казалось, достигнута была цѣль, которой должно желать достигнуть всякое благоустроенное общество: выгоды общія тѣсно соединены были съ выгодами частными, и однакожъ

таковое положеніе дѣлъ не могло остаться прочнымъ: оно противно человѣческой природѣ и ходу дѣлъ человѣческихъ. Естественно было ленному помѣщику желать и стремиться, чтобы его ленъ перешелъ на его сына; съ этой цѣлію онъ предпринималъ улучшенія въ своемъ помѣстьѣ. Естественно также было, что и фискъ переводилъ помѣстье заслуженнаго отца преимущественно на его сына. Между тѣмъ время истребило память о способѣ и условіяхъ перваго пріобрѣтенія; фамилія, владѣвшая леномъ въ теченіе трехъ, четырехъ поколѣній, естественно, пріучалась считать оный своею полною собственностію, и лены скоро сдѣлались наслѣдственными. Никто не скажетъ, съ какого времени они сдѣлались наслѣдственными. По существу, они стали наслѣдственны съ самаго того времени, какъ члены Гелейта разъѣхались принять во владѣніе назначенныя имъ фискальныя имѣнія, и уже въ послѣднихъ годахъ VI и въ первыхъ годахъ VII вѣка находится довольно тому примѣровъ; по праву и закону, они сдѣлались наслѣдственными гораздо позже, и также не вдругъ, а большею частію по одиначкѣ.

53. Когда наслѣдственность феодовъ сдѣлалась правиломъ, тогда, естественно, каждый феодальный владѣлецъ старался всѣми способами увеличить свой феодъ. По мѣрѣ того, какъ феоды увеличивались, возвышалась и важность Вассалловъ, утверждались за ними и всѣ преимущества по жизни общественной; иначе и быть не могло: они имѣли въ рукахъ своихъ и богатство и силу; и степень, ими занимаемая, сдѣлалась предметомъ завистливаго желанія и стремленія другихъ классовъ народа. Тогда феоды должны были увеличиться и въ числѣ своемъ; ибо 1) многіе, даже, можетъ быть, всѣ алодіальные владѣльцы отдавали свои алоды въ фискъ съ тѣмъ, чтобы получить ихъ обратно въ видѣ леновъ; или иные алодіальные владѣльцы, сосѣди могущественнаго Вассала, во избѣжаніе отъ него притѣсненій, отдавались въ его покровительство и признавали свою землю феодомъ (*); такою перемѣною они ничего не теряли со стороны имущества, а весьма много выигрывали со стороны важности въ обществѣ 2) Духовенство

(*) Такое покровительство требовалось впослѣдствіи закономъ; такъ Карлъ В. постановилъ, чтобы всякій свободный (алодіальный) землевладѣлецъ состоялъ подъ покровительствомъ и подъ отвѣтственностью кого нибудь высшаго (сеніора, Seigneur).

стало пріобрѣтать лены. При самомъ завоеваніи побѣдители, а особливо Франки, подѣлились съ духовными частію своей добычи, чтобъ имѣть на своей сторонѣ сей важный классъ, который, по своей грамотности и по своему познанію обычаевъ, уставовъ и потребностей страны, былъ необходимъ для побѣдителей, чтобы, посредствомъ его, дѣйствовать можно было на подчиненныхъ и держать ихъ въ повиновеніи, ибо Франки чувствовали, что если оружіемъ можно было покорить страну, то сохранить ее можно только управленіемъ. И должно ли винить духовныхъ, что, при раздачѣ леновъ, они старались пріобрѣсти ихъ для себя сколько можно болѣе? Могли ли бы они устоять противу могущества Вассалловъ свѣтскихъ, если бы не имѣли подобнаго имъ фундамента? И проиграли ли что нибудь и тѣ жители, которые достались не свѣтскимъ, а духовнымъ Вассаламъ? Опытъ доказываетъ, что состояніе людей въ феодахъ духовныхъ почти обыкновенно было лучше, нежели въ феодахъ свѣтскихъ, и потеря туземцевъ состояла не въ томъ, что часть изъ нихъ подчинилась феодализму духовенства, а въ томъ, что когда духовные сдѣлались феодальными помѣщиками и, слѣдственно, присоединились къ классу завоевателей, то народъ лишился въ нихъ своихъ защитниковъ. 3) Города, которымъ прежніе ихъ муниципальные уставы сначала оставлены были побѣдителями за плату только опредѣленной подати, сдѣлались также ленами, или будучи насильственно приведены тѣмъ или другимъ Вассалломъ отъ него въ зависимость, или сами, при распространеніи и усиленіи Феодальной системы отдавал себя, для собственной безопасности, въ зависимость могущественнаго Вассалла, духовнаго или свѣтскаго. 4) Отъ VI до IX вѣка, Франки завоевали многія обширныя страны въ самой Германіи и въ сѣверной Италіи; земли Аллемановъ, Тюринговъ, Баваровъ, Саксовъ, Лонгобардовъ. Въ сихъ странахъ также образовались лены въ пользу участниковъ завоеванія и умножились точно тѣми же способами, какъ и въ Галліи. И когда все было разобрано по рукамъ, а желанія людскія все еще стремились къ новымъ пріобрѣтеніямъ, тогда сдѣлались леномъ и озера и рѣки и лѣса и разные роды промысловъ и, наконецъ, званія и должности. Такимъ образомъ отъ начала VII вѣка Феодальная система распространялась въ теченіе слишкомъ пяти вѣковъ, и съ начала IX вѣка уже проникла во весь составъ общества, такъ-что все оно облеклось, такъ сказать, къ Феодальную одежду. Большіе

Вассаллы, какъ для своего большаго усиленія, такъ и въ невозможности извлечь непосредственную пользу изъ своихъ обширныхъ владѣній, отдавали часть оныхъ отъ себя другимъ, на такомъ же основаніи, на какомъ сами получили или пріобрѣли свои владѣнія; то же самое дѣлали и духовные Вассаллы и города, и такимъ образомъ составился классъ *подвассалловъ* (*), — классъ, столь важный впослѣдствіи по содѣйствію своему къ низпроверженію феодализма.

54. Какой же видъ должно было получить общество, когда наслѣдственность леновъ утвердилась? «Возьмемъ», говоритъ Гизо, «феодализмъ въ его простѣйшемъ элементѣ, въ его элементѣ первобытномъ, основномъ: разсмотримъ одного леннаго владѣльца въ его помѣстьѣ; взглянемъ на то общество, которое составляется вокругъ его. Онъ поселяется въ мѣстѣ уединенномъ, возвышенномъ, которое старается сдѣлать безопаснымъ и крѣпкимъ; тамъ строитъ онъ то, что впослѣдствіи назоветъ своимъ замкомъ (**). Съ кѣмъ онъ поселяется здѣсь? Съ своею женою, съ дѣтьми; можетъ быть, съ нѣсколькими свободными людьми, которые, не имѣя помѣстья, пристали къ нему и продолжаютъ жить съ нимъ и имѣютъ отъ него свое содержаніе. Вотъ что населяетъ внутренность замка! Кругомъ, при подошвѣ, составляется небольшое общество поселянъ, работниковъ, воздѣлывающихъ земли владѣльца феода. Среди сего низшаго населенія вѣра воздвигаетъ храмъ и приводитъ въ сей храмъ священника. Обыкновенно, въ первыя времена феодальнаго правленія, этотъ священникъ есть вмѣстѣ духовникъ замка и приходской священникъ деревни; современемъ сіи два званія раздѣлятся: деревня будетъ имѣть своего священника, который и будетъ жить въ ней подлѣ своей церкви. Вотъ основное феодальное общество, крупинка феодальная, такъ сказать. Оно дѣйствительно, въ уменьшенномъ видѣ, представляетъ образъ всего общества въ ту эпоху, когда Феодальная система распространилась всюду. Вассаллы, духовенство, рабы — вотъ составныя части большаго феодальнаго общества! Въ семъ обществѣ владѣлецъ феода есть главное, единственное лице; все, что окружаетъ его, зависитъ отъ его воли и составляетъ его соб-

(*) After-Wassallen, Arrière-Vassaux.

(**) Число замковъ увеличивается быстро въ IX и X столѣтіяхъ.

ственность, — земля, какъ и люди, на ней живущіе. Понятно, какую великую важность долженъ былъ имѣть вассаллъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, и сколь трудно ему было соединить обязанности повиновенія Королю и забытымъ скоро уставамъ Гелейта, съ чувствомъ собственной важности, съ чувствомъ независимости и господства; и сколь старательно отбывалъ онъ отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, подъ разными благовидными предлогами до той поры, какъ почувствовалъ возможность явно и гордо отъ нихъ отказываться; какъ привыкнулъ къ мысли, что онъ самъ полный господинъ своихъ дѣйствій и стоитъ выше законовъ и выше всякой отвѣтственности.

55. Двѣ эпохи считать должно временемъ, въ которое Феодальная система наиболѣе сильно проникала въ общественную жизнь, и въ которое положено прочное основаніе ея распространенію въ земляхъ по обѣ стороны Рейна. 1) Время отъ половины VI до половины VII вѣка, когда — среди кровавыхъ распрей между внуками и правнуками Клодвига, при бездушіи и порокахъ сихъ переродившихся его потомковъ — рѣшены были наслѣдственность леновъ и утвержденіе леновъ духовныхъ; 2) и особенно, время отъ начала IX до начала X вѣка, когда подобныя же явленія, — но на гораздо бо̀льшемъ пространствѣ и въ гораздо бо̀льшей обширности — совершались между дѣтьми и внуками Карла В.; и тогда Вассаллы должны были сдѣлаться еще могущественнѣе, могли дѣйствовать еще рѣшительнѣе, потому что сила ихъ стояла уже на болѣе прочномъ основаніи: наслѣдственность леновъ уже утверждена была временемъ и, сверхъ того, гордый духъ Вассалловъ и воспоминаніе славныхъ дѣлъ, ими подъ предводительствомъ Карла В. совершенныхъ, придавали имъ смѣлую, нерѣдко наглую самонадѣянность въ отношеніи къ недостойнымъ потомкамъ великаго Императора. Геройскій духъ Карла В. (*) произвелъ и соединилъ героевъ. Этотъ духъ счастіемъ и побѣдою далеко распространился между всѣми, которые ратовали подъ знаменемъ могущественнаго владыки. Всякій изъ его воиновъ ставилъ часть подвиговъ, имъ совершенныхъ, на свое имя, и предъявлялъ свои притязанія на часть славы, пріобрѣтенной Государемъ. Во всѣхъ Вассалловъ поселилось чувство благородной гордости; всякій изъ

(*) Луденъ.

нихъ считалъ за высокую честь, что онъ былъ Франкомъ, и за прекраснѣйшее воспоминаніе, что онъ служивалъ великому Государю. Безъ награды служба не оставалась и не могла оставаться; ленныя помѣстья представляли къ тому возможность; и самая война не была безъ выгодъ, потому что она была большею частію ведена побѣдоносно; величайшую же награду находилъ воинъ Карла В. въ томъ, что герой, которому онъ посвящалъ свою руку, былъ имъ доволенъ. Но для такихъ людей не могъ быть Царемъ Лудовикъ Слабый. Они жаждали подвиговъ военныхъ, а онъ находилъ наслажденіе только въ дѣлахъ мира; имъ нужно было, чтобъ вела ихъ рука исполина, а его рука, часто сжатая для молитвы, боялась сжимать рукоять меча. Кипучія силы, возбужденныя Карломъ въ его воинахъ, при вялости Лудовика, бушевали, предоставленныя самимъ себѣ. Оттого сдѣлался духъ Вассаловъ строптивымъ и мысли ихъ утратили свою возвышенность. Благородная гордость славныхъ дѣлъ превратилась въ буйное упрямство, честь воинственная — въ заносчивое высокомѣріе, радость о славѣ Франкскаго имени въ—хвастливое себялюбіе и жадное любостяжаніе. Среди споровъ Лудовика съ своими сыновьями, и сихъ сыновей между собою, находилъ таковой духъ Вассаловъ всѣ возможные случаи себя обнаружить; и чѣмъ болѣе онъ себя обнаруживалъ, тѣмъ болѣе дичалъ онъ. Отъ прежней Германской свободы сохранялся въ службѣ вассаловъ еще остатокъ, состоявшій въ той мысли, что они, Вассаллы, по кончинѣ ихъ Сеніора (suzérain), т. е. Короля, могутъ выбирать себѣ любаго Сеніора между Князьями Каролингскаго дома, не стѣсняясь въ семъ выборѣ ни ленами своими, ни страною, къ которой сіи лены принадлежали. Эту свободу предоставилъ имъ (при первомъ раздѣленіи своей Монархіи) самъ Карлъ В, а Лудовикъ, сынъ его, призналъ оную законною при раздѣленіи Монархіи между своими сыновьями. Но въ смутное время раздоровъ, при частыхъ перемѣнахъ дѣлъ, при повторяемыхъ раздѣленіяхъ, присягахъ, даваемыхъ то одному, то другому, вассаллы простерли сію свободу до того, что стали утверждать, будто имъ принадлежитъ право и при жизни своего Сеніора итти, не нарушая вѣрности, служить другому Сеніору, если онъ только Князь изъ того же королевскаго дома. И враждующіе другъ съ другомъ Короли, которые одинъ отъ другаго старались переманить къ себѣ воиновъ, если и не признали открыто сего права, по крайней мѣрѣ

одобряли его и поддерживали; даже, можетъ быть, они сами одинъ за другимъ объявляли его, если только надѣялись увеличить чрезъ то свою силу. Такимъ образомъ Вассаллы получили возможность удовлетворять своимъ страстямъ; они нерѣдко, какъ бы, торговали собою и заключали условіе съ тѣмъ изъ Князей, который больше предлагалъ или леновъ или обѣщаній; при перемѣнѣ счастія старались они новымъ условіемъ спасти или умножить то, что дотолѣ было пріобрѣтено. Такимъ образомъ они лишили Каролингскій домъ его наслѣдственныхъ владѣній, небольшихъ Вассаловъ ихъ леновъ, свободныхъ людей ихъ собственности.

56. Исходъ IX вѣка, эпоха окончательнаго расторженія Монархіи Карла В., эпоха окончательнаго сліянія побѣдителей и побѣжденныхъ въ одинъ народъ, есть въ то же время эпоха окончательнаго утвержденія феодальныхъ уставовъ и начало господства ихъ надъ всѣми прежними учрежденіями общественными. Такимъ образомъ въ то самое время, какъ изъ сліянія разнородныхъ племенъ составляются новыя, одноплеменныя Европейскія націи; какъ изъ смѣси языковъ образуются новые однородные языки у каждой изъ этихъ новыхъ націй; въ это самое время исчезаетъ всякое единство политическое въ земляхъ западной Европы и начинается раздробленіе народа и раздробленіе власти. Всякая Европейская земля, при всемъ томъ, что она носитъ *одно* имя: Франція, Англія, Германія, Италія, Испанія, покрывается маленькими народами, маленькими государствами, почти чуждыми другъ другу, почти независимыми другъ отъ друга. Кажется, будто исчезаетъ и самая тѣнь центральной власти и единства національнаго. Отселѣ идетъ *періодъ феодальнаго устройства* до исхода XIII и начала XIV вѣка; въ теченіе, т. е. сего времени Феодальная система есть явленіе господствующее и главный источникъ перемѣнъ, которыя испытывало общество Европейское въ продолженіе четырехъ вѣковъ, отъ исхода IX до исхода XIII, хотя, впрочемъ, начало феодальнаго устройства относится ко временамъ прежде IX (51, 52, 53) и остатки его существуютъ и въ теченіе XIV и даже въ XV вѣкѣ. Этотъ періодъ феодальнаго устройства представляетъ *два отдѣленія:* 1) отъ исхода IX до исхода XI вѣка Феодальная система занимаетъ, такъ сказать, собою всю историческую сцену; она безпрестанно возрастаетъ въ въ своемъ могуществѣ; тѣ силы, которыя нѣкогда противодѣйствіемъ своимъ побѣдятъ ее — *Папская власть*, еще мало замѣтна

по своему вліянію; *городскія общины* и *власть Монархическая*, какъ бы не существуютъ. Въ эти два вѣка усиливается и существенный признакъ Феодальной системы: раздѣльность народа и власти (*). До исхода IX вѣка хотя наслѣдственность феодовъ уже существовала какъ событіе (фактъ); но считалось однакожь необходимымъ, чтобы феодальный владѣлецъ каждый разъ утверждаемъ былъ и въ своемъ владѣніи и въ своемъ титлѣ сеніоромъ (suzerain), отъ котораго считался зависящимъ его феодъ; слѣдственно, существовала еще первоначальная основная идея *личности* феодальныхъ правъ и обязанностей. Съ исхода X столѣтія ничего подобнаго не замѣчается; наслѣдственность феодовъ ни отъ кого не подвергается сомнѣнію и не требуетъ никакого утвержденія. — 2) Съ исхода XI вѣка начинается сильное противодѣйствіе феодальному могуществу и самовластію со стороны духовной власти и вслѣдъ за тѣмъ со стороны городскихъ общинъ; и съ исхода XII становится замѣтною перемѣна въ феодальномъ устройствѣ: раздробительность по крайней мѣрѣ не увеличивается; съ исхода XIII, напротивъ, малые феоды исчезаютъ одинъ за другимъ; сумма ихъ становится меньше, и направленіе отъ раздробительности къ сосредоточенію замѣтнѣе: явно, что Феодальная система перестаетъ господствовать и клонится къ своему упадку. Но явленіе, которое въ теченіе столь долгаго времени опредѣляло судьбу народовъ западной Европы, не могло не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Постараемся a) изъяснить вліяніе ея на общество, b) опредѣлить, какая вѣроятная судьба Европы была бы, если бы Феодальная система распространялась далѣе и далѣе; c) вывести необходимость ея паденія изъ самаго свойства ея и указать на тѣхъ постороннихъ противодѣйствователей, которые были виновниками ея паденія.

57. Вліяніе Феодальной системы на общество должно быть оцѣнено въ отношеніи къ побѣдителямъ и въ отношеніи къ побѣжденнымъ. Побѣдители надѣялись, что помѣстья, ими полученныя, составятъ для нихъ новое средство къ соединенію, и тѣмъ поддержатъ и силу ихъ и владычество надъ завоеванною страною. Но эта надежда была несбы-

(*) Въ исходѣ IX вѣка Франція была раздѣлена на 29 отдѣльныхъ владѣній (феодовъ), въ исходѣ X на 55 значительныхъ владѣній, изъ которыхъ каждое имѣло свою исторію.

точна. Владѣльцы, разсѣянные по помѣстьямъ, дѣлались время отъ времени болѣе и болѣе чуждыми другъ другу. Собранія, подобныя прежнимъ собраніямъ Гелейта, могли еще производиться; но сіи собранія не могли уже поддержать между внуками тотъ духъ братства, каковое нѣкогда существовало между дѣдами, скрѣпленное и общими трудами и опасностями, и общею славою; сіи собранія становились тягостію, отъ которой Вассаллы всѣми мѣрами старались избавляться. И если Вассаллъ и являлся въ таковое собраніе (парламентъ), онъ не приносилъ съ собою въ оное чувства и убѣжденія, что это собраніе, составленное изъ людей одного съ нимъ званія, представляетъ собою власть, повелѣніямъ которой онъ долженъ покоряться: въ томъ мірѣ, среди коего онъ жилъ въ своемъ феодѣ, не было ничего, чтобы напоминать ему могло о повиновеніи. И когда призывъ Короля: собраться подъ древнее знамя Гелейта, достигалъ разсѣянныхъ, отдаленныхъ Вассалловъ; и когда тотъ или другой не являлся, не находя предпріятія, начинаемаго Королемъ, совмѣстнымъ съ собственными своими выгодами, — какія средства могъ употребить Король, чтобы принудить ослушника къ исполненію обязанности? Обратить противу него, другихъ Вассалловъ? Но выгоды всѣхъ ихъ были одинаковы. Слѣдственно, побѣдители сдѣлались слабѣе, отдѣляясь другъ отъ друга и не только замѣнивъ общія выгоды частными, но поставивъ себя даже во враждебныя отношенія одинъ съ другимъ; отъ того впослѣдствіи ссоры и открытыя брани между Вассаллами, губительныя для нихъ, еще болѣе для общества; и если бы сія раздѣльность не была общею участію всей Европы въ вѣки отъ начала VII до исхода XIII, государства и народы ея легко могли бы сдѣлаться добычею перваго смѣлаго завоевателя, не имѣя возможности противопоставить ему совокупнаго, единодушнаго противодѣйствія. Побѣжденные измѣнились въ своемъ положеніи, и къ худшему. До раздѣла фискальныхъ земель они принадлежали цѣлому Гелейту, слѣдственно обществу, которому обязаны были извѣстными повинностями; и нѣтъ сомнѣнія, что, исправивъ сіи повинности, они могли употреблять и свои силы и свои труды для своей собственной пользы. Другія времена настали послѣ раздачи леновъ, и въ особенности послѣ того, какъ они сдѣлались наслѣдственными. Вассаллъ поселился среди народа, жившаго на участкѣ земли, ему назначенномъ; скоро привыкъ онъ считать сей народъ своею собственностію и по-

лагать себя полновластнымъ владыкою и жизни и имущества всего народонаселенія своего лена. Тогда исчезъ изъ жизни общественной классъ людей свободныхъ, не стало такъ называемаго *средняго состоянія*, сего важнаго сословія людей, не столь щедро надѣленныхъ дарами счастія, чтобы предаться нѣгѣ и праздности, но и не столько обдѣленныхъ, чтобы огрубѣть подъ гнетомъ нужды неумолимой; остались два класса: *одинъ* властительный, состоявшій изъ многочисленной іерархіи Вассалловъ и подвассалловъ, невѣжественный и грубый, потому-что, будучи обезпеченъ въ существованіи своемъ, и — по тогдашнему состоянію общества — чуждый занятій умственныхъ, сей классъ преданъ былъ праздности и буйству безотчетному. Вассаллъ или былъ на войнѣ, то противъ одного или другаго сосѣда своего, то противъ своего Короля, то противъ города; а промежутки мира наполняла охота, являвшая ему образъ войны и составлявшая и отдыхъ и утѣху празднаго. *Другой* классъ подвластный, классъ рабовъ, людей безгласныхъ и безправныхъ, также невѣжественный и грубый, потому-что удовлетвореніе однихъ ежедневныхъ потребностей поглощало всѣ его силы. Внѣ сихъ разрядовъ стояло духовенство, по правамъ своимъ и положенію принадлежавшее также къ классу Вассалловъ, но по духу и стремленію своему отъ сего класса отличное, и впослѣдствіи ему противоположное. Междутѣмъ однако жъ полученіе духовными участковъ изъ фискальной земли смѣшало въ семъ классѣ понятія духовныя съ мірскими; поселило въ него стремленіе къ стяжанію и властвованію, и при тѣхъ средствахъ, которыя духовнымъ представляло вліяніе ихъ на умы народа, мудрено ли, что они скоро увеличили свои помѣстья, и состояніе ихъ (разумѣется, состояніе духовенства высшаго), имѣя всѣ выгоды положенія Вассалла, имѣло еще и другія, свойственныя ему преимущества, и потому въ сіе званіе старались втѣсняться многіе изъ Вассалловъ свѣтскихъ, пріобрѣтая духовныя достоинства для себя или для своихъ родныхъ, съ совершенно мірскими мыслями, понятіями и привычками, привлеченные единственно выгодами обширныхъ церковныхъ владѣній. Лены духовные представляли то же устройство, тѣ же крайности жизни, какъ и свѣтскіе лены.

58. Какую же идею имѣла своимъ основаніемъ и осуществляла собою Феодальная система? Какое назначеніе имѣла она въ ходѣ общественнаго образованія Европы, и какая вѣроятная судьба на-

родовъ Европейскихъ была бы, предполагая, что сіе устройство развивалось бы и распространялось болѣе и болѣе? Нѣтъ сомнѣнія, что явленіе, столь великое, столь долговременное и столь сильно дѣйствовавшее на судьбу народовъ, не могло не имѣть высшей цѣли, не могло совершиться безъ надобности, хотя тѣ люди, которые или пользовались выгодами, или жили подъ гнетомъ ея уставовъ, и не могли дать себѣ отчета въ этой цѣли. Что въ ней была настоятельная надобность, это доказывается всеобщимъ ея распространеніемъ. Казалось, что она должна была доставить обществу несравненную пользу — тѣсное соединеніе выгодъ частныхъ съ выгодами общими, и образовать изъ каждаго Европейскаго государства родъ конфедераціи, въ которой, подъ назиданіемъ одной общей центральной власти, существовало бы нѣсколько частныхъ, мѣстныхъ властей. Но идея конфедераціи осуществиться можетъ только среди народа, достигшаго весьма высокой степени образованія; и даже среди такого народа едва ли можетъ сохраниться прочно и надолго. Никакая человѣческая мудрость не опредѣлитъ: сколько именно правъ предоставить центральной власти, и сколько оставить властямъ мѣстнымъ, и какъ дать центральной власти такую силу, чтобы она могла принудить мѣстныя власти не выходить изъ круга ихъ правъ, и могла подчинять частное благо той или другой области пользамъ цѣлаго союза. Непремѣнная судьба конфедераціи должна быть: или что центральная власть подчинитъ себѣ совершенно власти мѣстныя и конфедерація предварится въ Монархію, или даже, можетъ быть, въ деспотію; или мѣстныя власти (и сіе вѣроятнѣе) возьмутъ верхъ надъ центральною, и тогда конфедерація, послѣ ужасовъ войны междоусобной, распадется на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, которыя, влекомы будучи могуществомъ Исторіи другъ къ другу, и по совершенномъ отдѣленіи своемъ едва ли прекратятъ вражду между собою: ибо то одно изъ нихъ, то другое будетъ стремиться подчинить своей власти всѣ остальныя, и снова образовать изъ отдѣлившихся частей одно цѣлое. Такъ, Европа феодальная представила родъ такой конфедераціи, не имѣя и вышесказаннаго главнаго условія для существованія оной образованности. Каждый Вассалъ съ своими подвассаллами представлялъ собою какъ бы государство, въ которомъ однакожъ не было законовъ, опредѣляющихъ права и преимущества жителей такого государства, и въ которомъ воля Вассалла была за-

конъ. При распространеніи леновъ, при могуществѣ Вассалловъ, при ихъ завистливой гордости и необузданномъ буйствѣ, не могла устроиться и пріобрѣсти себѣ силу никакая центральная власть, и Европѣ, слѣдственно, предстояли всѣ ужасы раздѣльности, раздробленія силъ государства на мелкія части, и погибельнаго боренія сихъ дробныхъ частей между собою. Вѣки X и XI суть вѣки, въ которые Феодальная система достигла полной своей зрѣлости и полной своей ужасающей силы. Идея закона и порядка совершенно исчезла изъ общества: самоуправство (Faustrecht), право сильнаго, сдѣлалось единственнымъ правомъ; и понятно, что народы, жившіе среди такого ужаса, могли въ трепетѣ ожидать скораго преставленія свѣта, — мысль общая въ западной Европѣ въ X и XI вѣкахъ. Ясно посему, что Феодальная система не только не скрѣпила общества, разстроеннаго вторженіемъ, но еще болѣе раздробила его и разстроила, и не могла, слѣдственно, служить основою новаго общественнаго соединенія.

59. Но, изображая мрачную сторону Феодальной системы, не забудемъ указать и ея сторону свѣтлую, оцѣнить и то доброе, что́ она оставила по себѣ въ мірѣ. Одно то обстоятельство, что она имѣетъ между писателями позднѣйшихъ временъ столько же жаркихъ противниковъ, сколько и защитниковъ ревностныхъ, доказываетъ, что она была замѣчательнымъ, великимъ явленіемъ своего времени, и что она оставила по себѣ глубокое впечатлѣніе въ умахъ современниковъ и потомства; во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что она не для произведенія одного зла была въ мірѣ. Она необходимо нужна была для того, чтобы новая жизнь могла проникнуть во всѣ тѣ земли, которыя составляли дотолѣ какъ бы помѣстье города Рима, и которыя, слѣдственно, лишены были чувства народности, а вмѣстѣ съ симъ понятія о́бъ отечествѣ. Раздѣливъ общество на мелкія части, но внеся въ каждую изъ сихъ частей одинаковыя отношенія Вассалла къ жителямъ его помѣстья, Феодальная система водворила вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя одинаковыя понятія о жизни во всѣ отдѣльныя части, которыя, по паденіи сей системы, могли уже сблизиться и слиться въ одно цѣлое, бывъ заранѣе приготовлены къ таковому сближенію. Главнѣйше благодѣтельное вліяніе имѣла Феодальная система на личныя свойства вассалловъ. Подлѣ буйнаго своевольства воспитались и возрасли въ душахъ многихъ благородныя человѣческія качества. Образъ жизни Вассалловъ, очевидно, далъ

рѣшительный перевѣсъ жизни домашней надъ жизнію публичною — и въ этомъ заключается характеристическое различіе обществъ Новыхъ передъ Древними, въ которыхъ жизнь публичная имѣла перевѣсъ, и человѣкъ, такъ сказать, исчезалъ въ гражданинѣ. Напротивъ, міръ Вассалла было его семейство; сюда возвращался онъ съ полей войны или съ удалой охоты; здѣсь только находилъ онъ людей, которыхъ могъ, въ обыкновенной жизни, считать себѣ равными, и семейственныя добродѣтели, чувства супруга и отца, чувства, чуждыя Древнимъ, воспитались подъ сѣнію Феодальной системы. Чувство личной независимости, буйное и наглое во *многихъ*, получило въ *нѣкоторыхъ* лучшее направленіе, сдѣлалось основаніемъ возвышеннаго образа мыслей въ сихъ нѣкоторыхъ, и породило *Рыцарство*, — этотъ идеалъ благородныхъ, прямыхъ чувствъ. Рыцарство проистекаетъ изъ феодализма и доказываетъ много въ пользу своего источника.

60. Что такое рыцарство? Это (*) жизнь Среднихъ вѣковъ въ дѣйствіи, это почетная стража феодализма. Нельзя бы понять продолженія феодальной жизни безъ этой дружины спутниковъ воинственныхъ, которые ее поддерживаютъ; безъ этихъ страстей, этого особаго понятія о чести, этого энтузіазма, который и воодушевляетъ ее и украшаетъ. Рыцарство, родилось среди Новаго общества и Древнему было вовсе невѣдомо; оно было слѣдствіе двухъ началъ: Христіанства и Германизма, произведеніе двухъ господствующихъ силъ человѣческаго духа въ семъ Новомъ обществѣ: духа воинственности и духа набожности христіанской; слѣдственно рыцарство было растеніе, возросшее на благородной почвѣ. Оно не принадлежало одной какой-либо Европейской землѣ въ особенности, а всѣмъ; оно перешло даже и за предѣлы Европы, и встрѣчается вездѣ, куда только христіане Германской Европы вносили свое оружіе: въ Спріи, въ Палестинѣ, въ Аѳинахъ, въ Константинополѣ. Съ исхода VIII и начала IX вѣка, разныя обстоятельства въ разныхъ земляхъ Европы содѣйствовали къ его произведенію и укрѣпленію. Въ Германіи внутреннія войны владѣльцевъ между собою и противъ Императора, равно какъ и походы Императоровъ въ Италію, которую они въ теченіе многихъ вѣковъ старались подчинить себѣ, чтобы оправдать свое

(*) Вилькенъ.

названіе *Римскихъ Императоровъ* — питали гордое чувство воина и поставляли героизмъ воинственный высшимъ достоинствомъ человѣка; въ Италіи сіи самыя усилія Германскихъ Императоровъ покорить ее, и сверхъ того, нападенія Аравитянъ, Норманновъ и войны городовъ и разныхъ владѣній, на которыя послѣ Карла Великаго рѣшительно раздѣлилась страна сія; въ Испаніи безпрерывныя битвы противу вдохновенныхъ Аравитянъ давали чувствовать надобность въ такомъ классѣ людей, который, по принятой на себя обязанности, всегда готовъ былъ бы дѣйствовать оружіемъ. Но классическая страна рыцарства, страна, гдѣ и чувства и нравы и уставы рыцарскіе получили наиболѣе полное развитіе, была Франція, и преимущественно южная; тамъ рыцарство получило, такъ сказать, свое уложеніе, тамъ же раздались и первые звуки поэзіи во славу его. Въ XI вѣкѣ, среди общаго варварства, раждаются эти возвышенные порывы духа; они кажутся какъ бы внезапнымъ явленіемъ, и ярко освѣщаютъ глубокій мракъ невѣжества, которымъ объято было Европейское общество въ ту эпоху (*). Чувствованія самыя чистыя, самыя утонченныя, самыя восторженныя, проявляются въ душахъ, преданныхъ до того времени на волю страстей буйныхъ и дикихъ. Изъ этихъ чувствованій образуется система нравственности, которой основаніемъ служитъ самоотверженіе, безкорыстіе, энтузіазмъ; изъ нихъ проистекаетъ вѣрованіе любви и чести, вѣрованіе, котораго ни кто не проповѣдывалъ, которое родилось какъ бы само собою; невѣдомый духъ творитъ новыя чувствованія, раждаетъ новые нравы, уставы, новую жизнь. Къ началу Крестовыхъ походовъ (г. 1096) уже рыцарство получило свое полное образованіе, а въ Крестовыхъ походахъ нашло себѣ и новую пищу и новую красу. Неоспоримо, что и оно имѣло свою мрачную сторону; что и оно свидѣтельствуетъ о недостаткѣ устройства общественнаго и объ отсутствіи правилъ, ограждающихъ права и безопасность, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго въ особенности изъ людей, составлявшихъ общество; ибо только при таковомъ недостаткѣ общихъ правилъ возможно представить себѣ усилія частныхъ людей къ оборонѣ своихъ правъ. Неоспоримо, что рыцарство представляло собою тѣсное соединеніе людей, которые себя считали выше дру-

(*) Амперъ.

гихъ, или, лучше сказать, которые себя только и считали за людей, и которые въ семъ самомъ своемъ соединеніи находили новую пищу своей надменности, новыя права выситься надъ всѣми прочими членами общества и съ презрѣніемъ глядѣть на нихъ.

61. Ошибочно было бы воображать себѣ рыцарство учрежденіемъ, устроеннымъ для извѣстной, опредѣленной цѣли, по извѣстному, опредѣленному плану и уставу: оно родилось просто, безъ намѣренія, какъ естественное послѣдствіе и преданій Германской старины, и новыхъ феодальныхъ отношеній, и — наконецъ, — вліянія христіанства на умы и мнѣнія; ошибочно было бы, слѣдственно, представлять себѣ рыцарей сословіемъ, классомъ людей въ разрядѣ общественномъ, подобно другимъ классамъ, имѣвшимъ постоянное пребываніе въ опредѣленномъ мѣстѣ, имѣвшимъ опредѣленные промыслы и занятія, должности и званія по дѣламъ общественнымъ. Достоинство рыцаря было достоинство феодальное, такъ сказать, чинъ, получаемый феодальнымъ владѣльцемъ въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстныхъ условіяхъ; но рыцарство дѣйствительно было сословіемъ въ томъ смыслѣ, что всѣ люди, принадлежащіе къ званію рыцарей, хотя и жили въ разныхъ мѣстахъ, среди разныхъ обстоятельствъ, но имѣли одинъ духъ, одни правила. Неоспоримо, что сіе установленіе, имѣвшее корень свой въ самыхъ основаніяхъ Феодальной системы и, слѣдственно, въ Гелейтѣ, но образовавшееся въ то время, когда сила феодальная начинала уже ослабѣвать отъ дѣйствія причинъ, противоборствовавшихъ ея дальнѣйшему распространенію, можетъ быть признаваемо, какъ послѣднее усиліе феодальной аристократіи удерживать власть надъ обществомъ за собою и въ особенности останавливать возрастаніе силы жителей городовъ, тогда (съ исхода XI вѣка) возвышавшихся; и неоспоримо, что, разсматриваемое съ сей стороны, оно имѣло цѣлію продлить это положеніе господства и рабства, въ какомъ находилась новая Европа при утвержденіи Феодальной системы. Но неоспоримо также и то, что сіе учрежденіе имѣло цѣлію облагородить насильственность отношеній, существовавшихъ между различными классами народа, и положить въ основаніе ихъ лучшія, благороднѣйшія свойства людей: великодушіе и снисходительность, приличныя силѣ, честность, свойственную члену общества благоустроеннаго, и, наконецъ, милосердіе и состраданіе, долженствующія составлять обязанности истиннаго христіанина. Преданность вѣрѣ, защита

слабыхъ и угнетенныхъ, прямодушіе и вѣрность данному слову, нѣжность и исполненная почтительнаго приличія вѣжливость въ отношеніи къ другому полу, вообще, чистая неукоризненная жизнь: — вотъ качества, которыя должны были отличать истиннаго рыцаря!

62. Посему-то ко вступленію въ сіе сословіе должно было приготовляться съ самаго младенчества (съ семилѣтняго возраста); посему-то самое вступленіе сопряжено было съ различными обрядами и испытаніями, которыхъ цѣль была: придать рыцарству печать высшаго, печать духовности, возвысить его до степени таинства священнаго, и тѣмъ поставить оное какъ высшую цѣль, стремленіе къ которой должно быть предметомъ лучшихъ усилій человѣка и достиженіе которой долженствуетъ украсить и увѣнчать всѣ благороднѣйшія свойства его духа. Не прежде двадцать втораго года отъ-роду и при жизни неукоризненной, юноша допускаемъ былъ къ послѣднему, торжественному благословенію. Онъ приводимъ былъ къ алтарю своимъ отцемъ или матерью, или воспріемниками, которые сопровождали его съ зажженными свѣчами. Священникъ, отслуживъ обѣдню, бралъ съ алтаря мечъ и перевязь и препоясывалъ юнаго рыцаря. Множество символическихъ обрядовъ сему предшествовало: омовеніе, бѣлая одежда, исповѣдь, и часто громогласная, причащеніе, присяга, въ которой выражались всѣ пожертвованія и всѣ добродѣтели, требуемыя отъ рыцаря. Новопосвященный въ полномъ вооруженіи выходилъ на паперть церковную; передъ нею собирался безчисленный народъ, жадный къ подобнымъ зрѣлищамъ; здѣсь подводили коня, и новый рыцарь, кипя радостію, взлеталъ во всеоружіи на коня, крутилъ его — и тогда всѣ привѣтствовали его добрымъ христіаниномъ и славнымъ рыцаремъ.

63. Если предполагаемыя качества въ рыцарѣ возвышали внутреннее достоинство рыцарства, его наружное достоинство, великое впечатлѣніе, производимое имъ на умы народа, возвышалось *турнирами*, этими празднествами, которые начались преимущественно съ XII вѣка, и которые, подобно древнимъ Олимпійскимъ играмъ въ Греціи, привлекали множество народа всѣхъ возрастовъ обоего пола изъ отдаленнѣйшихъ странъ къ одному мѣсту, дѣлавшемуся по этому на нѣсколько недѣль мѣстомъ пиршества и забавъ и всего великолѣпія, коимъ и дѣйствующіе рыцари и простые зрители старались превзойти, затмить другъ друга; и подобно, какъ герои древности имѣли своего Орфея и Гомера и

Эсхила, и герои новыхъ временъ возбудили пѣвцовъ къ прославленію ихъ подвиговъ, истинныхъ и вымышленныхъ. Трубадурами, минстрелями, миннезингерами назывались сіи пѣвцы, и въ числѣ ихъ находились нерѣдко сами рыцари, которые, въ часы досуда отъ предпріятій войны или охоты, и сами брались за лиру. Такимъ образомъ поэзія новой Европы была плодомъ Феодальной системы и рыцарства. Повѣсти, въ когорыхъ подвиги рыцарей, украшенные вымысломъ, прославляются, сіи повѣсти, называемыя романами, суть дополненія къ Исторіи. Онѣ (*) передаютъ ее и выражаютъ часто съ большею вѣрностію, нежели съ какою она сама выражается; онѣ досказываютъ то, что́ Исторія забываетъ: въ нихъ выражается общее направленіе умовъ; ибо должно знать, что въ XII и XIII вѣкахъ ихъ не считали вымысломъ. Такимъ образомъ, какъ учрежденіе *общественное*, рыцарство было неважно; не видимъ положительнаго вліянія его на усовершенствованіе общественныхъ уставовъ и отношеній; но какъ учрежденіе нравственное, оно занимало великое мѣсто и на долгое время; вліяніе его на воображеніе и души продолжается еще и тогда, когда оно само уже не существуетъ. Предѣлы его историческаго существованія суть предѣлы существованія Феодальной системы: XIV вѣкъ есть вѣкъ его упадка, такъ-какъ XII вѣкъ — время цвѣтущаго и блестящаго его состоянія. Тогда, въ эпоху величайшей раздробительности всего общественнаго состава, въ эпоху враждебнаго раздѣленія всѣхъ стихій общественной жизни, рыцарство составляло какъ бы всеобщее братство (**), долженствовавшее соединять благороднѣйшія души въ одинаково благоговѣйномъ почитаніи благороднѣйшихъ чувствованій, и основывать между разными народами Европы связь, единство, которое было приготовленіемъ къ общему соединенію Европейскому; рыцарь не былъ уже болѣе Французомъ, Англичанином, Испанцемъ или Германцемъ, онъ былъ, просто, *рыцаремъ*; это титло сближало людей всѣхъ націй. Тогда произошли эти многочисленные рыцарскіе Ордена, изъ которыхъ иные пріобрѣли долговѣчную историческую знаменитость, таковы: Тампліеры, Рыцари Іоанна Іерусалимскаго (Мальтійскіе), Тевтоническіе (Прусскій Орденъ) и Кавалеры Мече-

(*) Вильмэнь.

(**) Амперъ.

посцы Ливонскіе. Нынѣшніе кавалерскіе Ордена остаются памятникомъ рыцарства въ наши времена.

64. Но не могло быть такъ и остаться общество Европейское на-вѣки: Феодальная система, какъ и всякое великое явленіе въ Исторіи, имѣла свой возрастъ, переживъ который, она должна была сойти со сцены міра и уступить свое мѣсто другимъ событіямъ, другому порядку вещей; она пала и отъ причинъ, въ ней самой заключавшихся, и отъ противодѣйствій ея распространенію силы посторонней, отъ нея независимой и вставшей выше ея. Причины, содѣйствовавшія паденію Феодальной системы и въ ней самой заключавшіяся, были: соперничество и войны между самими Вассаллами, войны, которыми они другъ друга ослабляли; безпрерывное стремленіе подвассаловъ поставить себя въ такое положеніе, чтобы имъ зависѣть непосредственно отъ Короля; таковымъ стремленіемъ они безпрерывно подкапывали и ослабляли силу Вассаловъ, и Короли тѣмъ охотнѣе покровительствовали сему стремленію подвассаловъ, что сіи послѣдніе не могли быть для нихъ столь опасны и по ихъ гораздо меньшей силѣ и по ихъ большему числу, которое препятствовало имъ согласиться въ дѣйствіяхъ своихъ и поступать по одному правилу, по одной мысли. Но гораздо могущественнѣе содѣйствовали рѣшительному паденію Феодальной системы силы внѣшнія. Таковы были, во-первыхъ, *власть духовенства*, самою же Феодальною системою высоко поставленная, съ половины XI вѣка настойчивою политикою одного геніальнаго человѣка (*) вознесенная еще выше, и получившая черезъ него именно то, чего недоставало феодализму: сосредоточеніе своей силы; во-вторыхъ, *городскія общины*, жители которыхъ хотя по наружности сохранили прежніе уставы своего муниципальнаго управленія, но въ существѣ силою феодализма сведены были почти на одну степень съ рабами-поселянами, и потому имѣли съ сими послѣдними одинакія выгоды, одинакія цѣли, одинакую ненависть къ игу феодальному. Сіи двѣ противодѣйствующія феодальному могуществу силы развились среди того же Новаго общества, и развились подлѣ феодальной власти и на-перекоръ ей; онѣ развились позже ея, но зарожденіе ихъ восходитъ за предѣлы той эпохи, съ которой на-

(*) Папы Григорія VII.

чалось Новое общество (въ исходѣ V и началѣ VI вѣка). Изложеніе постепеннаго возвышенія сихъ двухъ противодѣйствователей феодальному могуществу покажетъ и то, какимъ образомъ они должны были ограничивать и сжимать своеволіе и буйство феодальное, и то, какое участіе имѣли сіи двѣ силы въ образованіи и устройствѣ новыхъ Европейскихъ государствъ.

ГЛАВА VI.

Папская власть.

Происхожденіе духовной власти въ Римской Имперіи и состояніе Церкви по паденіи Имперіи Западной; состояніе Церкви по утвержденіи Феодальной системы; постепенное образованіе центральной духовной власти въ лицѣ Римскаго первосвященника; обстоятельства, содѣйствовавшія возвышенію папской власти отъ V до исхода XI вѣка.

---

65. Выше было сказано (33 — 35), какимъ образомъ, среди погибшаго Римскаго міра, учредилось духовное общество, хотя и колеблемое ересями и расколами, но твердое и единое, потому-что оно управлялось одною идеею, одними правилами; и сильное своимъ единствомъ и своими правилами, и потому въ эпоху разрушенія Имперіи стоявшее выше свѣскаго общества. Въ это время (въ исходѣ IV и V вѣкѣ) Церковь, казалось, была въ полномъ торжествѣ и стояла на прочномъ основаніи: памятники язычества истребились совершенно; Императоръ Граціанъ (г. 375—383) разрушилъ послѣдній языческій алтарь въ Римѣ, отобравъ въ пользу христіанскихъ церквей всѣ доходы, кои назначены были прежде въ пользу языческихъ жрецовъ и храмовъ, и отвергнулъ языческое титло первосвященника, которое еще доселѣ носимо было Императорами; въ то же время то же самое совершалъ Θеодосій на Востокѣ, и даровалъ Церкви еще новую побѣду надъ врагами

внутренними и самыми тогда опасными, по ихъ многочисленности и силѣ, надъ Аріанами, противу которыхъ были приняты строгія мѣры, и которыхъ ересь уничтожена была во всемъ пространствѣ Имперіи. Такимъ образомъ Церковь въ исходѣ IV и началѣ V вѣка торжествовала и надъ язычниками и надъ еретиками. Но вскорѣ пала Имперія; лишенная подпоры и ограды, какую прежде имѣла она во власти императорской, окруженная новыми язычниками, новыми еретиками (ибо таковы были завоеватели прежнихъ Римскихъ областей) Церковь должна была бороться собственною уже силою противу новыхъ враговъ и отстаивать свои уставы и свое управленіе отъ всякаго нарушенія и вмѣшиванія со стороны ихъ. Въ такомъ бореніи съ завоевателями находилась Церковь до исхода VI вѣка, когда утвердилось единство Вѣры у побѣдителей съ побѣжденными, и когда, слѣдственно, чувство недовѣрчивости и опасеній, съ которымъ духовные должны были встрѣтить побѣдителей (44), истребилось, а напротивъ, произошло сближеніе между сими послѣдними и духовенствомъ, сближеніе, произведенное взаимными выгодами и тѣхъ и другихъ. До исхода VI вѣка замѣтны усилія духовныхъ поддержать уставы Имперіи, во времена существованія которой Церковь сдѣлалась сильною и торжествующею; замѣтны усилія переплавить, такъ сказать, варваровъ въ Римлянъ. Сіи усилія были тщетны; необузданная воля побѣдителей не могла быть подчинена условіямъ общества погибшаго и для нихъ чуждаго; напротивъ, общество духовное само увлеклось во многомъ обычаями новыхъ владѣльцевъ; невѣжество завоевателей простерлось и на духовныхъ. Если (*) сравнить писанія духовныхъ хронографовъ VIII вѣка съ лѣтописями вѣковъ предшествовавшихъ, найдемъ безконечную разницу. Всѣ остатки Римскаго образованія исчезли, даже и языкъ; чувствуешь, такъ сказать, что погружаешься въ варварство. Съ одной стороны, варвары входятъ въ сословіе духовныхъ, дѣлаются священниками, епископами; съ другой, епископы принимаютъ образъ жизни варваровъ, и, не оставляя своего званія, дѣлаются предводителями дружинъ и бродятъ по странѣ съ войною и грабительствомъ, какъ полудикіе сопутники Клодвига. При всемъ томъ два явленія, важныя по своимъ послѣдствіямъ для будущей власти духо-

(*) Гизо.

венства надъ обществомъ, совершились въ сіе время: *отдѣльность духовной власти отъ свѣтской* и *учрежденіе монашества* на Западѣ въ началѣ VI вѣка Св. Бенедиктомъ. Посему, хотя отъ VI до VIII вѣка духовные, увлеченные общимъ невѣжествомъ и безпорядкомъ, и утратили свою прежнюю важность и свои прежнія нравственныя преимущества (35), такъ-что отъ исхода VI до половины VIII вѣка духовенство всей западной Европы не представляетъ, кромѣ Исидора Севильскаго, ни одного знаменитаго имени: но, *во-первыхъ*, духовенство не сдѣлалось ниже общества, а только унизилось вмѣстѣ съ онымъ; *во-вторыхъ*, въ двухъ выше сказанныхъ явленіяхъ духовенство получило, на будущее время, средства возвратить власть свою снова.

66. Великая перемѣна произошла въ положеніи духовныхъ, когда возникла Феодальная система и наслѣдственность леновъ утвердилась: они сами сдѣлались помѣщиками и членами феодальной аристократіи; духовныя званія и должности сдѣлались ленами; ибо съ каждымъ званіемъ и съ каждою должностію сопряжено было или обладаніе поземельною собственностію или пользованіе извѣстными доходами, которые отдавались въ руки того или другаго лица на тѣхъ же правилахъ, какъ и всѣ прочіе лены. Тогда и все управленіе церковное устроивалось по общему феодальному аристократическому образцу: единство онаго исчезло и замѣнилось раздѣльностію; выгоды мѣстныя, частныя, заступили мѣсто общихъ выгодъ. Епископы въ своихъ эпархіяхъ, настоятели (аббаты) въ монастыряхъ своихъ стали Вассаллами; простые духовные были ихъ подвассаллы; необузданность феодальная сдѣлалась жизнію духовенства, и самая чистота вѣры помутилась примѣсью обрядовъ, порожденныхъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, и поддержанныхъ корыстолюбіемъ. Напрасно Карлъ В. старался возвысить Римскаго первосвященника, чтобы образовать въ лицѣ его центральную власть для управленія церковнаго, и, подчинивъ себѣ сію власть, найти въ ней новую опору для своей собственной: его опыты и въ семъ отношеніи были столь же, какъ и въ другихъ (46), безуспѣшны, и по его кончинѣ раздѣльность въ управленіи церковномъ, такъ же, какъ и гражданскомъ, усилилась еще болѣе. Тѣ же вѣки, X и XI, въ которые развивалась Феодальная система и усиливалось раздробленіе общества на мелкія части, усиливалась раздѣльность и управленія церковнаго, и, соразмѣрно съ нею, и безпорядки возрастали. Сіе время было вре-

мѣнемъ величайшихъ злоупотребленій, распоряженія совершенно произвольнаго духовными званіями и мѣстами, величайшаго разврата и безнравственности въ Западномъ духовенствѣ. И при таковомъ положеніи дѣлъ усилія къ водворенію порядка и единства замѣтны были въ томъ, что отъ начала IX до исхода XI вѣка (*) (до Папы Григорія VII) были многочисленные соборы, совѣщанія духовныхъ о постановленіи правилъ точныхъ и общихъ; но и сіи соборы столь же мало могли достигнуть своей цѣли, какъ и собранія Вассалловъ на Мартовскихъ и Майскихъ поляхъ, по той причинѣ, что Вассаллы духовные — Прелаты, — приносили на сіи соборы и уносили съ нихъ такое же сознаніе своей собственной независимости и необузданной воли, какъ и свѣтскіе Вассаллы на свои собранія. Таковое состояніе другаго важнаго элемента общественной жизни прибавляло еще новую черту къ тому мрачному образу, какой имѣло общество въ сіи несчастные вѣки (57). Итакъ, слѣдственно, и состояніе духовенства въ XI столѣтіи было такое, что отъ него нельзя было ожидать полезнаго вліянія на жизнь общественную и на измѣненіе оной къ лучшему: оно въ семъ положеніи или никакого дѣйствія не могло имѣть на общество, или могло имѣть только худое. Между тѣмъ среди сего величайшаго разстройства въ духовномъ обществѣ, на ступеняхъ, которыя поставилъ ей Карлъ Великій, уже воздвигалась центральная власть, долженствовавшая скрѣпить его и дать ему силу успѣшно противодѣйствовать ужасамъ феодализма: это *Папская власть*, новое, великое явленіе Среднихъ вѣковъ! Въ Римѣ должна была образоваться и созрѣть таковая центральная власть, въ Римѣ, къ имени котораго привязаны были столь великія воспоминанія, и который считался издавна центромъ Христіанства для народовъ Западной Европы.

67. Еще прежде того времени, какъ Христіанская Вѣра сдѣлалась господствующею въ Римской Имперіи, но въ то время, какъ уже общество Христіанъ стало многочисленно, открылась настоятельная потребность въ особенномъ классѣ людей, для отправленія единаковаго богослуженія по правиламъ новой вѣры;

(*) Отъ начала IX вѣка до 1073, въ 270 лѣтъ было 365 соборовъ; отъ начала V до исхода VIII, въ 460 лѣтъ, — 226 соборовъ. Art de vérifier les dates.

образовался *классъ духовныхъ*, и въ немъ постепенность властей и должностей, означавшихся еще съ I-го вѣка по Р. Х. особыми титулами: Епископовъ, Пресвитеровъ, Діаконовъ. Естественно, что Епископы въ большихъ и знатныхъ городахъ Имперіи получили со временемъ преимущество надъ другими и имѣли подъ надзоромъ своимъ (*надзирателя* — означаетъ и самое ихъ имя) всѣ церкви, находившіяся въ округѣ таковаго города, соблюдая въ нихъ чистоту правилъ Евангельскихъ, и не допуская въ нихъ примѣшиваться правиламъ и мнѣніямъ ересей, рано (съ начала II-го вѣка) уже начавшихъ колебать Христіанскую Церковь. Съ половины V вѣка Епископовъ Рима, Константинополя, Антіохіи, Іерусалима и Александріи стали называть Патріархами и они занимали верхнюю степень въ Іерархіи Христіанской.

68. Между сими пятью Патріархами, Римскій находился въ выгоднѣйшемъ положеніи относительно своей важности и власти. Имперія была раздѣлена; въ Восточной *четыре* Святителя носили имя Патріарховъ и стояли на одной степени знаменитости духовной; сверхъ того, Константинопольскій Патріархъ мало замѣтенъ былъ въ блескѣ Двора Византійскаго, а Эпархіи Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго Патріарховъ уже въ первой половинѣ VII вѣка сдѣлались добычею Магометанъ; между тѣмъ какъ Патріархъ Римскій былъ *одинъ* въ Западной Имперіи. Паденіе Имперіи было опять для Римскаго Патріарха обстоятельствомъ, благопріятствовавшимъ возвышенію достоинства и значенія его въ новомъ обществѣ; Императоровъ не стало, Патріархъ остался; не было, слѣдственно, въ исходѣ V и началѣ VI на всемъ Западѣ достоинства, которое было бы въ понятіяхъ народныхъ выше достоинства Патріарха Западнаго: ибо зависимость его отъ Византійскихъ Императоровъ была не замѣтна для народовъ, да и на самомъ дѣлѣ эта зависимость была ничтожна. Притомъ Эпархія его не только не стѣснилась, а еще распространилась; ибо въ исходѣ VI вѣка уже всѣ завоеватели бывшихъ Римскихъ областей (кромѣ Лонгобардовъ) приняли Католическую Вѣру и стали признавать Патріарха главою духовенства и начальникомъ всѣхъ церквей на Западѣ. Сего-то Первосвященника народы варварскіе стали называть *Папою*, — испорченное Греческое слово, которое встрѣчается еще у писателей II вѣка, но не въ смыслѣ особенной степени въ Іерархіи, а какъ названіе, даваемое вообще Епископамъ. Съ VI вѣка названіе *Папы* дѣлается единственно

употребительнымъ наименованіемъ Патріарха Римскаго и въ понятіяхъ народныхъ становится особеннымъ титуломъ, — выраженіемъ новой степени Іерархической. Еще въ послѣднія времена Имперіи, когда варвары вторгались со всѣхъ сторонъ въ ея предѣлы, Папы являются важными дѣйствующими лицами, участвуютъ въ грозныхъ и страшныхъ событіяхъ, и сіе участіе, при бездѣйствіи и безсиліи власти Императорской, проливаетъ особенный свѣтъ на ихъ память. Такъ, когда Аларихъ шелъ на Римъ (г. 409), а ничтожный Гонорій въ ребяческомъ страхѣ и бездѣйствіи, какъ бы чужой совершавшимся около него великимъ событіямъ, заключился въ Равеннѣ съ своимъ Римомъ (*), отдавая и столицу и Италію на жертву непріятелю, Папа Иннокентій I (г. 402—417) безстрашно предсталъ передъ грознаго завоевателя; не спасъ Рима отъ разоренія, но блистательно, и какъ пастырь и какъ гражданинъ, выполнилъ свои обязанности, убѣждая и просьбами и дарами Алариха пощадить городъ, и по разореніи и словомъ и дѣломъ явясь утѣшителемъ нечастныхъ Римлянъ; такъ, когда Валентиніанъ III утопалъ въ сластолюбіи, а бичъ Божій — Аттила — готовился (г. 452) внести опустошеніе въ Италію и истребить всѣ памятники древняго образованія, Папа Левъ I (г. 440—461) прибылъ въ лагерь вождя Гунновъ, которыхъ имя одно было тогда предметомъ ужаса, и своими дарами, слезами и мольбами остановилъ намѣреніе Аттилы, и народъ въ благодарномъ воспоминаніи не забылъ, кому онъ одолженъ своимъ спасеніемъ. И по совершенномъ расторженіи Имперіи, великія качества Григорія I (г. 590 — 604) придали новый блескъ имени Римскаго Первосвященника. Италія, послѣ кратковременнаго возвращенія ея подъ власть Восточныхъ Императоровъ (25), оставлена была ими на произволъ судьбы, и Папа Григорій I, не имѣя ни въ комъ опоры, кромѣ самого себя, съ одной стороны, умѣлъ останавливать покушенія Лонгобардскихъ Королей, пронести свою власть глубже въ Италію и завладѣть Римомъ; съ другой, успѣлъ обратить свои взоры на отдаленную Британнію и возстановить въ ней Христіанство, погибшее подъ ударами Англосаксовъ-язычниковъ, между тѣмъ, какъ Епископы, болѣе близкіе, и не думали о такомъ предпріятіи. Одно

(*) Такъ назывался любимый пѣтухъ Гонорія, — предметъ странной его заботливости, и въ какія времена!

сіе обстоятельство служитъ свидѣтельствомъ великихъ свойствъ Григорія I, который симъ дѣйствіемъ своимъ и въ такое трудное, страшное для самаго Рима время, сдѣлалъ пріобрѣтеніе, котораго важности, конечно, онъ и самъ не предвидѣлъ.

69. Вѣкъ VII былъ трудный вѣкъ для преемниковъ Григорія Великаго. Аріане-Лонгобарды, утвердясь въ С. Италіи, не покидали намѣренія овладѣть остальною, и особенно овладѣть Римомъ, съ которымъ владычество надъ Италіею казалось неразлучно. Восточные Императоры, хотя и считали себя владыками Рима и Италіи, но не были въ состояніи помочь сей странѣ, потому-что VII вѣкъ и для Греческой Имперіи былъ тяжкій вѣкъ; въ теченіе онаго, среди ужасовъ и злодѣйствъ, погибалъ домъ Ираклія, въ которомъ, послѣ родоначальника, не было ни одного Императора, достойнаго и способнаго стоять противу сильныхъ ударовъ враговъ внѣшнихъ: Персовъ и Аваровъ въ началѣ столѣтія, Аравитянъ и Булгаръ во все продолженіе онаго. Походъ внука Ираклiева, Константція II (г. 642—668) въ Италію стоилъ только новыхъ разореній сей странѣ, и Императоръ, забирая и отсылая въ Грецію сокровища и памятники искусствъ въ разныхъ городахъ Италіи, тѣмъ самымъ ясно показывалъ, что онъ уже не считаетъ сію страну своею. Хотя и послѣ сего Императоры Греческіе еще продолжали считать себя владыками Аппенинскаго полуострова и имѣли своего Экзарха въ Равеннѣ, но безъ власти и безъ средствъ когда либо пріобрѣсти ее, и въ VII вѣкѣ Первосвященникъ Римскій остался одинъ защитникомъ Рима и Италіи; и если, съ одной стороны онъ приведенъ былъ тѣмъ въ болѣе трудное положеніе, чѣмъ прежде, то, съ другой, и болѣе обращалъ на себя взоры всѣхъ жителей Италіи съ ожиданіями и надеждами, такъ-что нечувствительно примѣшивалась въ умахъ народа ко власти духовной Папы и идея его свѣтской власти, какъ защитника и правителя православной Италіи. Событія VIII вѣка въ Греческой Имперіи снова содѣйствовали къ возвышенію могущества Папъ. Тамъ со временъ Льва Исаврійскаго (г. 717—741) начался гибельный споръ о поклоненіи иконамъ, споръ, наполнявшій волненіями и провопролитіемъ Имперію въ теченіе 70 лѣтъ (до г. 787). Папы Григорій II (715—731) и Григорій III (г. 731—751) возстаютъ сильно противу иконоборцевъ, и въ семъ возстаніи уже замѣтно, что они опираются не на одну свою духовную власть, но и на политическую, особенно Григорій III, который, настойчиво и смѣ-

ло укоряя Льва Исаврійскаго въ безбожіи, какъ духовный, угрожаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ отпаденіемъ Италіи отъ власти Императора, какъ человѣкъ, который чувствуетъ себя въ силахъ опредѣлять и политическую судьбу сей страны. Необъятная дѣятельность сихъ двухъ Григоріевъ не истощилась въ спорахъ съ Греческими Императорами; можно сказать, что Григорій II одною рукою сѣялъ сѣмена Христіанства въ Германіи, тогда еще языческой, и присоединялъ тѣмъ къ своей Эпархіи новую, обширную область; а другою останавливалъ всѣ покушенія Лонгобардскихъ Королей на Римъ, покушенія, сдѣлавшіяся тогда и болѣе сильными и рѣшительными, чѣмъ прежде. Оба Григорія ласково и привѣтливо обращались съ просьбами о помощи къ правовѣрнымъ Франкамъ, но не къ ничтожнымъ потомкамъ Клодвига, носившимъ еще названіе Королей Франконіи, а къ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ давно уже была дѣйствительная власть — къ Палатнымъ Мэрамъ. Сіи сношенія Папъ съ Палатными Мэрами Франконіи положили основанія событіямъ, имѣвшимъ величайшее вліяніе и на власть Папскую и на судьбу всей Югозападной Европы.

70. Когда въ землѣ Франковъ послѣдовала раздача участковъ въ пользованіе членамъ Гелейта, тогда усилилась и важность Палатнаго Мэра, какъ сказано выше (51). Пока однако же Короли оставались еще сами предводителями ополченій, дотолѣ власть Палатныхъ Мэровъ, при всей важности своей, могла быть непримѣтна для Исторіи, ограничиваясь только завѣдываніемъ розданныхъ отъ Фиска участковъ земли, и слѣдственно, будучи властію внутреннею, распорядительною. Но во время междоусобій и злодѣйствъ, между дѣтьми и внуками Клодвига совершавшихся, въ особенности во время почти полвѣка (г. 567 — 613) продолжавшейся брани между линіею Австразійскою (Зигберта) и Соасонскою (Хилперика), Палатные Мэры должны были пріобрѣсти новую особенную важность, ибо сдѣлались предводителями ополченій въ сихъ войнахъ междоусобныхъ. Когда Клотарь II истребленіемъ Австразійской линіи соединилъ подъ властію своею всѣ земли Франковъ (г. 613), и когда потомъ (г. 622) отдѣлилъ онъ Австразію (*) сыну своему Дагоберту I съ королевскимъ титуломъ, но съ зависимостію отъ себя: тогда Герцогъ Пипинъ (Лан-

(*) Страны отъ Арденновъ чрезъ Рейнъ и Майнъ до Бемервальда.

день), оказавшій важныя услуги Королю Клотарю при покореніи Австразіи, сдѣланъ былъ тамъ Палатнымъ Мэромъ. Крѣпкій духомъ и доблестію, крѣпкій дружбою и родствомъ съ первымъ духовнымъ въ Австразіи, Арнульфомъ, Епископомъ Мецскимъ (*); крѣпкій всего болѣе молодостію и неспособностію Дагоберта, Пипинъ правилъ Королевствомъ его съ неограниченною властію, и съ таковою же властію правилъ до самой своей, всѣми оплаканной, кончины (г. 633); и соединеннымъ опять Королевствомъ Франковъ, когда Дагобертъ, послѣ смерти отца своего (г. 628), соединилъ съ Австразіею и Нейстрію (**). Съ сихъ поръ (съ 622 г.) можно уже считать достоинство Палатнаго Мэра наслѣдственнымъ въ Домѣ Пипина, по крайней мѣрѣ въ Австразіи; а отъ временъ правнука его, знаменитаго Карла Мартелля (г. 715—741), оно сдѣлалось наслѣдственнымъ въ семъ Домѣ и для всего Королевства Франковъ, пока сынъ сего Карла Мартелля, Пипинъ Короткій, самъ возсѣлъ на престолъ Клодвига (г. 752).

71. Къ сему-то Карлу Мартеллю обращались оба Григорія съ просьбою о помощи противу Лонгобардовъ, ибо никогда еще Римъ не бывалъ въ такой опасности, въ какую приведенъ былъ въ это время предпріятіями Люитпранда (г. 712—743), законодателя и воеводы, знаменитѣйшаго изъ Королей Лонгобардскихъ. Теперь, когда Италія вся была въ страшномъ волненіи, произведенномъ спорами о поклоненіи иконамъ, теперь считалъ и Люитпрандъ вѣрнымъ совершеніе того, что издавна было предметомъ усилій его предшественниковъ, и уже почти весь Экзархатъ Равеннскій былъ въ рукахъ его. Карлъ Мартелль, чествуя Папскихъ пословъ, ласково обѣщая свое посредничество въ дѣлахъ между Римомъ и Люитпрандомъ, остерегался однако же сдѣлать что-либо болѣе, и потому, что онъ не хотѣлъ имѣть сильнаго духомъ Люитпранда врагомъ своимъ; и потому, что онъ долженъ былъ беречь всю дѣятельность и всѣ силы свои для огражденія Франціи отъ Аравитянъ, тогда уже овладѣвшихъ Пиренейскимъ полуостровомъ и начавшихъ (г. 719) свои грозныя вторженія въ страны къ С. отъ Пиренеевъ; и потому, наконецъ, что Карлъ Мартелль уже, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду быть, современемъ, для Франціи болѣе,

(*) Дочь Пипина была супругою сына Арнульфова.

(**) Страны къ Западу и Югозападу отъ Арденновъ.

чѣмъ Палатнымъ Мэромъ, направлялъ къ этой цѣли свои дѣйствія и не хотѣлъ развлекать себя предпріятіями далекими, которыхъ слѣдствій нельзя было предвидѣть. Не смотря однако же на то, что онъ не принялъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ Италіи, доброе согласіе между обоими Григоріями и имъ, такъ-какъ и между преемникомъ Григорія III, Захаріемъ II (г. 741 — 752), и преемникомъ Карла Мартелля Пипиномъ Короткимъ, продолжалось и укрѣплялось. Въ 751 году явились передъ Папою послы Пипина съ вопросомъ: «тотъ ли настоящій Король, который носитъ на себѣ имя, или тотъ, который руководитъ всѣми силами Государства и въ дѣлахъ войны и въ дѣлахъ мира?» Отвѣтъ былъ напередъ извѣстенъ Пипину, и, по повелѣнію Папы, руками Бонифація, Архіепископа Майнцскаго, помазанъ на царство новый Король, Пипинъ (г. 752), а послѣдній потомокъ выродившагося Дома Меровеевъ, Хилдерикъ III, отправленъ былъ въ монастырь. Вскорѣ Папѣ представилась необходимость просить у Пипина, такъ сказать, отплаты за дарованную ему корону Клодвига. Аистульфъ, Король Лонгобардскій (г. 749 — 756), покорилъ Экзархатъ Равеннскій (*) и готовился покорить Римъ, котораго паденіе казалось неизбѣжнымъ; Папа Стефанъ II, преемникъ Захарія, постоянно державшійся политики своего предшественника, самъ отправился къ Пипину просить его о помощи и защитѣ, цѣною коей было новое помазаніе Пипина и дѣтей его (г. 754) на престолъ Франковъ, и проклятіе, положенное на народъ, если бы онъ отпалъ отъ Царя своего или отъ его рода. Пипинъ два раза (г. 754 и 755) ходилъ въ Италію, побѣдилъ Аистульфа и, отнявъ у него Экзархатъ, отдалъ страну сію Римской Церкви, т. е. представителю ея, Первосвященнику. Такимъ образомъ Папы получили то, чего не имѣлъ ни одинъ изъ ихъ духовныхъ собратій, Епископовъ цѣлаго Христіанскаго міра, — землю, которая принадлежала непосредственному ихъ владычеству, и которой они сдѣлались, можно сказать, Царями; отселѣ новыя отношенія Папъ къ міру, среди коего они жили и дѣйствовали, новая ступень къ ихъ возвышенію. Но опасность для Папы не миновалась, а можно сказать еще усугубилась, когда онъ сдѣлался свѣтскимъ властели-

(*) Пространство земли отъ берега Адріатическаго моря между устьями рѣкъ Сеніо и Тренто на Западъ до Аппенниновъ.

номъ; къ духовнымъ заботамъ Первосвященника присоединились царственныя заботы: охранять свое владѣніе отъ покушеній непріятельскихъ, ибо Дезидерій, преемникъ Аистульфа (г. 756—774) не терялъ и не скрывалъ ни желанія, ни надежды возвратить Экзархатъ. Болѣе полувѣка тѣснаго союза, основаннаго на чувствѣ взаимной нужды съ Домомъ Карла Мартелля, и скрѣпленнаго послѣдними событіями, уже не оставляло для Папъ сомнѣнія въ томъ, гдѣ они должны искать помощи и защиты. Съ полною увѣренностію обратился Папа Адріанъ I (г. 772—795) къ сыну Пипина, Королю Карлу, и Карлъ прибылъ въ Италію, положилъ конецъ Королевству Лонгобардскому (г. 774), посѣтилъ Первосвященника, провелъ у него въ Римѣ нѣсколько мѣсяцевъ и утвердилъ за нимъ даръ своего родителя, увеличивъ оный впослѣдствіи еще новыми присоединеніями земель, отобранныхъ у Герцога Беневентскаго. Въ 23 года папствованія своего, Адріанъ имѣлъ въ Королѣ Карлѣ В., славномъ дивными подвигами и на поляхъ войны и въ дѣлахъ міра, союзника и защитника вѣрнаго и могущественнаго, и друга почтительнаго: Карлъ В. съ намѣреніемъ возвышалъ достоинство Римскаго Первосвященника; это было нужно для его цѣлей.

72. Преемникъ Адріана, Левъ III, съ заботливою предусмотрительностію старался пріобрѣсти и себѣ такую же дружбу отъ Карла, какую сей послѣдній питалъ такъ постоянно и такъ долго къ его предшественнику, и сіе стараніе не безполезно было Папѣ: вскорѣ онъ долженъ былъ имѣть нужду въ защитѣ и покровительствѣ могущественнаго своего друга. Лишенный своими личными непріятелями въ Римѣ званія (г. 799) и едва не лишенный жизни, Папа Левъ отправился къ Карлу В. въ Падерборнъ съ слезными жалобами. Карлъ принялъ изгнанника не только съ ободрительнымъ участіемъ, но съ почестями, и съ почестями велѣлъ проводить его въ Римъ, куда и самъ прибылъ въ слѣдующемъ году. Здѣсь, въ церкви Св. Петра, въ праздникъ Рождества Христова, когда Папа совершалъ торжественное Богослуженіе, и когда Карлъ колѣнопреклоненъ стоялъ передъ алтаремъ, Левъ III возложилъ корону на главу Короля Франковъ, и многочисленный народъ воскликнулъ: «долгоденствіе и побѣда Карлу, Августѣйшему, Богомъ вѣнчанному, Великому Императору Римскому!» — Такимъ образомъ въ 800 году возстановленъ былъ забытый въ теченіе почти трехъ съ половиною вѣковъ титулъ Римскаго Им-

ператора и возстановленъ былъ *Папою*, который въ семъ дѣйствіи являлся передъ народомъ какъ бы хранителемъ и обладателемъ Римской Императорской короны, имѣющимъ право возлагать ее, по своему усмотрѣнію, на главу достойную. Конечно, ни Папа, ни, тѣмъ менѣе, Императоръ Карлъ не предполагали, сколько новыхъ понятій въ умахъ возродитъ одно это дѣйствіе, и къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ оно.

73. Послѣдствія сіи скоро обнаружились однакожъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль возобновить титулъ Римскаго Императора родилась въ головѣ Карла В., и что торжество, совершившееся въ Римѣ, было приготовлено въ Падерборнѣ, приготовлено въ томъ, по крайней мѣрѣ смыслѣ, что Папа дѣйствовалъ зная намѣреніе Карла В., хотя могъ не знать: *когда* и *какъ* знаменитый король Франконіи произведетъ свое намѣреніе въ дѣйство. Карлъ думалъ, возобновляя титулъ и власть Императора, поставить сію власть основаніемъ новаго общественнаго устройства, которое его всеобъемлющая дѣятельность готовила тогдашней Европѣ; принимая корону отъ руки Римскаго Первосвященника, онъ имѣлъ въ виду освятить сію новую власть свою и сіе свое новое титло; имѣлъ въ виду, далѣе, воздвигая центральную власть въ лицѣ Римскаго Императора для общества свѣтскаго, утвердить таковую же и для духовнаго общества въ лицѣ Римскаго Первосвященника; но поставить себя къ нему въ то же отношеніе, въ какомъ находились Римскіе Императоры къ Патріархамъ. Карлъ и дѣйствительно поставилъ себя въ такое отношеніе: чествовалъ Папу, совѣщался съ нимъ въ дѣлахъ церковнаго и нерѣдко въ дѣлахъ гражданскаго управленія, но смотрѣлъ на него только какъ на старшаго Епископа въ своей Имперіи; при самомъ коронованіи, Папа призналъ Императора своимъ Государемъ и владыкою; не выходилъ изъ его воли и впослѣдствіи посѣщалъ его, по призыву, въ его столицѣ, въ Аахенѣ, и Карлъ, какъ бы для того, чтобы ослабить впечатлѣніе, которое могло оставаться въ умахъ народа отъ его собственнаго коронованія, самъ вѣнчалъ Императоромъ сына своего Лудовика въ Аахенѣ (г. 813); но съ другой стороны преемникъ Льва, Стефанъ IV, какъ-будто также опасаясь, чтобы таковое вѣнчаніе не сдѣлалось, къ великому ущербу для Папской власти, правиломъ на будущее время, снова самъ, по кончинѣ Карла В., короновалъ Лудовика въ Реймсѣ (г. 817). Преемники Стефана заботливо совершали царское вѣнчаніе надъ

потомками Императора Лудовика I, стараясь не выпустить изъ рукъ своихъ сего преимущества, котораго важность скоро они поняли, и Папа Левъ IV (г. 847—855) короновалъ внука Лудовикова Императоромъ подъ именемъ Лудовика II, тогда, какъ отецъ сего Лудовика II, Лотаръ I, еще былъ живъ, также былъ коронованъ и также назывался Императоромъ. Такимъ образомъ Папа Левъ IV симъ дѣйствіемъ своимъ явно показывалъ, что достоинство Римскаго Императора есть даръ Римскаго Первосвященника, и таковымъ даромъ уже открыто признавалъ свое достоинство новый Императоръ. Такъ уничтожились виды и намѣренія Карла В. и такъ перемѣнились, уже со временъ сына его и преемника Лудовика I, отношенія Императора къ Папѣ! Въ душѣ сего Лудовика, набожнаго и слабаго, снисходительное уваженіе, которое оказывалъ Карлъ В. Римскому Первосвященнику, превратилось въ смиренную, робкую покорность; а чрезмѣрная слабость Императора, проявлявшаяся во всѣхъ дѣйствіяхъ и мысляхъ его, придавала сей покорности видъ уничиженія недостойнаго. Отъ самаго начала царствованія сего Лудовика Слабаго (Débonnaire) (г. 814-840), рука судьбы отяготѣла надъ Домомъ Карла В.; дѣла потомковъ его представляютъ не лучшую картину, какъ дѣла потомковъ Клодвига. Слабость, пороки, междоусобія внуковъ и правнуковъ Карла В.; усиленіе могущества Вассаловъ, свѣтскихъ и духовныхъ, самими владѣтелями, нуждающимися въ ихъ помощи при своихъ междоусобіяхъ (53), уничтожили совершенно идею Карла В., утвердить единодержавіе, и на немъ основать союзъ общественный; унизили и власть каждаго порознь Монарховъ Карловингскихъ, между тѣмъ какъ Римскіе Первосвященники, продолжая дѣйствовать въ духѣ своихъ предшественниковъ, безъ труда и усилій простерли власть свою надъ всѣми потомками Карла, и не болѣе, какъ черезъ полвѣка по кончинѣ могущественнаго Императора, Папа Николай I (г. 858—867) уже судилъ распрю правнука Карлова, Лотаря II, съ его супругою и отлучилъ отъ Церкви преступнаго. Папа Николай I между всѣми Первосвященниками Рима, отъ временъ Григорія I (68) не имѣлъ себѣ равнаго по уму, по дѣятельности, по силѣ характера, по тому сознанію, какое имѣлъ онъ объ отношеніи своей власти къ окружающему его міру, и о возможности возвысить ее, и по той непоколебимой волѣ, съ которою дѣйствовалъ къ возвышенію сей власти; и ни кто изъ его предшественниковъ не приготовилъ столько способовъ

своимъ преемникамъ распространить свое вліяніе на всѣ Государства Западной Европы и подчинить ее надолго своему могущественному вліянію, какъ Папа Николай I. Два обстоятельства содѣйствовали ему къ достиженію его цѣли: 1) Декреталіи Исидора; 2) раздѣленіе Церкви Западной и Восточной.

74. *Декреталіи Исидора*, такъ называлось собраніе церковныхъ уставовъ, составленное въ VII вѣкѣ Епископомъ Исидоромъ Севильскимъ, знаменитымъ въ свое время и своею обширною ученостію и своими пастырскими добродѣтелями. Во второй четверти IX вѣка, когда разгорались сильнѣе и сильнѣе несчастныя распри сыновей Лудовика и съ отцемъ своимъ, и потомъ еще болѣе кровавыя распри ихъ между собою; когда всѣ страсти были возбуждены и взволнованы, и Вассаллы свѣтскіе, такъ какъ и Вассаллы духовные, запутывали и питали сіи распри, принимая то одну сторону, то другую; когда общество гибло отъ ужасныхъ безпорядковъ и не было силы, которая была бы въ состояніи не только прекратить, но даже остановить ихъ: тогда, на основаніи уставовъ Исидора, составлено, неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно кѣмъ, новое уложеніе, которымъ опредѣлялся порядокъ церковный, единство Церкви, высшее достоинство Римскаго Первосвященника, независимость духовныхъ отъ суда свѣтскаго, неприкосновенность церковныхъ имуществъ; и всѣ сіи правила означены именами Соборовъ, на которыхъ они постановлены; и всѣ они отнесены къ первымъ временамъ Христіанства. Собраніе всѣхъ сихъ уставовъ приписано было древнему, достойно чтимому Исидору и подъ именемъ его Декреталій введено въ употребленіе какъ законъ, со временъ Апостольскихъ существующій. Въ этихъ Декреталіяхъ представляется власть Римскаго Первосвященника, какъ высшая и единая духовная власть, въ первыя времена Христіанства учредившаяся и Соборами утвержденная. Время, въ которое Папы стали предъявлять сіи уставы, какъ основанія своей власти, было время, когда вѣрили ученію, котораго основаній никто не изслѣдывалъ, и считали дѣйствительными событія, коихъ истины не повѣрялъ никто; посему легко представить, что таковой, можетъ быть, благонамѣренный обманъ, и — конечно — не недругомъ Папской власти придуманый; уложеніе съ такими признаками и древности и подлинности, и поддерживаемое притомъ уже пріобрѣтенною Папами важностію власти ихъ, должно было скоро быть принято во всѣхъ земляхъ Западной Европы и послужить основаніемъ но-

ваго церковнаго права на будущее время. Для Николая I сіи ложныя Декреталіи были готовымъ орудіемъ, которое онъ искусно употреблялъ въ спорахъ своихъ и съ потомками Карла В. и съ ихъ духовными Вассаллами, кои старались не дать Римскому Первосвященнику власти надъ собою; и не было притязанія, котораго Папа не нашелся бы въ состояніи оправдать, ссылаясь на Исидоровы Декреталіи.

75. *Раздѣленіе Церкви* Западной (Римской) и Восточной (Греческой) совершилось во время Папы Николая I, который въ семъ событіи принималъ дѣятельное участіе. Сіе раздѣленіе издавна приготовлялось разными обстоятельствами: и соперничествомъ, въ которомъ часто находились Патріархи Константинопольскій и Римскій на счетъ своего другъ надъ другомъ старѣйшинства, и на которое каждый изъ нихъ предъявлялъ свои права; и уклоненіями въ обрядахъ Богослуженія и въ самыхъ догматахъ, которые вводимы были въ Церковь Западной Европы; но послѣднимъ поводомъ къ дѣйствительному раздѣленію Церквей были событія въ Константинополѣ, въ половинѣ IX вѣка. Патріархъ Игнатій низложенъ былъ, по повелѣнію Императора Михаила III, и на мѣсто его возведенъ Фотій (г. 857), ученѣйшій человѣкъ своего времени. Папа Николай I черезъ Легатовъ своихъ требовалъ у Императора возстановленія Игнатія и низложенія Фотія, котораго онъ предалъ проклятію; Фотій тѣмъ же отвѣтствовалъ своему сопернику, укоряя его въ уклоненіяхъ отъ первоначальныхъ правилъ Христіанскаго Богослуженія — и вслѣдствіе сей-то ссоры началось рѣшительное раздѣленіе Церквей, утвердившееся окончательно въ половинѣ XI вѣка, по причинѣ подобной же распри между Папою Львомъ IX и Патріархомъ Михаиломъ. Въ Исторіи возвышенія Папской власти раздѣленіе Церквей, есть событіе достопамятное; оно уничтожило и послѣднія отношенія Рима къ Константинополю, и тѣмъ придало еще большую самостоятельность Римскому Первосвященнику.

76. Такимъ образомъ отъ V до IX вѣка власть Папская уже стояла на прочномъ основаніи, и изъ изложеннаго выше явствуетъ, что менѣе собственныя усилія Папъ, а болѣе обстоятельства, среди которыхъ они находились и дѣйствовали, и которыми многіе изъ нихъ умно пользовались, послужили къ ея возвышенію; и чѣмъ менѣе была сія власть слѣдствіемъ человѣческихъ усилій, и чѣмъ болѣе была она слѣдствіемъ событій, тѣмъ болѣе могли и

народы считать Папскую власть, какъ бы не человѣческимъ учрежденіемъ, и сами Римскіе Первосвященники пріобрѣсти увѣренность въ своемъ высокомъ назначеніи; тѣмъ удобнѣе могла возникнуть и утвердиться въ нихъ мысль, что они должны быть владыками Христіанскаго міра, ихъ окружавшаго. Дѣйствительно, уже въ V вѣкѣ Римскій Епископъ считался первымъ Христіанскимъ Епископомъ на Западѣ; съ исхода VI и въ VII его почитали тамъ главою Христіанской Церкви (*); и сколь высоко стоялъ онъ въ VIII, это всего лучше явствуетъ изъ того, какую великую важность придавали рѣшеніямъ Папы Пипинъ и Карлъ Великій (71). Присовокупивъ къ сему личныя свойства нѣкоторыхъ Папъ, къ имени которыхъ привязывалось воспоминаніе о важныхъ событіяхъ, въ которыхъ они были могущественными дѣйствователями, поймемъ, что власть сія столь уже была прочна въ своемъ основаніи, что не могли повредить ей пороки и преступленія Папъ, правившихъ Церковію въ теченіе X вѣка, самаго мрачнаго вѣка въ Исторіи Папской власти; тѣмъ болѣе, что и на концѣ сего темнаго вѣка, послѣ цѣлаго ряда Первосвященниковъ, позорившихъ свое достоинство, сіяетъ имя Сильвестра II (г. 999—1003), обнявшаго своимъ необыкновеннымъ умомъ всѣ знанія, всѣ искусства, изучившаго въ славномъ тогда Аравійскомъ университетѣ, въ Толедо, и мудрость Востока; Сильвестра, величайшаго ученаго своего времени, считавшагося волшебникомъ между суевѣрными современниками.

78. Однако же не было еще довершено зданіе Папской власти, еще Епископы мѣстные не слушались повелѣній Римскаго Первосвященника и стремились быть независимыми владыками въ своихъ

(*) Императоръ Фока, по неудовольствіямъ на Патріарха Константинопольскаго Ѳому, воспретилъ ему титуловать себя *Вселенскимъ* и предоставилъ это названіе Патріарху Римскому (Папѣ) Бонифацію III; а соборъ, бывшій въ Африкѣ (въ Мавританіи) въ 646 г., приписалъ титло Верховнаго Первосвященника (Pontifex Maximus) Папѣ Ѳеодору (Art de vérifier les dates.) Хотя и послѣ того Патріархи Константинопольскіе именовались *Вселенскими* (поелику воспрещеніе Императора Фоки относилось только къ одному лицу), и хотя титло Верховнаго Первосвященника, данное Папѣ на соборѣ 646 г., не могло считаться постановленіемъ, обязательную силу закона имѣющимъ; тѣмъ не менѣе сіи два обстоятельства послужили для Папъ основаніемъ къ притязаніямъ на первенство въ духовной власти.

эпархіяхъ; еще управленіе церковное основывалось на правилахъ феодальной аристократіи, и подчинено было сильно вліянію могущественныхъ Вассаловъ, которые почти совершенно присвоили своимъ родамъ высшія духовныя мѣста и званія; достиженіе самаго достоинства Римскаго Первосвященника (особенно съ половины IX и въ теченіе X вѣка) то зависѣло отъ избранія Римскихъ духовныхъ, то овладѣвала правомъ выбора какая-нибудь могущественная партія, то владыки Германіи, на которыхъ, по совершенномъ раздѣленіи Монархіи Карла Великаго (г. 888), перешелъ съ половины X вѣка титулъ Императорскій, назначали Папу своею властію. Смуты, которыя почти цѣлое столѣтіе послѣ кончины Карла В. продолжались, особенно много дѣйствовали на Италію, ибо къ обладанію сею страною привязано было, по тогдашнему мнѣнію, титло Римскаго Императора, а потому и разныя отрасли Дома Карла В., и другіе владѣльцы, утвердившіеся на развалинахъ его Государства, стремились овладѣть ею, привлекаемые титуломъ, который былъ знаменіемъ высшаго достоинства земнаго. Въ сіи смуты вовлечены были волею и неволею и Папы, отъ того и самое достоинство ихъ поколебалось; можно сказать, что власть Папская упала вмѣстѣ съ упадкомъ власти Императорской и должна была желать возстановленія оной для собственнаго своего возвышенія. Не насталъ еще часъ рѣшительнаго возвышенія власти Папъ до степени центральной духовной власти (и что было бы съ Европою, если бы власть сія уже въ IX вѣкѣ встала на ту высоту, на которую взошла въ исходѣ XI?); — но средства къ ея возвышенію на сію степень всѣ были приготовлены; оставалось явиться геніяльному человѣку, который бы умѣлъ воспользоваться сими средствами и положить послѣдній камень въ огромное зданіе

ГЛАВА VII.

Папская власть.

Полное утвержденіе могущества Папскаго съ половины XI вѣка; дѣйствія Григорія VII и въ званіи Кардинала и въ санѣ Папы; побѣдоносныя распри его съ Генрихомъ IV; развязка спора объ Инвеституре и утвержденіе первенства Папской власти и надъ всѣми духовными властями и надъ свѣтскою властію въ Западной Европѣ; монашескіе ордены; первосвященство Иннокентія III — зенитъ могущества Папскаго; первосвященство Бонифація VIII, предѣлъ сего могущества.

---

79. Тотъ геніяльный человѣкъ, который довершилъ зданіе вѣковъ и утвердилъ вполнѣ могущество Папское, былъ Григорій VII (1073 — 1086). Еще прежде чѣмъ имя Папы Григорія VII стало достояніемъ Исторіи, онъ уже дѣйствовалъ на міръ подъ своимъ прежнимъ именемъ Гильдебранда. Чтобы судить дѣйствія сего необыкновеннаго мужа, имѣющаго между историками и жаркихъ противниковъ и ревностныхъ защитниковъ — обстоятельство уже одно, само по себѣ доказывающее, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ исполиновъ, рукою которыхъ великіе перевороты производятся въ мірѣ! — чтобы судить его, должно знать положеніе и отношенія, въ которыхъ находился Гильдебрандъ. Изъ низкаго состоянія, пройдя черезъ всѣ ступени жизни, и осмотрѣвъ и изучивъ ее и при Дворахъ царскихъ, и въ замкахъ свѣтскихъ Вассалловъ, богатыхъ и праздныхъ и буйныхъ; и въ чертогахъ гордыхъ Прелатовъ, не менѣе праздныхъ, не менѣе преданныхъ чувственности

и выгодамъ мірскимъ; и воспитавъ и укрѣпивъ свой великій духъ обширною ученостію и строгою нравственностію, и передумавъ, перечувствовавъ все въ тишинѣ монастырскаго уединенія, съ симъ умомъ, съ сею опытностію и познаніемъ свѣта и людей, всталъ Кардиналъ Гильдебрандъ на ступени Папскаго престола, и былъ въ теченіе слишкомъ 25 лѣтъ совѣтникомъ и руководителемъ пяти Папъ (*), одного послѣ другаго. Папская власть, запутанная въ обстоятельства прежняго времени (отъ половины IX до исхода X вѣка) и униженная ими, была поднята изъ своего уничиженія сильною рукою Императора Оттона I (г. 961); но Папскому престолу угрожала съ тѣхъ поръ опасность другаго рода: онъ могъ сдѣлаться собственностію Императора, и близокъ былъ къ такому положенію въ царствованіе Генриха III (г. 1039—1056), сильнѣйшаго по духу своему изъ всѣхъ носившихъ сей титулъ послѣ смерти Карла Великаго. Дѣйствительно, если бы кончина, застигшая Императора въ полномъ цвѣтѣ мужества и въ полной силѣ душевной, не остановила его необятной дѣятельности, онъ привелъ бы Папскую власть въ полную отъ себя зависимость, и получилъ бы въ ней сильнѣйшее орудіе, посредствомъ котораго довелъ бы и свою собственную власть до силы безпредѣльной. Планъ Генриха III, можетъ быть, погибельный для развитія силъ новой Европы, не совершился посему; но между тѣмъ его предпріятія взволновали общество сильнѣе прежняго, и смолкнувшія на время подъ его могущественною рукою буйныя силы, забушевали болѣе прежняго. Гильдебрандъ рѣшился положить предѣлъ сему волненію; рѣшился преобразовать Церковь и Церковію преобразовать общество свѣтское, ввести въ него болѣе нравственности, болѣе правильности, болѣе правосудія; подчинить свѣтскій міръ Церкви, а Церковь Папскому престолу не съ тѣмъ, чтобы остановить или подать назадъ общество, а съ тѣмъ, чтобы, подъ верховнымъ вліяніемъ Папской власти, утвердить внутреннюю безопасность и устройство въ Государствахъ новой Европы, и дать каждому изъ сихъ Государствъ возможность самостоятельнаго и стройнаго развитія своихъ собственныхъ силъ. Для сего нужно было напередъ освободить власть Папскую отъ той зависимости, въ какую она сама приведена была Генрихомъ III. Пользуясь младенчествомъ

(*) Льва IX, Виктора II, Стефана IX, Николая II, Александра II.

преемника Генрихова, Генриха IV, Папа Николай II, по наставленію Гилдебранда, объявилъ закономъ на Соборѣ въ Римѣ (г. 1059): что впредь только *Кардиналы* (*), своимъ собраніемъ (конклавъ) и изъ среды себя, имѣютъ право избирать Папу, а прочіе духовные и народъ должны только подтверждать избраніе, «безъ нарушенія «однако же правъ (сказано въ опредѣленіи Собора) Генриха, Ко«роля Нѣмецкаго, нашего вселюбезнѣйшаго сына, который будетъ «Императоромъ, или *другаго, кого Папа въ Римѣ вѣнчаетъ Им«ператорскою короною;* и да пребудетъ сіе узаконеніе впредь «ненарушимымъ и неотмѣнимымъ и властію самого Папы.» Въ томъ же году Папа Николай буллою своею даровалъ въ Ленъ Норманнамъ земли Южной Италіи, и тѣ, которыя ими были уже завоеваны, и тѣ, которыя они еще завоевать рѣшатся. Первымъ постановленіемъ устранена и сохранена Папская власть отъ всякаго посторонняго вмѣшиванія; вторымъ разрѣшены были запутанныя отношенія, существовавшія уже около полувѣка между Папскимъ престоломъ и Норманнскими выходцами, которые прибывали для войны и добычи толпами въ Южную Италію, и которые тогда, подъ начальствомъ Роберта Гюискара, уже завоевали значительную часть ея и положили основаніе нынѣшнему Неаполитанскому Королевству. Утвердивъ такимъ образомъ дружественныя отношенія къ сосѣдямъ, которыхъ вытѣснить было невозможно, Папа обезпечивалъ себя съ сей стороны, и потому могъ съ большею безопасностію посвятить свое вниманіе и свою дѣятельность событіямъ, совершавшимся въ прочей Европѣ.

80. Съ 1073 года началъ Папа Григорій VII дѣйствовать своею собственною властію съ тою же силою духа, съ которою онъ уже столь много и столь долго дѣйствовалъ властію чужою. Время было тяжкое: общество было предано на жертву беззаконію и силѣ; Феодальная система разлилась по землѣ и вмѣстѣ съ собою разлила безпорядки и злоупотребленія всѣхъ родовъ. Жизнь пред-

(*) Presbytheri Cardinales, *Старшіе Пресвитеры*, званіе, введенное въ Римѣ съ VI вѣка. Число Кардиналовъ было неопредѣленно до XVI вѣка; и хотя на Соборахъ Констанцскомъ и Базельскомъ это число было назначено 24, но послѣдующіе Папы не ограничивались этимъ постановленіемъ, и Пій V (1566-1572) опредѣлилъ, что не должно быть болѣе 70 Кардиналовъ: 6 Кардиналъ-Епископовъ, 50 Кардиналъ-Пресвитеровъ и 14 Кардиналъ-Діаконовъ.

ставляла безобразный составъ испорченности, происшедшей изъ сліянія общества Римскаго и общества варварскаго. Замѣтны (*) были пороки и того и другаго общества, какъ замѣтны воды двухъ рѣкъ при ихъ сліяніи. Хищничество, жестокость, звѣрство, распутство — были пороки, внесенные въ жизнь варварами; низость, подлость, безстыдство и утонченный развратъ остались отъ Римлянъ. Этотъ характеръ вѣка особенно ярко отражался въ жизни духовенства, отъ котораго міръ въ правѣ былъ ожидать и требовать болѣе нравственности и болѣе образованія, и безнравственностію и невѣжествомъ котораго оправдывалъ свою собственную безнравственность и невѣжество. Казалось, что все общество готово было распасться на части, и въ составѣ его не было силы, которая могла бы остановить разрушеніе. Такое положеніе дѣлъ должно было глубоко дѣйствовать на человѣка, котораго (**) зрѣлище безначалія или неподвижности общественной поражаетъ и возмущаетъ; который внутренно оскорбляется симъ, какъ такимъ положеніемъ, коего быть не должно, и который исполненъ непобѣдимой потребности перемѣнить, потребности ввести какое нибудь правило, что-нибудь общее, правильное, постоянное въ міръ, его окружающій. Могущество страшное, нерѣдко тиранское, совершающее тысячу несправедливостей, подверженное тысячѣ заблужденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ могущество славное и спасительное, потому-что оно сообщаетъ человѣчеству сильное потрясеніе, великое движеніе. — Такого свойства человѣкъ былъ Папа Григорій VII! Повѣримъ, что онъ не изъ притворства отказывался, и долго и упорно, отъ высокаго званія, ему предложеннаго: онъ чувствовалъ, что, принявъ на себя званіе Верховнаго Первосвященника и дѣйствуя въ духѣ своего званія, онъ долженъ будетъ бороться со всѣмъ тѣмъ, что его окружаетъ.

81. Принявъ папское достоинство, Григорій чувствовалъ потребность преобразовать общество безобразное, чувствовалъ и то, что ему надобно спѣшить; ибо хотя строгою и нравственною жизнію сохранилъ онъ до старости бодрость силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, но болѣе 60 лѣтъ его жизни уже миновало. На другой же годъ послѣ своего избранія Папою (г. 1074), на Соборѣ

(*) Шатобріанъ.

(**) Гизо.

въ Римѣ онъ обнародовалъ повелѣніе, которымъ воспрещалось всѣмъ духовнымъ безъ исключенія вступать въ бракъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещеніе получать духовныя званія и мѣста за деньги; а на слѣдующій годъ (г. 1075), какъ слѣдствіе перваго, другое, которымъ постановлялось правиломъ, что высшія духовныя званія и мѣста (Архіепископовъ, Епископовъ, Аббатовъ), съ которыми соединено было, по Феодальному обычаю, обладаніе помѣстьями, имѣетъ право раздавать одинъ только Папа; низшія же мѣста и званія зависѣть должны отъ утвержденія Архіепископовъ и Епископовъ; и что, слѣдственно, право назначать на сіи мѣста, бывшее доселѣ въ рукахъ свѣтской власти (право инвеституры), уничтожается. *Первымъ* изъ сихъ постановленій Папа Григорій имѣлъ въ виду отстранить духовенство отъ всѣхъ общественныхъ связей; *вторымъ* — вывести его совершенно изъ-подъ власти свѣтской, и *обоими* — подчинить весь классъ духовныхъ во всей Западной Европѣ *одной* власти, власти Римскаго Первосвященника. Обоимъ симъ узаконеніямъ Папа далъ силу не на одно будущее, но и на настоящее время, такъ-что духовнымъ, которые находились въ брачномъ состояніи, или которые получили мѣста свои отъ свѣтской власти, предстоялъ жестокій выборъ: однимъ отказаться отъ семейственныхъ узъ, или оставить званіе; другимъ также, или оставить званіе, или испрашивать новаго, весьма сомнительнаго въ ономъ подтвержденія отъ Папы; и тѣмъ и другимъ угрожало, въ противномъ случаѣ, проклятіе, которое постигало и самыхъ мірянъ, обращавшихся по дѣламъ Вѣры къ духовнымъ, непослѣдующимъ симъ повелѣніямъ. Нельзя довольно надивиться этой необыкновенной смѣлости, съ какою Григорій VII рѣшался обнародовать такія постановленія, которыми онъ вооружалъ противу себя все то, что имѣло силу въ обществѣ: и власть Государей, и власть сильныхъ Вассаловъ (Герцоговъ, Графовъ), и власть Прелатовъ, и вопли духовенства мелкаго; но Григорій VII дѣйствовалъ не съ запальчивостію молодости, а съ обдуманнымъ хладнокровіемъ и непоколебимою рѣшимостію старца, не одними лѣтами, а наукою и размышленіемъ умудреннаго; онъ предвидѣлъ бурю, которая со всѣхъ сторонъ противу него возстанетъ, и былъ готовъ на борьбу, которая ему предстояла и которую онъ предузнавалъ съ самаго своего избранія въ Первосвященника Рима.

82. И борьба сія началась; жестокостію и упорствомъ ея, съ обѣихъ сторонъ, изъясняется то, что являютъ въ себѣ насиль-

ственнаго дѣйствія Григорія. Съ такою желѣзною волею, какою одаренъ былъ Папа Григорій, съ такимъ чувствомъ превосходства своего надъ своимъ противникомъ, онъ долженъ былъ противопоставить сплѣ — гордую настойчивость въ объявленныхъ и признанныхъ имъ спасительными для общества духовнаго правилахъ. Противникъ сей, съ которымъ Григорій десять лѣтъ (1076-1085) до самой своей изгнаннической кончины боролся, не уступая ни шага, не смягчая ни слова въ своихъ постановленіяхъ, былъ Императоръ Генрихъ IV, двадцатилѣтній юноша, наслѣдникъ и имени и славы и плановъ своего знаменитаго родителя: но не наслѣдникъ его доблестей; утратившій въ несчастномъ сиротствѣ и дурномъ воспитаніи добрыя свои качества; рано свыкшійся съ мыслію о неограниченной власти, къ которой стремился его родитель и которой ранняя смерть помѣшала ему достигнуть; рано погубившій и чистоту и силу душевную въ грубыхъ наслажденіяхъ чувственныхъ. Стремимый мыслію быть тѣмъ же для Германіи, чѣмъ былъ отецъ его, Генрихъ IV сильною рукою губилъ противящихся ему Вассалловъ, и былъ много разъ счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ сего рода; но не имѣлъ благоразумія пользоваться своими успѣхами, а напротивъ, каждымъ новымъ успѣхомъ увлекался къ новому насильственному дѣйствію и вооружилъ противу себя такія силы, которымъ равныхъ противопоставить онъ не былъ въ состояніи: вся Германія возстала противу Императора.

83. Въ такомъ положеніи застали Генриха уставы Папы Григорія. Принятіе и введеніе ихъ Императоромъ въ Германіи было дѣломъ крайней важности для Папы. Коль скоро носившій титло, которое ставило его на первую степень между владыками Западной Европы, принялъ бы постановленія Папскія, то введеніе ихъ въ другихъ земляхъ чрезъ сіе облегчилось бы; облегчилось бы и достиженіе той цѣли, которой Папа предполагалъ достигнуть. Но Генрихъ, живо помня, что отецъ его давалъ Папамъ повелѣнія, а не отъ нихъ принималъ оныя, не хотѣлъ подчиниться въ семъ случаѣ волѣ Римскаго Первосвященника, не хотѣлъ выпустить изъ рукъ своихъ столь важное преимущество, каковое представляла раздача духовныхъ Леновъ, и, сверхъ того, негодовалъ на Григорія VII и за то, что сей послѣдній нѣкоторымъ образомъ сдѣлался его судіею, принимая на Императора жалобы отъ недовольныхъ Вассалловъ. Императоръ отвѣтствовалъ на ожиданія и на увѣщанія Папы тѣмъ, что на Соборѣ въ Вормсѣ

(г. 1076), съ согласія нѣкоторыхъ Епископовъ Германіи, которыхъ исполненіе Папскаго повелѣнія могло лишить и сана и важныхъ выгодъ, съ онымъ сопряженныхъ, объявилъ Григорія VII лишеннымъ достоинства Папскаго. Знакъ къ явному разрыву былъ поданъ: Папа на Соборѣ въ Римѣ предалъ проклятію Вормскій Соборъ, объявилъ Императора отлученнымъ отъ Церкви и лишеннымъ царства дотолѣ, пока онъ не примирится съ Церковію, оскорбленною въ лицѣ ея Первосвященника. Многочисленные враги Генриха, могущественные Герцоги, Вассаллы его въ Германіи, съ радостію узнали о семъ опредѣленіи Папы, и на собраніи въ Трибурѣ (близъ Майнца) объявили Императору, что если онъ не примирится съ Папою, то приступлено будетъ къ избранію другаго. Въ сихъ обстоятельствахъ Генрихъ IV вынужденъ былъ рѣшиться на унпчиженіе неслыханное: отправился въ Италію; въ видѣ кающагося грѣшника предсталъ предъ разгнѣваннаго Папу; далъ клятву повиноваться повелѣніямъ Первосвященника, и тогда только получилъ прощеніе (г. 1077). Генрихъ IV скоро нарушилъ свою клятву; съ оружіемъ въ рукахъ вторгнулся въ Италію, въ надеждѣ захватить въ свои руки своего ужаснаго противника; но Папа безстрашно, какъ и прежде, повторилъ свое отлученіе, и Германія возстала противу Генриха, и новый Императоръ, Рудольфъ, Герцогъ Швабскій, былъ избранъ мятежными Вассаллами. Споръ, доселѣ словесный, церковный, сдѣлался политическимъ; война кровопролитная и жестокая обхватила и Германію и Италію, раздѣленныя на двѣ партіи: Императорскую и Папскую. До самой кончины Григорія VII, Императоръ находился во враждѣ съ нимъ; противопоставилъ ему новаго Папу, и только рука Роберта Гюискара, союзника и Вассалла Папскому престолу, спасла престарѣлаго Папу отъ несчастія попасться въ руки своему непримиримому врагу; но Григорій VII и въ изгнаніи и исходя во гробъ, не отступалъ отъ своихъ правилъ. Онъ не достигъ своей цѣли; не дожилъ до окончанія спора; но пущенныя имъ въ жизнь идеи и мнѣнія не умерли вмѣстѣ съ нимъ: преемники его, и не имѣя его необыкновенныхъ свойствъ, неуклонно держались правилъ, имъ постановленныхъ, и Генрихъ IV изнемогъ въ борьбѣ и умеръ (г. 1106), испытавъ всѣ роды горестей. Хотя послѣ кончины Григорія VII еще около сорока лѣтъ продолжался споръ объ инвеституре; хотя онъ конченъ былъ конкордатомъ (г. 1122) между Папою Каликстомъ и Генрихомъ V,

сыномъ Генриха IV, не такъ (къ счастію Европы!), какъ желалъ того Папа Григорій, но торжество Папской власти было утверждено; власть Государей въ лицѣ Генриха IV смирилась передъ властію Римскаго Первосвященника, и могущество сего послѣдняго блистательно является въ томъ движеніи, которое слово Папы Урбана II сообщило Западной Европѣ, устремивъ ее на Азію (Крестовые походы, г. 1095).

84. Такъ рѣшено было первенство Папской власти не только надъ всѣми мѣстными духовными властями въ Западной Европѣ, но и надъ властію свѣтскою; и управленіе церковное, основанное доселѣ на правилахъ Феодальной аристократіи, при которой Соборы духовенства худо замѣняли недостатокъ центральной власти, превратилось въ Монархію, въ которой царствовалъ Папа неограниченно надъ всѣмъ духовнымъ Католическимъ обществомъ. На основаніи, положенномъ Григоріемъ VII, безпрерывно возрастала власть Папская отъ исхода XI до XIII вѣка, и въ семь промежуткѣ времени она нашла себѣ новую подпору въ быстро возрастающемъ количествѣ монашескихъ Орденовъ, сдѣлавшихся настоящимъ воинствомъ для Римскаго Первосвященника, воинствомъ, покорявшимъ ему общественное мнѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ Св. Бенедиктъ положилъ (въ началѣ VI вѣка) основаніе монашеской жизни въ Западной Европѣ, число монастырей значительно уже распространилось въ разныхъ земляхъ, и хотя они еще не имѣли одного общаго управленія, но поелику въ общежительствѣ своемъ послѣдовали правиламъ Св. Бенедикта, то монашествующіе именовались всѣ Бенедиктинами, или Бенедиктинскимъ Орденомъ, который, уже прежде временъ Григорія VII, раздѣлялся на нѣсколько собратствъ, извѣстныхъ подъ разными именами. Со временъ Григорія VII, когда во всѣхъ Католическихъ земляхъ безбрачіе священниковъ сдѣлалось правиломъ; когда уже большею частію не среди свѣтскаго духовенства, а между монашествующими стали искать духовныхъ для занятія высшихъ мѣстъ по управленію церковному, естественно, что жизнь монашеская должна была пріобрѣсти, и дѣйствительно пріобрѣла особенную важность. Григорій VII утвердилъ существованіе двухъ новыхъ монашескихъ Орденовъ (Грандмонтаны и Картезіанцы), и съ тѣхъ поръ количество монашескихъ собратствъ увеличивалось. Но самое важное мѣсто между всѣми заняли, и самое сильное содѣйствіе къ укрѣпленію Папской власти надъ всѣмъ обществомъ Западныхъ Хри-

стіанъ оказали два Ордена, учредившіеся въ началѣ XIII вѣка: *Францискапскій* (г. 1209) и *Доминиканскій* (г. 1216). Главнѣйшее отличіе сихъ Орденовъ отъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ, настоящая причина ихъ особенно великаго вліянія на общество заключалась въ томъ, что, по правиламъ, принятымъ учредителями, монахи сихъ Орденовъ, сверхъ общихъ всѣмъ собратствамъ обязанностей, имѣли еще обязанность проповѣдыванія, и потому, не ограничиваясь одною созерцательною жизнію, имѣли право странствовать по всѣмъ землямъ, жить, такъ сказать, среди народа. Доминиканскій Орденъ, отличавшійся въ свое время ученостію своихъ сочленовъ, скоро овладѣлъ высшими классами общества, которыхъ Доминикане сдѣлались духовниками; приготовилъ себѣ вліяніе и на будущія поколѣнія, ибо въ рукахъ Доминиканъ сосредоточилось преимущественно воспитаніе и образованіе народное; Францискане, по идеѣ своего основателя, должны были являть собою примѣръ христіанскаго смиренія: для поступленія въ сей Орденъ не требовалось учености, даже никакого образованія, и потому онъ былъ особенно многочисленъ и близокъ своими понятіями къ простолюдству, которое смотрѣло на членовъ сего Ордена, какъ на собственныхъ своихъ ходатаевъ передъ Богомъ. Такимъ образомъ сіи два Ордена, можно сказать, раздѣлили между собою все общество: Доминикане обработывали высшіе классы народа и будущія поколѣнія; Францискане дѣйствовали на низшую часть народонаселенія всѣхъ земель Католическихъ. Въ теченіе сего же времени образовались еще другія собратства, общества монаховъ-воиновъ; общества, въ которыхъ два могущественнѣйшіе двигателя Среднихъ вѣковъ: набожность и отвага воинственная, являлись въ соединеніи. Это были рыцарскіе Ордена въ Крестовые походы и въ Палестинѣ, посреди боевъ съ невѣрными учредившіеся: Іоаннитскій (Мальтійскій) и Храмовыхъ рыцарей (Templiers) почти въ одно время (г. 1118 — 1120); Тевтоническій нѣсколько позже (г. 1190). Если монашескіе Ордена именуютъ арміею Папы, то прилично назвать сіи рыцарскіе Ордена его гвардіею.

85. Зенитомъ могущества Папскаго неоспоримо можно признать Первосвященство Иннокентія III (г. 1198—1216). Въ цвѣтѣ и полнотѣ жизни (37 лѣтъ), получилъ Иннокентій III Папское достоинство. Тогда протекло три четверти вѣка послѣ окончанія споровъ объ инвеституръ, и въ теченіе сего времени сильно по-

колебалась власть Римскаго Первосвященника. И смуты, происходившія отъ недостатка единодушія въ выборѣ Папы, и опасныя мнѣнія Арнольда Бресчіанскаго, распространившіяся въ С. Италіи и въ самомъ Римѣ, и, наконецъ, дѣйствія Императоровъ Гогенштауфенскаго Дома (Фридриха I и Генриха VI), возобновившихъ давнишній споръ объ отношеніяхъ между властію Императорскою и Папскою, отобравшихъ у святительскаго престола большую часть земель, ему принадлежавшихъ, и въ самомъ Римѣ поставлявшихъ градоначальника (Префекта), который дѣйствовалъ во имя Императора и его властію, — всѣ сіи обстоятельства привели Папскую власть въ великую опасность. Иннокентій III былъ именно мужъ, какого требовали тогдашнія обстоятельства, и надобно представить себѣ и весь его необыкновенный умъ, и всю его обширную ученость, и его характеръ безстрашно-властительный, чтобъ понять, и при всемъ томъ едва постижимое полновластіе, съ какимъ Иннокентій III дѣйствовалъ на міръ, ему современный. Онъ первый выговорилъ открыто, что существовало со временъ Григорія VII; первый объявилъ, что всякая свѣтская власть проистекаетъ и зависитъ отъ власти Римскаго Первосвященника, который есть Намѣстникъ Божій на землѣ. Въ семъ духѣ дѣйствовалъ Иннокентій съ самовластіемъ неслыханнымъ, и одно поименованіе дѣлъ, имъ совершенныхъ, покажетъ и гигантскую его силу и его необъятную дѣятельность. Первымъ дѣломъ новаго Папы было то, что онъ отъ гражданскихъ властей города Рима и его области, все еще считавшихся зависящими отъ Императора, требуетъ присяги на вѣрность себѣ, какъ законному владыкѣ ихъ и Государю; за тѣмъ, онъ одною рукою бросаетъ громы проклятія на Французскаго Короля Филиппа Августа (г. 1200), другою возлагаетъ Богемскую корону на Премысла; вѣнчаетъ Короля Арагонскаго и Царя Булгарскаго (г. 1204); вновь ополчаетъ Европу на Азію, и Крестоносцы, имъ двинутые, завоевываютъ Греческую Имперію и повергаютъ ее къ подножію его престола (г. 1204); повелѣваетъ Королю Англійскому Іоанну Безземельному признать себя подданнымъ Папы, а свое Государство — областію, ему отъ Папы пожалованною, и отнимаетъ Императорскую корону у Оттона IV для того, чтобы возложить ее на голову Фридриха II Гогенштауфена. Дѣйствительно Европа Западная при Иннокентіѣ III представляла вся *его* Монархію; Государства Европейскія были провинціями сей Монархіи; Кардиналы и Легаты Папскіе были правителями

верховными таковыхъ провинцій; Архіепископы и Епископы правителями второстепенными; Священники, какъ бы чиновниками, поставленными для наблюденія за благочиніемъ и для сбора податей; монахи, наконецъ, составляли какъ бы воинство Папы, мановеніе котораго приводило въ движеніе болѣе 300,000 таковыхъ служителей, въ разныхъ степеняхъ разлитыхъ между народомъ, совершенно преданныхъ выгодамъ и видамъ своего владыки, безусловно покорныхъ, и народнымъ въ нихъ вѣрованіемъ могущественныхъ.

86. И слѣдственно, если народамъ Европы въ XI вѣкѣ угрожала погибель подъ игомъ Феодальной системы, то въ XIII они подвергались другой, не меньшей, если еще не большей, опасности: сдѣлаться жертвою Папской власти, возвысившейся рѣшительно надъ всѣми властями. Что же было бы съ Европою, если бы Папская власть, на томъ твердомъ основаніи, на какомъ стояла она въ XIII вѣкѣ, продолжала восрастать по прежнему? — Но почти современно съ тою эпохою, въ которую Папская власть достигла своей полной зрѣлости и силы, и когда, слѣдственно, въ замѣнъ Феодальнаго, желѣзнаго ига, готовилось для міра еще болѣе тяжкое иго Папской опеки, долженствовавшее держать умы въ зависимости неподвижной и безотвѣтной, уже могуществомъ времени приготовлены были противодѣйствующія силы, которыя, зрѣя и развиваясь, должны были низпровергнуть страшную власть, воздвигнутую Григоріемъ VII и довершенную Иннокентіемъ III, да не останется міръ въ вѣчномъ младенчествѣ подъ тяжкою рукою Папскою. Это были возстанія нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, которые разоблачали тайну Папской власти, и которыхъ удары сильнѣе, хотя для современниковъ и непримѣтнѣе, подрывали ея подпоры, нежели все оружіе Императоровъ Германскихъ, нежели всѣ споры ея съ свѣтскою властію. Посреди мрака, простертаго невѣжествомъ и суевѣріемъ надъ Европою, въ тишинѣ уединенія отъ бурь и бѣдствій жизни, возникали, хотя изрѣдка, мыслители, которые подвергали размышленію и изслѣдованію то, въ чемъ Папы требовали слѣпаго повиновенія. Таковъ былъ Абелардъ († г. 1142). Изъ его школы вышли люди, которые не раздѣляли съ толпою суевѣрій своего вѣка, и замѣчательнѣйшій изъ нихъ былъ Арнольдъ Брешіанскій. Съ жаромъ, свойственнымъ людямъ, послѣдующимъ *своимъ*, хотя бы и ошибочнымъ, правиламъ, съ силою доводовъ и съ увлекающимъ краснорѣчіемъ гремѣлъ

Арнольдъ въ своемъ отечествѣ (въ г. Брешіи) противу тѣхъ преимуществъ, которыя присвоивала себѣ власть Папская, и указывалъ на ихъ несогласіе съ правилами Евангелія. Ученіе Арнольда разлилось по городамъ Сѣверной Италіи, получило направленіе опасное для Папской власти, и Иннокентіемъ II было проклято на соборѣ Латеранскомъ (г. 1139). Арнольдъ погибъ (г. 1155), упорствуя въ своихъ правилахъ, которыя Папа Адріанъ IV умѣлъ представить Императору Фридриху опасными и въ политическомъ отношеніи; не смотря на то, сѣмена, имъ брошенныя въ умы современниковъ, остались. Около сего же времени возникла и скоро распространилась въ Юговосточной Франціи религіозная секта, которая отъ города Алби, въ округѣ коего было наибольшее количество ея послѣдователей, называлась сектою Албигенцевъ. Албигенцы были, по своимъ уставамъ и многимъ обрядамъ своего Богослуженія, Реформаты XII вѣка: они не признавали духовной власти Папы, отправляли Богослуженіе на языкѣ народномъ, и имѣли на своемъ языкѣ переводы книгъ Св. Писанія, которое, по принятымъ Папою постановленіямъ, не должно было находиться въ рукахъ мірянъ. Иннокентій III, пересматривая земли и народы, замѣтилъ этотъ уголокъ Франціи, съ его особенными опасными правилами, и отправилъ Бенедиктинскихъ монаховъ въ сію страну для опроверженій ученія Албигенцевъ. Усилія Бенедиктиновъ и потомъ новаго, юнаго Ордена Доминикановъ, который съ жаромъ и ревностію принялся за проповѣдываніе Албигенцамъ правилъ господствующей Церкви, были безуспѣшны: сочтено нужнымъ употребить силу оружія для истребленія опасной ереси. Двадцать слишкомъ лѣтъ (до г. 1229) пылала здѣсь война жестокая; Албигенцы, какъ секта религіозная, были истреблены, или, справедливѣе сказать, разсѣяны; но мнѣнія и правила, ими распространенныя, остались, и лучшее доказательство, что они остались, сіи мнѣнія и сіи правила найдемъ въ тѣхъ мѣрахъ, которыя Папы считали нужными принять на будущее время. Иннокентій III учредилъ особое судилище, для наблюденія, чтобъ подобныя правила впредь на распространялись — пресловутую инквизицію, которую на Тулузскомъ Соборѣ (г. 1229) Григорій IX объявилъ судилищемъ постояннымъ, далъ ему опредѣленные уставы и ввѣрилъ управленіе онаго Доминиканамъ, которые отселѣ поставили преслѣдованіе ересей главною цѣлію своего Ордена. Но кто удержитъ полетъ времени? Какая человѣческая рука остано-

вить вращаніе этого колеса судебъ, которое неудержимо катится чрезъ міръ? Количество людей мыслящихъ и просвѣщенныхъ увеличивалось во всѣхъ земляхъ съ половины XIII вѣка; общественное мнѣніе, бывшее настоящимъ основаніемъ Папской власти, перемѣнилось отъ великихъ событій, происходившихъ между исходомъ XI и исходомъ XIII вѣка, и времена Бонифація VIII (г. 1294 — 1303) составляютъ эпоху, съ которой Папская власть начала рѣшительно склоняться къ упадку.

ГЛАВА VIII.

Папская власть.

Первосвященство Бонифація VIII; начало упадка Папской власти; споръ Бонифація VIII съ Филиппомъ IV; ходъ, развязка и послѣдствія сего спора; значеніе Папской власти въ исторіи образованія Европейскаго общества; переходъ ея за черту ея Историческаго назначенія и неизбѣжность ея упадка.

---

87. Иннокентій III, приведя въ *дѣйствіе* то, что было лишь *мыслію* Григорія VII, поставилъ власть Папскую на крайнюю степень высоты, на которой стояла она непоколебимо въ теченіе всего XIII вѣка. Возвышаясь надъ міромъ, имъ покорнымъ, послѣдуя всегда одной системѣ въ отношеніи къ сему міру, Папы не замѣчали, что тамъ, внизу, подъ ними и около, все измѣнилось, и быстро измѣнилось. Изложеніе, ниже сего слѣдующее, покажетъ, какъ достигали зрѣлости и силы другіе элементы общественной жизни, независимо отъ Папской власти, нерѣдко на перекоръ ей, нерѣдко по ея собственному содѣйствію, и какъ все то общество, которымъ Папы съ такимъ полновластіемъ владѣли, переродилось. Такимъ-то образомъ произошло, что Папа Бонифацій VIII, запоздалый житель другаго міра, другаго вѣка, одинъ носилъ въ себѣ духъ Папства, уже отъ міра отлетѣвшій,

и — помня Исторію, и вѣрный системѣ, которой такъ долго послѣдовали его предшественники, Бонифацій глядѣлъ съ высоты своей на міръ, ему современный, глазами жителя первыхъ годовъ XIII вѣка. Въ семъ духѣ началъ Бонифацій (г. 1296) свой споръ съ Королемъ Франціи, Филиппомъ IV, вслѣдствіе жалобы Французскихъ духовныхъ на то, что Король обложилъ ихъ имѣнія податью. Открылось зрѣлище, подобное распрѣ Григорія VII съ Генрихомъ IV, только въ обратномъ видѣ: столь измѣнилось мнѣніе людей въ теченіе сихъ двухъ вѣковъ отъ Григорія VII до Бонифація VIII! Когда Генрихъ IV, оставленный всѣми, стоялъ одинокъ передъ страшнымъ могуществомъ Папы, Филиппъ IV имѣлъ на своей сторонѣ и Вассаловъ и духовныхъ и народъ, и Бонифацій, — полный увѣренности въ Папскомъ господствѣ и величіи, полный мысли, что онъ стоитъ на томъ же самомъ основаніи, на которомъ стоялъ Иннокентій III, что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ тѣ же средства, какими дѣйствовали его предшественники, — былъ ужасно разочарованъ, когда встрѣтилъ себѣ сопротивленіе неожиданное, столь же хитрое, сколь смѣлое и рѣшительное. Филиппъ IV, готовый на всякія средства къ достиженію своей цѣли, и все еще боявшійся, чтобы воспоминанія не возродились въ умахъ, рѣшился вѣроломно овладѣть самимъ Папою, привезти его во Францію, и, имѣя его въ своей власти, на Соборѣ, который по повелѣнію Королевскому долженъ былъ произведенъ быть во Франціи, торжественно низложить его и избрать другаго; исполнителями сего умысла Филиппова были Канцлеръ его Ногаретъ и Шіарра Колонна, личный врагъ Папы Бонифація. Предпріятіе не удалось; но стыдъ уничиженія, которому въ этомъ спорѣ подвергся Папа передъ цѣлою Христіанскою Европою; но личное позорное оскорбленіе, нанесенное ему агентами Короля Французскаго, были болѣе чѣмъ достаточны потрясти до глубины души осьмидесятилѣтняго старца, видѣвшаго себя низверженнымъ съ такой недосягаемой высоты: Бонифацій VIII не выдержалъ удара, скончался (г. 1303), и вмѣстѣ съ нимъ потребено и могущество Папское. Кардиналы, напуганные и хитростію и рѣшительностію Филиппа, насиліемъ Ногарета и грознымъ его тономъ, избрали Папою Бенедикта XI. Сей заботливо предупредилъ гордаго Короля Французскаго примиреніемъ, и являлъ себя ему во всѣхъ дѣлахъ существенной важности уступчивымъ и угодливымъ; и когда онъ позволилъ себѣ только въ нѣкоторыхъ

случаяхъ поступать не по волѣ Короля, тогда смерть (г. 1304) уничтожила тотчасъ всякое сопротивленіе; хитростямъ Филиппа удалось преклонить, раздѣлить и запутать Кардиналовъ, и чрезъ то привести въ свою собственную зависимость назначеніе преемника Бенедикту XI. Архіепископъ Бордосскій, Бертрандъ, сдѣлался Папою подъ именемъ Климента V (г. 1305), и, готовый на угожденія Королю во всемъ, согласился утвердить свой престолъ въ Авиньонѣ.

88. Утвержденіе Папскаго престола въ Авиньонѣ имѣло послѣдствія необъятныя, при всемъ томъ, что выгоды, которыя надѣялся извлечь изъ сей перемѣны Филиппъ IV, не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. Папа во Франціи казался прочей Европѣ не болѣе того или другаго Французскаго Епископа, а потому духовныя власти въ другихъ Европейскихъ земляхъ не признавали Авиньонскаго Папу своимъ законнымъ главою и владыкою, и время пребыванія Папъ въ семъ городѣ отъ временъ Климента V до Григорія XI (г. 1305 — 1378) называется въ Исторіи Папской власти семидесятилѣтнимъ плѣненіемъ. Григорій XI въ послѣдній годъ своего первосвященства переѣхалъ въ Римъ; но тогда, въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ (до г. 1409), Церковь Католическая имѣла по два Папы: одного въ Римѣ, другаго въ Авиньонѣ. На соборѣ въ Пизѣ (г. 1409) опредѣлено объявить Папъ: Григорія XII (Римскій) и Бенедикта XIII (Авиньонскій) лишенными сана; на Соборѣ избранъ на мѣсто ихъ Александръ V, который, утвердивъ всѣ опредѣленія Собора, распустилъ его, назначивъ, что въ 1412 откроется новый *Соборъ для окончательной реформы Церкви во главѣ и членахъ*. Но это повело только къ тому, что, вмѣсто двухъ, стало *трое* Папъ: въ Римѣ, Авиньонѣ и Пизѣ, или въ Болоніи, куда Александръ V переѣхалъ по избраніи; Григорій и Бенедиктъ удержали свои званія; ни одинъ не признавалъ другаго законнымъ, и ни тотъ, ни другой не признавали законнымъ Александра V, ни избраннаго по смерти Александра (г. 1410) Папу Іоанна XXIII. Папы и Антипапы предавали другъ друга проклятію, и тѣмъ позорили себя взаимно, и мутили и приводили въ недоумѣніе народы: ибо никто не могъ рѣшить, который истинный Папа. Тогда единство въ управленіи церковномъ исчезло снова; безпорядки и злоупотребленія снова начались; Папская власть пала, а власть свѣтская еще недовольно сильна была, чтобы остановить ихъ, и Соборы въ Костницѣ (г. 1414 — 1418) и

Базелѣ (г. 1431 — 1443) были только неудачные опыты возстановить спокойствіе и порядокъ въ Западной Церкви; но тѣмъ не менѣе сіи Соборы представляютъ событіе важное. Должно смотрѣть на нихъ какъ на доказательство, что власть Папы уже не въ силахъ была править Церковію: ибо оба сіи Собора дѣйствовали, уже съ самаго начала независимо отъ Папской воли, и на самыхъ первыхъ засѣданіяхъ Костницкаго Собора признана и объявлена необходимость преобразованія Церкви «во главѣ и членахъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ принято и утверждено было постановленіе, что рѣшенія Собора должны считаться выше Папскихъ опредѣленій. Папа Мартинъ V, избранный на мѣсто трехъ низложенныхъ Папъ (Ноября 1417) долженъ былъ утвердить это постановленіе Собора. Между тѣмъ въ то же время возстанія смѣлыя, явныя противу Папской власти, поощренныя симъ безначаліемъ, дѣлались часъ отъ часу сильнѣе. Іоаннъ Гуссъ, превосходя ученостію всѣхъ тѣхъ, которые прежде его возставали противу злоупотребленія Папской власти, возсталъ всею силою и своихъ доводовъ и своего слова на безпорядки въ церковномъ управленіи и на развратную жизнь тогдашняго Католическаго духовенства. Онъ погибъ на кострѣ въ Костницѣ (г. 1415); но многочисленные послѣдователи его съ ожесточеніемъ защищали мнѣнія учителя, и опустошительная, изступленная война Гусситовъ была кровавою местью за казнь Іоанна Гусса. Секта, образовавшаяся по его правиламъ, была истреблена; но мнѣнія его остались, и быстро приходило то время, въ которое Лютеръ долженъ былъ нанести Папской власти рѣшительный и послѣдній ударъ (г. 1517).

89. Папство Бонифація VIII можно принять за эпоху, въ которую миновалась историческая жизнь и втораго важнаго явленія Среднихъ вѣковъ; Папская власть начала упадать и быстро и неудержимо, и Первосвященникъ Римскій сталъ дѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ IV и V вѣкахъ: первымъ Епископомъ въ духовенствѣ Западномъ безъ всякаго политическаго вліянія на судьбу Государствъ и народовъ и даже съ весьма ограниченнымъ, во многихъ Католическихъ земляхъ, вліяніемъ и по дѣламъ церковнымъ. Но сіе великое явленіе, столь глубоко и столь могущественно дѣйствовавшее на весь составъ общества отъ высшихъ степеней его до самыхъ низшихъ, и на жизнь общественную, равно какъ и на жизнь домашнюю, безплодно ли совершилось въ мірѣ? Содѣйствовала ли и нужна ли была власть Папская къ усовершен-

ствованію Европейскаго общества? — Наблюдая ходъ ея отъ колыбели до могилы, кто усомнится дать на сіе отвѣтъ утвердительный? Наблюдая этотъ ходъ ея, мы убѣдимся, во-первыхъ, что власть сія составляла собою, такъ сказать, опеку надъ обществомъ, пока оно было во младенчествѣ; что назначеніе ея было искони: держать и крѣпить общественный союзъ до того времени, пока общество получитъ собственные, прочные и общіе уставы, которыми могъ бы сохраниться и утвердиться союзъ его; мы убѣдимся, во-вторыхъ, что власть сія была дѣло Исторіи, а не мудрости человѣческой, и что она тѣмъ болѣе возвышенною должна была казаться, чѣмъ менѣе можно было сказать, что кто-нибудь начерталъ для нея планъ, кто-нибудь силою и хитростію пріобрѣлъ ее; утвердительно сказать можно, что народы, такъ сказать, поднесли духовенству власть, которою оно пользовалось.

90. Припомнимъ эпохи, въ которыя образовывалась и утверждалась власть духовная, и мы удостовѣримся, что она всякой разъ восходила на новую, высшую степень могущества именно въ тѣ времена, когда наиболѣе нужно было обществу разстроенному имѣть точку опоры. *Первая эпоха* вѣкъ V и начало VI; время разрушенія всеобщаго. Что сталось бы съ Западною Европою, если бы, среди сего разрушенія, среди раздробленія ея на множество частей, совершенно отдѣльныхъ и совершенно враждебныхъ, не сохранилась идея единства и порядка, идея, имѣвшая жизнь только въ церковномъ управленіи? *Вторая эпоха* исходъ VIII и IX вѣкъ, когда Феодальная система овладѣла всѣмъ обществомъ, и когда высился надъ всѣми классами людей одинъ классъ, обладавшій всѣми преимуществами, всѣми выгодами жизни, а въ удѣлъ другимъ оставались труды безъ вознагражденія и терпѣніе безъ надежды. Духовная власть въ это время одна напоминала жестокимъ Вассаламъ ихъ человѣческія и Христіанскія обязанности; одна давала защиту и убѣжище рабству беззащитному и преданному произволу своихъ владыкъ суровыхъ; съ другой стороны, несчастное иконоборство въ Греціи, это самоуправство въ дѣлахъ Вѣры, которое позволяли себѣ Императоры Дома Исаврійскаго въ теченіе почти цѣлаго VIII вѣка, придало особенный блескъ и великую важность Римскому Первосвященнику, представивъ ему случай явиться ревностнымъ и безстрашнымъ защитникомъ православія на Западѣ, и обративъ на него взоры всѣхъ Западныхъ Христіанъ. *Третья эпоха* — время отъ исхода XI до исхода XIII

вѣка; тогда Феодальная система достигла полной своей зрѣлости и силы; но тогда также достигла своей полной зрѣлости и силы и власть духовная, только въ противоположномъ направленіи. Зрѣлость Феодализма, по идеѣ его, состояла въ томъ, что раздробленіе усиливалось болѣе и болѣе, а конца ему не предвидѣлось; зрѣлость духовной власти состояла въ томъ, что она соединилась, сосредоточилась и стала *властію Папскою.* И должно было, что бы она сосредиточилась такимъ образомъ: иначе и Церковь, облеченная въ феодальную одежду, только усугубляла бы раздѣльность общества и безпорядки, съ тѣмъ сопряженные. Тогда міръ раздѣлился между властію Феодальною и властію Папскою, и двѣ сіи власти не могли ужиться въ одномъ мірѣ: борьба между обѣими была неизбѣжна. Разсматривая ходъ сей борьбы, въ которой одна сторона желала удержать безпорядокъ прежнихъ временъ, выгодный для нѣкоторыхъ частныхъ расчетовъ, гибельный въ отношеніи къ цѣлому обществу, и разсматривая состояніе сего общества, нельзя не пожелать побѣды Папамъ, нельзя и усомниться въ сей побѣдѣ, когда одна изъ враждующихъ сторонъ была и туда устремляема и сюда, между тѣмъ какъ другая, дѣйствуя по одной идеѣ, стремилась къ одной цѣли. И побѣда сія была одержана. Папская власть утвердилась прочно и, замѣняя собою для народовъ общественное мнѣніе, которое тогда не существовало, одна имѣла право говорить, право возставать громко и открыто противу безпорядоковъ и злоупотребленій, и своевольные и буйные Вассаллы, никакой силѣ, никакому закону не покорявшіеся, трепетали гнѣва безоружнаго Римскаго Первосвященника, или настоятеля монастырскаго, которые всѣ дѣйствовали именемъ и по волѣ сего Первосвященника. Замѣняя для народовъ общественное мнѣніе, Папская власть замѣняла собою для государствъ народное право и систему политическаго равновѣсія, и одна была обезпеченіемъ внѣшней безопасности государствъ, охраняя слабыя отъ покушеній сильныхъ, и являясь силою посредствующею, которой дѣятельность была направлена къ тому, чтобы прекращать войны между народами Христіанскими, и даровать каждому изъ государствъ возможность развивать и совершенствовать самостоятельно свои собственныя силы; но вмѣстѣ и составляя для нихъ собою общую точку соприкосновенія. Въ этомъ бою своемъ съ Феодальною властію Папы содѣйствовали развитію общества еще и другимъ образомъ. Они ста-

рались истреблять рабство частію силою убѣжденія, частію силою понужденія, и получали въ составлявшемся подъ ихъ вліяніемъ и дѣлавшемся время отъ времени многочисленнѣе и сильнѣе классѣ свободныхъ людей, важнаго помощника въ борьбѣ своей: сей классъ держался стороны Папы, во власти и покровительствѣ котораго долженъ былъ находить залогъ своего сохраненія; Папы способствовали, далѣе, усиленію городскихъ общинъ, чтобы и въ классѣ городскихъ жителей имѣть воиновъ для борьбы съ властію свѣтскою. Одна, и великая опасность, при семъ угрожала обществу, опасность остаться навсегда младенчески подъ опекою папскою, когда въ усиленіи монашескихъ Орденовъ и въ учрежденіи безбрачія священниковъ, Папы получили, казалось, средство и дѣйствительно удержать общество навсегда въ своей опекѣ. Но послѣдствія доказали, что, на перекоръ расчетамъ мудрости человѣческой, сіи-то именно учрежденія и послужили средствомъ къ освобожденію общества, сдѣлавъ неизбѣжнымъ пополненіе класса духовныхъ безпрерывно изъ мірянъ; симъ открыты были и послѣднимъ изъ людей способы и образовать свой духъ, и достигнуть силы и власти, и встать вровень съ самыми могущественными и гордыми Вассаллами, или встать выше ихъ; симъ сохранилась Европа отъ духовенства наслѣдственнаго и, слѣдственно, отъ образованія могущественной, замкнутой и для другихъ сословій недоступной, какъ въ древнемъ Египтѣ, какъ въ Индіи, касты, которая, при тогдашнемъ состояніи общества, неминуемо произошла бы.

91. Такимъ образомъ Папская власть въ свое время была единственная сжимающая сила, которая останавливала разрушительныя дѣйствія Феодолизма; и если и при ея вліяніи столь много ужаснаго совершилось, что́ было бы, если бы еще и сей силы не существовало въ обществѣ? но симъ, повидимому, и долженствовало ограничиться ея историческое назначеніе. И доколѣ Папская власть дѣйствовала въ духѣ сего назначенія, дотолѣ она была надежнымъ прибѣжищемъ противу дикой силы, дотолѣ Европа спасаема была ею отъ ужасовъ Феодализма, при дѣйствіи котораго не могло бы возникнуть образованіе, ни нравы смягчиться; дотолѣ подъ ея хранительною сѣнію воспитывались науки и художества, коихъ монастырскія обители были единственнымъ убѣжищемъ, и въ такое время, когда все доброе и благородное, казалось, готово было исчезнуть изъ жизни. Но Папство, усилясь,

перешло за черту своего назначенія; оно овладѣло умами и совѣстію, и возвело владычество свое въ семъ отношеніи до такой высоты, съ которой Папа угрожалъ Европѣ не меньшею опасностію противу той, отъ которой ее избавилъ. На мѣсто ужасовъ безначалія наступали времена ужасовъ деспотизма, тѣмъ болѣе страшнаго, что онъ простирался не на одни внѣшнія дѣянія людей, а на мнѣнія, на совѣсть, на то, что́ есть въ человѣкѣ внутреннѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго; на мѣсто развитія и усовершенствованія силъ человѣческаго духа и успѣховъ образованія, готовилось ему омраченіе преднамѣренное, систематическое: деспотизмъ трепещетъ образованности! Но зданіе Папской власти стояло на фундаментѣ широкомъ и твердомъ; не легко было его ниспровергнуть, и гибельно было бы, если бы оно было ниспровергнуто дѣйствіями той же самой дикой силы, которая смирилась, окованная заклинаніями папскими. Къ счастію, физическая сила не могла вредить Папской власти; для освобожденія народовъ изъ-подъ тяжести ея нужно было, чтобы силою Исторіи измѣнился міръ и возникли бы поколѣнія новыя съ другими понятіями о жизни, съ другими требованіями отъ жизни. И измѣнился міръ, и новыя поколѣнія воспитались среди событій XII и XIII вѣковъ, событій, которыми преобразовались и понятія и отношенія людей, и вслѣдствіе которыхъ власть Монархическая пріобрѣла ту силу и то достоинство, какія довлѣютъ ей для сохраненія порядка и для постановленія законовъ, коими должно править и жить цѣлое общество и развиваться и совершенствоваться. За симъ понятны дѣлаются тѣ явленія XIV и слѣдующихъ вѣковъ, которыя поколебали и потомъ ниспровергли власть Папскую.

ГЛАВА IX.

Городскія общины.

Городскія общины—новый противодѣйствователь Феодальному могуществу; онѣ не существуютъ ни въ древнемъ Востокѣ, ни въ мірѣ Греческомъ и Римскомъ. Понятія о Римскихъ муниципіяхъ; различіе духа управленія ихъ съ городскими общинами; упадокъ ихъ по завоеваніи Римскихъ земель Германцами и утвержденіи Феодальной системы. Другой родъ городовъ, происшедшихъ уже въ Феодальномъ обществѣ; полная зависимость городовъ обоего рода отъ Феодальной аристократіи; нечувствительное возвышеніе городовъ отъ умноженія народонаселенія и промысловъ въ нихъ; начало возстанія городовъ и освобожденія ихъ отъ Феодальнаго ига; обстоятельства, тому способствовавшія; устройство и управленіе городскихъ общинъ по освобожденіи; умноженіе народонаселенія въ городахъ и разнообразіе сего народонаселенія

---

92. Когда Феодальная система достигла своей полной силы, и общество угрожаемо было погибнуть подъ ея гнётомъ; когда власть духовная начинала побѣдоносно свою борьбу съ нею, тогда, подъ вліяніемъ и вслѣдствіе сей борьбы, началъ возникать и еще новый противодѣйствователь Феодальному могуществу — *городскія общины*, элементъ, также оставшійся отъ Римскаго міра, но посреди новыхъ перемѣнъ измѣнившійся и иначе образовавшійся. Сей третій элементъ новаго Европейскаго общества позже

другихъ образовался. Отъ V до XII вѣка Феодальная система и церковное управленіе, хотя позже они и получили еще новое развитіе, являются намъ уже почти полными, въ опредѣленномъ положеніи. Въ теченіе сего періода времени они родились, возрасли и достигли своей зрѣлости. Другую судьбу имѣли городскія общины. Онѣ только съ XI и XII вѣка занимаютъ мѣсто въ Исторіи; не потому, чтобы онѣ прежде не имѣли исторіи, заслуживающей быть изучаемою, и чтобы и гораздо прежде сей эпохи не было слѣдовъ ихъ существованія; но потому, что только съ XI вѣка онѣ явственно появляются на великой сценѣ міра, какъ важный элементъ новаго общественнаго образованія.

93. Городскія общины составляютъ новую, новой Европѣ исключительно принадлежащую стихію общественной жизни, чуждую и древнему Востоку и міру Греческому и Римскому. Касты, существовавшія во всѣхъ знатнѣйшихъ государствахъ Древняго Востока, рѣзко и на-вѣки одна отъ другой отдѣленныя, были всегда законною преградою къ образованію въ обществѣ сословія людей, которое, будучи равно удалено и отъ гнёта нужды и отъ причудъ роскоши и нѣги, стояло бы по срединѣ цѣлаго общества, возвышалось мало по малу трудомъ, дѣятельностью, и достигало бы мало по малу и богатства и образованности и силы и вліянія на дѣла общественныя. Въ самой Финикіи, которой общественныя учрежденія столь мало мы впрочемъ знаемъ, но которой купцы, по выраженію Пророка Исаіи, были «славніи князи земли», безъ сомнѣнія существовала тяжелая аристократія, которой члены составляли также родъ замкнутой, недоступной для другихъ жителей касты, и держали остальное народонаселеніе городовъ въ рабской отъ себя зависимости, сбывая опасный многочисленностію своею избытокъ онаго въ колоніи, коими унизали они берега Средиземнаго моря. Въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, вѣковая неподвижность цѣлой націи препятствовала всегда движенію впередъ какого нибудь-одного сословія; въ другихъ, какъ, напр., въ Турціи Азіятской и Европейской, непреодолимое различіе между побѣдителями и побѣжденными, немогшими сплавиться въ одинъ народъ, образовало опять какъ бы двѣ касты: одной—въ удѣлъ гордое и праздное господство; другой—тяжелый, невознагражденный трудъ, рабское повиновеніе и рабская бѣдность и невѣжество. Въ Персіи различныя поколѣнія бились, смѣшивались между собою, и развязкою всего стало огромное без-

началіс, продолжающееся цѣлые вѣки, безъ всякой перемѣны въ общественномъ состоянiи страны, безъ всякаго движенія и преспѣянія, безъ всякаго развитія общественнаго образованія. Въ республикахъ Греческихъ, при всемъ наружномъ блескѣ ихъ и шумной дѣятельности внутренней, то же деспотическое господство одного небольшаго класса гражданъ, и рабство ему другаго, многочисленнѣйшаго. Наконецъ и въ Римѣ, гдѣ борьба Патриціевъ и Плебеевъ представляетъ какъ бы треніе разныхъ сословій общества другъ объ друга, какъ бы нѣчто похожее на явленіе въ новыхъ Европейскихъ обществахъ, въ самомъ Римѣ эта борьба была, какъ доказалъ Нибуръ, споромъ аристократіи, побѣжденной Римомъ, съ аристократіею побѣдителей, для того, чтобы подѣлиться съ сими послѣдними ихъ преимуществами; фамиліи плебейскія въ Римѣ составлялись изъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя Римляне переводили къ себѣ изъ покоренныхъ ими городовъ, и которые у себя на родинѣ занимали первыя мѣста въ обществѣ. Естественно, что эти фамиліи должны были негодовать на то положеніе, на которое осудить ихъ усиливалась въ Римѣ аристократія побѣдителей. И когда, послѣ двухвѣковаго боя (гг. 500-300 до Р. Х.), политическія права сихъ двухъ сословій уравнялись, Римское гражданство все вмѣстѣ составило опять какъ бы властительную касту, которая владѣла болѣе чѣмъ двумя милліонами рабовъ въ самомъ Римѣ, и собирала дани болѣе чѣмъ со ста милліоновъ покоренныхъ ею народовъ, посылая имъ правителей и обезпечивая ихъ себѣ покорность своими легіонами.

94. Города и въ покоренныхъ Римлянами земляхъ устроились по образцу властительнаго Рима. Города эти назывались *Муниципіями* (*). Жители ихъ состояли изъ куріаловъ, плебеевъ и рабовъ. Куріалы составляли аристократію города (32); сословіе ихъ называлось ordo или curia, и состояло изъ извѣстнаго числа

(*) Отъ munera, *должности* и capere, *занимать*. Жители такихъ городовъ имѣли право занимать должности и въ своемъ городѣ и (нѣкоторые) въ самомъ Римѣ. Муниципіи были разнаго рода: однѣ имѣли всѣ права Римскихъ гражданъ, *другія* только право служить въ Римскомъ войскѣ, но не имѣли права подавать голосовъ на избраніе въ разныя государственныя должности, ни сами быть избраны. Каракалла далъ муниципальныя права всѣмъ городамъ Римской Имперіи.

фамилій, внесенныхъ въ реестръ (Матрикуль), который назывался album ordinis, или album curiae. Принадлежащіе къ этому классу люди назывались *куріалами* или *декуріонами*; число ихъ было обыкновенно небольшое, и этотъ классъ пополнялъ самъ себя: городское правительство само назначало ту или другую плебейскую фамилію ко вступленію въ классъ декуріоновъ, коль скоро оно имѣло требуемое для этого имущество (около 6 десятинъ земли). Изъ класса декуріоновъ, и только людьми этого же самаго класса, избирались всѣ лица, составлявшія муниципальное правительство; слѣдовательно муниципальная власть была сосредоточена въ довольно небольшомъ числѣ декуріонскихъ фамилій, и оставались наслѣдственно въ рукахъ этихъ фамилій, потому-что и званіе декуріоновъ было наслѣдственнымъ. Изъ сего видно, что управленіе Римскихъ муниципій основано было преимущественно на началахъ аристократическихъ, — и вотъ ихъ отличіе отъ духа управленія городскихъ общинъ новой Европы, имѣвшихъ направленіе преимущественно демократическое! Но эта аристократія Римскихъ муниципій находилась сама въ положеніи весьма тягостномъ, такъ-что мало было охотниковъ вступать въ это сословіе, и нужны были разныя понудительныя мѣры и для того, чтобы удержать въ немъ тѣхъ, которые уже въ немъ были, и для того, чтобы обязать ко вступленію вновь тѣхъ, которые, по достатку своему, могли быть куріалами, но не хотѣли пользоваться тягостной честію, и предпочитали незнатное званіе плебея почетному титлу декуріона, на которомъ, въ замѣнъ разныхъ преимуществъ (*), дарованныхъ властію Сената и Императоровъ, лежали такія обязанности, которыя убивали всѣ преимущества класса декуріоновъ (**).

95. Въ такомъ положеніи были города при утвержденіи Гер-

(*) Право избирать и быть избираемыми въ городскія должности; освобожденіе отъ пытки и другихъ жестокихъ и унизительныхъ наказаній.

(**) Невозможность выйти добровольно изъ своего сословія, ни занимать должностей, которыя бы освобождали отъ муниципальныхъ обязанностей, напр. военная служба, духовное званіе; отвѣтственность своимъ имуществомъ за уплату податей другими классами; невозможность продать свою собственность безъ позволенія начальника области; въ случаѣ неимѣнія дѣтей обязанность оставить $\frac{3}{4}$ своего имѣнія куріи, и право располагать по завѣщанію только $\frac{1}{4}$.

манцевъ въ Римскихъ областяхъ. Города, съ ихъ жизнію, съ ихъ потребностями и съ ихъ стремленіемъ, были общества, невѣдомыя Германцамъ на родинѣ (38); побѣдители не знали, что съ ними дѣлать, и оставили имъ прежніе ихъ уставы; но сіи уставы не имѣли ни малѣйшаго обезпеченія; отъ воли побѣдителей зависѣло уничтожить то завтра, что сегодня было оставлено. Слѣдственно, состояніе городовъ въ исходѣ V и въ VI вѣкѣ представляло двѣ противоположности: съ одной стороны, они были свободны, имѣли свое собственное управленіе; съ другой, находились въ зависимости отъ всѣхъ обстоятельствъ, отъ всякой перемѣны въ состояніи побѣдителей, просто, отъ ихъ произвола. Въ VII столѣтіи, когда произошелъ раздѣлъ фискальныхъ земель на участки между членами Гелейта, и когда потомъ сіи участки стали дѣлаться наслѣдственными, состояніе городовъ перемѣнилось къ худшему, потому, во-первыхъ, что въ это время жизнь деревенская получила рѣшительное преимущество передъ городскою, и города, бывшіе доселѣ безъ обезпеченія своихъ правъ, остались съ тѣхъ поръ и безъ промышленности; и потому, во-вторыхъ, что города, оставшись съ своими особенными уставами среди Феодальнаго міра, были предметэмъ грабительства и насилій со стороны Вассалловъ. По утвержденіи Феодальнаго раздѣленія земель, приходилось каждому городу лежать или внутри владѣній одного Вассалла, не принадлежа однакоже ему, или на рубежѣ, гдѣ сходились Феоды нѣсколькихъ Вассалловъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ города испытывали притѣсненія всякаго рода, и въ послѣднемъ случаѣ еще больше, чѣмъ въ первомъ; ибо тогда, вмѣсто одного, города имѣли нѣсколькихъ враговъ, отъ которыхъ не могли они ни собственною силою защититься, ни найти защиты въ какой-либо посторонней власти. Въ такомъ состояніи беззащитности были города во все время отъ VII до XI вѣка; волею и неволею они должны были подчиниться условіямъ Феодальной системы, и, для обезопасенія себя отъ сихъ грабительствъ и насилій, вступить, на основаніи Феодальныхъ уставовъ, подъ защиту или какого-нибудь могущественнаго Вассалла свѣтскаго, или Епископа или аббата. Но тогда городскіе жители пришли въ такое состояніе, которое немного разнилось съ состояніемъ рабовъ, и для освобожденія городовъ нужно было, повидимому, чтобы они доведены были до сей крайности, чтобы ихъ выгоды сдѣлались одинаковы съ выгодами рабовъ, и чтобы одинаковая съ симъ

классомъ ненависть къ игу феодальному наполняла и умы горожанъ.

96. Другой родъ городовъ образовался уже въ новой Европѣ, среди Феодальной системы, но — такъ сказать — на перекоръ ей. Эти города произошли отъ скопленія свободнаго народонаселенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земель сильныхъ Феодальныхъ владѣльцевъ и въ сосѣдствѣ и подъ защитою ихъ замковъ. Сами эти владѣльцы привлекали народонаселеніе въ свои земли, видя въ томъ и увеличеніе своихъ доходовъ и увеличеніе матеріяльной своей силы; потому-что всѣ поселенцы на владѣльческихъ земляхъ обязаны были, сверхъ условленныхъ податей владѣльцу, еще и вооружаться, по его требованію. Конечно, и владѣлецъ, покровитель города, давалъ за это жителямъ его разныя привилегіи и права (вольности); но какъ между Феодальнымъ владѣльцемъ и городомъ, который такимъ образомъ произошелъ въ его владѣніи, не было посредствующей власти, обезпечивавшей непарушимость вольностей, дарованныхъ горожанамъ, то, при утвержденіи рѣшительнаго преобладанія Феодальной аристократіи, и жители этихъ новыхъ городовъ, образовавшихся въ новомъ обществѣ, пришли, какъ и жители Римскихъ муниципій, въ одинаковое положеніе зависимости отъ Феодальныхъ владѣльцевъ. Нерѣдко горожане терпѣли еще больше насильствъ и притѣсненій, чѣмъ рабы: этихъ Феодальные владѣльцы имѣли еще побужденіе щадить, ибо они составляли ихъ собственность; между тѣмъ какъ горожане считались отъ нихъ независимыми, не имѣя однакоже никакого ручательства за свою независимость и никакой ограды для нея, и привлекая къ себѣ хищничество и корыстолюбіе необузданныхъ Вассаловъ своимъ достаткомъ, гораздо большимъ, нежели какой былъ у жителей деревень. Такимъ образомъ города новой Европы произошли частію изъ Римскихъ муниципій, пережившихъ паденіе Имперіи, какъ города Италіи, Испаніи, южной Франціи; частію они составляютъ продуктъ уже Феодальнаго общества, какъ города сѣверной Франціи, Нидерланды, внутренней Германіи (*).

(*) Не на эту ли двойственность происхожденія городовъ указываетъ двоякое ихъ названіе, сохранившееся въ языкахъ Западной Европы, для означенія городовъ: cité, city, citta, ciudad, Stadt, отъ civitas, *гражданство*—

97. Хотя, какъ выше сказано (95, 96) города въ новой Европѣ неограниченнымъ произволомъ Феодальной аристократіи и сведены были на степень почти рабской зависимости, и отъ VI до XI вѣка какъ бы не существуютъ въ обществѣ; но когда, въ теченіе сего періода, бродячая, боевая жизнь побѣдителей кончилась и феодальное устройство утвердилось (въ IX и X столѣтіяхъ); когда каждый занялъ свое мѣсто и основался на своемъ участкѣ, города, при всемъ угнетеніи, котораго были они жертвою, естественнымъ образомъ стали пріобрѣтать нѣкоторую важность. Ибо, какъ скоро утвердились нѣкоторая опредѣлительность и стройность общественныхъ отношеній, и какъ скоро занялась, хотя еще и слабая, заря и мира и порядка, возвратилась въ душу и надежда, и вмѣстѣ съ нею мысль объ улучшеніи своего быта, о своемъ будущемъ; а вмѣстѣ съ этимъ пробудился духъ дѣятельности, родились нѣкоторыя занятія, нѣкоторые промыслы, открылись новые способы жизни, нѣкоторыя средства довольства, и народонаселеніе, всегда соразмѣряющееся съ способами продовольствія, стало возрастать въ городахъ. Религія, имѣвшая въ средніе вѣки столь непосредственную связь со всѣми общественными учрежденіями, оказывала и въ этомъ отношеніи чрезвычайно важное вліяніе. Право *убѣжища* (Азиль) влекло въ города новыхъ жителей. По этому праву церковь и всѣ дворы, сады и домы, ей принадлежащіе, объявлены неприкосновенными мѣстами, и могли служить убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ свѣтскимъ судомъ и терпящимъ отъ него насиліе. Подъ щитомъ церкви приходили укрываться тѣ, которые были жертвами дикой насильственности тогдашнихъ общественныхъ учрежденій, и это были не только люди изъ нисшаго класса, не только рабы, иногда отчаянно расторгавшіе свои цѣпи и буйно бросавшіе ихъ своему господину, не только поселяне, осужденные на трудъ безъ вознагражденія; не одни эти люди бѣжали въ города искать какой-нибудь защиты и сколько-нибудь безопасности; но нерѣдко прибѣгали люди значительные, богатые и важные изгнанники. Въ лѣтописяхъ того времени много примѣровъ, что могущественные

названіе городовъ, происшедшихъ изъ Римскихъ муниципій Burg, bourg, burgos, borough, отъ Burg *замокъ*; названіе городовъ, устроившихся близъ замковъ Феодальныхъ владѣльцевъ?

Вассаллы, будучи преслѣдуемы какимъ-нибудь сосѣдомъ, еще болѣе могущественнымъ, или самимъ Королемъ, оставляли свои имѣнія, уносили что могли, уходили въ города, отдавались подъ защиту церкви и становились гражданами. Нѣтъ сомнѣнія, что подобные переселенцы, внося съ собою въ городъ свои богатства и свои понятія объ удобствахъ жизни, имѣли великое вліяніе на народонаселенія городовъ и вообще на жизнь городскую, уже и тѣмъ однимъ, что они положили нѣкоторое основаніе классу людей въ городахъ, высшему относительно къ прочей массѣ бѣднаго и полурабскаго народонаселенія; далѣе — они принесли съ собою другія понятія о потребностяхъ общежитія, вызывая такимъ образомъ изысканіе способовъ удовлетворять этимъ потребностямъ, — новыя причины къ умноженію народонаселенія въ городахъ, притекавшаго сюда и потому, что люди, находясь въ одномъ мѣстѣ въ большомъ числѣ, чувствовали себя безопаснѣе; и потому, что потребность общежитія, никогда не покидающая человѣка, побуждала ихъ къ подобнымъ переселеніямъ.

98. Такимъ образомъ въ IX и X столѣтіяхъ города нечувствительно увеличились и въ числѣ и въ достаткѣ своихъ жителей, и получили, слѣдственно, больше средствъ защищаться противъ Вассалловъ и больше предметовъ, которые стоили защищенія. Но безопасность лицъ и имуществъ горожанъ не возрастала въ такой же степени, какъ возрастало ихъ число и умножался ихъ достатокъ; тогдашнее состояніе общества не представляло имъ прочнаго огражденія и ручательства; и не иначе можно было надѣяться достигнуть этого огражденія, какъ силою, въ этотъ періодъ отсутствія власти и закона. Легко понять, что жители городовъ не упустили воспользоваться первыми благопріятными обстоятельствами къ пріобрѣтенію себѣ опредѣленнаго и прочнаго мѣста въ обществѣ и къ огражденію своихъ правъ, и личныхъ и вещественныхъ.

99. Два событія, которыми ознаменована послѣдняя четверть XI вѣка, благопріятствовали городамъ къ освобожденію ихъ отъ гнета Феодальнаго: *во-первыхъ*, открытая, тяжкая и общая борьба духовной власти съ свѣтскою, и *во-вторыхъ*, Крестовые походы (см. ниже). Въ то время, когда началась эта рѣшительная борьба (78 — 83) между духовною властію и свѣтскою, борьба, которая, по важности своей и силѣ, должна была всколебать общество во всемъ его составѣ и измѣнить весь составъ его; въ то же самое

время началось, или по крайней мѣрѣ сдѣлалось замѣтнымъ возстаніе городовъ противъ гнета Феодальнаго. Феодальная система сама подавала и поводъ и примѣръ къ таковому возстанію; города видѣли Вассаловъ въ безпрерывной войнѣ съ своими Государями, въ безпрерывномъ противоборствіи власти, которая старалась подчинить себѣ ихъ необузданную волю. Нельзя рѣшить, въ какой именно степени и какимъ образомъ содѣйствовала борьба Папской власти съ властію свѣтскою сему возстанію городовъ; но два обстоятельства, какъ бы указываютъ на внутреннюю связь сихъ современныхъ событій. *Первое* то, что ранѣе XI вѣка не восходятъ грамматы, которыми утверждаются привилегіи городовъ; сіи грамматы представляютъ собою дѣйствительные трактаты, кои города заключали съ сосѣдними Вассаллами, свѣтскими или духовными, и коими опредѣлялись отношенія городовъ къ симъ послѣднимъ. *Второе* обстоятельство то, что Папы, желая усилить себя для борьбы со свѣтскою властію, дѣйствительно покровительствовали и поощряли освобожденіе городовъ и образованіе союзовъ между ними, или, съ другой стороны, и для той же самой борьбы съ властію духовною, сами Государи также старались привязать къ себѣ города разными привилегіями; такъ дѣйствовали Императоры Германскіе и Короли Французскіе. Сіе возстаніе городовъ было всеобщее и современное въ Западной Европѣ, не потому, чтобы между ними произошло общее для сей цѣли соглашеніе, а потому, что города въ разныхъ странахъ были въ одинаковомъ положеніи, и потому, что образованіе общества Европейскаго имѣло одинаковые переходы. Но города, и освободясь, не получили еще полной самостоятельности и силы, и жители ихъ не могли еще пріобрѣсти значущаго мѣста въ разрядѣ общественномъ, пока эти жители состояли изъ небольшихъ купцовъ и мелочныхъ ремесленниковъ, неимѣвшихъ ни капиталовъ, ни образованія. Время скопило одни и усилило другое; съ симъ скопленіемъ богатствъ и усиленіемъ образованія возвысился и духъ, возрасла и важность горожанъ, и постепенно устроивалось внутреннее управленіе общинъ, различно въ подробностяхъ по разнымъ странамъ Европы, но сходно въ главныхъ чертахъ своихъ.

100. При указаніи того, что осталось отъ Римскаго міра въ наслѣдіе новымъ государствамъ, сказано было, что Республика, такъ-какъ и Имперія Римская, была собраніемъ городскихъ общинъ, которыя прежде были столь же самостоятельными, какъ и

самый Римъ (31). Всякій (*) изъ сихъ городовъ имѣлъ сначала точно такое же существованіе, какъ Римъ, былъ небольшою Республикою, независимою, заключающею миръ, объявляющею войну, управляемою по своему усмотрѣнію. По мѣрѣ того, какъ онѣ входили въ составъ Римскаго Государства, тѣ права, кои принадлежатъ государствамъ самостоятельнымъ: право войны и мира, право законодательства, наложенія податей, отошли отъ всякаго города и сосредоточились въ Римѣ. Осталась только одна самостоятельная община, Римъ, царствующая надъ множествомъ общинъ, которыя имѣли уже только гражданское существованіе. Муниципальное правительство измѣнилось въ своемъ характерѣ, и вмѣсто того, чтобы быть политическимъ устройствомъ, верховною властію, оно сдѣлалось только мѣрою распорядительною,—вотъ великій переворотъ, совершившійся во времена Имперіи! Муниципальное правительство, сдѣлавшись только распорядительною мѣрою, ограничилось управленіемъ мѣстныхъ дѣлъ, гражданскихъ отношеній города. Въ такомъ состояніи паденіе Римской Имперіи оставило города и ихъ уставы. Среди хаоса варварскихъ временъ, всѣ идеи смѣшались, такъ какъ и всѣ событія; не было и слова о различіи того, что принадлежитъ верховной власти, и того, что относится только до управленія. Ходъ дѣлъ опредѣлялся случаемъ и необходимостію, по мѣрѣ которой начальство каждаго мѣста то было верховною властію, то было, просто, начальствомъ. Когда города возстали, чтобы пріобрѣсти себѣ какую-нибудь безопасность, они присвоили себѣ право верховной власти; не вслѣдствіе какой-нибудь политической теоріи или вслѣдствіе чувства своего собственнаго достоинства, а только лишь для того, чтобы имѣть средства противиться Феодальнымъ владѣльцамъ, противу которыхъ они возстали, присвоили себѣ города право собирать войско, распредѣлять на жителей подати, чтобы вести войну, назначать самимъ своихъ вождей и правителей, однимъ словомъ, управляться самими собою. Правительство внутри города было только условіе защиты, средство безопасности. Такимъ-то образомъ права верховной власти возвратились въ муниципальное управленіе, изъ котораго они вышли отъ завоеваній Рима; общины сдѣлались самодержавными,—вотъ политическій характеръ ихъ ос-

(*) Гизо.

вобожденія! Нельзя сказать, чтобы самодержавіе было полное. Оставались все еще нѣкоторые слѣды власти посторонней; то Феодальный владѣлецъ сохранялъ право назначать въ городѣ правителя, который въ помощь себѣ бралъ чиновниковъ изъ горожанъ; то онъ имѣлъ право взимать нѣкоторые сборы; въ другихъ мѣстахъ ему назначалась подать. Иногда внѣшняя власть надъ общиною переходила въ руки Короля. Сами общины, вошедшія въ свою очередь въ составъ Феодализма, имѣли Вассаловъ, и по сему качеству они обладали частію верховной власти, свойственной Феодальнымъ владѣльцамъ. Произошло смѣшеніе между правами, которыя имѣли они по ихъ Феодальному положенію, и правами, кои пріобрѣли чрезъ свое возстаніе; и на этомъ двоякомъ основаніи общины сдѣлались самодержавными.

101. Сколько можно судить по памятникамъ, весьма неполнымъ, вотъ какъ происходило, по крайней мѣрѣ въ первое время, управленіе во внутренности общины. Всѣ жители составляли *собраніе* общины, *вѣче*; всѣ тѣ, которые присягали общинѣ, — а всякій, кто жилъ внутри города, обязанъ былъ ей присягать — сзываемы были звономъ колокола (вѣчевой колоколъ) на общее собраніе; изъ сего ясно видно, что устройство общинъ имѣло основаніемъ своимъ начало демократическое. Вѣче назначало налоги, опредѣляло объявленіе войны, заключеніе мира, утверждало законы, предлагаемые городскимъ правительствомъ; но важнѣйшее и прямое участіе вѣча было избраніе правительственныхъ лицъ. Число ихъ, равно какъ и устройство правительственныхъ мѣстъ были чрезвычайно различны; и время и предѣлы власти ихъ худо опредѣлены; наиболѣе употребительные и всего чаще въ лѣтописяхъ встрѣчаемые сроки власти—*одинъ годъ*. По назначеніи правителей, собраніе расходилось, и избранныя лица, составляя *городской Совѣтъ* (Stadtrath, Rathhaus, Ратуша), называвшійся иногда, по подражанію Римлянамъ, *Сенатомъ*, подъ предсѣдательствомъ Градскаго Главы (Мэръ, — въ Лондонѣ — Лордъ-Мэръ, Бюргермейстеръ, Посадникъ), управляли дѣлами общины довольно неограниченно, довольно произвольно, до новыхъ выборовъ или до перваго бунта; народъ, недовольный своими правителями, собирался и прежде истеченія срока ихъ власти на шумное вѣче, низвергалъ ихъ, нерѣдко изгонялъ и избиралъ новыхъ. При неопредѣленности предѣловъ власти правительственныхъ лицъ и мѣстъ, неопредѣленности, которая неизбѣжна была по недостатку обще-

ственнаго образованія и по грубому состоянію общества, при шаткости демократическаго начала и движимости народныхъ страстей, мятежи въ городахъ были нерѣдкимъ явленіемъ; они представляли, дикое, правда, и погибельное, выраженіе участія народа въ дѣлахъ управленія; составляли какъ бы одно изъ средствъ городской управы и главную отвѣтственность правительственныхъ лицъ.

102. Слѣдственно внутреннее устройство общинъ состояло изъ двухъ стихій, весьма простыхъ: изъ общаго собранія жителей и изъ правительства, облеченнаго властію почти произвольною, подъ отвѣтственностію возстаній, мятежей. Но при всемъ томъ, что демократическое начало было преобладающимъ въ городахъ при первомъ образованіи общинъ въ исходѣ XI и въ XII вѣкѣ, время само образовало въ составѣ ихъ народонаселенія аристократію, потому-что если вообще различіе состояній происходитъ само-собою вездѣ, гдѣ только люди живутъ вмѣстѣ, то всего скорѣе оно должно было произойти въ городахъ, какъ обществахъ людей, которыхъ цѣль есть разнообразная дѣятельность промышленная. Легко представить себѣ, какъ начали отдѣляться отъ массы прочихъ гражданъ, во-первыхъ, роды тѣхъ, которые чаще другихъ облечены были правительственными должностями и званіями, и, во-вторыхъ, роды тѣхъ, которые дѣятельностію, умомъ, или благопріятными обстоятельствами нажили себѣ большіе капиталы въ предпріятіяхъ промышленныхъ,—вотъ аристократія новыхъ городскихъ общинъ, отличная отъ аристократіи Римскихъ муниципій! Такимъ образомъ составился классъ знатныхъ гражданъ, такъ называвшіеся въ Нѣмецкихъ городахъ Geschlechten, *роды, люди житые.* Эти роды тѣсно соединялись между собою взаимными супружескими связями, общими торговыми и промышленными предпріятіями, и составляли тяжелую аристократію, столь же рѣзко отдѣлившую себя отъ прочихъ гражданъ, столь же мало для нихъ доступную, какъ Патриціи въ древнемъ Римѣ недоступны были для Плебеевъ.

103. Вмѣстѣ съ тѣмъ тоже самое развитіе промышленности и капиталовъ произвело движеніе и въ нижнихъ классахъ гражданъ, въ мѣщанахъ. Разнообразные промыслы отдѣлились другъ отъ друга, составились *цехи*, и хотя въ этихъ цехахъ утвердилась тоже тяжелая зависимость рабочаго класса отъ сословія мастеровъ; тяжелая и медленная постепенность, по которой восходить

надлежало отъ званія работника до званія мастера; однако, при общемъ развитіи образованія и умноженіи разнообразнѣйшихъ потребностей, число ремесленниковъ по цехамъ чрезвычайно умножилось. между тѣмъ какъ число «родовъ» убывало по незамѣщенію убылыхъ мѣстъ въ классѣ житыхъ людей черезъ принятіе въ этотъ классъ новыхъ фамилій изъ мѣщанства. Естественно, что цехи сильно возвышались, сильно возставали противу аристократіи людей житыхъ; что они стремились подѣлиться съ нею участіемъ въ высшемъ городскомъ правительствѣ. И среди сословія собственно промышленнаго, тѣ же причины, которыя дѣйствовали на развитіе и разнообразіе промышленныхъ занятій, произвели классъ людей, прежде или малочисленный, или отчасти и вовсе несуществовавшій, но классъ, дѣлавшійся болѣе и болѣе многочисленнымъ, и требовавшій себѣ также опредѣленнаго мѣста въ составѣ городской общины, — это врачи, ученые, члены университетовъ и многочисленное юношество, въ нихъ обучавшееся; художники, адвокаты и другіе многочисленные агенты по дѣламъ правительственнымъ и суднымъ. Наконецъ сами гордые Вассаллы, не находя въ замкахъ своихъ ни способовъ удовлетворить потребностямъ, увеличившимся вслѣдствіе успѣховъ образованности, ни тѣхъ удобствъ, какія представлала жизнь городская, стали переселяться въ города, заключая съ общинами особые договоры на право жительства среди ихъ; высшее духовенство, богатые монастыри избирали города мѣстомъ своего пребыванія, и нерѣдко монастыри служили даже поводомъ къ основанію городовъ. И чѣмъ изъ болѣе разнородныхъ классовъ время слагало народонаселеніе города, тѣмъ болѣе между ними было тренія и обмѣна потребностей и понятій, тѣмъ многосложнѣе и разнообразнѣе дѣлались отношенія, и при всемъ томъ, что города мало, или вовсе (до XIV вѣка) не имѣли вліянія на общее управленіе государства; при всемъ томъ, что городскіе жители въ отношеніяхъ къ классу Вассалловъ и Рыцарей являли подобострастіе, города сами поставили уже себя въ полную независимость и безопасность отъ своеволія и насильствъ со стороны Вассалловъ, и имѣли способы всякой разъ противиться покушеніямъ сихъ послѣднихъ на ихъ независимость. Тогда настало славное время для городовъ; трудолюбивыя руки (*) сооружали валы и стѣны и ворота и рвы вокругъ

(*) Диппольдъ.

мирныхъ жилищъ; каждый отецъ семейства, въ случаѣ нужды опоясывалъ свой мечъ и съ копьемъ и съ палицею выходилъ за городскія ворота для отраженія нападенія несправедливаго. Тогда высоко надъ кровлями тихихъ домовъ поднимались башни ратушъ, смѣлыя, воздушныя фантастическія стрѣлы колоколень надъ готическими сводами церквей. Города были какъ муравейники; въ нихъ тысячи входили, и тысячи выходили изъ нихъ, принося съ собою и довольство и сокровища. Тамъ стучалъ молотъ кузнеца, жужжали челноки на станахъ и колеса въ прядильняхъ; тамъ рынки кипѣли народомъ; тамъ вѣяли паруса на пристаняхъ рѣчныхъ и въ гаваняхъ моря. Все жило, двигалось, все дѣйствовало свободно и безпрепятственно для набогащенія, свободы и удовольствія. И въ высшихъ училищахъ доктора и баккалауры и мастера семи свободныхъ Искусствъ (*) наставляли любознательное юношество, и вымышляли, и изобрѣтали; а въ укромныхъ мастерскихъ сидѣли тихіе художники, и вырѣзывали, и живописали, или предавались вдохновеніямъ Поэзіи, чтобы украсить важныя заботы жизни, беззаботной ясностію искусства.

(*) Семь свободныхъ искусствъ были: Грамматика, Риторика, Діалектика (Trivium), Ариѳметика, Геометрія, Астрономія и Музыка (Quadrivium).

ГЛАВА X.

Городскія общины.

Обозрѣніе происхожденія и состоянія городскихъ общинъ и городскихъ союзовъ въ разныхъ Европейскихъ земляхъ: въ Италіи, Германіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи, Англіи; усугубленіе раздѣльности общества по образованіи городскихъ общинъ и городскихъ союзовъ; необходимость событія, которое сблизило бы разнородныя стихіи общества, и власти, которая соединила бы ихъ въ одно стройное цѣлое.

---

104. Такъ съ XI до XIII вѣка выработывалась жизнь городская въ разныхъ земляхъ Европы различно въ подробностяхъ, но сходно въ главныхъ чертахъ своихъ. Въ Италіи прежде всего образовались города, потому, что въ ней больше, чѣмъ въ другихъ земляхъ Европы, сохранились муниципальные уставы древняго Рима, и потому, что Италія, главный театръ борьбы между духовною и свѣтскою властію, болѣе другихъ земель испытывала надъ собою и слѣдствіе сей борьбы, бывъ раздѣлена на двѣ противныя партіи, которыя, подъ именемъ Гвельфовъ (партія Папская) и Гибеллиновъ (партія Императорская) наполняли Италію смутами и кровію и тогда еще, когда борьба, произведшая сіе раздѣленіе, давно уже кончилась, и названія Гвельфовъ и Гибеллиновъ уже потеряли свое первоначальное значеніе. Ласкаемые и покровительствуемые попеременно то Императорами, то Папами, и искусно и хитро придерживаясь то одной, то другой стороны, города Италіи (и наиболѣе Верхней) особенно усилились, тѣмъ болѣе, что вокругъ нихъ не было сильныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Вла-

дѣльцевъ (*), которыхъ замки находились почти у самыхъ воротъ того или другаго города и которые имѣли еще въ своихъ рукахъ судъ и расправу по городамъ, выгоняли горожане изъ ихъ помѣстьевъ, или принуждали ихъ дѣлаться сочленами своей общины, согражданами своими, и тѣмъ самымъ пріобрѣтали новое приращеніе своему могуществу. Многіе Вассаллы дѣлались горожанами по доброй волѣ, чтобы быть участниками той особенной степени безопасности, довѣренности и уваженія, которая пріобрѣтена была членами общинъ при возрастаніи богатства и силы ихъ. При умножавшемся безпрерывно народонаселеніи, въ составѣ котораго находились знатнѣйшія фамиліи прежнихъ Вассалловъ; при возраставшемъ безпрерывно богатствѣ, привлекаемомъ въ города Италіи обширною торговлею, коей рано (съ начала Крестовыхъ походовъ) они сдѣлались главными рынками, легко возникла въ городахъ сихъ мысль о самостоятельности и полной независимости отъ владыкъ Германіи, которые, по своему титулу Римскихъ Императоровъ, думали имѣть неоспоримое право на полное владычество и надъ Италіею. Для достиженія сей цѣли города Верхней Италіи заключали между собою союзы, въ особенности, когда силы, направленныя Императоромъ Фридрихомъ Барбароссою, привели сіи города въ трепетъ за свою независимость; такъ составился *Ломбардскій союзъ* (отъ 1138 — 1152), котораго главою былъ Медіоланъ. Разрушеніе сего города (г. 1162) должно было послужить урокомъ для прочихъ. Ломбардскіе города присмирѣли; но едва могущественный Императоръ перешагнулъ за Альпы, отозванный изъ Италіи волненіями Германіи, какъ снова возсталъ Ломбардскій союзъ, подъ начальствомъ Веропы (г. 1164), и снова и успѣшно боролся съ Императоромъ при покровительствѣ Папы Александра III, дѣйствовавшаго въ духѣ Григорія VII. Ломбардскіе города отстояли свою независимость и утвердили ее миромъ въ Костницѣ (г. 1183), гдѣ, уступивъ Императору наружность власти, какъ бы только для оправданія его титула, получили города утвержденіе своихъ вольностей, право судиться своимъ судомъ и управляться своимъ начальствомъ, и устранивъ себя такимъ образомъ отъ подданства Римскому Императору, сдѣлались мало по малу республиками. Нѣкоторые, немногіе ихъ нихъ, успѣли удержать сію форму правле-

(*) Робертсонъ.

нія; другіе впослѣдствіи сдѣлались столицами разныхъ монархическихъ государствъ, но уже въ такое время, когда классъ промышленный былъ и многочисленъ и силенъ, и когда и сами Монархи уже знали ему цѣну. И долѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ блистала Венеція, Республика, на которую (*) въ Средніе вѣки нельзя смотрѣть безъ удивленія и радости, какъ нельзя вспомнить ея позднѣйшей судьбы безъ глубокаго прискорбія, хотя, впрочемъ, и должно безспорно согласиться съ тѣмъ, что такіе города и такіе союзы городовъ, произведенные смутнымъ состояніемъ народовъ и недостаткомъ сильныхъ, законно устроенныхъ государствъ, столь же мало могли быть прочны, какъ Папская власть, Вассальство или Рыцарство Среднихъ вѣковъ.—Дѣятельность умовъ и рукъ, возникшая въ городахъ Италіи, имѣла вліяніе и на Германію, состоявшую съ Аппенинскимъ полуостровомъ въ постоянной, невыгодной въ политическомъ отношеніи для обѣихъ сторонъ связи, по титулу Римскихъ Императоровъ, который съ X вѣка принадлежалъ владѣтелямъ Германіи, и на которомъ основывали они права свои на Италію. Подобно Ломбардскому союзу и въ Германіи, и также вслѣдствіе борьбы Императоровъ съ Папами и съ собственными Вассаллами, образовались и вольные города и союзы городовъ, особенно во время междуцарствія, по прекращеніи Дома Гогенштауфеновъ до избранія на престолъ Рудольфа Габсбургскаго (гг. 1256—1273). Таковы были: *союзъ Верхнегерманскихъ и Рейнскихъ* городовъ, основанный Вальподомъ Майнцскимъ (г. 1255); къ этому союзу принадлежали города отъ подошвы Альповъ до устья Майна, и главою ихъ былъ Майнцъ; *союзъ Швабскихъ городовъ* (г. 1375), состоявшій сначала изъ 14, а въ 1379 уже изъ 32 городовъ и получившій названіе *Великой Лиги*; въ 1381 этотъ союзъ соединился съ Рейнскимъ и пріобрѣлъ такую важность, что составившіяся въ эту же эпоху общества или союзы феодальнаго дворянства противъ городовъ, какъ-то: *союзъ Льва, Св. Вильгельма* и *Св. Георгія*, искали сами соединенія съ Великою Лигою; *союзъ Швейцарскихъ городовъ*, первоначально въ 1307 году.

105. Но важнѣе всѣхъ этихъ союзовъ было соединеніе городовъ, преимущественно С. Германіи, извѣстное подъ именемъ *Ганзы*. Это былъ могущественный союзъ, къ которому принадлежало (въ половинѣ XIV вѣка) до 85 городовъ въ сѣверной Гер-

(*) Луденъ.

маніи, въ Нидерландахъ и въ странахъ по Нѣмецкому и Балтійскому морямъ; главою сего союза былъ Любекъ. Города союза были независимы другъ отъ друга; но соединялись для взаимной защиты и обязаны были: 1) держаться однаковыхъ правилъ въ торговлѣ съ постороннимъ землями и народами; 2) защищать другъ друга отъ всякаго непріятеля и на сухомъ пути и на морѣ; 3) въ спорахъ между собою подчиняться рѣшеніямъ Сейма, который собирался въ Любекѣ и котораго опредѣленія были законами для каждаго города. Для соблюденія единства общихъ уставовъ весь союзъ раздѣленъ былъ на четыре округа, которые назывались *четвертями* или *кварталами* (Quartiere): *четверть Венедская*, къ которой принадлежали всѣ города отъ Гамбурга по берегамъ Балтійскаго моря до Данцига; главнымъ городомъ въ ней былъ Любекъ; *четверть Вестфальская*: города въ Прирейнскихъ земляхъ Вестфаліи и Нидерландахъ,—главный Кёльнъ; *четверть Саксонская*, города въ Саксоніи и Бранденбургіи,—главный Брауншвейгъ; *четверть Прусколивонская*,—главный Данцигъ. Кромѣ городовъ собственно въ союзѣ состоявшихъ, Ганза имѣла свои конторы въ разныхъ земляхъ Европы; главныхъ было пять: въ Бригге (въ Нидерландахъ), въ Лондонѣ, въ Бергенѣ (въ Норвегіи), въ Висби (на островѣ Готландѣ), и важнѣйшая изъ всѣхъ въ Новгородѣ. Ганза достигла такой силы и важности, что приводила въ трепетъ окрестныхъ Государей и рѣшительно утвердила за собою всю торговлю средней, сѣверной и сѣверозападной Европы и рѣшительно овладѣла промышленностію сихъ странъ. Начало всѣхъ сихъ союзовъ было малое, незамѣтное для современниковъ и незамѣченное ими; потому не можно съ точностію опредѣлить эпохи, въ которую произошли они; но нѣтъ сомнѣнія, что начало освобожденія городовъ Германіи изъ-подъ ига Феодальнаго должно отнести къ началу распрей (въ концѣ XI вѣка) Генриха IV съ Григоріемъ VII, распрей, сильно потрясавшихъ всю Германію; начало усиленія ихъ было продолженіе сихъ же самыхъ распрей и съ ними соединенныхъ внутреннихъ войнъ въ самой Германіи при Императорахъ Гогенштауфенскаго Дома, и въ особенности въ царствованіе Фридриха I (въ концѣ XII вѣка), до старости сохранившаго юношескій пылъ, неутомимую дѣятельность, но при всемъ томъ изнемогшаго отъ борьбы многосложной, нескончаемой; начало соединенія къ временамъ, столь же смутнымъ, послѣ Фридриха I, при сынѣ его и внукѣ, ему современномъ (въ срединѣ XIII вѣка),

106. На Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ общество образовалось среди почти 800 лѣтней брани съ сильнымъ врагомъ, брани за все святое: за вѣру, за родину, города имѣли въ разныхъ частяхъ страны разную судьбу. Но В. и ЮВ., въ Арагонѣ, гдѣ столь много оставалось городовъ Карѳагенскихъ и Греческихъ и Римскихъ, жители ихъ рано пріобрѣли важность: аристократія феодальныхъ владѣльцевъ берегла ихъ; ихъ содѣйствіе и участіе были необходимы для войны съ Маврами; города представляли собою крѣпкіе оборонительные пункты для сей войны и съ XII вѣка депутаты городовъ уже участвуютъ въ собраніяхъ государственныхъ (кортесахъ). Во внутренней и З. части полуострова (въ Кастиліи) городская жизнь не получила такого развитія; не было такихъ же, какъ въ Арагонѣ, остатковъ отъ временъ Карѳагенскихъ, Финикійскихъ и Римскихъ. Здѣсь Феодальная аристократія имѣла полную силу и волю; но и здѣсь, когда къ исходу XIII вѣка главная опасность отъ Мавровъ миновалась и перевѣсъ Христіанскаго оружія былъ слишкомъ недвусмысленъ; когда виновники пріобрѣтеній отъ Мавровъ, Феодальные владѣльцы, готовились подѣлить между собою возвращенную страну, какъ свою добычу, и здѣсь города, возникшіе изъ укрѣпленныхъ мѣстъ (Бурги, Алкала), построенныхъ во время войны и города Ю., остатки прежней жизни Карѳагенской и Римской, отнятые Кастиліею у Мавровъ, составили между собою союзъ (Германдадъ, г. 1282), во спасеніе себя отъ гнета феодальнаго и стали пріобрѣтать себѣ важность и мѣсто въ обществѣ. Отличіе, представляемое городами Пиренейскаго полуострова отъ прочихъ городовъ Европы въ Средніе вѣки, состоитъ въ томъ, что въ городахъ Испаніи и Португаліи не было гильдій и цеховъ и промышленность не была монополіею какого-нибудь одного класса.—Во Франціи, и особенно южной, также находилось много городовъ, оставшихся отъ Римскаго владычества и при всемъ разореніи и опустошеніи страны, вслѣдствіе безпорядковъ феодальныхъ, многіе города устояли и духъ муниципальный не былъ совсѣмъ истребленъ. Между тѣмъ во Франціи, ранѣе чѣмъ въ другихъ земляхъ, утвердила власть монархическая свой перевѣсъ надъ Вассаллами, и Король Лудовикъ VI (г. 1108 — 1137), пользуясь волненіемъ, которое призывъ подъ знамя креста произвелъ во Франціи опять болѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, самъ, для большаго себя укрѣпленія противу Вассаловъ, сталъ освобождать городскія общины, находившіяся въ

его собственныхъ владѣніяхъ; примѣру королевскому послѣдовали, волею и неволею, могущественные Вассаллы, и въ теченіе XII вѣка и во Франціи уже много было городскихъ общинъ съ особенными своими привилегіями; въ срединѣ XIII, Лудовикъ IX (г. 1227 — 1270) оградилъ безопасность городскихъ жителей особыми законными постановленіями; а Филиппъ IV, въ борьбѣ своей съ Папою Бонифаціемъ VIII, пригласилъ представителей городскихъ общинъ на сеймъ государственный и тѣмъ самымъ призналъ сословіе горожанъ особеннымъ классомъ народа, имѣющимъ уже опредѣленное и почетное мѣсто въ разрядѣ общественномъ.—Совсѣмъ инымъ, можно сказать, обратнымъ противу прочей Европы образомъ, учредились города въ Англіи. Если въ Италіи, Франціи и Германіи Государи старались учреждать ихъ и увеличивать, чтобы имѣть въ нихъ опору противу Вассалловъ, то въ Англіи Вассаллы сами содѣйствовали къ ихъ возвышенію. Сіе соединеніе Вассалловъ и городскихъ общинъ противу королевской власти можно приписать тому, что въ Англіи Феодальная система введена была, какъ учрежденіе готовое и зрѣлое, Вильгельмомъ-Завоевателемъ (47). Строгость, простиравшаяся до жестокости, съ которою Вильгельмъ поддерживалъ свое нововведеніе, соединила всѣ классы жителей Англіи въ чувствѣ недовѣрчивости и непріязни къ новому Королю и его сопутникамъ, Норманнамъ, властительство которыхъ до того простиралось, что они хотѣли даже истребить языкъ побѣжденнаго народа; смуты за наслѣдство престола, начавшіяся послѣ неожиданной смерти сына Вильгельмова, Вильгема II (г. 1100); слабость преемниковъ Вильгельма II, и между тѣмъ ихъ усилія удержать въ своихъ рукахъ ту же самую власть, которая основана была Вильгельмомъ I, — все сіе, взятое вмѣстѣ, соединило Вассалловъ съ городами къ возстанію противъ Королей, и уже Король Генрихъ I (г. 1100 — 1135) вынужденъ былъ дать привилегіи городу Лондону, а Іоаннъ Безземельный знаменитою великою хартіею (Magna Charta) утвердилъ таковыя и для всѣхъ городовъ. Тогда преобразованъ былъ учрежденный Вильгельмомъ-Завоевателемъ, на мѣсто прежнихъ собраній (Виттенгагемотъ), Парламентъ, который прежде составляли только немногіе Бароны, Вассаллы королевскіе, но въ которомъ тогда приняли участіе и представители другихъ сословій; а когда, по положеніямъ въ XIV вѣкѣ, Парламентъ раздѣленъ былъ на Верхній и Нижній, то въ семъ послѣднемъ депутаты городовъ заняли главное мѣсто.

107. Несчислимы тѣ благія послѣдствія, которыя города произвели своею дѣятельностію для жизни общественной; велико то вліяніе, какое имѣли они на ослабленіе Феодальной системы и на освобожденіе общества Европейскаго изъ-подъ ея тягостнаго ига; но эти особенности управленія городовъ и эти ихъ союзы стоятъ въ Исторіи какъ памятники такихъ временъ, въ которыя, при отсутствіи порядка и закона, ограждающаго безопасность цѣлаго общества, нужно было прибѣгать къ подобнымъ частнымъ соединеніямъ. Но что же выиграли для своего времени государства новой Европы чрезъ то, что они покрылись городами и союзами городовъ? Ничего, для настоящаго времени! Къ *двумъ* уже существовавшимъ элементамъ: сословію Вассаловъ и сословію Духовенства, отдѣльнымъ и враждебнымъ другъ другу, присоединился еще *третій*: Городскія общины, и также враждебный имъ обоимъ; ибо города, насильственно освобождаясь отъ власти духовныхъ и свѣтскихъ Вассаловъ, и усилясь, стремились присвоить себѣ важное мѣсто въ обществѣ, наперекоръ тѣмъ обоимъ сословіямъ, въ рукахъ которыхъ доселѣ были всѣ выгоды жизни. Въ самыхъ учрежденіяхъ городскихъ общинъ отражался духъ Среднихъ вѣковъ, духъ отдѣльности, мѣстности; раздѣленіе промышленныхъ горожанъ на гильдіи и цехи и правила сихъ особенныхъ, тѣсныхъ соединеній людей, занимавшихся въ городѣ однимъ ремесломъ, однимъ искусствомъ, было подраженіе то рыцарскимъ, то монашескимъ уставамъ и обычаямъ, и сіе раздѣленіе, развиваясь и укрѣпляясь, грозило подчинить всю промышленность тягостнымъ и стѣснительнымъ правиламъ монополій; грозило задержать и вовсе остановить усовершенствованіе, тѣмъ болѣе, что сіи стѣснительныя постановленія простирались не на одни механическія, а и на самыя изящныя искусства, наприм. на живопись. Слѣдственно въ исходѣ XII вѣка Общество Европейское получило такой видъ, что три составныя его части: *Вассаллы*, *Духовенство* и *Городскія общины*, стояли въ полной зрѣлости своей, образовываясь и вырастая отдѣльно другъ отъ друга въ періодѣ отъ исхода V до исхода XII вѣка. Они и въ XII вѣкѣ стояли отдѣльно, и — какъ сказано выше — враждебно. Въ свойствѣ и въ стремленіи ихъ не было никакой причины къ ихъ сближенію и сліянію въ одно стройное цѣлое и, слѣдственно, Европа все еще далека была отъ того состоянія, чтобы въ ней образовались государства самостоятельныя, въ которыхъ бы исчезли всѣ мѣстности, частности,

и возможно высшая степень благоденствія сдѣлалась бы долею на нѣкоторыхъ только особенныхъ немногочисленныхъ классовъ людей, а по возможности доступна была милліонамъ, всѣмъ членамъ общества. Для того, чтобы изъ Европы XII и XIII вѣковъ, раздѣленной между тремя сказанными сословіями, вокругъ которыхъ народы все еще оставались въ нищетѣ и невѣжествѣ, чтобъ изъ такой Европы могли образоваться обширныя государства благоустроенныя, нужно было: 1) чтобы какое-нибудь великое событіе, возбудивъ къ себѣ равное участіе во всѣхъ господствующихъ сословіяхъ, не смотря на различіе стремленія каждаго изъ нихъ, сблизило ихъ и ознакомило; 2) чтобы образовалась и утвердилась среди общества власть, которая бы, стоя выше выгодъ частныхъ и мѣстныхъ, не принадлежала ни къ какой партіи: ни къ Феодальной, ни къ духовной, ни къ городской, и слѣдственно не омраченная видами партій, соединивъ подъ своимъ вліяніемъ всѣ сіи разнородные элементы, слила бы ихъ и устремила къ одной общей цѣли. И силою Исторіи дарованы Европѣ сіи два величайшія орудія общественнаго образованія: *первое* изъ нихъ было Крестовые походы; *второе* — власть монархическая, послѣ Крестовыхъ походовъ начавшая рѣшительно брать перевѣсъ надъ разнородными элементами общественной жизни и пріобрѣтать силу слить сіи элементы въ одно стройное цѣлое. Отъ исхода XII до исхода XV и начала XVI раскрываются и дѣйствіе Крестовыхъ походовъ и вліяніе монархической власти на общество, и начинается эпоха новаго перерожденія Европы.

ГЛАВА XI.

Крестовые походы.

Необходимость подобнаго событія по состоянію народнаго духа и по положенію современнаго общества; важность событія по объему времени и мѣста и по участію въ немъ всѣхъ классовъ общества и всѣхъ народовъ западной Европы; необходимость его по современнымъ отношеніямъ Европейско-Христіанскаго міра къ Восточно-Магометанскому.

---

108. Надобно, чтобъ въ духѣ человѣческомъ набожная мечтательность и предпріимчивость воинственная были преобладающимъ направленіемъ; надобно, чтобъ въ обществѣ человѣческомъ не было общаго устройства и общаго закона, которымъ бы внѣшнія дѣянія людей опредѣлялись, а чтобы они располагали сими дѣяніями по внушенію впечатлѣній, производимыхъ на нихъ событіями и мнѣніями какого-нибудь класса, или еще лучше, какого-нибудь лица, котораго мнѣнія были бы признаваемы за внушенія свыше; надобно, сверхъ того, чтобы въ обществѣ распространено было достаточное количество невѣжества, вслѣдствіе котораго бы люди могли рѣшиться на предпріятіе важное, не заботясь ни о томъ, имѣютъ ли они способы совершить его, ни о томъ, что начнутъ по его совершеніи; — надобно все это вмѣстѣ, чтобы представить возможнымъ то добровольное ополченіе Европы на Азію, которое извѣстно подъ именемъ *Крестовыхъ походовъ*. И все это вмѣстѣ существовало

въ Западной Европѣ въ ту эпоху, въ которую начались Крестовые походы. Мечтательная набожность была свойствомъ всѣхъ классовъ тогдашняго народа; и тѣмъ болѣе укрѣпилась она въ душахъ, что мысль о скоромъ преставленіи Свѣта была общая мысль у народовъ X и XI вѣковъ (58); воинственная предпріимчивость составляла отличіе класса Вассалловъ, для которыхъ война была стихіею; а сколь мало было порядка и устройства, и какія буйныя силы кипѣли въ обществѣ человѣческомъ въ XI вѣкѣ, это явственно и изъ того, что Феодальная власть достигла въ это время полной необузданности, и что общество, уже волнуемое своеволіемъ Вассалловъ, еще болѣе взволновано было до самаго основанія своего жестокою борьбою власти духовной со свѣтскою, борьбою, въ которой и огромныя массы физическихъ силъ и еще болѣе силы нравственныя были приведены въ неукротимое движеніе, и въ параллель съ которою происходило возстаніе городовъ противъ Вассалловъ; сколь мало было порядка и устройства, явственно и изъ того, что классъ Вассалловъ, сохраняя свою силу, Духовенство, утвердивъ и возвысивъ свою, и Городскія общины начавъ пріобрѣтать свою, стояли тогда враждебно другъ противъ друга, употребляя каждый съ своей стороны всѣ зависѣвшія отъ него средства не дать торжества соперникамъ.

109. Среди сего-то волненія, среди сего грознаго столкновенія различныхъ силъ, среди борьбы, уже явной и сильной между духовною властію и свѣтскою, и при началѣ новой борьбы, открывавшейся между Вассаллами и городами, которые, освобождаясь отъ ихъ власти, стремились занять значущее и прочное мѣсто въ разрядахъ общества, и симъ стремленіемъ своимъ возбуждали въ Вассаллахъ зависть и опасенія,—среди такого положенія дѣлъ—раздался призывный голосъ къ народамъ: вооружиться подъ знаменемъ креста противу невѣрныхъ, и исторгнуть изъ рукъ ихъ Палестину съ ея святыми мѣстами, издавна бывшими предметомъ набожныхъ странствованій и благоговѣйныхъ мечтаній. Голосъ сей раздался отъ престола папскаго; органомъ его былъ Петръ Пустынникъ, который принесъ (г. 1094) изъ своего набожнаго странствованія ко святымъ мѣстамъ вѣсти о страданіяхъ Христіанъ въ Іерусалимѣ, и который съ благословенія Папы Урбана II, словами вдохновеннаго, проповѣдывалъ таковое ополченіе. На многочисленномъ (до 35 т. чел). Соборѣ въ Піаченцѣ (Мартъ 1095), на который прибыли и посланники Императора Алексія съ просьбою къ Запад-

ному Христіанству о помощи противу невѣрныхъ, Папа уже приготовилъ умы къ тому, чтобы всѣ постигали необходимость ополчиться за дѣло Божіе. Но во Франціи, въ своемъ отечествѣ, среди народа и болѣе способнаго къ энтузіазму, и болѣе склоннаго къ предпріятіямъ воинственнымъ; въ странѣ, усѣянной сильными и предпріимчивыми Вассаллами, надѣялся Папа нанести ударъ рѣшительный и увлечь общее мнѣніе къ желанной цѣли. Въ Клермонѣ назначенъ былъ новый Соборъ. Здѣсь (въ Ноябрѣ 1095) передъ собраніемъ, которое было гораздо многочисленнѣе Піаченцскаго и которое въ благоговѣйномъ и умилительномъ молчаніи внимало и разсказу Петра Пустынника и слову папскому, провозгласилъ Урбанъ II необходимость ополченія, и — «Богу такъ угодно!» — воскликнуло одинакимъ вдохновеніемъ проникнутое многочисленное и разнородное собраніе въ отвѣтъ на не весьма краснорѣчивую рѣчь Убрана II; и слѣдственно Папа, такъ-какъ и Петръ Пустынникъ, воплотили только то, что̀ существовало у каждаго въ безплотной мысли. По данному знаку отъ Папы, все собраніе пало на колѣна, и Кардиналъ Григорій, бывшій впослѣдствіи (отъ 1130 — 1143) Папою подъ именемъ Иннокентія II, произнесъ во имя всѣхъ исповѣдь, а Папа благословилъ колѣно-преклонное собраніе, и далъ ему и всѣмъ тѣмъ, которые ополчатся за гробъ Христовъ, отпущеніе грѣховъ, повелѣвъ, чтобы каждый, намѣревающійся вступить въ священное ополченіе, ознаменовался крестомъ. Люди всякаго рода: супруги, отцы, дѣти, Епископы, Вассаллы, простолюдины, тѣснились къ тому мѣсту, откуда раздался для нихъ призывный голосъ Первосвященника, и нашивали на правое плечо красный крестъ, знаменіе которымъ должны были отличаться Христовы воины. Когда собраніе было распущено, тогда во Франціи, такъ какъ въ части Лотарингіи и Бургундіи, закипѣло столь бурное движеніе, что во всей Исторіи прежнихъ временъ и прежнихъ народовъ не найдемъ подобнаго примѣра. Всѣ, бывшіе на Соборѣ старались распространить между другими то, что̀ ихъ воодушевляло; духовные и во храмахъ и на площадяхъ и улицахъ проповѣдывали Крестъ, и чудный восторгъ обуялъ людей повсюду; сотни тысячъ нашивали себѣ крестъ на плечо, выжигали раскаленнымъ желѣзомъ на рукахъ, на челѣ, продавали, что̀ имѣли за всякую цѣну, и ополчались. И въ простодушной увѣренности, что «Богу такъ угодно», не справлялись люди ни объ томъ, гдѣ лежитъ Палестина, ни объ томъ, какія средства они имѣютъ покорить ее, ни объ томъ, сколь

силенъ непріятель, съ которымъ они имѣть будутъ дѣло, наперерывъ ополчались тысячами, сотнями тысячъ, убѣжденные, что чудеса совершатся надъ ними, и свыше ниспосланы будутъ имъ и средства и силы къ совершенію предпріятія, котораго объема и трудности и важности они не вѣдали. Такъ начались Крестовые походы, — предпріятіе дивное (*), великолѣпнѣйшій подвигъ сего Феодализма, котораго Папа былъ владыкою!

110. И въ самомъ дѣлѣ это было великолѣпное явленіе! Оно совершалось въ теченіе двухъ вѣковъ, отъ исхода XI до исхода XIII; совершалось на театрѣ огромномъ: отъ Атлантическаго Океана до Тигра, и оттуда вдоль по С. берегу Африки опять до Атлантическаго Океана потрясены имъ и приведены были въ движеніе народы. Имѣли ли Крестовые походы то качество, чтобы соединить людей разныхъ званій равнымъ участіемъ въ однакомъ стремленіи? Кто усомнится въ томъ, представляя ходъ ополченій крестоносныхъ? Уже въ единодушномъ восклицаніи на Клермонскомъ Соборѣ выражается этотъ духъ, который былъ общимъ духомъ того времени, и на семъ общемъ для всѣхъ классовъ тогдашняго народа основаніи, каждый имѣлъ еще въ виду свои собственныя цѣли, которыхъ достиженіе, при цѣли главной и общей, являлось столь возможнымъ.—Вассаллы и Рыцари, движимые общимъ духомъ, видѣли передъ собою новое отверзающееся поприще, на которомъ представлялся случай къ совершенію смѣлыхъ подвиговъ, которое привлекало своею необозримостію и обѣщало приключенія всякаго рода, и дѣломъ вѣры столько же, какъ и дѣломъ чести было для каждаго Рыцаря выступить на обширное поприще, ему открывавшееся.—Горожане, исполненные того же духа, должны были неминуемо принять участіе въ событіи, которое дѣлало ихъ владыкъ, часто ихъ притѣснителей, ласковыми, кроткими, которое удаляло ихъ, и нѣкоторыхъ предавало имъ въ руки. Къ симъ побужденіямъ присоединялась у Горожанъ надежда выгодъ промышленныхъ, для которыхъ Крестовые походы открывали поприще обширное, приведя собою въ соприкосновеніе, и на долгое время, многія и далекія страны и многихъ народовъ. — И что, наконецъ, касается до послѣдняго несчастнаго, попраннаго класса общества, простолюдиновъ, то предпріятіе дивное, при которомъ и они за

(*) Вильмэнь.

людей и за Христіанъ были признаваемы и почитаемы, съ благоговѣйною радостію долженствовало быть привѣтствовано изъ ихъ душныхъ хижинъ. Притомъ разныя явленія природы, которыя совершались около сего времени, и о которыхъ заботливо разсказываютъ современики, считая ихъ знаменіями и чудесами: сѣверныя сіянія, болѣзни, голодъ, дѣйствуя на всѣ классы, наибольшее должны были имѣть дѣйствіе на сей низшій классъ, для котораго и безъ сихъ бѣдствій жизнь представляла слишкомъ мало привлекательнаго; а молва тогда, распространившаяся, что Карлъ Великій воскресъ, и что онъ самъ поведетъ Христовыхъ воиновъ на святое дѣло, молва, которую набожное суевѣріе принимало за истину, одушевляла, и можетъ быть не однихъ простолюдиновъ, увѣренностію въ успѣхѣ предпріятія. Посему можно понять, что люди сего класса, одни съ рѣшительностію отчаянія, другіе съ радостію надежды, ревностно ополчались, избирая, вмѣсто гибели на родинѣ, славную смерть за вѣру. И первыя движенія по пути, котораго ни кто не зналъ, совершены были простолюдинами; первыя ополченія подъ предводительствомъ (по неволѣ) Петра Пустынника, Вальтера Базсребренника (Senzaveir) Гошталка, изъ кого состояли они? Изъ людей сего класса. Они сотнями тысячъ стекались подъ знамя креста и шли умирать въ страны, которыхъ ни имени, ни существованія не знали.—Нужно ли говорить объ участіи духовныхъ въ семъ предпріятіи? Оно ими было начато и подъ ихъ вліяніемъ производимо. Адамаръ, Епископъ города Пюи, пастырь, уважаемый за свои добродѣтели, первый знаменовался крестомъ и, по его уже примѣру—и духовные и міряне тѣснились принять это знаменіе изъ рукъ Римскаго Первосвященника. Адамаръ былъ наименованъ Легатомъ Папы при первомъ походѣ; и во все продолженіе крестоносныхъ предпріятій, Папа считался всегда главою и вождемъ ополченія, хотя, впрочемъ, еще Папа Урбанъ II весьма благоразумно и осмотрительно отклонилъ отъ себя честь непосредственнаго предводительства, и тѣмъ какъ бы показалъ и преемникамъ своимъ правило, какого должны они держаться въ отношеніи къ походамъ. Цари остались на первый разъ внѣ общаго движенія, конечно, потому, что Государи Франціи и Германіи (Филиппъ I и Генрихъ IV), откуда начались первыя предпріятія, были тогда подъ запрещеніемъ церковнымъ.—Таково участіе разныхъ состояній людей; не менѣе всеобщимъ является предпріятіе по участію въ немъ разныхъ народовъ. Всѣ запад-

ные Европейцы ополчались вмѣстѣ другъ съ другомъ, или вслѣдъ другъ за другомъ, всѣ, кромѣ жителей Пиренейскаго полуострова, и то потому только, что сіи народы уже почти 400 лѣтъ боролись у себя на родинѣ съ тѣми же невѣрными, которыхъ прочіе ихъ Европейскіе собратія шли искать на отдаленномъ Востокѣ; и для всѣхъ сихъ людей изъ разныхъ земель и разныхъ языковъ, сіе предпріятіе было не слѣдствіемъ гражданскихъ ихъ отношеній и обязанностей, а слѣдствіемъ собственной ихъ свободной рѣшимости. Понятно посему, что Крестовые походы должны были потрясти до глубины души не только тѣхъ, которые пошли подъ знаменемъ креста, но и тѣхъ, которые остались; потрясти, слѣдственно, цѣлое общество и служить средствомъ къ сближенію разныхъ, доселѣ рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга состояній; ибо, начиная отъ Царей и до простолюдиновъ, всѣ въ нихъ были — не болѣе какъ воины Христа.

111. Если состояніе умовъ и мнѣній, и вліяніе духовенства на умы и мнѣнія; если, сверхъ того, смутное состояніе общества, волнуемаго и своевольствомъ Вассаловъ и борьбою духовной власти съ свѣтскою, и начинавшимся возстаніемъ Городскихъ общинъ противъ Вассаловъ, объясняютъ достаточно внутреннюю причину Крестовыхъ походовъ: то естественность и необходимость ихъ въ ходѣ тогдашнихъ происшествій явственною дѣлается и изъ соображенія другой, внѣшней причины, заключающейся въ положеніи тогдашняго Европейско-Христіанскаго міра относительно къ Восточно-Магометанскому. Не истребился еще изъ памяти народовъ тотъ ужасъ, въ который приведена была Христіанская Европа подвигами Аравитянъ въ VIII вѣкѣ, когда въ одно и то же время при Калифахъ Валидѣ I (г. 705—715) и Соломанѣ (715—717) огромныя полчища ихъ напали съ двухъ сторонъ на Европу: со стороны Греціи и со стороны Испаніи, въ намѣреніи соединиться въ Римѣ и положить Алкоранъ на алтарѣ Христіанскомъ. Греческій огонь на В., и мечъ Карла Мартелля во Франконіи положили предѣлъ ихъ завоеваніямъ въ нашей части Свѣта и спасли Европу отъ Магометанства и отъ деспотизма Азіятскаго; но съ тѣхъ поръ война Христіанъ съ Магометанами только пріостанавливаема была собственными переворотами Калифата, а не прекращалась. Въ Испаніи, напр. бой не умолкалъ несмотря на то, что Аравитяне Испанскіе, обжившись въ покоренной странѣ, отличались вѣротерпимостью относительно къ Христіанамъ. Южная Италія и острова Средиземнаго моря отчасти

находились во власти Аравитянъ, отчасти были цѣлію ихъ нападеній; Критъ былъ пунктомъ, откуда они почти непрерывныя дѣлали вторженія въ Грецію, овладѣвъ уже почти совершенно всѣми землями, которыя Греческіе Императоры имѣли въ Азіи и Африкѣ, и въ которыхъ Христіанство уже побѣждено было Магометанствомъ. Хотя сіи нападенія Магометанъ, по причинѣ разстроеннаго состоянія Калифата, уже распавшагося съ половины X вѣка на части, и по причинѣ боренія сихъ частей между собою и не имѣли большихъ успѣховъ, однако же достаточны были къ тому, чтобы напоминать Христіанской Европѣ, что опасность для нея со стороны Магометанъ не миновалась. Опасность сія и дѣйствительно сдѣлалась весьма ощутительною вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ судьбѣ Магометанскихъ земель Азіи и Африки во второй половинѣ XI вѣка. Новыя властительныя династіи, съ свѣжими силами, съ обновленнымъ фанатизмомъ религіознымъ и воинственнымъ, возникли: Селджуки въ Азіи, Цеприды въ срединѣ, и Морабеты въ западѣ сѣверной Африки. Менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ истребяли Селджуки всѣ малыя владѣнія, образовавшіяся изъ развалинъ Багдадскаго Калифата, и Малекшахъ (г. 1072—1092) владѣлъ уже огромнымъ пространствомъ земли отъ предѣловъ Китая до Мраморнаго моря. Съ другой стороны, Морабеты, истребивъ Цепридовъ, соединили подъ своею властію весь берегъ Африки отъ Египта до Западнаго Океана, и Юсуфъ, владыка ихъ (г. 1069—1106), вступилъ въ Испанію, и началъ (г. 1087) покореніе Пиренейскаго полуострова своей власти. Слѣдственно, и въ семъ отношеніи, ополченіе Европейскихъ Христіанъ противу Магометанъ находитъ себѣ оправданіе въ самыхъ событіяхъ, и если въ тѣ времена сіи событія и опасности, которыя могли проистечь изъ нихъ для Европы, были, по недостатку просвѣщенія и сообщеній, невѣдомы для народовъ, для толпы: то и для толпы вражда противу Магометанъ была чувствомъ естественнымъ и для нея понятнымъ, а для немногихъ людей болѣе просвѣщенныхъ, для вождей, для Папъ, которые были тогда настоящіе вожди западнаго Христіанства, могли быть понятны и самыя опасности сихъ завоеваній Селджуковъ и Морабетовъ; и за 20 лѣтъ до начала Крестовыхъ походовъ уже Григорій VII думалъ ополчить Христіанскую Европу на Магометанскую Азію; знаемъ, какія событія удержали его отъ исполненія сего намѣренія. Можно ли послѣ всего этого считать Крестовые походы слѣдствіемъ невѣжества, рѣдкимъ памятникомъ человѣческой глупости, какъ на-

зываетъ ихъ Робертсонъ и многіе именитые писатели прошедшаго столѣтія? Со стороны побужденій внутреннихъ, изъ коихъ они проистекли, Крестовые походы представляютъ событіе (*), которое должно изумить и самый хладнокровный разумъ и заставить его смириться передъ этой необъятною силою, до такой степени покорившею душу людей, что они покидали, или по крайней мѣрѣ забывали на это время свой народъ, и отечество, и семейство, и имущество, и выгоды положенія, въ какомъ они находились въ обществѣ; и, выступая изъ всѣхъ своихъ общественныхъ отношеній, только какъ люди, какъ Христіане, совокуплялись для предпріятія, котораго цѣль, по крайней мѣрѣ объявленная, не представляла въ себѣ ничего земнаго. Со стороны побужденій и причинъ внѣшнихъ, заключавшихся въ современныхъ событіяхъ, они были продолженіе давнишней брани между Христіанами и Магометанами, брани, которая должна была предварить бѣдствія, могшія постигнуть Европу по причинѣ новыхъ и быстрыхъ и страшныхъ успѣховъ Магометанъ.

(*) Луденъ.

ГЛАВА XII.

Крестовые походы.

Энтузіазмъ, съ которымъ начались крестоносныя предпріятія; ополченіе простолюдиновъ; ополченіе Вассалловъ и Витязей; Готфридъ Буильонъ; взятіе Іерусалима есть не конецъ, а начало Крестовыхъ походовъ.

---

112. Такими-то могущественными побужденіями движимыя, пустились ополченія народовъ Франціи, Нидерландовъ, Италіи, Германіи, въ разныхъ отдѣленіяхъ и по разнымъ направленіямъ, освобождать Гробъ Христовъ изъ рукъ невѣрныхъ. Сперва сдвинулась съ своего мѣста та часть Европейскаго общества, которая и болѣе состояла подъ вліяніемъ господствующаго мнѣнія, и менѣе жалѣла оставить общество, непредставлявшее ей никакихъ выгодъ житейскихъ; сперва сдвинулось съ своего мѣста простолюдство. Петръ Пустынникъ, невольный предводитель нетерпѣливыхъ, раннею весною 1096 повелъ огромную (болѣе 100,000) нестройную толпу, состоявшую изъ Французовъ и Фламандцевъ, раздѣленную на два ополченія: одно подъ его собственнымъ, другое подъ начальствомъ Вальтера Безсребренника (Senzaveir) черезъ Германію, Венгрію, Булгарію, къ Константинополю. Самая большая часть сихъ ополченій погибла на пути, возбудивъ своимъ грабительствомъ и насильствомъ кровавую месть жителей тѣхъ странъ, черезъ которыя они проходили; остальныхъ Императоръ Алексій

Комненъ, ожидавшій себѣ въ помощь противу невѣрныхъ изъ Западной Европы армій, а не сволочи, спѣшилъ переправлять въ Азію, удовлетворяя и ихъ настоятельнымъ требованіямъ, и собственному желанію отъ нихъ избавиться. Сей остатокъ истребленъ въ Малой Азіи Килиджъ-Арсланомъ, Селджукскимъ Султаномъ Иконіи, и только около 3000 воротились назадъ въ Константинополь. Три другія толпы составились въ Германіи, одна на Нижнемъ Рейнѣ, подъ начальствомъ Готшалка, священника; другая въ Саксоніи и Турингіи, подъ начальствомъ Фолкмара, также священника; третья, и многочисленнѣйшая, на Верхнемъ Рейнѣ, главою которой сдѣлался Графъ Емихо фонъ-Лейнингенъ. Всѣ сіи орды, нельзя сказать которая прежде, хотя всего болѣе должно подозрѣвать въ томъ буйнаго Емихо, попали на мысль, что такъ-какъ они стали подъ знамя креста, для того, чтобы поражать враговъ Спасителя, котораго они были воинами, и что такъ-какъ Жиды первые и древнѣйшіе враги Его, то, слѣдственно, безразсудно и даже преступно было бы итти отыскивать невѣрныхъ въ дальнихъ странахъ, а сихъ враговъ оставить на родинѣ. И приманчивая надежда богатой добычи, которую могло доставить истребленіе Жидовъ, скоро утвердила всѣхъ въ мысли о необходимости и даже святости подобнаго подвига. Тогда началось безчеловѣчное истребленіе Жидовъ, преимущественно въ городахъ Прирейнскихъ: въ Майнцѣ, Кёллнѣ, Трирѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ. И когда уже нечего было дѣлать на Рейнѣ, то потянулись они, эти люди, которые называли себя воинами Христа Спасителя, черезъ Германію: Фолкмаръ черезъ Саксонію и Богемію, Готшалкъ, черезъ Франконію, Емихо, по тому же пути, по которому шелъ Петръ Пустынникъ, черезъ Швабію, Баварію и Австрію въ Венгрію. На пути своемъ продолжали они то же, что начали; но толпы сіи получили и возмездіе, достойное злодѣйствъ, ими совершенныхъ: онѣ отчасти сдѣлались жертвою собственнаго буйства и разврата, а большею частію истреблены до отчаянія доведенными жителями тѣхъ странъ, черезъ которыя проходили, особливо въ Венгріи, гдѣ остатки сихъ полчищъ разбойничали: ни одинъ человѣкъ изъ всѣхъ трехъ полчищъ не достигъ до Константинополя. Такимъ образомъ считаютъ, что до 500,000 чел. погибло, прежде чѣмъ Вассаллы поднялись со своими ополченіями, болѣе стройными.

113. Поднялись Вассаллы и Витязи, составлявшіе цвѣтъ рыцарства Европейскаго, одни съ благоговѣйными помыслами и упова-

ніями, другіе въ смиренномъ раскаяніи за прежнюю жизнь, третій съ видами земной славы и земныхъ пріобрѣтеній. Имена ихъ принадлежать Исторіи: они представители и своего времени и своихъ народовъ; въ колоссальномъ величіи являются они нашему воспоминанію, подобно этимъ пирамидамъ Египетскимъ, которымъ путешественникъ едва вѣритъ и тогда, когда ихъ видѣлъ. Графъ Раймундъ Тулузскій, престарѣлый воинъ, Несторъ похода, богатствомъ и силою знатнѣйшій владѣтель въ южной Франціи, уже многократный побѣдитель Магометанъ Испанскихъ, съ ополченіемъ Провансаловъ, Лангедокцевъ, а впослѣдствіи и большаго числа жителей Ломбардіи; съ нимъ вмѣстѣ Рогеръ, Графъ де Фуа, который, происходя отъ младшей мужеской линіи Графовъ Каркассонскихъ, охотно прекратилъ свой давній споръ съ старшею женскою линіею сего Дома, и отступился отъ правъ своихъ на Графство Каркассонское, чтобы свободно посвятить себя высшимъ заботамъ; братъ Короля Французскаго Филиппа I, Гуго Вермандуа, сынъ Анны Ярославны, гордый, своенравный и пышный Витязь, немогшій забыть своей суетности и подъ знаменемъ креста; Графъ Робертъ Фландрскій, который уже странствовалъ въ Іерусалимѣ, и собственными глазами видѣлъ поруганіе Святой Земли; старшій сынъ Вильгельма-Завоевателя, удалый Нормандскій Герцогъ Робертъ, который не отказался бы и отъ всякаго другаго смѣлаго предпріятія, хотя бы оно имѣло и менѣе набожную цѣль; онъ заложилъ свое Герцогство брату своему Вильгельму II, Королю Англіи, чтобъ имѣть деньги для похода; наконецъ, три сына Графа Евстафія Булонскаго, между которыми Готфридъ Буильонъ, Герцогъ Нижней Лотарингіи, замѣчателенъ и своими высокими доблестями и своимъ будущимъ высокимъ назначеніемъ въ священномъ предпріятіи. Подлѣ сихъ вождей Исторіи назовемъ Боемунда Тарентскаго и Танкреда Герцога Бриндизи, хотя они рѣшились участвовать въ священномъ походѣ уже тогда, когда не стало болѣе сомнѣнія въ осуществленіи великой мысли. Оба были Норманскаго происхожденія: Боемундъ, сынъ Роберта Гюискара, столько же хитрый человѣкъ, какъ и храбрый воинъ, Улиссъ крестоноснаго ополченія, и Танкредъ, Ахиллъ онаго, юный, прелестный герой Тассовой поэмы, украшенный всѣми блистательными свойствами рыцаря, и своимъ высокимъ вдохновеніемъ возбуждавшій вдохновеніе всюду, какъ въ современникахъ, такъ и въ потомствѣ. Въ семъ блистательномъ сонмѣ рыцарей выше всѣхъ стоитъ Гот-

фридъ, сіяющій какъ звѣзда величины необыкновенной во мракѣ сего времени. Не было между крестоносными вождями ни единаго, который бы предпринялъ походъ съ помыслами столь безкорыстно возвышенными и столь смиренно набожными, съ рѣшимостію столь обдуманною, какъ Готфридъ. Онъ показалъ Свѣту, что непритворная набожность столь же совмѣстна съ кротостію и человѣколюбіемъ, какъ и съ важностію рыцарскою, съ знаніемъ военнаго дѣла и съ отважнѣйшею храбростію. Готфридъ прежде усердно служилъ Императору Генриху IV противу всѣхъ его непріятелей; и теперь, когда онъ обрекалъ себя на служеніе другому, высшему Владыкѣ, когда выходилъ онъ изъ всѣхъ общественныхъ отношеній и обязанностей, Готфридъ не занесся мыслію о важности своего начинанія, не пренебрегъ своими прежними отношеніями, не забылъ своего уваженія къ Императору, состоявшему и подъ запрещеніемъ церковнымъ, уничиженному и дерзновеніемъ своихъ Германскихъ Вассалловъ, на него возстававшихъ. Готфридъ почтительно просилъ у Императора позволенія перейти съ своею крестоносною дружиною черезъ Германію; онъ желалъ показать тѣмъ, что не Папѣ служитъ и не врагамъ Императора, а единственно Богу и Сыну Божію, для вѣчнаго спасенія своей души. Изъ всѣхъ предводителей перваго похода онъ одинъ шелъ черезъ Германію; его воинство, стройное, проникнутое духомъ своего вождя, проходя по Германіи, гдѣ въ свѣжей памяти еще оставались неистовства, произведенныя толпами Графа Емихо съ братіею, удивило жителей Германіи, и представило имъ въ первый разъ предпріятіе въ видѣ достойномъ; ему, благородному представителю сего похода, и долженъ быть приписанъ тотъ энтузіазмъ, которымъ съ сихъ поръ наполнилась и Германія къ предпріятіямъ крестоноснымъ.

114. Въ Августѣ 1096 началъ походъ свой Готфридъ черезъ Германію, Венгрію, Булгарію и Ѳракію къ Константинополю, куда уже прежде его прибылъ съ остаткомъ своей дружины Гуго Вермандуа, отправившійся моремъ и претерпѣвшій кораблекрушеніе у береговъ Греціи; Раймундъ шелъ черезъ Ломбардію, Фріуль и Далмацію; Робертъ Нормандскій, Боемундъ и Танкредъ изъ Бари, Бриндизи, Отранто, моремъ. Греція, къ великому страху Императора Алексія, стала сборнымъ мѣстомъ; и послѣ распрей съ Императоромъ и послѣ хитростей съ его стороны и честолюбивыхъ замысловъ со стороны Боемунда, который желалъ было обратить

силы крестоноснаго ополченія на завоеваніе Византійской Имперіи, соединилось наконецъ (Май 1097) все крестоносное ополченіе подъ Никеею, въ числѣ 600,000 воиновъ. Осадою Никеи начались погибельные бои крестоносцевъ съ Селджуками. Но и здѣсь не былъ избранъ общій предводитель; каждый вождь начальствовалъ своимъ ополченіемъ, и съ самыхъ первыхъ дѣйствій уже замѣчались признаки ревности и несогласія между различными народами.

115. При такихъ условіяхъ не можно было ожидать вполнѣ совершенія тѣхъ смѣлыхъ надеждъ, съ которыми крестоносцы выступили изъ Европы. Не было ни обдуманнаго плана для дѣйствованія, ни общаго признаннаго вождя, который бы располагалъ предпріятіями и которому бы все повиновалось; ни приготовленныхъ способовъ, обезпечивавшихъ успѣхъ общаго дѣла. Отъ милліона людей, двинувшихся изъ Франціи, Нидерландовъ, Италіи, Германіи въ разныхъ отдѣленіяхъ и по разнымъ направленіямъ (г. 1096—1099), только 10,000, подъ начальствомъ Готфрида Бульонскаго, достигло Іерусалима. Одни погибли еще въ Европѣ, начавъ походъ свой грабительствомъ и опустошеніемъ странъ, по которымъ проходили, и возбудивъ противу себя ненависть и месть жителей сихъ странъ; другіе погибли въ бояхъ съ невѣрными въ Малой Азіи и Сиріи; третьи погибли отъ климата, болѣзней и недостатковъ всякаго рода; четвертые воротились, когда узнали опытомъ трудность предпріятія; пятые отдѣлили свои выгоды и виды отъ общаго дѣла и заботились вознаградить себя за трудъ похода пріобрѣтеніями для себя: Балдуинъ, братъ Готфрида, сдѣлался Графомъ Эдессы, а Боемундъ Герцогомъ Антіохіи и — позабыли объ Іерусалимѣ! Но Готфридъ дошелъ до цѣли и водрузилъ знамя креста на башняхъ Сіона (Іюль 1099). Такъ основалось королевство Іерусалимское. Готфридъ, чистый отъ всѣхъ укоровъ, не допустившимъ подлѣ мысли о своемъ главномъ призваніи: быть освободителемъ Святаго города изъ рукъ невѣрныхъ, возникнуть никакой мысли о пріобрѣтеніяхъ и выгодахъ земныхъ; непричастный и неистовствамъ, которыя въ изступленіи, понятномъ и извинительномъ, совершены были побѣдителями во Іерусалимѣ, по взятіи его, надъ невѣрными, единодушно избранъ былъ Королемъ. Но до могилы вѣрный своему Христіанскому смиренію, онъ не дерзалъ возложить на свою голову царскій вѣнецъ въ томъ городѣ, въ которомъ Спаситель міра носилъ вѣнецъ терновый; однако принялъ

на себя всѣ заботы царственныя, именуясь просто: «Герцогъ Готѳридъ, Баронъ Гроба Господня».

116. Но завоеваніемъ Іерусалима не кончились, а только начались предпріятія, и новыя ополченія были необходимы. Необходимы были они и потому, во-первыхъ, что энтузіазмъ въ Европѣ усугубленъ былъ вѣстію о взятіи Іерусалима, и что сія вѣсть была горькимъ укоромъ для тѣхъ изъ участниковъ перваго предпріятія, которые малодушно устрашились препятствій, оставили братій на жертву опасностямъ и робко съ пути воротились; въ такомъ положеніи были Гуго-Вермандуа и Стефанъ Графъ Блуасскій. Избавить себя отъ позора и въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ современнаго общества, стало посему для нихъ и долгомъ вѣры и долгомъ чести. Для другихъ, могущественнымъ побужденіемъ къ ополченію была и громкая святая слава Палестинскихъ братій и благоговѣйное вниманіе, съ которымъ встрѣчаемы были возвращавшіеся на родину вожди и воины по совершеніи славнаго подвига. Слѣдственно тѣ же, или еще сильнѣйшія прежнихъ нравственныя побужденія къ совершенію предпріятій для славы и спасенія, существовали въ обществѣ. Необходимы были новыя ополченія и потому, во-вторыхъ, что кругомъ Іерусалима стояли еще Мусульманскія владѣнія, и въ особенности береговые города отъ Аскалона до Тира всѣ еще были во власти Магометанъ. И между тѣмъ Египтяне, тотчасъ по взятіи Іерусалима Христіанами, пришли отнимать его у нихъ. Славною побѣдою при Аскалонѣ (Августъ 1099) спасъ Готѳридъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе; но возобновленія подобныхъ покушеній со стороны Фатимидовъ Египетскихъ ежеминутно ожидать и опасаться надлежало. И между тѣмъ большая часть сподвижниковъ Готѳрида, считая свой подвигъ конченнымъ, воротились въ Европу: оба Роберта, Фландрскій и Нормандскій, и Евстафій, братъ Короля Іерусалимскаго; и если съ одной стороны удаленіемъ ихъ въ Европу Готѳридъ избавился отъ сомнительныхъ сподвижниковъ и, можетъ быть, впослѣдствіи враговъ своихъ и завистниковъ: то, съ другой, онъ утратилъ чрезъ-то большую половину своихъ военныхъ средствъ, и долженъ былъ съ силами гораздо болѣе прежняго слабыми итти на встрѣчу опасностямъ, которыя отвсюду угрожали Іерусалимскому Королевству. И между тѣмъ не стало и Готѳрида: скромный побѣдитель и законодатель совѣстный, онъ скончался, изнуренный трудами и заботами (Августъ 1100). Надъ его еще свѣжею могилою повели споръ свой двѣ пар-

тіи: одна Дагоберта, Патріарха Іерусалимскаго, который боялся видѣть Балдуина, брата Готфридова, владыкою Іерусалима и своимъ собственнымъ: эта партія подкрѣпляема была Танкредомъ и дѣйствовала въ пользу Боемунда Антіохійскаго; другая состояла изъ тѣхъ, которые помнили Готфрида. Сія послѣдняя одержала верхъ; Балдуинъ, Графъ Эдесскій, получилъ престолъ (Дек. 1100); но въ этотъ смутный промежутокъ не только ничего, какъ само собою разумѣется, не было сдѣлано для обезпеченія новаго Королевства извнѣ и устроенія его внутри, но многія и изъ начинаній Готфрида пришли въ разстройство. Слѣдственно, и по взятіи Іерусалима въ той же или бо́льшей степени, и внутреннія побужденія, состоявшія въ направленіи умовъ и мнѣній, и внѣшнія причины, заключающіяся въ опасномъ положеніи Іерусалимскаго Королевства, существовали для повторенія и продолженія подобныхъ предпріятій, и Папы, преемники Урбана II, не упускали изъ вида цѣли, указанной имъ предшественникомъ, и своими настоятельными внушеніями продолжали возбуждать къ ополченіямъ, въ которыхъ они являлись вождями.

ГЛАВА XIII.

Крестовые походы.

Объемъ періода Крестовыхъ походовъ; раздѣленіе его на два отдѣленія и характеръ каждаго; раздѣленіе перваго отдѣленія на двѣ части; перечень предпріятій въ первой половинѣ XII вѣка; рыцарскіе Ордены; Ассасины; перечень событій въ Христіанскихъ владѣніяхъ Сиріи и Палестины; состояніе Іерусалимскаго Королевства передъ 1147 годомъ.

---

117. Въ теченіе двухъ вѣковъ повторялись крестоносныя предпріятія съ весьма замѣтнымъ различіемъ въ первую и во вторую половину сего періода. Сильно и безпрерывно составлялись ополченія дотолѣ, пока оба рода сказанныхъ причинъ (108 — 111) возбуждали къ нимъ Европейцевъ отъ 1099 — 1192; слабѣе, когда только остались одни побужденія внѣшнія, а внутреннія, вмѣстѣ съ перемѣною образа мыслей, ослабѣли и потомъ вовсе уничтожились отъ 1192 — 1291. На семъ основаніи періодъ Крестовыхъ походовъ можетъ быть раздѣленъ *на два отдѣленія*, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ около 100 лѣтъ. Въ первую половину замѣтна живая, пылкая дѣятельность; толпы пилигримовъ всякаго возраста и пола, не сотнями, не тысячами, а десятками тысячъ, безпрестанно странствуютъ и для поклоненія теперь уже, такъ сказать, въ свой Іерусалимъ, и для битвъ съ невѣрными, и въ тоже время — для болѣе земныхъ цѣлей — снуютъ по морю галеры Италіянскихъ городовъ, Венеціи и Генуи, перевозя пилигримовъ на Палестинскій берегъ, и возвращаясь съ грузами произведеній

Востока; или, гоняясь за кораблями Египетскими, охраняютъ Христіанскіе берега отъ вторженія невѣрныхъ съ моря; и кромѣ того, и дѣйствительныя ополченія составляются и идутъ по слѣдамъ побѣдоносныхъ братій, то въ желаніи стяжать и себѣ подобную славу, то побуждаясь особыми опасностями, которыя въ теченіе сего столѣтія скоплялись надъ Королевствомъ Іерусалимскимъ, и призывали Европейцевъ спѣшить на помощь погибавшему владѣнію Христіанскому; таковы были: 1) паденіе Эдессы отъ руки Ценги (г. 1144), за которымъ могло слѣдовать и паденіе Іерусалима; 2) битва Тиверіадская и взятіе Іерусалима Саладиномъ (г. 1187). Между сими двумя эпохами движенія были еще и часты и сильны; но сильнѣе и чаще въ промежуткѣ между 1099 и 1147, нежели между 1147 и 1187 годами; прежній энтузіазмъ живѣе выражается въ первую половину, чѣмъ во вторую. На семъ основаніи *перегое опідѣленіе* періода Крестовыхъ походовъ прилично опять раздѣлить на двѣ части: I) отъ 1099—1147; II) отъ 1147—1187.

118. I) Отъ 1099—1147. Два года по взятіи Іерусалима, три ополченія, одно вслѣдъ за другимъ; въ первомъ участвовали изъ сподвижниковъ перваго предпріятія Графъ Стефанъ Блуасскій и Раймондъ, Графъ Тулузскій, а въ третьемъ Гуго Вермандуа. Ополченія сіи состояли изъ Италіянцевъ, Французовъ, Фламандцевъ и Нѣмцевъ; они имѣли намѣреніе итти на Багдадъ и сразить Магометанство въ самомъ его основаніи; но они всѣ имѣли одинъ конецъ: погибли въ Малой Азіи и отъ битвъ съ Селджуками, и отъ недостатковъ продовольствія, и отъ климата и болѣзней. Остатки ихъ, безоружные, нищенствующіе, добрались до Іерусалима не бодрыми воинами, а уничиженными странниками. И сіи и подобныя симъ ополченія не вовсе однакожъ были безплодны для Іерусалимскаго Королевства: они отвлекали отъ него вниманіе его непріятелей, и остатки ихъ помогали воинамъ Короля Іерусалимскаго очищать города береговые, и большею частію укрѣпленные, отъ невѣрныхъ. Взятіемъ Тира (г. 1124) кончено было утвержденіе Христіанской власти въ Палестинѣ, и Іерусалимское Королевство получило весь тотъ объемъ, въ которомъ оно существовало до своего паденія; но не кончились бои съ невѣрными, съ Атабеками Алеппо и Дамаска и особенно съ Египтянами, которые еще имѣли въ рукахъ своихъ Аскалонъ, еще не переставали и съ сухаго пути и съ моря тревожить Іерусалимское Королевство, и усиливались воротить потерянную свою добычу. Посему война была постояннымъ заняті-

емъ, необходимостію для Іерусалимскихъ Королей и ихъ народа; война образовала въ подпору престола въ самомъ Іерусалимѣ общества людей, обрекшихъ себя на вѣчную брань съ невѣрными и поставившихъ сію брань верховною цѣлію своей жизни. Это были полудуховныя, полувоенныя братства, Ордены Іоанна Іерусалимскаго и Рыцарей храма (Тамплiеровъ), составившіеся въ царствованіе Балдуина II, первый въ 1118, вторый въ 1120 году; и, по примѣру ихъ, третій Орденъ, Тевтоническій, образовавшійся уже по взятіи Іерусалима Саладиномъ, въ 1190.

119. Рыцарскіе Ордены образовались по тому же началу товарищества (association), которое такъ могущественно было въ Средніе вѣки и такъ прилагалось ко всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ того времени. Мастеровые въ городахъ соединялись въ цехи; города соединялись въ союзы; самое рыцарство было Европейское товарищество, подобное въ семъ отношеніи духовенству; и такъ, какъ въ составѣ духовенства основывались особыя товарищества, *Ордены духовные*; точно такъ и въ составѣ рыцарства общаго образовались какъ бы частныя рыцарства—*рыцарскіе Ордены*, которые, кромѣ общихъ уставовъ, обычаемъ налагаемыхъ на все рыцарство, имѣли еще свои особенные. Какъ Ордены монашескіе, и рыцарскіе имѣли свой уставъ и своего начальника, и при такомъ устройствѣ, болѣе твердомъ, и при такомъ болѣе тѣсномъ соединеніи, они сильнѣе проявляли всѣ общія цѣлому рыцарству качества. Можно сказать, что въ этихъ рыцарскихъ Орденахъ самымъ разительнымъ образомъ высказался и духъ набожности, какъ начало Христіанское, и духъ воинственной предпріимчивости и отваги, какъ Германское начало всего рыцарства.

120. Три рыцарскіе Ордена, основавшіеся въ Палестинѣ, имѣли каждый свою особую судьбу; но имѣли много общаго между собою и по цѣли своего учрежденія и по правиламъ своего устройства. Каждый изъ этихъ Орденовъ соединялъ съ общими обязанностями рыцарства (60, 61) многія обязанности монашества, и прикасаясь такимъ образомъ одною стороною своею къ міру свѣтскому, а другою къ міру духовному, имѣлъ цѣлію и главною обязанностію своею: покровительствовать пилигримамъ, приходившимъ изъ Европы, и защищать Гробъ Христовъ и престолъ Іерусалимскій, воюя съ невѣрными. Эта непримиримая война противу Магометанъ и сдѣлалась вскорѣ первенствующею обязанностію Орденовъ; и подвиги геройскаго мужества, совершенные рыцарями, возвышая славу ихъ общества, возбуждали

и желаніе въ лучшихъ и знатнѣйшихъ рыцаряхъ быть членами того или другаго, или третьяго братства; дѣломъ особой чести стало принадлежать къ одному изъ этихъ Орденовъ; число членовъ быстро увеличивалось (*), вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и богатства Орденовъ. При одинаковости цѣли ихъ, и условія поступленія и правила управленія были у трехъ Орденовъ во многомъ сходныя. Поступавшій долженъ былъ быть рыцарскаго происхожденія, безбрачнаго состоянія и свободенъ отъ всѣхъ обѣтовъ; при вступленіи, онъ долженъ былъ клятвою утвердить соблюденіе *трехъ* обязанностей: цѣломудрія, послушанія и нищеты. Орденъ, въ полномъ своемъ составѣ, раздѣлялся на три класса: 1) *рыцарей*, 2) *духовныхъ* и 3) *братьевъ-служителей*, куда принадлежали солдаты, разнаго рода ремесленники и работники. Управленіе Орденомъ сосредоточивалось въ совѣтѣ рыцарей, называемомъ *капитулъ*; главою совѣта былъ *Гроссмейстеръ*, начальникъ Ордена, избираемый по смерть; совѣтомъ же избирались и всѣ другіе чины и званія орденскіе, отчасти только почетные, отчасти дававшіе участіе въ управленіи Орденомъ; таковы были: *Гросскомтуръ*, первый сановникъ Ордена послѣ Гроссмейстера, и заступавшій его мѣсто по смерти одного Гроссмейстера до избранія другаго; *Гроссприоръ*, начальникъ духовенства въ Орденѣ; *Сенешалъ*, завѣдывавшій всѣмъ внутреннимъ хозяйствомъ Ордена; *Бальи* судебною частію; *Командоры* или *Комтуры*, правители областей и имѣній, Ордену принадлежащихъ. Ордена имѣли владѣнія и помѣстья въ разныхъ земляхъ Европы, также, какъ и въ Сиріи: эти-то владѣнія и раздѣлены были на области, называемыя *коммандорствами*. Покровителемъ всѣхъ орденовъ считался Папа, и статуты орденскіе были имъ утверждаемы. Рыцари, принадлежащіе къ каждому Ордену, должны были носить одинаковую одежду: у Тампліеровъ она состояла въ бѣлой мантіи съ краснымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; у Іоаннитскихъ рыцарей черная мантія съ бѣлымъ крестомъ; у Тевтоническихъ бѣлая мантія съ чернымъ крестомъ.

121. Нѣтъ важности въ томъ, что не рѣшено, который изъ двухъ первыхъ рыцарскихъ Орденовъ основался прежде. Іоаннитскіе рыцари и Тампліеры, всегда соперничествовавшіе, всегда не-

---

(*) Напр. въ Орденѣ Тампліеровъ съ небольшимъ 100 лѣтъ по его учрежденіи, было болѣе 20,000 рыцарей.

навидѣвшіе другъ друга, и въ этомъ находили поводъ ко враждѣ и спорамъ. Какъ братство, Іоаннитскіе рыцари были образцомъ для Тампліеровъ; какъ Орденъ, поставившій себѣ обязанностію битвы съ невѣрными за Гробъ Христовъ и за престолъ Іерусалимскій, Тампліеры были примѣромъ для Іоаннитскихъ рыцарей. Гуго де Пэйенъ (Payens) и восемь Французскихъ рыцарей, всѣ изъ сподвижниковъ Готфрида Буилльонскаго, наложили на себя (г. 1120) обѣтъ строгой монашеской жизни, но съ тѣмъ, чтобы не оставлять своихъ рыцарскихъ обязанностей, и посвятить жизнь свою битвамъ съ невѣрными и защитѣ пилигримовъ въ опасныхъ странствованіяхъ по Сиріи и Палестинѣ. Къ нимъ пристали другіе рыцари, принявшіе тѣ же обѣты; Король Балдуинъ II назначилъ новому братству жилище подлѣ бывшаго храма Соломонова; отъ того названіе новаго Ордена: *Рыцари Храма*; св. Бернардъ далъ уставъ Ордену, а Папа Григорій II на соборѣ въ Труа (г. 1127) окончательно утвердилъ его существованіе. Гуго де Пэйенъ и былъ первымъ Гроссмейстеромъ Ордена (г. 1118—1140). Скоро и строгая жизнь, и блестящіе подвиги мужества и самоотверженія прославили новое братство; а духовенство и рыцарство смотрѣли на него съ участіемъ и уваженіемъ, и подкрѣпляли его и поддерживали, потому что оба сословія видѣли какъ бы соединеніе своей собственной дѣятельности и своихъ лучшихъ качествъ въ этихъ монахахъ-воинахъ. Такимъ образомъ Орденъ Тампліеровъ, страшный своимъ врагамъ, высокочтимый во всемъ Западномъ Христіанствѣ, обогащенный дарами почти всѣхъ Государей, облеченъ былъ такимъ могуществомъ и такимъ блескомъ, какой не достался въ удѣлъ ни одному соединенію подобнаго рода. Въ первыя 50 лѣтъ своего существованія Орденъ владѣлъ огромными имѣніями въ Сиріи и Палестинѣ, и еще болѣе огромными въ Европѣ, особенно во Франціи, Германіи, Англіи; а Король Альфонсъ I Арагонскій завѣщалъ (г. 1133) Ордену все свое королевство; и хотя это завѣщаніе не было приведено въ дѣйство, но оно служитъ свидѣтельствомъ, какимъ уваженіемъ пользовался Орденъ. По это время непорочной славы Ордена не было продолжительно. Уже съ исхода XIII вѣка нравы рыцарей измѣняются и священные обѣты ихъ дѣлаются пустыми формами. Несмѣтныя богатства породили роскошь и сластолюбіе; безбрачіе повело къ распутству; сила Ордена стала быть употребляема для достиженія цѣлей корыстныхъ, для пріобрѣтенія перевѣса надъ Орденомъ Іоаннитскимъ, ненавистнымъ Тампліерамъ

и польза Христіанства въ Палестинѣ столь мало была въ виду, что Тампліеры бывали нерѣдко тайными врагами Іерусалимскихъ Королей и входили въ сношенія съ невѣрными, особенно съ Султанами Египетскими. Такимъ образомъ, утративъ прежнюю свою чистоту возвышенную, Орденъ шелъ неудержимо къ своему разрушенію. Его могущество и богатство дѣлало его опаснымъ въ глазахъ многихъ Государей; его таинственные обряды, въ особенности обряды пріема въ Орденское братство, подавали поводъ къ разнымъ толкамъ и обвиненіямъ и истиннымъ и ложнымъ; гордость рыцарей, ихъ сластолюбивая роскошь, ихъ праздное высокомѣріе по окончаніи Крестовыхъ походовъ, возбуждали негодованіе на нихъ всюду; общее мнѣніе было противъ Ордена, и Король Французскій Филиппъ IV, съ обычною ему и силою и хитростію, употребилъ Папу Климента V къ уничтоженію Ордена (г. 1312) послѣ суда надъ послѣднимъ Гроссмейстеромъ его, Іаковомъ Молэ, и надъ рыцарями, которые вмѣстѣ съ Гроссмейстеромъ для этого были вызваны во Францію съ острова Кипра, гдѣ Гроссмейстеръ и капитулъ Ордена имѣли свое пребываніе послѣ паденія Птолеманды.

122. Другую судьбу имѣлъ Орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Началомъ его былъ страннопріимный домъ, въ половинѣ XI вѣка Италіянскими купцами изъ Амальфи устроенный въ Іерусалимѣ близъ храма Гроба Господня, для пріюта богомольнымъ пилигримамъ. Это заведеніе человѣколюбивой набожности посвящено было святой памяти Іоанна Милостиваго, Патріарха Александрійскаго (г. 609 — 616), пастыря, именитаго подвигами милосердія и благотворенія. Смиренное братство монашествующихъ водворилось при этомъ домѣ и обрекло себя на служеніе и успокоеніе странниковъ, приходившихъ изъ Евроны на поклоненіе святымъ мѣстамъ, и богатымъ только набожными чувствованіями, но неимѣвшимъ ни пріюта, ни средствъ содержанія. Братство это получило названіе *Братьевъ Іоаннитскихъ* или *Братьевъ Госпиталя*. Благотворная цѣль ихъ заведенія пріобрѣла скорую извѣстность и въ Европѣ, и много набожныхъ и изобильныхъ приношеній сдѣлано было отсюда въ пользу госпиталя.

123. Въ годъ взятія Іерусалима крестоносцами, братство Іоаннитское имѣло настоятелемъ своимъ Гергарда, родомъ изъ Прованса. Благочестивый Гергардъ легко обратилъ набожное вниманіе Короля Готфрида на свое заведеніе и, кромѣ щедрыхъ приношеній госпиталю, онъ подарилъ ему имѣнія въ своихъ Европей-

сихъ земляхъ, и опредѣлилъ навсегда въ пользу его часть добычи, которую пріобрѣтутъ отъ невѣрныхъ. Преемникъ Готфрида, Балдуинъ I, подтвердилъ и распространилъ даръ брата; монастырь госпиталя пріобрѣлъ владѣнія въ южной Франціи, Испаніи, Италіи и Сиріи. По смерти Гергарда (г. 1118), Реймонда дю Пюи сдѣлали настоятелемъ братства (г. 1118 — 1150).

124. Между тѣмъ основался орденъ Тампліеровъ (118). Примѣръ его побудилъ и братьевъ Іоаннитскихъ принять подобное же устройство, и Раймондъ дю Пюи сталъ первымъ Гроссмейстеромъ *Ордена Іоанна Іерусалимскаго*. Съ сихъ поръ началъ быстро возрастать новый Орденъ и въ богатствѣ и во славѣ; но съ сихъ же самыхъ поръ начинается и соперничество между двумя Орденами: стараясь превзойти другъ друга подвигами изумительнаго мужества въ битвахъ съ невѣрными, они старались тоже и ослаблять и затмѣвать другъ друга, и много горя испытало Королевство Іерусалимское отъ этого соперничества Тампліеровъ и Іоаннитскихъ рыцарей. По взятіи Іерусалима Саладиномъ капитулъ Ордена перешелъ въ Птолемаиду, а послѣ паденія Птолемаиды на островъ Кипръ, и здѣсь и въ обвиненіи и въ погибели Тампліеровъ не безъ сильнаго участія были Іоаннитскіе рыцари, и воспользовались многими имѣніями, принадлежавшими враждебному Ордену и на Кипрѣ и въ Европѣ. Ссоры Ордена съ Королями Кипра и въ особенности съ Королемъ Генрихомъ II Лузиньяномъ (г. 1285 — 1324), заставили Гроссмейстера Вильгельма Виллареta (г. 1300 — 1307) искать другаго убѣжища, которое было бы собственностію Ордена. Самымъ лучшимъ мѣстомъ для этого казался ему островъ Родосъ, занятый тогда взбунтовавшимися и отложившимися отъ Императора Андроника Греками, и корсарами Мусульманскими. Вильгельмъ не успѣлъ выполнить своихъ намѣреній; братъ и преемникъ его, Фулко, покорилъ Родосъ (г. 1310), и съ тѣхъ поръ братство Іоаннитское получило названіе *Родосскихъ Рыцарей*. По водвореніи своемъ въ Родосѣ, рыцари сосредоточили, такъ сказать, обѣты непримиримой войны съ невѣрными въ войнѣ противъ Османскихъ Турокъ, которые съ сего времени утверждаются въ Малой Азіи и грозно глядятъ на противоположную Европу. Съ своей стороны, и Султаны Османскіе стараются вытѣснить съ Родоса братство, имъ непріязненное и опасное, и войны съ Турками составляютъ исторію Ордена отъ 1310—1522. Много славныхъ подвиговъ совершено было рыцарями въ этихъ бояхъ, почти безпрерывныхъ; но слав-

нѣе всѣхъ достопамятная защита Родоса противу султана Мустафы II, который съ огромнымъ флотомъ и 100,000 войска пришелъ (г. 1480) осаждать Родосъ, съ несомнѣнною надеждою истребить Орденъ. Рыцари, подъ предводительствомъ Гроссмейстера своего д'Обюссона (г. 1476—1503), совершили чудеса мужества, живо напоминавшія прежнія времена непорочной Христіанской славы Ордена. Мустафа, погубивъ почти половину своего войска и флота, отступилъ, и Турки не смѣли коснуться Родоса въ теченіе почти 40 лѣтъ, не оставляя между тѣмъ ни желаній, ни надеждъ, выжить изъ своего сосѣдства своихъ непримиримѣйшихъ враговъ. Солиманъ II въ гроссмейстерство Виллье де л'Иль Адама (г. 1511 — 1534) напалъ на Родосъ 500,000 войска. Безъ измѣны одного изъ своихъ сочленовъ, указавшаго Туркамъ слабую сторону города, Родосъ устоялъ бы, вѣроятно, и тогда: ибо Султанъ уже колебался, изумленный отчаянною, непобѣдимою храбростію рыцарей. Турки взяли городъ (г. 1522); Гроссмейстеръ съ оставшимися рыцарями перешелъ въ Кандію, оттуда въ Сицилію, въ Римъ и въ Витербо, гдѣ Папа Климентъ VII, бывшій прежде самъ членомъ Ордена, далъ прежнимъ собратіямъ убѣжище. Отсюда рыцари перешли (г. 1530) на островъ Мальту, которую, съ островами Гоззо и Комино, Карлъ V отдалъ Ордену. Солиманъ, бодрый духомъ и въ глубокой старости, преслѣдовалъ своихъ непримиримыхъ враговъ и въ новомъ ихъ убѣжищѣ. При Гроссмейстерѣ Іоаннѣ де ла Валеттѣ (г. 1557 — 1568) совершилась знаменитая защита острова (г. 1565), затмившая собою и славную защиту Родоса. Съ тѣхъ поръ Турки не предпринимали ничего рѣшительнаго противъ Ордена, и съ тѣхъ поръ существовалъ онъ въ новой Европѣ съ своими устарѣвшими уставами, болѣе замѣчательный по воспоминаніямъ, которыя возбуждалъ онъ собою, нежели по своему дѣйствительному вліянію на ходъ событій и по своему участію въ общей жизни историческаго міра; существовалъ, пока бури Революціи разбили (1798) и этотъ памятникъ Среднихъ вѣковъ, долѣе всѣхъ, подобныхъ ему, уцѣлѣвшій.

125. *Тевтонической Орденъ* имѣлъ начало, сходное съ предъидущимъ. Около 1128 одинъ богатый Нѣмецъ, котораго имя осталось неизвѣстнымъ, водворясь во Іерусалимѣ, устроилъ у себя въ домѣ госпиталь, для призрѣнія своихъ земляковъ, приходившихъ въ Іерусалимъ. Многіе набожные люди изъ того же народа распространили вкладами своими это небольшое заведеніе, устроили при немъ

церковь Богородицы; другіе посвятили себя, подобно Братьямъ госпиталя, на служеніе больнымъ, и назывались *Братьями Св. Маріи*. Саладинъ, по взятіи Іерусалима, не уничтожилъ этого благотворительнаго заведенія, подобно какъ онъ оставилъ и госпиталь Св. Іоанна; но поелику Султанъ опредѣлилъ, чтобы не было при обоихъ заведеніяхъ братій болѣе необходимаго числа, то многіе ушли изъ Іерусалима и присоединились къ остаткамъ войскъ Короля Іерусалимскаго. Птолемаида стала сборнымъ мѣстомъ Христіанскихъ воинствъ; осада ея (г. 1189) соединила и остатки войскъ Короля Люзиньяна, и ополченій Іоаннитскихъ рыцарей и Тампліеровъ, и крестоносцевъ, приходившихъ изъ Европы. Въ этомъ общемъ станѣ Христіанскомъ явились и Братья св. Маріи. Граждане Бремена и Любека, находившіеся при осадѣ, устроили изъ парусовъ кораблей своихъ шатры, въ которые принимали больныхъ и раненныхъ своихъ соотечественниковъ; и Братья св. Маріи, присоединились къ нимъ, исполняя прежнія обязанности своего братства. Тогда (1190) прибылъ въ крестоносный станъ Герцогъ Фридрихъ Швабскій съ остатками арміи своего знаменитаго родителя, Императора Фридриха Барбароссы; Братья св. Маріи сдѣлались особеннымъ предметомъ его вниманія и покровительства, и просили его образовать изъ нихъ Орденъ, по примѣру двухъ, уже существовавшихъ. Фридрихъ, представляя пользу, какую дѣло Христіанъ въ Сиріи пріобрѣтетъ отъ сего новаго учрежденія, и съ другой стороны видя, что рыцари Нѣмецкіе не охотно принимаются и не охотно поступаютъ въ братство Тампліеровъ и Іоанна Іерусалимскаго, взялъ на себя ходатайство объ утвержденіи новаго Ордена, который получилъ и уставы и преимущества одинакія съ существовавшими Орденами. Сорокъ рыцарей произнесли свои обѣты передъ Патріархомъ Іерусалимскимъ; Генрихъ Валпотъ былъ первымъ Гроссмейстеромъ; только Нѣмцы могли быть принимаемы въ Орденъ, и оттого названіе новаго братства *Орденомъ Тевтоническимъ*; Птолемаида стала мѣстопребываніемъ капитула. Папа Климентъ III утвердилъ (г. 1191) уставы Ордена, и вскорѣ онъ получилъ большія имѣнія въ Италіи, Германіи, Венгріи и Трансильваніи, и вскорѣ положилъ основаніе существованію государства, которое принадлежитъ къ первостепеннымъ державамъ Европы въ наше время.

126. Новый Орденъ не отсталъ въ славѣ отъ своихъ предшественниковъ, участвуя блистательно во всѣхъ бояхъ, бывшихъ послѣ

взятія Христіанами Іерусалима, и особенно при четвертомъ своемъ Гроссмейстерѣ, Германѣ Залца (г. 1210—1239), который покрылъ и себя и Орденъ громкой славою при осадѣ Даміетты (г. 1219). Отправившись послѣ сего въ Италію, онъ снискалъ особенную любовь и уваженіе Императора Фридриха II, который, по возвращеніи своемъ изъ Палестины, возвелъ Гроссмейстера въ достоинство Имперскаго Князя, а два брата изъ дома Графовъ Гогенлоэ отдали Ордену всѣ свои имѣнія съ городомъ Мергентгеймомъ (во Франконіи), который и сдѣлался главнымъ городомъ всѣхъ Орденскихъ владѣній въ Германіи, и мѣстомъ пребыванія провинціальнаго Магистра. Въ это же время Орденъ получилъ новое призваніе, которое должно было рѣшить будущую его судьбу.

127. Еще въ г. 1211 Андрей II, Король Венгерскій, пригласилъ Тевтоническихъ рыцарей защищать южныя границы своего государства отъ Половецкихъ набѣговъ, и далъ Ордену обширныя земли въ Трансильваніи. Нѣтъ сомнѣнія, что это самое обстоятельство дало мысль Конраду, Князю Мазовецкому, обратиться къ Гроссмейстеру съ просьбою о защитѣ и его страны отъ безпрестанныхъ набѣговъ дикихъ Поруссовъ, обитателей берега Балтійскаго моря по нижнимъ частямъ Вислы, Прегеля и Нѣменя. Гроссмейстеръ, съ разрѣшенія Императора Фридриха II и Папы Гонорія III, отправилъ Орденское ополченіе, подъ начальствомъ Германа Балка, въ эти дикія страны, которыя должны были сдѣлаться собственностію завоевателей. Германъ Балкъ наименованъ былъ Провинціальнымъ Магистромъ въ странѣ Поруссовъ; онъ долженъ былъ и завоевать ее и управлять завоеваніемъ отъ имени Ордена, признавая однакожъ надъ собою власть Князей Мазовіи. Германъ Балкъ съ Орденскою дружиною прибылъ (г. 1228) къ берегамъ Вислы и получилъ отъ Князя Конрада Кульмъ съ его округомъ въ въ Ленную собственность Ордена. Тогда началось завоеваніе земли Поруссовъ.

128. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIII вѣка Тевтонической Орденъ находился въ слѣдующемъ положеніи: а) Гроссмейстеры, по примѣру Германа Залца, жили большею частію въ Италіи, и преимущественно въ Венеціи, отчасти для того, чтобы имѣть надзоръ за управленіемъ Европейскихъ владѣній Ордена, важность которыхъ безпрерывно возрастала; отчасти для того, чтобы возбуждать Европейскихъ Христіанъ не предавать въ руки невѣрныхъ остатка крестоносныхъ завоеваній въ Сиріи и Палестинѣ; и

необходимы были подобныя настоянія въ это время, когда участіе Европейцевъ къ судьбѣ Христіанскихъ земель на Востокѣ остывало болѣе и болѣе. b) Капитулъ Ордена оставался въ Птолемаидѣ, и не было въ теченіе втораго отдѣленія (117) періода Крестовыхъ походовъ ни одного подвига, въ которомъ бы не принимали участія Тевтоническіе рыцари. c) Мергентгеймъ былъ мѣстопребываніемъ провинціальнаго Магистра и центромъ управленія обширныхъ Орденскихъ владѣній въ Германіи. d) Но важнѣйшею частію Орденскихъ земель стала дѣлаться Пруссія. Поруссы отчаянно сопротивлялись вооруженнымъ проповѣдникамъ Христіанства, которые, внося свѣтъ Евангелія въ ихъ дикую родину, вмѣстѣ съ этимъ вносили въ нее и власть свою; въ теченіе 53 лѣтъ (г. 1228—1281) власть Ордена простерлась почти на все пространство отъ нижнихъ частей Вислы до Прегеля; знатная часть народонаселенія страны погибла въ бояхъ ожесточенныхъ, другая, пережившая истребленіе, покорилась.

129. Между тѣмъ палъ послѣдній остатокъ Христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ—Птолемаида. Конрадъ Фейхтвангенъ, тринадцатый Гроссмейстеръ (1290—1297) перенесъ капитулъ Ордена въ Венецію. Но надежда, соединить Христіанскія державы для возвращенія погибшихъ владѣній въ Сиріи и Палестинѣ, и сдѣлать Венецію центромъ новыхъ крестоносныхъ предпріятій, исчезла, и потому пребываніе тамъ Гроссмейстера и капитула не имѣло болѣе цѣли; сверхъ того, ссоры Папы Климента V съ Венеціею за Феррару и запрещеніе, наложенное (г. 1309) на Республику, неуступавшую сего города Римскому Первосвященнику, сдѣлали неумѣстнымъ пребываніе въ ней Гроссмейстера, и потому Зигфридъ Фейхтвангенъ, пятнадцатый Гроссмейстеръ (1303—1311), рѣшился перенесть мѣстопребываніе Ордена въ Пруссію; Маріенбургъ сдѣлался резиденціею Гроссмейстера и капитула, и Орденъ сталъ именоваться *Прусскимъ*. Съ новою живостію и силою продолжалось завоеваніе страны до самаго Нѣменя; въ тяжелыхъ и продолжительныхъ войнахъ Орденъ отстаивалъ свое завоеваніе и отъ Литовскихъ набѣговъ и отъ притязаній Польскихъ Королей, которые напрасно хотѣли утвердить Орденъ въ Феодальной отъ себя зависимости. Но эти войны, а еще болѣе упадокъ прежнихъ свойствъ и чувствованій рыцарей, сдѣлавшихся въ теченіе времени помѣщиками и имѣвшихъ въ виду болѣе сохраненіе своихъ имѣній, нежели цѣлости Ордена, ослабили его внутренно. Орденъ искалъ

Гроссмейстера, который бы довольно имѣлъ собственной силы, чтобы защищать уже изнемогавшее братство; и таковымъ казался Албертъ Бранденбургскій, внукъ Курфистра Альберта. Новый Гроссмейстеръ (г. 1511 — 1526) оправдалъ надежды Ордена въ побѣдоносныхъ войнахъ противу Сигизмунда, Короля Польскаго. Но въ это время проникло Лютерово ученіе въ Пруссію; самъ Гроссмейстеръ принялъ это ученіе и насильственно ввелъ его въ землю Ордена; съ симъ вмѣстѣ Пруссія обратилась въ Герцогство, наслѣдственное въ Домѣ Бранденбургскомъ сначала съ зависимостію отъ Польши, а потомъ (г. 1657) съ полнымъ самодержавіемъ Курфирстовъ Бранденбургскихъ. Остатокъ Ордена и титло Гроссмейстера съ тѣхъ поръ сохранилось въ Маргентгеймѣ, безъ всякаго значенія въ послѣдующихъ событіяхъ Европы.

130. Вѣтвь отъ того же корня, изъ котораго возникли Ордены Палестинскіе, насаждена была на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря: это есть Орденъ *Рыцарей Меченосцевъ*, или *Ливонскій*. Страна, въ которой образовался онъ, была искони населена народами Латышскими (вѣроятно Славянскаго племени) и Финскими, одинаково грубыми и невѣжественными. Святый Владиміръ первый внесъ въ этотъ край Русскую власть, а Ярославъ Великій далъ бо́льшую прочность этой власти, устронвъ страхъ Чуди, крѣпость Юрьевъ (Дерптъ, г. 1030). Но тогда настало раздѣленіе Русской земли и побережье Балтійское досталось на часть Князьямъ Полоцкимъ, конечно, съ весьма неопредѣленною властію. Эти потомки Изяслава, завидуя Ярославичамъ, подѣлившимъ между собою всю Русь, направляли силы свои на СВ., къ сторонѣ Пскова и Новгорода, и пренебрегали своими западными приморскими областями, въ которыхъ такъ много оставалось сдѣлать, и которыя такое обширное поприще могли представить для ихъ государственной дѣятельности; могли тогда же обрусѣть и открыть Руси сообщеніе съ землями Запада. Слѣдствіемъ этой политики Изяславичей было, что они растратили свои силы въ безплодныхъ бояхъ противу Ярославова рода, не пріобрѣли ничего внутри Россіи, а потеряли владычество надъ своими Прибалтійскими землями, въ которыхъ утвердилась чужеземная власть, заслонившая собою Россію отъ Европы западной и въ такое время, когда сія послѣдняя начинала уже перераждаться къ лучшему, подъ вліяніемъ Крестовыхъ походовъ.

131. Около половины XII вѣка Нѣмецкіе купцы изъ Бремена случайно узнали здѣшній край, бывъ брошены бурею къ тому мѣсту,

гдѣ Западная Двина сливается съ моремъ. Дикое приволье этого края, изобильнаго пушными звѣрями, произвело постоянное сообщеніе его съ торговыми городами сѣверной Германіи, и, по слѣдамъ купцовъ, явились вскорѣ и проповѣдники Христіанства языческимъ Ливамъ; первый изъ нихъ былъ Мейнгардъ, Августинскій монахъ изъ Голштиніи. Съ благословенія Архіепископа Бременскаго прибылъ онъ сюда (г. 1186); Полоцкій Князь Владиміръ далъ ему позволеніе обращать здѣшнихъ идолопоклонниковъ въ Христіанство по правиламъ Латинской Церкви, не предвидя послѣдствій, и не дорожа, подобно предкамъ своимъ, этой страною. Мейнгардъ положилъ основаніе первой Христіанской церкви въ Икскулѣ, небольшомъ деревянномъ замкѣ, недалеко отъ устья Двины, основанномъ Нѣмецкими купцами при первомъ ихъ сюда водвореніи; въ этомъ мѣстѣ живали они для своихъ торговыхъ дѣлъ съ туземцами. И въ вознагражденіе Христіанской ревности Мейнгарда и для большихъ успѣховъ его проповѣди, Папа возвелъ его въ санъ Епископа, съ зависимостію отъ Архіепископа Бременскаго. Альбертъ, третій Епископъ Ливоніи (г. 1198—1229) положилъ основаніе (г. 1201) Ригѣ (ниже Икскуля) и перенесъ туда свою каѳедру. Христіанство хотя и сдѣлало успѣхи значительные на здѣшнихъ берегахъ, но нерѣдко суровые Ливонцы, подстрекаемые жрецами своими, съ ожесточеніемъ возставали на проповѣдниковъ Евангелія, въ намѣреніи истребить ихъ и всѣ ихъ нововведенія; такъ Епископъ Бертольдъ, предшественникъ Альберта, равно дѣятельный и въ церкви и на бранномъ полѣ, погибъ въ преслѣдованіи побѣжденныхъ имъ Ливонцевъ. Альбертъ, прелатъ умный и честолюбивый, полагалъ, что, для успѣховъ Христіанства, необходимо содѣйствіе силы оружія и внушеніе страха упорнымъ язычникамъ. Иногда небольшими дружинами являлись уже здѣсь крестоносцы изъ Германіи для помощи Ливонскому Епископу и для расплаты, такъ сказать, съ своею совѣстію, предпочитая войну противу невѣрныхъ недалекихъ, походамъ въ отдаленную Азію, противу тамошнихъ невѣрныхъ. Альбертъ не надѣялся на это временное и сомнительное содѣйствіе, а предложилъ Папѣ Иннокентію III планъ учрежденія новаго рыцарскаго Ордена, который бы посвятилъ себя исключительно дѣйствованію противу невѣрныхъ въ здѣшнемъ краѣ. Папа благословилъ (г. 1202) это предпріятіе; велѣлъ Ордену принять уставъ и одежду Тампліеровъ, съ тою лишь разницею, что кавалеры должны были имѣть на бѣлой мантіи изображеніе креста

и меча: отъ того ихъ первоначальное наименованіе: *Братій Христова воинства* скоро перемѣнилось въ употребленіи на названіе *Рыцарей Меченосцевъ*. *Винно Фонъ-Рорбахъ* былъ (г. 1202—1208) первымъ Гроссмейстеромъ Ордена; онъ основалъ Венденъ, который и сдѣлался мѣстопребываніемъ капитула. По договору между Епископомъ и Гроссмейстеромъ, двѣ трети всей земли, которая будетъ покорена Орденомъ, должны принадлежать Церкви, т. е. Епископу; остальною третью будетъ владѣть Орденъ, признавая себя Вассаломъ Церкви.

132. Волквинъ (г. 1208 — 1234), второй Гроссмейстеръ Ордена продолжалъ завоеваніе побережья Балтійскаго, начатое Рорбахомъ. Оружіе Ордена проникло съ одной стороны въ Курляндію, съ другой въ Эстонію; здѣсь встрѣтилось это новое владычество съ Русскою силою: Мстиславъ Храбрый остановилъ здѣсь успѣхи Ордена (г. 1214), и этимъ начинается рядъ столкновеній рыцарей съ Русскими Князьями. Неудача предпріятія на Эстляндію, при слабыхъ еще силахъ Ордена, побудила Альберта обратиться (г. 1217) къ тогдашнему герою Сѣвера, къ Валдемару II, Королю Датскому; который сдѣлалъ высадку на Эстонскій берегъ, покорилъ и обратилъ часть жителей края въ вѣру Христіанскую и основалъ крѣпость Ревель, для удержанія ихъ въ подданствѣ и страхѣ. Это родило споры Даніи съ Орденомъ, не смотря на то, что, по договору (г. 1238) съ Валдемаромъ, Эстонія раздѣлена была между ними, такъ-что югозападная часть доставалась первому, а сѣверовосточная послѣдней. Владычество Датчанъ не было однако же никогда прочно въ Эстоніи: оно колебалось и отъ возстаній природныхъ жителей, и отъ желанія Ордена избавиться отъ непріятнаго сосѣдства, такъ-что, наконецъ, Король Валдемаръ IV продалъ Ордену (г. 1347) эту область, столь отдаленную отъ его государства.

133. Но между тѣмъ уже въ гроссмейстерство Волквина начали открываться недоразумѣнія между Епископомъ и Орденомъ. Епископъ считалъ себя настоящимъ владыкою края и требовалъ отъ Ордена покорности и податей; Орденъ рано понялъ свою силу и желалъ не только владѣть предоставленною ему третью земли съ полною независимостію, но простиралъ свои виды и далѣе. Папа Иннокентій III примирилъ (г. 1210) спорящихся тѣмъ, что разрѣшилъ Ордену владѣть своею третью, не платя подати Епи-

скопу, но указалъ ему быть покорнымъ Епископу и дѣйствовать по его повелѣнію во всемъ томъ, что касалось до защиты края и Церкви. Сѣмя раздора однако же не истреблено этимъ примиреніемъ, и, кромѣ сего источника распрей, было много и другихъ причинъ, поддерживавшихъ смятенное состояніе страны. Распри съ Датчанами за Эстонію; бои съ Русскими на В.; схватки съ Литовцами, вторгавшимися въ южныя завоеванія Ордена; недостатокъ устройства, а потому и недостатокъ спокойствія и покорности со стороны туземцевъ; наконецъ, споры съ Архіепископомъ Бременскимъ, который, по смерти Альберта, желалъ поставить Епископа въ Ригу,—все это вмѣстѣ привело Волквина къ мысли слить свой Орденъ съ Тевтоническимъ. Онъ открылъ свое намѣреніе знаменитому Гроссмейстеру Герману Залца. Умный и осторожный Залца не вдругъ рѣшался принять предложеніе, хотя, казалось, власть его черезъ это должна была еще болѣе распространиться. Между тѣмъ Волквинъ погибъ въ бою съ Литовцами (Сент. 1236): это побѣдило сомнѣнія Гроссмейстера Тевтоническаго, и соединеніе обоихъ Орденовъ утверждено буллою Папы Григорія IX (Май 1237). Съ тѣхъ поръ, подъ властію Гроссмейстера Прусскаго, Ливонскій Орденъ сталъ управляться мѣстными Магистрами, *Ландъ или Гермейстерами*, и первый былъ Германъ Балкъ (г. 1237 — 1243), славный основаніемъ власти Тевтоническаго Ордена на Прусскомъ берегу.

124. Это соединеніе укрѣпило силы Ливонскаго Ордена, но не избавило страну отъ смутъ и распрей. Гроссмейстеръ Прусскій находился въ различномъ положеніи по управленію собственно своимъ Орденомъ и по управленію Орденомъ Ливонскимъ: первый и по своему происхожденію и по уставамъ своимъ, былъ совершенно независимъ отъ власти Епископа; послѣдній, основанный духовною властію, находился, по отношенію къ ней, въ состояніи зависимости и вассальства, и буллою Папы, которою опредѣлено соединеніе обоихъ Орденовъ, повелѣно, чтобы Тевтоническіе рыцари въ Ливоніи находились въ той же подчиненности Епископамъ и Прелатамъ, въ какой доселѣ были Меченосцы. Эта двойственность отношеній Гроссмейстера и Гермейстера къ духовнымъ властямъ, подавала поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ; притязанія были обоюдны и безпрерывно увеличивались, и особенно со стороны духовной власти, когда пятый Епископъ Рижскій, Альбертъ II, получилъ (г. 1253) отъ Папы Иннокентія IV достоин-

ство Архіепископа. Между этими двумя властями, уже бывшими въ борьбѣ другъ съ другомъ, возникла, съ исхода XIII вѣка, третья,— это власть городскихъ совѣтовъ. И Гроссмейстеры и Епископы усердно приглашали единоземцевъ своихъ изъ Германіи къ поселенію въ здѣшнемъ краѣ, привлекая ихъ къ тому привилегіями; другіе прибыли сами, побуждаясь выгодами торговли. Такъ возникли города въ этой странѣ, основанные большею частію выходцами изъ Нѣмецкихъ вольныхъ городовъ и устроившіеся по образцу своихъ метрополій. Важнѣйшимъ между ними стала Рига, возвысившаяся скоро до степени перваго торговаго города на восточномъ берегу Балтійскаго моря и занявшая одно изъ почетныхъ мѣстъ въ Ганзейскомъ Союзѣ. Города въ распряхъ Геермейстеровъ съ Архіепископами держались то одной стороны, то другой, тѣмъ самымъ увеличивали свои привилегіи, пока, наконецъ, сами (съ половины XIV вѣка), чувствуя себя сильными, стремились къ независимости и отъ власти Ордена и отъ власти духовной, и этимъ стремленіемъ своимъ увеличивали смутное и запутанное положеніе края.

135. Вѣки XIV и первая половина XV были временемъ особенно сильныхъ распрей и открытыхъ войнъ между Архіепископомъ, Орденомъ и городами. Многосложное правительство страны было слабо своею раздѣльностію и соперничествомъ: Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Командоровъ и восемь Фохтовъ, Архіепископъ, пять Епископовъ владѣли землею: каждый имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ городъ и волости; другіе города управлялись своими совѣтами и старались не допускать ни Орденской, ни Епископской власти вмѣшиваться во внутреннія дѣла свои. Эбергардъ Монгеймъ, двадцать седьмой Геермейстеръ, въ теченіе цѣлаго года осаждалъ Ригу, державшуюся стороны Архіепископа, и, по взятіи города приступомъ (г. 1330), принудилъ городской Совѣтъ подписать актъ подчиненности (Sühne brief) города Ордену; а Іоаннъ Менгденъ, сорокъ первый Геермейстеръ, принудилъ Силвестра, четырнадцатаго Архіепископа, подписать въ Карльгольмѣ (г. 1452) трактатъ, по которому Архіепископъ и духовенство, ему подчиненное, должны были войти въ составъ Ордена и носить Орденскую одежду, и городъ Рига, равно и другіе города, состоявшіе подъ его властію, обязались признавать власть Ордена. Такъ рѣшено было первенство Геермейстера надъ Архіепископомъ. Преемники Менгдена не остановились на томъ: они желали освободиться и отъ

зависимости Гроссмейстеровъ Тевтоническихъ; и Валтеръ Плеттенбергъ, сорокъ пятый Геермейстеръ (г. 1493 — 1535), одинъ изъ величайшихъ людей своего вѣка, достигъ этой цѣли: въ г. 1520 Плеттенбергъ и его преемники освобождены отъ всякой зависимости Гроссмейстеру Тевтоническому и возведены въ достоинство Князей Имперіи.

136 Но въ то же время, какъ утверждалось такимъ образомъ единство власти въ разновластной Ливоніи, собралась и Русская земля подъ державною рукою Іоанна Великаго, и тогда же выражается мысль Русскаго правительства придвинуть Россію къ берегамъ Балтійскаго моря и, черезъ него, къ Европѣ. Ливонская война Іоанна III (гг. 1501 — 1503) была первымъ выраженіемъ сей мысли, нѣсколько разъ повторявшейся, и осуществленной Петромъ Великимъ. Выполненіе этой мысли непремѣнно должно было имѣть вліяніе на судьбу Ордена. Валтеръ Плеттенбергъ былъ достойнымъ соперникомъ Іоанна III; нанесъ ему два сильные удара близъ Изборска (г. 1501) и при Псковѣ (г. 1502); осторожный Іоаннъ отступился отъ своего намѣренія; заключилъ перемиріе (г. 1503) съ Орденомъ, но оставилъ преемникамъ и право и поводъ вмѣшиваться въ дѣла Ливоніи: ибо, по силѣ этого перемирія, Епископъ Дерптскій обязался, за ручательствомъ Магистра, платить Іоанну поголовную дань (Юрьевская дань) со своей области, составлявшей въ давнія времена достояніе Россіи. Важность этого обстоятельства оказалась въ царствованіе внука Іоаннова, который въ своихъ предпріятіяхъ на Ливонію былъ счастливѣе дѣда. Съ 1503 года, т. е. со времени перемирія между Плеттенбергомъ и Іоанномъ III, мы не имѣли войны съ Орденомъ, но не были и въ мирѣ съ нимъ, и во все это время обоюдныя распри скоплялись и отъ замѣтнаго стремленія и сына и внука Іоаннова утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, и отъ мелкой завистливой политики Ордена, старавшагося заслонить отъ насъ Европу, неимѣвшаго силъ быть врагомъ могущественной Россіи, но нехотѣвшаго и неумѣвшаго быть ей и другомъ. Еще съ 1555 Іоаннъ Грозный титуловалъ себя въ грамматахъ *Государемъ Ливонскія земли* и требовалъ дани съ Дерпта и его округа, какъ страны, принадлежавшей искони Россіи, и обязанной къ тому вновь и договорною грамматою 1503 года. Послы Магистра Галена и Епископа Дерптскаго хитрили, и обѣщали дань, и говорили, что не могутъ платить ее безъ разрѣшенія Императора Нѣмецкаго, какъ покровителя Орде-

на. А между тѣмъ волненіе ходило по Ливоніи; власти попрежнему разногласили, а распространявшаяся Лютеранская вѣра, и противоборствіе Католическаго духовенства ея распространенію усугубляли смятеніе. Въ такомъ положеніи была Ливонія, когда войско Іоанна Грознаго съ огнемъ и мечемъ вступило въ ея предѣлы (Янв. 1558). Съ этихъ поръ началась двадцатипятилѣтняя Ливонская война,—война, приведшая въ движеніе всѣ державы кругомъ Балтійскаго моря: Швецію, Польшу, Данію; наполнившая все побережье Балтійское, отъ Финскаго залива до Курляндіи, пепломъ и кровью. Она погубила Орденъ, давно уже погубившій свою внутреннюю силу. Старецъ Фирстенбергъ, предпослѣдній Магистръ Ордена, былъ разбитъ Русскими у Валка и преслѣдуемъ до Вендена; онъ сложилъ (г. 1559) съ себя достоинство и передалъ его юному Кетлеру, но еще продолжаясь биться съ полками Русскими. Разбитый снова Курбскимъ, недалеко отъ Вейссенштейна, заключился въ Феллинѣ; здѣсь совершилась послѣдняя битва (г. 1560); Феллинъ былъ взятъ; Старецъ Фирстенбергъ плѣнникомъ увезенъ въ Россію и тихо скончался въ Любимѣ, данномъ ему отъ Іоанна во владѣніе. Кеттлеръ, послѣдній (пятидесятый) Гроссмейстеръ, истощивъ усиліе возбудить участіе къ судьбѣ погибавшаго Ордена въ Императорѣ Германскомъ и Короляхъ Польши и Швеціи, и убѣдясь, что ветхое зданіе Ордена должно неминуемо рушиться, заключилъ (Нояб. 1561) въ Вильнѣ съ Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ Августомъ договоръ, по которому получилъ онъ Курляндію съ титломъ Герцогства въ свое наслѣдственное владѣніе, но съ зависимостію отъ Польши. Лифляндія стала областію Польши съ сохраненіемъ своихъ старинныхъ законовъ и правъ, а Эстляндіею овладѣли Шведы. Такъ кончилось бытіе Ордена Меченосцевъ, основаннаго на тѣхъ же самыхъ началахъ и для тѣхъ же цѣлей, какъ и Палестинскіе Ордены.

137. Неоспоримо, что рыцарскіе Ордены имѣли великое вліяніе и на поддержаніе мнѣнія въ пользу крестоносныхъ предпріятій, и на самое бытіе Іерусалимскаго Королевства (118). Въ первомъ отношеніи громкою славой, которую пріобрѣли они себѣ, рыцарскіе Ордены не только возбуждали многія доблестныя души (*) къ желанію принять крестъ, чтобы также пріобрѣсти подобную

(*) Луденъ.

славу и подобную благодать; но они были, можно сказать, настоящими глашатаями крестоносныхъ предпріятій; и чѣмъ далѣе они распространялись, и чѣмъ болѣе увеличивались ихъ владѣнія въ Западной Европѣ, и чѣмъ значительнѣе становилось число большихъ фамилій, которыя съ какимъ нибудь рыцаремъ Ордена были въ родствѣ или дружбѣ: тѣмъ больше людей должно ими быть возбуждаемо къ тому, чтобы посвятить себя на служеніе Господу, и встать подъ знамя креста противу невѣрныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно назвать рыцарскіе Ордены жилами Крестовыхъ походовъ, и утвердительно должно сказать, что они имѣли великое и важное участіе въ сихъ предпріятіяхъ, а чрезъ то и важное участіе во вліяніи Крестовыхъ походовъ на общество Европейское. Для Королевства Іерусалимскаго, въ его положеніи, эти братства должны были быть дѣломъ величайшей важности: на нихъ преимущественно основывалась его защита. Король ни на что не могъ надѣяться, кромѣ сомнительной и краткой службы своихъ Вассаловъ, обязанныхъ этой службою Королю только въ теченіе сорока дней. Всякая другая помощь зависѣла отъ случая и обстоятельствъ. Дружина нѣсколькихъ сотъ рыцарей, которая, по долгу чести и присяги, образуя собою почти полное общество, снабженное всякими потребностями и всякими промыслами, имѣя большое количество вооруженныхъ служителей, или наемныхъ воиновъ, во всякое время готова была для битвъ противу невѣрныхъ, и, независимая отъ всѣхъ отношеній и свободная отъ всякихъ узъ житейскихъ, единственно въ этихъ битвахъ сознавала свое назначеніе; такая дружина рыцарей должна была необходимо пріобрѣсти въ Іерусалимѣ особую важность. Такъ-какъ эти рыцари поставили себя постоянными защитниками Святаго Гроба, то они сдѣлались какъ бы гарнизономъ Святаго Града и гвардіею Короля Іерусалимскаго. Но неоспоримо также и то, что рыцарскіе Ордены представляли въ устройствѣ своемъ такое противорѣчіе условій, что въ собственныхъ нѣдрахъ ихъ должны были воспитаться дикія, буйныя страсти, тѣмъ съ большею силою, чѣмъ больше препятствій было къ удовлетворенію ихъ. Самая жизнь этихъ монаховъ-воиновъ представляла въ себѣ противорѣчія. Съ одной стороны воинственная отвага, удальство, предпріимчивый духъ, безпрестанное обращеніе въ свѣтѣ—въ обществѣ, должны были воспитывать и развивать въ людяхъ чувственныя силы и чувственныя побужденія; должны были возрастить и усилить въ нихъ сознаніе, что

они выше другихъ, что они выше всѣхъ людей; съ другой стороны, смиренная набожность обязывала каждаго изъ рыцарей служеніемъ и послѣднему изъ братій; съ одной стороны несмѣтныя богатства, принадлежавшія Ордену, съ другой обѣтъ нищеты, обязанность безпрестанныхъ лишеній. Самая (*) сущность этихъ братствъ исключала всякое движеніе вровень съ развитіемъ и образованіемъ человѣческаго духа, и потому они могли значить что-нибудь только въ то время, въ которое учредились: человѣческая страсть могла ихъ уничтожить ранѣе, особыя обстоятельства могли продлить ихъ бытіе; но въ существѣ ихъ заключалась ихъ судьба, и черезъ себя самихъ и въ самихъ себѣ должны они были погибнуть въ борьбѣ съ жизнію шествующею впередъ и развивающеюся.

138. Подобныя же побужденія религіознаго фанатизма образовали и въ Магометанскомъ обществѣ, и въ это же время, родъ Ордена, для битвъ съ Христіанами и для истребленія ихъ и всѣхъ сомнительныхъ въ усердіи къ православію Магометанскому — это есть пресловутое общество *Ассасиновъ*, какъ назвали этихъ страшныхъ фанатиковъ Европейцы, перемѣнивъ по-своему ихъ Арабское названіе *Хашишинъ*, упоенный, изступленный. Гассанъ, уроженецъ Хоразанскій, былъ основателемъ этого страшнаго союза; это былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ съ гигантскою силою воли и великимъ превосходствомъ духа, но съ мрачнымъ, чудовищнымъ характеромъ, съ ожесточеніемъ обманутаго честолюбія, съ ненавистію къ людямъ. Онъ положилъ (около г. 1090) основаніе новой религіозно-политической сектѣ въ Персіи, странѣ, въ которой къ ученію Ислама примѣшивались остатки ученія древнихъ Маговъ и вѣрованія Индѣйскія, и въ которой эта смѣсь мнѣній положила основаніе разнымъ сектамъ и толкамъ еще съ исхода IX вѣка. Гассанъ нашелъ въ сѣверной гористой части Персіи много изступленныхъ себѣ приверженцовъ, которые всѣ приносили ему клятву вѣрности и слѣпаго повиновенія, принимая его за воплощеннаго Магомета. Крѣпость Аламутъ въ горахъ съ С. отъ Касбина сдѣлалась резиденціею Гассана и его преемниковъ и средоточіемъ государства Ассасиновъ.

139. Это государство не составляло цѣлаго и не имѣло границъ

(*) Луденъ.

опредѣленныхъ. Оно состояло изъ многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ горахъ къ Ю. отъ Каспійскаго моря (Джебалъ), въ Кугистанѣ и въ Сиріи. Главная сила *Старца Горы* (Шейхъ Эль Джебалъ, такъ называлъ себя Гассанъ и его преемники) состояла въ ужасѣ, который распространяли всюду его подданные. Они раздѣлялись на посвященныхъ и непосвященныхъ; первые состояли изъ двухъ степеней: *Эль-Даи-Эль-Кебиръ*, т. е. «великіе призыватели» или первые миссіонеры Старца Горы; они были его намѣстниками по другимъ укрѣпленнымъ замкамъ; трое изъ нихъ были важнѣе прочихъ, и ихъ можно сравнить съ командорами Христіанскихъ Орденовъ: одинъ въ Джебалѣ, одинъ въ Кугистанѣ и одинъ въ Сиріи. Сей послѣдній былъ важнѣе двухъ другихъ; онъ управлялъ крѣпостями Ассасиновъ въ Сиріи почти независимо отъ Аламутскаго Старца Горы, и, по болѣе близкому сосѣдству и сношенію съ крестоносцами, въ глазахъ ихъ былъ важенъ не менѣе сего отдаленнаго властителя; мѣстопребываніе Сирійскаго Даикебира было въ замкѣ Масіетѣ, недалеко отъ Гамы. Вторую степень посвященныхъ составляли *Даи*, «призыватели», миссіонеры, разсѣевавшіеся всюду по Магометанской Азіи, для обращенія Мусульманъ къ своей сектѣ. Дѣятельность ихъ въ семъ отношеніи была неимовѣрна. Только эти два класса обладали тайнами Ордена. Изъ непосвященныхъ первую степень занимали *Рефань*, «товарищи» и пятую *Федави*, «обреченные»; это былъ самый важный классъ для кровавыхъ цѣлей Ордена. Въ Федави поступали юноши наиболѣе рѣшительные, наиболѣе полные фанатизма и слѣпой вѣры въ своего главу. Отъ нихъ-то собственно взялось и самое названіе Ордена. Ихъ подготовляли Даи къ ихъ страшному призванію, всколебавъ напередъ пылкій и неопытный умъ сомнѣніями въ ученіи Магометовомъ, а потомъ предавъ ихъ чувства обаянію, которое начиналось тѣмъ, что ихъ поили опьяняющимъ зельемъ (хашишъ), приготовляемымъ изъ конопли; въ этомъ состояніи полусна и полубодрствованія юноша окруженъ былъ наслажденіями всякаго рода, при обѣщаніяхъ еще большихъ наслажденій и выспреннѣйшаго счастія по смерти, если онъ посвятитъ свою жизнь на служеніе Шейху. Федави были и тѣлохранителями Старца Горы, и отчаянными исполнителями его кровавыхъ повелѣній. Послѣ нихъ слѣдовало простолюдство рабочее и подвластное. Когда Малекъ Шахъ, Султанъ Селджуковъ, грозный врагъ возникавшаго тогда союза Ассасиновъ умеръ (г. 1092), и вѣроятно отъ яда, поднесеннаго какимъ-нибудь Федави, и когда государство

его распадалось среди смутъ, въ это время страшный Орденъ Ассасиновъ быстро распространился и усилился, сдѣлался равно страшенъ и Магометанамъ и Христіанамъ. Истребленіе невѣрующихъ и утвержденіе будто бы чистой вѣры, которой таинства открыты только Старцу Горы—вотъ что́ было цѣлію изступленныхъ, и для этой цѣли они считали всѣ средства позволительными: истребляли своихъ враговъ, и Христіанъ и Магометанъ, не открытою силою, а убійствомъ, которое вдругъ постигало жертву указанную Старцемъ Горы или Даилкебиромъ. Федави, какъ воздухъ, проникали всюду, и трудно было, почти невозможно, спастись отъ ихъ кинжала или яда. Только при безпрерывныхъ смятеніяхъ въ Магометанской Азіи, смятеніяхъ, которыя усугублены были Крестовыми походами, могло держаться подобное чудовищное учрежденіе около 150 лѣтъ. Въ г. 1255 Гулагу, предводитель Монголовъ, завоеваніемъ Персіи положилъ конецъ ему въ сей странѣ, а Бибарсъ, Султанъ Мамелюковъ, уничтожилъ его въ Сиріи (г. 1272). Друзовъ, обитателей ущелій Ливонскихъ горъ, считаютъ остаткомъ Ордена Ассасиновъ.

140. Крестовые походы (*), конечно, не имѣли никакого вліянія на основаніе владычества Старца Горы, который изъ своего неприступнаго Аламута, столь же богатаго всѣми ужасами силы, какъ упоительными наслажденіями, какія только можетъ представить жизнь, еще до прихода первыхъ Крестоносцевъ, повелѣвалъ какъ полубогъ, и въ своихъ приверженцахъ находилъ такое повиновеніе, какого ни одинъ смертный никогда не находилъ; но они, безъ сомнѣнія, содѣйствовали къ распространенію этой секты по Сиріи, гдѣ Родванъ, племянникъ Малекъ Шаха, и владѣтель Алеппо (г. 1095—1114) обратился къ ней, чтобы въ страшномъ союзѣ найти себѣ помощь и противъ брата (Декака) владѣтеля Дамасскаго, и противъ Крестоносцевъ. И если, съ одной стороны, вѣроятно, что Ассасины безъ прибытія Крестоносцевъ никогда бы не сдѣлались страшны въ такой степени, то, съ другой, можно съ достовѣрностію утверждать, что такое чудовищное изступленіе, такое преступное присвоеніе высшаго суда надъ совѣстію людей, такое кровавое, убійственное самоуправство, обличая, до какой степени ярости фанатизмъ доводилъ эти огненныя души, указываетъ, что, рано

(*) Луденъ.

или поздно, посредственно или непосредственно, обратится страшное братство противу крестоносцевъ и будетъ и для нихъ погибельно.

141. Не смотря на неудачи походовъ, предпринятыхъ и совершенныхъ уже по взятіи Іерусалима (118), завоеванія Христіанъ въ Сиріи и Палестинѣ возрастали и, возрастая, дробились. Кромѣ Герцогства Антіохіи и Графства Эдессы, основавшихся еще до взятія Іерусалима, образовались другія государства, Феоды, подвластные Королю Іерусалимскому. Такъ Танкредъ основалъ Княжество Галилею и Тиверіаду; Раймондъ, Графъ Тулузскій, уже обладатель Тортозы (древній Андрадъ) въ Финикіи, осадилъ Триполи; онъ умеръ при осадѣ города, но сынъ его, Бертранъ, провозглашенъ былъ Графомъ Триполи, лишь только взятъ городъ (г. 1105). Впослѣдствіи основались Графство Яффа, Баронства: Тиръ, Цезарея, Байрутъ, Джибелетъ, Ираклея, Маркабъ и другія. Всѣ эти маленькія государства были Феоды Королевства Іерусалимскаго; но Эдесса и Антіохія считались болѣе государствами союзными, а не подвластными Іерусалиму.

142. Все царствованіе Балдуина I (г. 1100 — 1118) было временемъ безпрерывныхъ битвъ то съ Султанами Египта, то съ Атабеками (*) Дамаска и Алеппо. Это не были рѣшительныя битвы, а состояли со стороны Христіанъ въ небольшихъ отважныхъ предпріятіяхъ, подвигахъ то необыкновенной рѣшимости и силы духа, то ума и хитрости. Не возможно взирать безъ удивленія на эту борьбу небольшихъ Христіанскихъ дружинъ противу столь многихъ и столь сильныхъ непріятелей; не возможно безъ благоговѣйныхъ ощущеній взирать какъ они, съ полною преданностію волѣ Божіей, съ полною вѣрою на помощь Божію, шли на встрѣчу всякой опасности, и даже и тогда не унывали и не приходили въ отчаяніе, когда бѣды постигали ихъ, а напротивъ, оставались вѣрны возвышенному началу, что всякому несчастію они сами виною, и что Господь даруетъ народу своему несомнѣнную побѣду и благословеніе, коль скоро они съ душою чистой только Ему будутъ служить, только Его будутъ желать. И слава этихъ подвиговъ, и

(*) Атабеками назывались воспитатели молодыхъ Селджукскихъ принцевъ; они обыкновенно пріобрѣтали великую власть, и стали тѣмъ же для Султановъ Селджукскихъ, чѣмъ были палатные Мэры для Меровинговъ.

этихъ опасностей, и этихъ торжествъ согрѣвали и Европу, и вызывали на помощь Палестинскимъ братьямъ почти безпрерывно новыя ополченія, приходившія и изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ ея. Такъ въ г. 1108 отправился семнадцатилѣтній Король Норвегіи Сигурдъ съ 10,000 Скандинавскихъ воиновъ изъ своей далекой родины; дружина пристала къ берегамъ Португаліи, и вставъ въ ряды тамошнихъ Христіанскихъ воинствъ, вмѣстѣ съ ними отвоевала у Мавровъ Лиссабонъ, Цинтру, Алкасаръ. Прибывъ въ Палестину (г. 1110) Сигурдъ всталъ подъ знамя Короля Балдуина, и помогъ ему покорить Сидонъ, взятіе котораго укрѣпляло владычество Христіанъ на берегу моря и сближало Іерусалимское Королевство съ родною Европой. Часть животворящаго древа для церкви Св. Олая въ Дронтгеймѣ была высокою наградою для Сигурда. Король Балдуинъ I заключилъ свою жизнь, полную подвиговъ и славы, походомъ (г. 1118) въ Египетъ противъ Султана Хакема Беамрилла; онъ умеръ въ этомъ походѣ. Балдуинъ Бургскій, сынъ Гуго, Графа Ретельскаго (въ Шампани) и родственникъ Готфрида и Балдуина I, перешелъ изъ Эдессы, которую передалъ ему Балдуинъ, на Іерусалимскій престолъ, а Эдессу передалъ Іоселину де Куртенэ, своему родственнику.

143. Въ царствованіе Балдуина II (г. 1118 — 1131) Іерусалимское Королевство достигло самой высшей степени своего блеска. Завоеваніемъ Тира (г. 1124), бывшаго подъ властію Тохтегина Атабека Дамасскаго, кончено было утвержденіе Христіанъ вдоль берега моря; а Птолемаидскій договоръ съ Венеціянами, предоставлявшій имъ многія и важныя привилегіи въ городахъ Королевства, полагалъ основаніе и возрожденію Европейскихъ промысловъ и Европейской жизни въ семъ краѣ, и обезпечивалъ на будущія времена постоянное сообщеніе съ Европою. Король Балдуинъ привелъ отъ себя въ зависимость и Герцогство Антіохію, которое Боемундъ и Танкредъ, враждуя Іерусалимскимъ Королямъ, держали отъ нихъ въ независимости, признавая по одному имени власть Греческихъ Императоровъ надъ Антіохіею. Боемундъ I, испытавъ многіе и разные перевороты въ судьбѣ своей, умеръ въ г. 1111. Танкредъ, управлявшій Антіохіею во время его отсутствія и плѣна въ 1112; наслѣдникомъ Герцогства сталъ малолѣтній Боемундъ II, воспитывавшійся въ Европѣ. Король Балдуинъ утвердилъ свою добросовѣстную опеку надъ Герцогствомъ; сдалъ Боемунду (г. 1126) Антіохію, и женилъ его на младшей своей дочери, Алисѣ. И

когда Боемундъ погибъ въ битвахъ противу Ценги въ Киликіи (г. 1131), и когда Алиса, вдовствующая Герцогиня, хотѣла присвоить себѣ герцогство, Балдуинъ лишилъ ее власти и самъ вступилъ снова въ управленіе, сберегая государство для внуки своей Констанціи, дочери Боемунда II. По возвратѣ своемъ изъ Антіохіи въ Іерусалимъ, скончался Балдуинъ II (г. 1131), передавъ престолъ супругу своей старшей дочери, Мелузины, Фулко Анжуйскому.

144. Къ этому выбору содѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, много Орденъ Тампліеровъ, уже тогда пользовавшійся великимъ уваженіемъ. Фулко былъ изъ первыхъ покровителей начинавшагося Ордена, и хотя, какъ женатый, не могъ быть членомъ его, но принадлежалъ къ братству. По этому-то и думалъ Балдуинъ, что онъ передаетъ Королевство въ надежныя руки. Но Фулко, щедро надѣленный рыцарскими доблестями въ молодые годы, при вступленіи на престолъ, былъ уже старъ; при немъ осталось только уваженіе къ прежнимъ его подвигамъ и мужества и правоты, и добрая воля. Молодая Мелузина пріобрѣла надъ нимъ слишкомъ много власти, и подъ конецъ царствовала его именемъ. Пристрастіе его къ Французскимъ рыцарямъ, прибывшимъ съ нимъ вмѣстѣ въ Палестину, оскорбляло старыхъ слугъ Іерусалимскаго престола; а необыкновенная слабость памяти нерѣдко была причиною многихъ и важныхъ запутанностей въ дѣлахъ его. Въ его царствованіе (г. 1131 — 1144) начало уже склоняться къ упадку Королевство Іерусалимское, полученное имъ въ цвѣтѣ и силѣ. Графства Триполи и Эдесса и Герцогство Антіохія были въ зависимости отъ Іерусалимскаго престола; изъ всѣхъ береговыхъ городовъ только Аскалонъ былъ еще занятъ гарнизономъ Египетскимъ, а изъ внутреннихъ, Емеза, Алепъ, Гама и Дамаскъ находились подъ властію невѣрныхъ Емировъ Селджукскаго, или Ортокова рода. Но обстоятельства скоро перемѣнились.

145. Эмадеддинъ Ценги былъ Атабекомъ Алп-Арслана, получившаго отъ Мугамеда, Султана Иранскаго, въ управленіе Мосулъ. Ценги царствовалъ здѣсь во имя своего воспитанника, и по его кончинѣ власть Атабека возвысилась еще болѣе по причинѣ смутъ, происходившихъ въ Иранѣ въ это время. Мугамедъ, сынъ Малекъ-Шаха, получилъ, послѣ раздѣла огромной Селджукской Имперіи, въ свое владѣніе западную часть ея, Иранъ, къ которой принадлежали Адербиджанъ, Месопотамія и Сирія, и въ которой находилась и резиденція Селджукскихъ Султановъ, Багдадъ. Сынъ

его, Магмудъ, наслѣдовалъ ему (г. 1118). По смерти Магмуда (г. 1131) открылся споръ за власть между братьями его, Масудомъ и Селджукомъ. Калифъ Алмостаршедъ, жившій, подобно предкамъ своимъ, безъ всякой власти, въ Багдадѣ, считалъ споръ сей благопріятнымъ для возвращенія себѣ независимости отъ этихъ прежнихъ служителей Калифата, и поддерживалъ Селдкужа; Ценги принялъ сторону Масуда и утвердилъ его Султаномъ. Съ тѣхъ поръ Ценги облеченъ былъ отъ благодарнаго ему Султана огромною властію, и изъ Мосула, своей резиденціи, уничтожалъ и хитростью и силою мелкихъ Емировъ, между которыми раздѣлилась Имперія Селджукская, и соединялъ ихъ подъ своей рукою, чтобы потомъ тѣмъ вѣрнѣе уничтожить и владѣнія Христіанскія и возстановить Селджукскую Имперію въ прежнемъ ея составѣ. Планъ Ценги тѣмъ удобнѣе совершаться могъ въ это время, что въ Христіанскихъ владѣніяхъ произошли замѣшательства отъ замысловъ и предпріятій сына Алексіева Іоанна Комнена, который съ войскомъ явился въ Антіохіи утвердить власть свою надъ этимъ герцогствомъ, долженствовавшимъ, по условію между отцомъ его и Боемундомъ I, зависѣть отъ Цареградскаго престола. Между тѣмъ Ценги присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Алеппо (г. 1128), и помѣстясь между Христіанскими владѣніями: Герцогствомъ Антіохійскимъ съ одной, Графствомъ Эдесскимъ съ другой, Графствомъ Трипольскимъ съ третьей стороны, сталъ громить сіи Христіанскія государства кругомъ.

146. Въ это время Императоръ Іоаннъ завоевалъ Киликію, подступилъ къ Антіохіи и осадилъ ее (г. 1137). Король Фулко и Графъ Раймондъ Триполи, готовившіеся итти на освобожденіе Антіохіи отъ осады, не могли помочь ей: они должны были обратиться на Ценги, вторгнувшагося во владѣнія Графа Раймонда; они были разбиты и Раймондъ сдѣлался плѣнникомъ Ценги. Раймондъ Герцогъ Антіохійскій, супругъ Констанціи, долженъ былъ потому признать надъ собою верховную власть Императора Іоанна и у него искать себѣ защиты и помощи противу Ценги, распространявшаго болѣе и болѣе власть свою въ Сиріи; часть Дамасскаго Атабекства была уже въ его рукахъ, и самъ Дамаскъ, имъ осажденный, едва держался (г. 1139); наконецъ и Графство Эдесское, передовое Христіанское владѣніе и оборонительный пунктъ Іерусалимскаго Королевства со стороны Востока, сдѣлалось его добычею (г. 1144). Король Фулко умеръ въ то же самое время, и

малолѣтній сынъ его, Балдуинъ III, и Королева Мелузина, мать молодаго Короля и Правительница царства, были въ трепетѣ за Іерусалимъ, котораго паденія съ минуты на минуту ожидать надлежало. Опасность не миновала, а только отсрочилась внезапною кончиною Ценги (г. 1145), погибшаго отъ руки убійцы среди своихъ побѣдъ. Сынъ его, Нуреддинъ, воротилъ и Эдессу, захваченную временно Христіанами послѣ смерти Ценги, воротилъ и всѣ завоеванія отца и сталъ для Христіанъ Іерусалимскихъ еще грознѣе. Только изъ Европы должно было ожидать спасенія: туда обращался съ призывными мольбами еще Король Фулко, туда, и особенно во Францію, Балдуинъ III и Бароны Іерусалимскіе слали грамматы, умоляя Европейскихъ братій о помощи, и изъявляя твердую надежду на ихъ мужественное участіе.

ГЛАВА XIV.

Крестовые походы.

Вторая часть перваго отдѣленія періода Крестовыхъ походовъ; впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Эдессы; походъ Лудовика VII и Конрада III; Нуреддинъ и Саладдинъ; соединеніе Египта и Сиріи; взятіе Іерусалима Саладдиномъ; сильное впечатлѣніе въ Европѣ, начинавшей охладѣвать къ предпріятіямъ; походы Императора Фридриха I, Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце; Христіанскій станъ подъ Птолемаидою; взятіе ея; возвратъ Ричарда въ Европу; состояніе Саладдиновыхъ владѣній по его смерти.

---

147. II. Отъ 1147 — 1192. Страхъ и трепетъ распространились по христіанскимъ землямъ и мрачное предчувствіе, что въ Эдессѣ потерянъ и святый городъ, наполняло души. Европа была потрясена грозной вѣстію, и тогда призывный голосъ Папы Евгенія III, и вдохновенныя увѣщанія Св. Бернарда, ополчили Короля Французскаго Лудовика VII (г. 1146) и Конрада III, Короля Нѣмецкаго (г. 1147). Сей новый зовъ подъ знамя креста и сей примѣръ царственныхъ Крестоносцевъ произвелъ сильное дѣйствіе и въ другихъ земляхъ: въ Италіи, Англіи, Венгріи, всюду многочисленныя толпы обнаруживали набожную ревность и становились въ ряды съ энтузіазмомъ, напоминавшимъ первое предпріятіе. И сухимъ путемъ и моремъ двинулись ополченія и вмѣстѣ съ ними толпы пилигримовъ, съ непосредственною цѣлію удовлетворить набожной

потребности поклоненія святымъ мѣстамъ, и съ готовностію стать въ ряды воиновъ, въ случаѣ нужды. Но и сей походъ, предпринятый двумя могущественнѣйшими Монархами Западнаго Христіанства, въ сопровожденіи избраннѣйшаго рыцарства Франціи и Англіи, кончился безъ всякаго успѣха: Малая Азія и Палестина были вновь могилою для воинства Конрада и Лудовика VII; остатки погибли подъ стѣнами Дамаска и Аскалона, которыхъ осада предпринята была Европейскими Крестоносцами совокупно съ Франками Палестинскими, взаимно другъ друга ненавидѣвшими и опасавшимися успѣховъ другъ друга. Конрадъ возвратился 1148 осенью, и весною слѣдующаго года возвратился и Лудовикъ; оба Короля принесли съ собою въ Европу только прискорбіе неудачи; а положеніе Королевства Іерусалимскаго ни сколько не сдѣлалось безопаснѣе прежняго. И если Балдуинъ III восторжествовалъ надъ Египтянами взятіемъ Аскалона (г. 1153), и если покореніе сей крѣпости, противившейся не-разъ сильнымъ ополченіямъ Крестоносцевъ, произвело великое и всеобщее впечатлѣніе и возвысило надежды и Короля и его витязей на собственныя силы; если обладаніе сею крѣпостію могло считаться ключемъ ко входу въ Египетъ: то, съ другой стороны, покореніе Дамаска Нуреддиномъ (г. 1154) приближало опасность къ Іерусалиму и сдѣлало ее неизбѣжнѣе, чѣмъ прежде, въ особенности послѣ пораженія, которое сей новый непріятель нанесъ Балдуину III при Мертвомъ морѣ (г. 1157).

148. Нуреддинъ не воспользовался своимъ успѣхомъ, завлеченный къ участію во внутреннихъ смутахъ Египта, гдѣ двѣ партіи боролись при Дворѣ слабаго Калифа Адеда. Помощь, оказанная Нуреддиномъ одной изъ нихъ, побудила Короля Амори, брата и преемника Балдуинова (г. 1162), поддерживать другую; но виды Амори, воспользовавшись раздорами Египта, овладѣть сею страною, изъ которой опасности безпрерывныя угрожали Іерусалиму, и безъ обладанія которою бытіе Іерусалимскаго Королевства не могло почесться прочнымъ, сблизили вдругъ Нуреддина и Адеда противу непріятеля общаго. Сіи событія были рѣшительны для судьбы Іерусалимскаго Королевства. Саладдинъ, предводитель вспомогательнаго Нуреддинова войска, низложилъ слабаго Адеда, послѣдняго Калифа Египетскаго (г. 1171), и слѣлался правителемъ Египта, отъ имени Нуреддина. Вскорѣ по смерти сего послѣдняго (г. 1173), при малолѣтствѣ его сына, при смутахъ, возникшихъ въ его го-

сударствѣ, Саладдинъ не только сдѣлался независимымъ владыкою Египта, но подвергъ своей власти и Сирію. Малолѣтній и больной Балдуинъ IV, сынъ и преемникъ Амори, видѣлъ такимъ образомъ свое Королевство обхваченнымъ отовсюду владѣніями врага сильнаго и опаснаго. Саладдинъ не торопился нанести ударъ послѣдній христіанскимъ владѣніямъ въ Сиріи: ему нужно было упрочить власть свою надъ магометанскими владѣніями, составлявшими Атабекство Нуреддиново. Онъ далъ уже почувствовать тяжесть своей руки Христіанамъ въ битвѣ Панеадской у истоковъ р. Іордана (г. 1179); но, занятый другими заботами и преслѣдуя другія цѣли, даровалъ имъ перемиріе, въ увѣренности, что Іерусалимское Королевство не уйдетъ изъ его рукъ и тогда, когда его планы на счетъ Сирійскихъ магометанскихъ владѣній приведены будутъ въ исполненіе.

149. Между тѣмъ при сихъ опасностяхъ извнѣ и внутри гибло Королевство Іерусалимское. Балдуинъ IV ослѣпъ вслѣдствіе своей болѣзни; онъ отдалъ управленіе царствомъ сестрѣ своей, Сивиллѣ, и второму ея супругу, Гвидо Лузиньяну, рыцарю, который, кромѣ красоты наружной, не имѣлъ никакихъ достоинствъ ни правителя, ни воеводы, но который поддерживаемъ былъ Орденомъ Тампліеровъ. Бароны Іерусалима, недовольные его возвышеніемъ, настояли у Короля, чтобы онъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ племянника своего, семилѣтняго Балдуина (V), сына Сивиллы отъ перваго ея брака съ Маркграфомъ Вильгельмомъ Монферратскимъ, и чтобъ ввѣрилъ управленіе государствомъ Раймунду (II), Графу Триполи, на время малолѣтства своего племянника. Балдуинъ IV сдѣлалъ по ихъ настоянію и скончался вскорѣ (г. 1185); вслѣдъ за нимъ скончался и Балдуинъ V (1186); и когда Раймудъ соглашалъ Бароновъ утвердить за нимъ престолъ его питомца, и когда рыцари Ордена Іоанна Іерусалимскаго готовы были его поддерживать, Сивилла и Гвидо Лузиньянъ, при помощи Тампліеровъ, овладѣли престоломъ, и Сивилла уступила власть свою своему супругу. Такимъ образомъ Гвидо Лузиньянъ сдѣлался Королемъ Іерусалима (г. 1186), и завязался погибельный споръ между имъ и Раймундомъ. Въ то же время Рено-де-Шатильонъ, ревностный приверженецъ Гвидо, владѣтель Крака (Петры), напалъ на караванъ Египетскихъ пилигримовъ, проходившихъ мимо его замка въ Мекку, и въ семъ караванѣ была мать Саладдинова. Такъ вѣроломно было нарушено перемиріе съ Султаномъ Египетскимъ, перемиріе, которое только

одно и могло еще продлить бытіе Іерусалимскаго Королевства. Саладдинъ, котораго планы касательно Сиріи были между тѣмъ уже выполнены, имѣлъ теперь законное право мстить Христіанамъ. Напрасно враги: Раймундъ, и Гвидо и ихъ партіи примирились; напрасно эти партіи, и враждебные Ордены, Іерусалимскій и Тампліеровъ, стали дружно въ ряды противу общаго непріятеля: битва при Тиверіадѣ (г. 1187) рѣшила судьбу и Царя и царства. Гвидо со множествомъ рыцарей, сдѣлался плѣнникомъ Саладдина; города Іерусалимскаго Королевства падали одинъ за другимъ во власть побѣдителя, и вслѣдъ за ними палъ передъ Саладдиномъ Іерусалимъ (Окт. 1187). Вскорѣ изъ всѣхъ завоеваній христіанскихъ остались въ ихъ власти только три города: Антіохія, Триполи и Тиръ. Гвидо получилъ свободу отъ великодушнаго побѣдителя съ обязанностію не поднимать противу него оружія, не домогаться возвращенія въ свою власть Іерусалима.

150. Въ теченіе 40 лѣтъ, прошедшихъ отъ похода Конрада III и Лудовика VII до взятія Іерусалима Саладдиномъ, если и не совсѣмъ было забыто, то по крайней мѣрѣ пренебрежено было Королевство Іерусалимское Европейскими Христіанами; уже черезъ полвѣка послѣ начала предпріятій крестоносныхъ стало дѣлаться замѣтнымъ охлажденіе къ нимъ! Черезъ полвѣка уже иначе думали Европейцы объ этихъ предпріятіяхъ, иначе на нихъ смотрѣли! Еще совершались отъ времени до времени явленія, напоминавшія былой энтузіазмъ: толпы пилигримовъ еще являлись отъ времени до времени для богомолья и для битвъ — но это были предпріятія частныя, набожные обѣты; остальное общество занималось своими суетами и почти не замѣчало отбытія нѣкоторыхъ братій въ Палестину. Расчеты корыстолюбія, замѣняя нѣкоторымъ образомъ ослабленіе вдохновенія, больше служили въ пользу Королевству Іерусалимскому. Венеціяне, изъ любви къ торговлѣ и прибытку, приняли на себя охраненіе береговъ Палестинскихъ, и тѣмъ самымъ оказывали существенную услугу и дѣятельную помощь Христіанамъ Сирійскимъ Между тѣмъ прочая Европа молчала, хотя не меньшія прежнихъ опасности окружали Іерусалимское Королевство и послѣ 1148 года. Нуреддинъ былъ не менѣе опасный врагъ, какъ и отецъ его, Ценги, а Саладдинъ съ 1173, со смерти Нуреддина, страшнѣе ихъ обоихъ. Слѣдственно и во второй половинѣ XII вѣка внѣшнія побужденія были тѣ же, какъ и въ первой, и между тѣмъ Европа молчала: явный признакъ, что

побужденія внутреннія утратили свою прежнюю силу. Взятіе Іерусалима Саладдиномъ возбудило Европу снова; и прежній энтузіазмъ проявился еще разъ, но уже въ послѣдній разъ, въ прежней силѣ.

151. И нужно было *подобное* событіе, чтобы снова потрясти умы и души Западнаго Христіанства. Вѣсть объ ономъ, достигнувъ Европы, возбудила всюду вопль ужаса и скорби, и Вильгельмъ, Архіепископъ Тирскій, бывшій воспитатель Короля Балдуина IV, и Канцлеръ Іерусалимскаго Королевства, достопамятный историкъ Крестовыхъ походовъ, прибылъ въ Европу ходатаемъ за Палестинскихъ братій (г. 1187). Папа Григорій VIII, а по скорой кончинѣ его (г. 1187), Климентъ III, не упустили ничего для возбужденія Европейцевъ ополчиться вновь и воротить Святую Землю. Множество витязей и народа изъ южныхъ земель Франціи и Германіи, и изъ Италіи, принявъ благословеніе Папы, спѣшили (моремъ) спасать, что́ еще оставалось во власти Христіанской, и Король Гвидо, не смотря на договоръ свой съ Саладдиномъ, разрѣшенный отъ своей клятвы духовенствомъ, сдѣлался предводителемъ исполненной рвенія толпы, и началъ осаду Птолемаиды. Но что́ могли сдѣлать эти толпы противу такого врага, каковъ былъ Саладдинъ? Для борьбы съ нимъ, необходимо было возбудить гораздо бо́льшія силы. Давнія распри, въ которыхъ Римскій Первосвященникъ находился съ Императоромъ Фридрихомъ I, побудили его обратиться къ Королямъ Англіи и Франціи, Генриху II и Филиппу Августу, и оба Государя, повидимому съ готовностію и ревностію рѣшились на походъ, и приняли крестъ изъ рукъ Вильгельма Тирскаго, и народы ихъ безропотно приносили свою десятину (Саладдинова десятина) для издержекъ предпріятія. Но между тѣмъ Филиппъ и Генрихъ продолжали свою прежнюю вражду, и Саладдинова десятина шла на издержки войны, но не противъ Саладдина. Только по кончинѣ Генриха II (г. 1189), когда сынъ его, Ричардъ Львиное Сердце, вступилъ на престолъ Англіи, приступлено было къ выполненію предпринятаго намѣренія.

152. А между тѣмъ Императоръ Фридрихъ стоялъ въ это время уже на концѣ своего жизненнаго поприща, съ обманутыми надеждами на утвержденіе своего императорскаго полновластія въ Германіи и Италіи, съ обширною и глубокою опытностію 67-ми лѣтняго старца, но и вмѣстѣ съ пылкимъ юношескимъ духомъ, который не ослабѣлъ и въ превратностяхъ многотрудной и многообразной его прежней дѣятельности, и царственной и воинственной. Фридрихъ I

зналъ, что такое походъ въ Палестину; за 40 лѣтъ предъ тѣмъ онъ сопровождалъ дядю своего Конрада III, и видѣлъ и дѣлилъ съ своими сподвижниками жестокія бѣдствія, постигшія тогда крестоносныя воинства. Потрясенный, подобно другимъ, вѣстію о паденіи Іерусалима, Фридрихъ могъ лучше, чѣмъ другіе, постигать неизбѣжность такого событія, могъ больше, чѣмъ другіе остаться равнодушнымъ къ призывнымъ мольбамъ Палестинскихъ братій, зная, что помощь, имъ оказанная, была бы только временная помощь. Но Фридрихъ негодовалъ, смотря, какъ молодые Государи Французскій и Англійскій, подъ предлогомъ ополченія за Іерусалимъ, употребляютъ и войска и деньги на свои распри; Фридрихъ рѣшился послѣднюю свою дѣятельность посвятить на служеніе высшее: принялъ крестъ на сеймѣ въ Майнцѣ (весною 1188), и вскорѣ подъ знаменемъ Императора стояло 100,000 войска, и среди онаго виднѣлись многочисленные Князья и рыцари и Прелаты изъ всѣхъ концевъ Германіи: всѣ съ набожнымъ довѣріемъ стеклись около своего престарѣлаго героя-Императора и радостно пошли за нимъ въ путь славы и спасенія.

153. Сіе воинство можно было назвать ополченіемъ избраннымъ. Не всякій съ простымъ безотчетнымъ желаніемъ итти въ Палестину допускаемъ былъ въ составъ его, а только люди, искусные владѣть оружіемъ и предъявлявшіе по крайней мѣрѣ 3 марки серебра для первыхъ издержекъ похода. И никогда еще не выступало въ походъ крестоносное ополченіе въ подобномъ устройствѣ; никогда еще не было придумано и употреблено столько средствъ къ обезпеченію успѣха, какъ въ это время. Фридрихъ I вошелъ въ сношенія, прежде похода, съ владыками тѣхъ странъ, черезъ которыя онъ долженъ былъ вести свое воинство: съ Белою III, Королемъ Венгріи, съ Императоромъ Греческимъ Исаакомъ-Ангеломъ, и даже съ Килиджъ-Арсланомъ II, Султаномъ Иконіи; и въ то же время приморскіе города Италіи получили повелѣніе снарядить перевозныя суда и доставить въ Азію продовольствіе для войска на три года. Изъ Регенсбурга двинулось (Май 1189) въ порядкѣ воинство, и тотъ же порядокъ и та же подчиненность сохранялись ненарушимо во время всего похода. Безпрепятственно и бодро дошли полки, черезъ Венгрію, до границъ Греческой Имперіи. Малодушное вѣроломство Императора Исаака, который, не довѣряя безкорыстію намѣреній Фридриха I, предполагалъ въ немъ враждебные противу себя замыслы, задержали Фридриха въ Греціи.

Союзъ съ Саладдиномъ, поспѣшное укрѣпленіе городовъ, лежавшихъ на пути Крестоносцевъ, и другія мелкія и коварныя препятствія, которыя Исаакъ противопоставлялъ Фридриху, могли бы въ самомъ дѣлѣ стоить дорого Императору Греческому. Но, презирая ихъ, Фридрихъ шелъ неуклонно къ своей цѣли, какъ исполинъ, съ спокойствіемъ силы, низпровергая силою то, что ему препятствовало на пути. Съ тѣмъ же спокойнымъ величіемъ переправился онъ въ Азію (Мартъ 1190) и дошелъ до Киликіи. Здѣсь положенъ былъ предѣлъ Фридриху: онъ утонулъ въ рѣкѣ Салефѣ (Каликаднѣ, Іюнь 1190), и ополченіе, которое, повидимому предназначено было произвести великія перемѣны въ судьбѣ Христіанскихъ земель Сиріи, потерявъ такъ неожиданно своего Царя и вождя, потеряло душу, разсѣялось, истребилось и ничтожные остатки его присоединились къ дружинамъ, подъ начальствомъ развѣнчаннаго Короля Гвидо, осаждавшимъ Птолемаиду (Авг. 1189).

154. Въ то время, когда воинство Германское шло стройно и бодро къ побѣдѣ, какъ оно думало, — къ погибели, какъ оказали событія, новый Король Англіи, Ричардъ Львиное Сердце, левъ мужествомъ, ставившій славу рыцаря выше и своего королевскаго достоинства, порывался на поприще знаменитое, и спѣшилъ заключить миръ съ своимъ хитрымъ соперникомъ для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ополчиться на избавленіе Іерусалима. Оба Короля отправились (Іюнь 1190) моремъ: Филиппъ изъ Генуи, Ричардъ изъ Марселя. Мессина назначена мѣстомъ соединенія обоихъ воинствъ. Но возникшія здѣсь новыя недоразумѣнія и распри между обоими Королями, остановили ихъ отбытіе, между тѣмъ, какъ многіе изъ рыцарей, ихъ сопутниковъ, уже отправились на Сирійскій берегъ и стали подъ знамена Лузиньяна подъ Птолемаидою, куда вскорѣ прибыло ополченіе (до 10,000) Датчанъ и Фрисландцевъ, совершившихъ путь до береговъ Сиріи моремъ. Осада Птолемаиды, продолжительная и упорная, долго оставалась безплодна. Мужественно сопротивлялся и Мусульманскій гарнизонъ сей важной крѣпости; дѣятельно и искусно и Саладдинъ подкрѣплялъ осажденныхъ своими нападеніями на станъ Христіанскій. Въ этомъ станѣ многочисленномъ заключалось тогда, можно сказать, Королевство Іерусалимское; но этотъ станъ, отъ котораго должна была зависѣть будущая судьба Христіанскаго владычества въ Сиріи, самъ раздѣленъ былъ на двѣ враждебныя партіи: одна на сторонѣ Гвидо, другая Конрада Монферратскаго, имѣвшаго въ

супружествѣ Изабеллу, меньшую (не родную) сестру Сивиллы, супруги Лузиньяновой. Права сего послѣдняго на титулъ Іерусалимскаго Короля, казалось, кончились смертію Сивиллы во время осады Птолемаиды, и многіе въ станѣ христіанскомъ признавали Конрада въ бо́льшемъ правѣ на престолъ Іерусалимскій, нежели Гвидо.

155. Въ такомъ положеніи были дѣла подъ Птолемаидою, когда прибыли наконецъ, одинъ за другимъ, оба Короля (г. 1191). Филиппъ Августъ, прибывшій прежде, принялъ сторону Конрада, и уже этой одной причины достаточно было для Ричарда, чтобы поддерживать права Гвидо. И хотя Конрадъ вскорѣ оставилъ станъ Птолемаидскій и отправился въ Тиръ, котораго онъ признанъ былъ Графомъ; и хотя отбытіе его, а потомъ и скорая его кончина (Іюль 1191) укрѣпили, повидимому, права Гвидо на титулъ, имъ носимый, и должны были, казалось, соединить и обоихъ Королей; но не могло быть дружбы и единодушія между опрометчивымъ и заносчивымъ удальствомъ Ричарда и хитрымъ хладнокровіемъ Филиппа Августа. Въ дѣлѣ, гдѣ личное мужество и вдохновенная отвага требовались, Филиппъ не могъ выдержать боя съ своимъ соперникомъ: Ричардъ затмилъ его совершенно блескомъ дѣлъ своихъ и въ глазахъ союзниковъ и въ глазахъ враговъ, особенно по взятіи Птолемаиды (Іюль 1191), что было преимущественно дѣломъ Ричарда. Филиппъ чувствовалъ свое уничиженіе и поспѣшилъ воспользоваться своею болѣзнію, чтобы воротиться (Іюль 1191) въ Европу, давъ клятву, требованную Королемъ Англіи, что въ продолженіе его отсутствія Филиппъ не будетъ нападать на его владѣнія. Филиппъ оставилъ въ распоряженіе своего союзника часть своего войска (10,000), подъ начальствомъ Герцога Бургундскаго. Такимъ образомъ Ричарду развязаны были руки; но онъ неспособенъ былъ сдѣлаться главою и вождемъ союза: онъ вовсе не обладалъ искусствомъ беречь самолюбіе и страсти людскія; онъ слишкомъ кичился своею блестящею храбростію, слишкомъ оскорбительнымъ для самолюбія другихъ образомъ давалъ чувствовать свое превосходство надъ ними, и, въ порывахъ своего яраго гнѣва, не щадилъ никого и ничего. По симъ причинамъ не одинъ Филиппъ Августъ не ужился съ Ричардомъ, еще прежде его оставилъ крестоносный станъ Леопольдъ, Герцогъ Австрійскій, почти со всѣми Германскими рыцарями, оскорбленный поруганіемъ его знамени, которое Леопольдъ, первый съ своими воинами вступя въ покоренную Птолемаиду, водрузилъ на стѣнахъ

ея; многіе Италіянскіе Крестоносцы послѣдовали сему примѣру и также воротились въ Европу.

156. Воинство христіанское сдѣлалось малочисленнѣе, но въ замѣнъ того единодушнѣе. Ричардъ сталъ болѣе неоспоримымъ, настоящимъ вождемъ и главою оставшагося ополченія, котораго главнѣйшую часть составляли теперь его подданные, и тогда онъ явилъ болѣе обдуманности въ дѣйствіяхъ своихъ, нежели сколько отъ его бурнаго удальства ожидать можно было. Онъ не ринулся на Іерусалимъ, какъ того требовали многіе въ станѣ христіанскомъ, а желалъ напередъ положить фундаментъ широкій и прочный своему завоеванію покореніемъ береговыхъ городовъ. Но этотъ планъ проникнутъ былъ его противникомъ, Саладдиномъ, который оспоривалъ каждый шагъ у Ричарда такъ заботливо, такъ предусмотрительно, что будто отъ каждаго шага зависѣла судьба Сиріи и Палестины. Вообще борьба Ричарда и Саладдина (отъ Іюля 1191 по Сент. 1192) представляетъ блистательнѣйшій эпизодъ въ Исторіи Крестовыхъ походовъ. Вымыслъ обвился вокругъ ихъ славныхъ подвиговъ, и перенесъ повѣсть объ нихъ изъ области Исторіи въ область Поэзіи. Саладдинъ и Ричардъ, родные по генію, влекомы были безпрерывно другъ къ другу чувствомъ взаимнаго уваженія, взаимнаго сознанія благородныхъ рыцарскихъ свойствъ и мужества и смѣлости другъ въ другѣ, и безпрерывно отторгаемы были одинъ отъ другаго и религіозною и политическою враждою. На Саладдинъ беретъ верхъ надъ своимъ соперникомъ! Ричарду не доставало той умѣренности въ успѣхѣ, того великодушнаго снисхожденія къ побѣжденнымъ, того царственнаго и величаваго благоразумія, которыя въ ряду высокихъ качествъ Саладдина занимаютъ блестящее мѣсто. Правда и то, что Саладдинъ состязался съ своимъ противникомъ на *своей* землѣ, среди *своихъ* средствъ, между тѣмъ какъ Ричардъ въ себѣ самомъ, и въ себѣ только одномъ, долженъ былъ находить средства къ своей борьбѣ. И онъ утомился этой борьбою! Болѣзнь, слѣдствіе и климата и трудовъ; огорченія, которыя встрѣчалъ Ричардъ въ противорѣчіи своимъ планамъ и видамъ со стороны подчиненныхъ вождей, особенно со стороны Герцога Бургундскаго, который, послѣ многихъ распрей, отдѣлилъ наконецъ совершенно Французскія войска отъ всякаго участія въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Ричарда, и рѣшился возвратиться въ Европу; вѣсти изъ Европы, что Король Франціи нарушилъ данную клятву и тревожитъ нападеніями своими Француз-

скія владѣнія Ричарда; что въ самой Англіи опасные замыслы брата его (Іоанна Безземельнаго) и двумысленныя его сношенія съ Французскимъ Королемъ, готовятъ перемѣну неблагопріятную: все сіе вмѣстѣ привело Ричарда въ необходимость вступить въ переговоры съ своимъ противникомъ и спѣшить своимъ возвращеніемъ въ Европу. Перемиріе было заключено на три года. Полоса по берегу отъ Яффы до Птолемаиды; невозбранное (Саладдинъ, исполненный духа вѣротерпимости, съ охотою принялъ и утвердилъ это условіе) посѣщеніе пилигримами святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ и безобидное пребываніе тамъ,—вотъ что было единственнымъ плодомъ подвиговъ Ричарда. Уступая настояніямъ бо́льшей части своихъ подчиненныхъ вождей (особенно Французовъ, когда еще Герцогъ Бургундскій находился въ станѣ крестоносномъ), Ричардъ призналъ Королемъ Іерусалимскимъ Генриха Графа Шампани, вступившаго въ супружество съ Изабеллою, вдовою Конрада Монферратскаго, и уже объявленнаго владѣтельнымъ Графомъ Тира; а Гвидо Лузиньяну отдалъ въ вознагражденіе, съ титломъ Королевства, островъ Кипръ, завоеванный Ричардомъ еще во время плаванія его отъ Сициліи къ берегамъ Палестины. Такимъ образомъ Ричардъ Львиное Сердце отплылъ въ Европу, на встрѣчу новымъ приключеніямъ, вовсе не видавъ Іерусалима (Октяб. 1192). Вскорѣ послѣ того (Мартъ 1193) скончался Саладдинъ, и вскорѣ послѣ его кончины, вслѣдствіе безпорядковъ и междоусобій, раздробилось его государство; 8 или 9 независимыхъ владѣній составились изъ его монархіи, и Іерусалимъ достался на часть Малекъ-Аделю (Сафадину), брату Саладдинову, сдѣлавшемуся владѣтелемъ Дамаска и Месопотаміи.

ГЛАВА XV.

Крестовые походы.

Второе отдѣленіе періода Крестовыхъ походовъ; различіе въ характерѣ предпріятій по различію внутреннихъ побужденій; уклоненія Крестоносцевъ отъ цѣли, съ которою они выступали въ походъ; завоеваніе Крестоносцами Константинополя и временное существованіе Латинской Имперіи; невольный походъ Императора Фридриха II и возвращеніе имъ Іерусалима по договору съ Султаномъ Египетскимъ; состояніе Іерусалима и Христіанскихъ владѣній по отбытіи Фридриха II; Христіане Палестинскіе и Крестоносцы принимаютъ участіе въ распряхъ владѣтелей Египта и Сиріи и вновь теряютъ Іерусалимъ; обратное временное завоеваніе Іерусалима Ричардомъ Корнваллійскимъ.

---

157. Король Ричардъ есть, можно сказать, послѣдній представитель энтузіазма, съ которымъ предпринимались Крестовые походы. Отселѣ они замѣтно становятся болѣе предметомъ политическихъ расчетовъ со стороны или Папъ, желавшихъ удалить изъ Европы того или другаго Государя, опаснаго для нихъ своими замыслами; или расчетомъ самихъ правительствъ, иногда употреблявшихъ крестоносныя ополченія не по назначенію, для котораго они составлялись; съ сихъ поръ незамѣтно уже въ прежней степени тѣхъ первоначальныхъ могущественныхъ побужденій внутреннихъ, которыми прежде столь огромныя массы народа приводимы были въ движеніе, и Папамъ стоило уже большихъ усилій возбуждать новыя ополченія. Папа Целестинъ III, считая распри, возникшія

въ потомствѣ Саладдиновомъ, благопріятнымъ обстоятельствомъ къ возвращенію Іерусалима, не щадилъ увѣщаній Королямъ Англіи и Франціи, чтобы обратить ихъ на прежній путь; но Ричардъ и Филиппъ Августъ такъ погружены были въ свои собственныя распри и такъ охладѣли къ далекому предпріятію, что увѣщанія Папскія не имѣли надъ ними никакого дѣйствія. Въ замѣнъ того, Императоръ Генрихъ VI объявилъ свое намѣреніе отправиться въ Палестину, и въ Германіи составилось ополченіе, которому Императоръ назначилъ сборнымъ мѣстомъ Италію. Но вскорѣ оказались настоящія намѣренія Генриха. Онъ желалъ употребить крестоносное ополченіе для укрѣпленія себя въ обладаніи Неаполемъ и Сициліею, на которыя онъ утверждалъ свои права по супружеству своему съ Констанціею, послѣднею прямою отраслью династіи Норманно-Неаполитанской. Многіе изъ ополчившихся Вассаловъ Германіи скоро увидѣли настоящую цѣль коварнаго Генриха, оставили Италію и отправились разными отдѣленіями на берега Палестинскіе (г. 1196). Архіепископъ Майнцскій, Конрадъ, былъ главою сего ополченія. Такъ называемый Іерусалимскій Король Генрихъ, Графъ Тира, болѣе затрудненъ, чѣмъ обрадованъ былъ прибытіемъ Крестоносцевъ. Онъ не желалъ прерывать перемирія, заключеннаго Ричардомъ и еще хранимаго потомками Саладдина, находя въ немъ для себя лучшее обезпеченіе, нежели въ безплодномъ и переходящемъ героизмѣ Европейскихъ братій; они не хотѣли признавать сего перемирія, въ заключеніи коего не участвовали. Начались попрежнему бои съ невѣрными; потеря Яффы, взятой Малекъ-Аделемъ; кончина Короля Генриха (г. 1197) и споры, возникшіе вслѣдствіе сего о томъ, кому долженъ принадлежать титулъ Короля Іерусалимскаго; кончина двухъ сильнѣйшихъ вождей ополченія, Герцоговъ Саксонскаго и Австрійскаго; вѣроломство Франковъ Сирійскихъ, сносившихся съ Малекъ-Аделемъ; наконецъ, вѣсть изъ Европы о смерти Императора Генриха и, слѣдственно, безнадежность подкрѣпленія,—рѣшили остатокъ крестоноснаго ополченія безъ успѣха воротиться въ Европу (г. 1198).

158. Но въ семъ же самомъ году вступилъ на святительскій престолъ Иннокентій III. Сей замѣчательнѣйшій изъ преемниковъ Григорія VII, доведшій Папскую власть до высшей степени ея могущества, былъ въ состояніи снова возбудить энтузіазмъ, столь видимо остывавшій, и тѣмъ удобнѣе, что и орудіе для его возбужденія было готово: это былъ Фулко, священникъ мѣстечка Нейльи

(близъ Парижа), уже по собственному побужденію странствовавшій по Франціи и ревностно проповѣдывавшій противу пороковъ вѣка, и ревностно напоминавшій людямъ о забвеніи ими Христіанскихъ обязанностей. Фулко уже пріобрѣлъ славу святаго мужа, и ему-то повелѣлъ Папа Иннокентій проповѣдывать крестъ. Фулко явился на блистательномъ турнирѣ, который давалъ Тибо, братъ Генриха, бывшаго Короля Іерусалимскаго, въ замкѣ своемъ въ Шампани (близъ Ретеля). Витязи, бывшіе на турнирѣ, приняли крестъ, и движеніе изъ Шампани сообщилось и другимъ частямъ Франціи, и снова составилось ополченіе, въ которомъ Балдуинъ, Графъ Фландрскій (праправнукъ Гетруды, сестры Роберта Фландрскаго, бывшаго въ первомъ походѣ), и Бонифацій Монферратскій (братъ Конрада Тирскаго, соперника Лузиньянова по титулу Іерусалимскаго Короля) были сильнѣйшими и знатнѣйшими вождями (г. 1200). Рѣшено было отправиться моремъ; сей путь и потому уже одному былъ необходимъ, что это ополченіе и по не весьма большому числу своему не могло надѣяться проложить себѣ безопасную дорогу по сухому пути. Сборнымъ мѣстомъ назначена была Венеція, уже славная на моряхъ держава въ это время. Съ правительствомъ Венеціянскимъ вожди крестоносные вступили въ предварительныя сношенія еще прежде, чѣмъ двинулись въ походъ. Венеціяне не только взялись доставить и корабли для переѣзда и средства для продовольствія ополченію крестоносному, но рѣшились и сами участвовать въ походѣ. Участіе Венеціи было не слѣдствіемъ энтузіазма безкорыстнаго, а слѣдствіемъ весьма корыстнаго расчета, отъ котораго и все предпріятіе получило, такъ сказать, земной характеръ, и вовсе не на тотъ предметъ было направлено, для котораго составилось ополченіе. Крестоносное воинство не въ состояніи было заплатить тѣхъ суммъ, которыя оно заплатить на себя приняло. Венеціяне нашли средство помочь этому недостатку: они предложили Крестоносцамъ выплатить обѣщанное своимъ оружіемъ, и покорить снова Венеціи городъ Зару, отпавшій отъ ея власти и вступившій подъ покровительство Венгріи. Предложеніе было принято съ охотою. Но Папа Иннокентій строго запретилъ употреблять противу Христіанъ то оружіе, которое во имя Христа Спасителя должно было быть употребляемо только противу невѣрныхъ; и тогда вожди ополченія пришли въ странное и затруднительное положеніе: съ одной стороны, обѣтъ, съ которымъ они выступили, съ другой, обязанности, которыя они

приняли на себя относительно Венеціи, и между симъ обѣтомъ и сими обязанностями, повелѣніе Папы, и страхъ гнѣва Первосвященника. Надобно было глубоко чѣмъ нибудь подѣйствовать на духъ воинства, чтобы оно не поколебалось на службѣ Венеціи. Посему-то, можетъ быть, престарѣлый герой, Дожъ Генрихъ Дандоло, девяностолѣтній старецъ и почти уже лишенный зрѣнія, но все еще исполненный мужества, силы и крѣпости, считалъ полезнымъ самъ украситься знаменіемъ креста, чтобы подъ симъ знаменіемъ не бояться Папскихъ повелѣній, ни его гнѣва.

159. Въ самомъ дѣлѣ и Дожъ и съ нимъ вмѣстѣ воинство, безъ страха внимало громамъ Рима, и флотъ почти изъ 500 судовъ, съ 40,000 войска пошелъ изъ Венеціи къ Зарѣ (г. 1202). Зара была, послѣ упорнаго сопротивленія, взята, и въ то время, какъ Венеціяне и Крестоносцы отдыхали въ новопокоренномъ городѣ, ожидая весны для отплытія къ берегамъ Палестины, прибыли въ Зару послы Филиппа Швабскаго, Короля Германіи, и съ ними Греческій Царевичъ Алексій, сынъ Императора Исаака Ангела, сверженнаго и ослѣпленнаго братомъ своимъ (г. 1195). Предметъ сего посольства былъ тотъ, чтобъ просить у Венеціянъ и Крестоносцевъ для сверженнаго Императора помощи, которой Филиппъ Швабскій не могъ дать своему тестю, будучи еще и самъ не твердъ на престолѣ Германіи. Царевичъ Алексій щедръ былъ на обѣщанія, а Венеціяне видѣли передъ собою отъ сего участія въ дѣлахъ Константинополя необъятныя торговыя выгоды. Венеціяне, руководившіе теперь крестоноснымъ предпріятіемъ, уклонивъ уже разъ ополченіе Крестоносцевъ отъ настоящаго назначенія, легко рѣшились уклонить его и въ другой разъ. Дандоло исходатайствовалъ у Папы разрѣшеніе Крестоносцамъ вступиться въ дѣла Греціи, и Папа далъ это разрѣшеніе, обнадеженный щедрымъ на обѣщанія Царевичемъ Алексіемъ, что Церковь Восточная признаетъ Римскаго Первосвятителя и своимъ главою. Флотъ изъ Зары пустился къ Константинополю. Побѣдителями, среди пожара и разоренія, вступили Венеціяне и Крестоносцы въ городъ; похититель Алексій III сверженъ былъ съ престола (Іюль 1203), и Исаакъ получилъ обратно свою корону, объявя тотчасъ своего сына соцарственникомъ. Но вскорѣ открылось, что Исаакъ и сынъ его отчасти не хотѣли, отчасти, и еще болѣе, не могли выполнить своихъ прежнихъ, слишкомъ щедрыхъ обѣщаній. Императоръ и сынъ его пришли въ странное положеніе между своими подданными и своими

союзниками-Крестоносцами. Первые видѣли въ своемъ владыкѣ друга ненавистныхъ чужеземцевъ и боялись за свое православіе: ибо, между прочими требованіями побѣдителей, было и то, чтобъ Императоръ Греческій подчинилъ Восточную Церковь Папской власти; послѣдніе, въ чувствѣ, что въ ихъ рукахъ теперь судьба Константинополя, были настойчивы въ своихъ требованіяхъ и готовы были силою получить то, чего не получали по доброй волѣ, не принимая въ разсужденіе невозможности, въ какой находился Императоръ удовлетворить ихъ. Ни Исаакъ, ни Алексій не въ состояніи были устоять среди таковыхъ трудностей; ненавидимые своими подданными, они ненавидѣли и Крестоносцевъ и желали ихъ отплытія къ своему назначенію, и боялись ихъ отплытія, потому что чувствовали, что ихъ только присутствіе и держитъ еще Императора и сына его на шаткомъ престолѣ.

160. Отношенія, столь многосложно запутанныя и столь враждебныя, не могли имѣть другой развязки, кромѣ кровавой. Бунтъ закипѣлъ снова въ Константинополѣ. Алексѣй Мурзуфлъ, родственникъ Императора, сдѣлался главою мятежа; Исаакъ и Алексій его жертвою (Янв. 1204); но Мурзуфлъ не долго пользовался плодами своего злодѣйства. Крестоносцы, уже готовившіеся мстить и предшественнику его, бывшему своему союзнику, за вѣроломство и двуличіе, оружіемъ, тѣмъ въ бо́льшемъ считали себя на то правѣ теперь: условясь уже заранѣе въ раздѣлѣ между собою Греческой Имперіи, какъ вѣрной своей добычи, Крестоносцы повели приступъ на Константинополь; городъ былъ взятъ и разграбленъ (Апр. 1204), и на престолѣ Греческомъ возсѣлъ Балдуинъ Фландрскій, избранный своими собратіями въ Императоры. Но сему Императору, кромѣ преимуществъ титула, присуждена была только четвертая часть Имперіи; остальныя три четверти назначены были, какъ Лены, Республикѣ Венеціянской и прочимъ участникамъ завоеванія. Такимъ образомъ составились: Королевство Θессалоникское (Македонское), Княжество Ахайское, Герцогства Аѳины, Негропонтъ и Наксосъ, и — Пфалцъ-Графства Занте и Кефалонія. Всѣ сіи владѣнія, сложенныя изъ элементовъ, слишкомъ разнородныхъ, устояли недолго По паденіи Константинополя во власть Латинъ, престолъ Греческихъ Императоровъ воздвигнуть былъ Θеодоромъ Ласкарисомъ (г. 1204) въ Никеѣ, и Михаилъ Палеологъ, Императоръ Никейскій, однимъ ударомъ уничтожилъ Латинскую Имперію въ Константинополѣ (г. 1261), а вмѣстѣ съ нею уничто-

жилось бытіе и прочихъ феодальныхъ владѣній, въ предѣлахъ Греціи основавшихся. Прочнѣйшими оказались пріобрѣтенія Венеціянъ, которыя присвоили себѣ всю береговую часть Адріатическаго моря и Архипелага, большую часть Мореи и Архипелажскихъ острововъ. Многія изъ сихъ пріобрѣтеній сохранили Венеціяне до исхода XV вѣка, нѣкоторыя до средины XVII; и не смотря на соперничество Генуэзцевъ, помогавшихъ Никейскимъ Императорамъ ниспровергнуть Латинскій престолъ въ Константинополѣ, и получившихъ за сію услугу великія торговыя преимущества въ Имперіи, не смотря на сіе соперничество, Венеціяне удержали и первенство на моряхъ и въ торговлѣ за собою до-тѣхъ великихъ перемѣнъ, которыя произведены были въ торговлѣ и мореплаваніи мореходными открытіями Испанцевъ и Португальцевъ, а въ слѣдъ за ними и другихъ народовъ Западной Европы, въ исходѣ XV и въ XVI вѣкѣ.

161. Завоеваніе Латинами Константинополя казалось бы должно было облегчить и упрочить предпріятія на Іерусалимъ; но оно доказало только, и весьма разительно доказало, какъ перемѣнились въ Европѣ мысли о предпріятіяхъ за Іерусалимъ. Судьба Іерусалимскаго Королевства осталась прежняя, хотя Амори II, братъ Гвидо Лузиньяна, носилъ еще титулъ Іерусалимскаго Короля, получивъ оный (г. 1197) чрезъ супружество свое со вдовою Генриха Тирскаго, Изабеллою, и хотя Амори II не безъ мужества отстаивалъ противу Малекъ-Аделя и свой титулъ и остатокъ христіанскихъ владѣній въ Сиріи; ему-то на помощь и назначалось послѣднее крестоносное ополченіе, оставшееся въ Константинополѣ. Если бы (*) между врагами креста не возникли по смерти Саладдина распри и войны, то едва ли бы удалось Христіанамъ еще удержаться на берегу Сиріи, и особенно въ Птолемандѣ; едвали бы возможна была для нихъ эта упорная война, если бы они не имѣли въ своей власти острова Кипра, еслибы рыцарскіе Ордены не поддерживали войны, и если бы не приходило еще отъ времени до времени набожныхъ или кающихся дружинъ пилигримовъ съ Запада. Но на Западѣ потухало болѣе и болѣе рвеніе къ походамъ въ Палестину. Мысль о выгодахъ Крестоваго похода сохранялась еще долго, но она уже не устремлялась къ Гробу Господню. Почти можно

(*) Луденъ.

даже утверждать, что уже въ началѣ XIII столѣтія прежняя набожная мечтательность, которая первоначально воодушевляла Крестоносцевъ, совершенно истребилась въ духѣ человѣческомъ, и что съ сихъ поръ и тѣ, которые возбуждали къ новымъ походамъ, и тѣ, которые рѣшались на новые походы, или стремились къ достиженію земныхъ цѣлей, и употребляли крестъ только какъ средство, и Святый Гробъ только какъ предлогъ къ тому; или они, если душа ихъ еще полна была мыслію о Святомъ Гробѣ, составляли собою исключенія изъ общихъ чувствъ, изъ общаго образа мыслей. Посему-то больше и больше малозначащими дѣлаются ополченія, и сотни тысячъ еще носятъ знаменіе креста, чтобы пріобрѣсть выгоды, которыя Церковь соединяла съ симъ знаменіемъ и въ настоящей жизни и въ будущей; но Іерусалимъ былъ цѣлію наименьшаго числа. Не послужитъ доказательствомъ, чтобы прежній энтузіазмъ существовалъ еще, и этотъ странный походъ дѣтей (г. 1212). Его изъяснить можно или тѣмъ, что люди, возбудившіе сіи толпы дѣтей во Франціи къ предпріятію безразсудному, думали (слѣдуя ученію Св. Бернарда) надежнѣе достигнуть цѣли, которой страсти и пороки прежнихъ Крестоносцевъ не допускали достигнуть; или, и можетъ быть вѣроятнѣе, эти люди желали испытать: дѣйствительно ли угодно Богу, чтобы Іерусалимъ не находился во власти невѣрныхъ. Само собою разумѣется, что сіи невинныя и несчастныя жертвы фанатизма или хитрости, погибли всѣ безъ исключенія, не видавъ Палестины, и эта погибель должна была во всякомъ случаѣ оставить невыгодное для крестоносныхъ предпріятій впечатлѣніе въ умахъ, и нанести сильный ударъ вѣрованію въ святость сихъ предпріятій. Отселѣ только Папы ихъ поддерживали. Получая при какомъ нибудь благопріятномъ случаѣ отъ Государей или отъ сильныхъ Вассаловъ обѣщаніе отправиться въ походъ, они потомъ обращали сіе обѣщаніе въ святую обязанность и настаивали на ея исполненіе.

162. Такимъ образомъ съ начала XIII вѣка Крестовые походы должны уже считаться не предпріятіями народовъ, а предпріятіями Папской политики. Такъ Папа Иннокентій III взялъ обѣщаніе съ Короля Венгерскаго Белы III итти въ Палестину; обѣтъ сей остался неисполненнымъ; но тѣмъ настойчивѣе Гонорій IV, преемникъ Иннокентія, требовалъ отъ Короля Андрея исполненія родительскаго обѣта, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Походъ Короля Андрея II (г. 1217) не представляетъ ничего особеннаго

ни по своему ходу, ни по своимъ послѣдствіямъ. Это была запоздалая жертва, которую Венгры, младшія чада въ Европейскомъ семействѣ, приносили общему господствовавшему доселѣ въ Европѣ духу, необъятыя доселѣ симъ духомъ, не смотря на то, что черезъ ихъ землю проходила большая часть крестоносныхъ ополченій. Король Андрей отправился моремъ; приставъ къ острову Кипру, онъ нашелъ здѣсь Іоанна Бріеннскаго, Французскаго рыцаря, который тогда носилъ титулъ Короля Іерусалимскаго по супружеству своему съ Маріею, дочерью Изабеллы, отъ Конрада Монферратскаго. Между прибытіемъ Іоанна Бріеннскаго изъ Франціи въ Птолемаиду, гдѣ онъ вступилъ въ супружество съ Маріею, и смертію Короля Амори II (г. 1205) прошло 5 лѣтъ. Въ это время Королева Изабелла, пережившая и сего своего четвертаго мужа, управляла остаткомъ Королевства Іерусалимскаго, которое въ эти 5 лѣтъ и еще стѣснилось въ предѣлахъ своихъ, такъ, что оно тогда состояло почти только изъ Птолемаиды и Тира. Король Андрей, сопутствуемый Королемъ Іерусалимскимъ и Королемъ Кипра, Гуго, племянникомъ Лузиньяновымъ, высадился въ Птолемаидѣ.

163. Въ это время Сирія и Египетъ (съ 1200) были соединены подъ рукою Малекъ-Аделя, который отнялъ Дамаскъ у своего племянника, Алфдаля, сына Саладдинова, а Египетъ у Саладдинова внука, Алманзора, и безпокойства, господствовавшія въ обѣихъ земляхъ, какъ слѣдствіе насильствъ Малекъ-Аделя, давали Крестоносцамъ надежду на успѣхъ, къ чему первые подвиги ихъ въ самомъ дѣлѣ могли быть ручательствомъ. Но при горѣ Ѳаворѣ Крестоносцы были разбиты, и еще болѣе, чѣмъ претерпѣнное пораженіе, препятствіемъ непреоборимымъ ко всякому дальнѣйшему предпріятію было мелкое соперничество и ничтожная зависть Королей Іерусалимскаго и Кипрскаго къ Андрею. Такъ всегда, съ одной стороны, Короли Іерусалимскіе нуждались въ помощи изъ Европы и желали оной, а съ другой, всегда боялись приходившихъ къ нимъ на помощь Европейскихъ Царей и вождей крестоносныхъ ополченій, и желали начальствовать сими ополченіями и употреблять ихъ по своимъ видамъ, и не имѣли силы поставить себя на сію степень относительно къ приходившимъ Европейскимъ собратіямъ. Король Андрей, огорченный коварствами своихъ сподвижниковъ, встревоженный и вѣстями изъ Европы о безпорядкахъ въ его собственной землѣ, спѣшилъ оставить Палестину, и оставилъ ее, страну погибели (г. 1218), не смотря ни на просьбы Королей

Кипрскаго и Іерусалимскаго, которые почувствовали наконецъ, что, теряя такого союзника, они все теряютъ; не смотря ни на угрозы Патріарха Іерусалимскаго (Лотарія) отлучить его отъ Церкви. Но въ семъ же самомъ году (г. 1218) умеръ Малекъ-Адель, завѣщавъ Дамаскъ младшему своему сыну Шарфеддину, и старшему, Мелсдину, Египетъ. Король Іерусалимскій основывалъ на семъ раздѣлѣ опаснаго и сильнаго врага новые виды, и убѣдилъ Крестоносцевъ Германскихъ, сопутниковъ Андрея, оставшихся въ Палестинѣ подъ начальствомъ Графа Вильгельма Голландскаго и Леопольда Герцога Австрійскаго, предпринять походъ на Египетъ. Начало сего похода опять польстило надеждами. Дамiетта была взята (г. 1219), и Султанъ Египетскій предлагалъ миръ, предлагалъ Іерусалимъ за Дамiетту; но Крестоносцы, надменные своими успѣхами, побуждаемые особенно Кардиналомъ Пелагіемъ, который считалъ себя главою предпріятія, отвергли эти предложенія, пустились вверхъ по Нилу во внутренность Египта, въ намѣреніи покорить его; но около Каира христіанская армія едва не погибла отъ искусственнаго наводненія, произведеннаго Мелединомъ: Крестоносцы вынуждены были купить свое спасеніе отъ потопленія великими суммами денегъ и возвращеніемъ съ такимъ усиліемъ пріобрѣтенной Дамiетты (г. 1221).

164. Король Іоаннъ отправился обратно въ Европу въ надеждѣ личнымъ своимъ убѣжденіемъ ополчить снова и Государей и ихъ Вассаловъ, и обратить ихъ снова въ Палестину. Но его странствованія съ этой цѣлію по Франціи, Испаніи, Англіи и Германіи не имѣли почти никакого успѣха. Прибытіе Короля Іоанна въ Европу было однако же причиною новаго крестоноснаго предпріятія, хотя и не тѣмъ образомъ, какъ надѣялся Король Іерусалимскій. Императоръ Фридрихъ II вступилъ въ супружество съ дочерью и единственною наслѣдницею правъ Іоанна Бріеннскаго, Іолантою, и съ согласія тестя (который вскорѣ въ томъ раскаялся) принялъ титулъ Короля Іерусалимскаго. На семъ титулѣ, и въ особенности на обѣщаніи, которое далъ Фридрихъ (еще въ г. 1215) Папѣ Иннокентію III, попечителю своего дѣтства, ополчиться за Іерусалимъ и за Гробъ Господень, основалъ Папа Гонорій III настойчивое требованіе, чтобы Фридрихъ выполнилъ свой обѣтъ. Но Папа, понуждая Императора къ походу, имѣлъ въ виду вовсе не славу Вѣры и не Святую Землю, а цѣлію его при семъ было сохраненіе и укрѣпленіе власти Церкви и владычества Папскаго

престола уничтоженіемъ ненавистнаго Гогенштауфена. Съ другой стороны, для Фридриха II это предпріятіе не было потребностію сердца; его душа не тосковала по Іерусалимѣ, а развѣ только возмущалась неизвѣстностію, какое дѣйствіе произведетъ Папское проклятіе, и какія слѣдствія можетъ имѣть нарушеніе принятаго обѣта. Его цѣлію было примирить съ собою міръ, чтобы міръ не возсталъ противу его плановъ земнаго величія власти и славы. Долго медлилъ Фридрихъ исполненіемъ своего обѣта, и требовалъ, и получалъ неоднократную отстрочку отъ Папы Гонорія, который и не дожилъ до послѣдняго, по обоюдному ихъ соглашенію опредѣленнаго срока. Но когда, по смерти Гонорія (г. 1227), Григорій IX вступилъ на престолъ святительскій, то первымъ дѣломъ новаго Папы было напомнить Фридриху обѣтъ его и понуждать къ неминуемому и немедленному выполненію. Григорій IX находился въ необходимости быть въ семъ дѣлѣ сильно настойчивымъ, какъ потому, что онъ же самъ, будучи еще Кардиналомъ при Иннокентіѣ III, представилъ крестъ Императору, и былъ, слѣдственно, какъ бы поручителемъ за выполненіе принятаго имъ обѣта; такъ и еще болѣе потому, что намѣреніе Фридриха получило гласность общую, и изъ разныхъ концевъ Европы стекались толпы въ Неаполь стать подъ хоругвь знаменитаго, геніальнаго внука Барбароссы; слѣдственно неисполненіе обѣта было бы явнымъ и чувствительнымъ уничиженіемъ для Папскаго достоинства и власти, и не менѣе явнымъ униженіемъ достоинства крестоносныхъ предпріятій и, слѣдственно, тѣмъ болѣе Папа долженъ былъ настоять на его исполненіе, чѣмъ менѣе замѣчалось въ людяхъ прежняго рвенія, и чѣмъ болѣе примѣръ Императора, какъ бы издѣвающагося надъ предпріятіемъ, могъ имѣть вреднаго вліянія въ семъ отношеніи и на будущія времена.

165. Наконецъ Папа вынудилъ Фридриха отправиться. Изъ Бриндизи вышелъ онъ въ море; но вскорѣ (Сент. 1227) воротился опять, или дѣйствительно устрашенный болѣзнями, которыя открылись между его сопутниками и отъ которыхъ уже знатная часть ихъ легла въ Италіи; или потому, что, какъ укорялъ его Папа, онъ уступилъ убѣжденіямъ Меледина, Султана Египетскаго оставить походъ; или, что всего вѣроятнѣе, потому, что и все это предпріятіе не казалось ему дѣломъ особенной важности и пользы. Но тогда Папа, глубоко раздраженный, грянулъ на него проклятіемъ, наложилъ запрещеніе на всѣ его земли и разослалъ своихъ

Легатовъ по всей Европѣ, для возвѣщенія о семъ и Царямъ и духовенству и народамъ, и для объявленія Фридриха врагомъ и Вѣры и Церкви. Противопоставляя грозѣ Папской смѣлое равнодушіе; противопоставляя его Легатамъ своихъ посланниковъ, его буллamъ—свои граматы, въ которыхъ разоблачалъ Императоръ Фридрихъ честолюбивую политику гордаго Первосвященника; предписавъ мѣстнымъ властямъ въ своихъ владѣніяхъ принуждать духовныхъ къ отправленію Богослуженія не смотря на запрещеніе Папское, и не выпускать ни одного изъ нихъ изъ государства,—не могъ однако же Фридрихъ уничтожить дѣйствія, произведеннаго запрещеніемъ, наложеннымъ на его земли. Пораженный симъ могуществомъ Церкви, оставшись одинъ передъ непреклоннымъ старцемъ, нехотѣвшимъ и слышать его оправданій, Фридрихъ не видѣлъ другаго способа примирить съ собою міръ, противу него возставшій, какъ дѣйствительно предпринять походъ, для котораго собралъ онъ ополченіе въ своихъ Италіянскихъ владѣніяхъ и къ которому средства заимствовалъ изъ своей казны. Но сила его собственной души не могла уже теперь расторгнуть узъ, въ которыхъ держалъ его непримиримый Папа. Отягченный проклятіемъ, выступилъ онъ въ походъ (Сент. 1228); новыя проклятія загремѣли въ слѣдъ ему. И какъ въ Европѣ испытывалъ Папа всѣ способы, чтобы остановить всякое участіе въ предпріятіи сего отверженнаго Церковію Государя, такъ же точно употреблялъ онъ въ Азіи у духовныхъ и у мірянъ всѣ средства и силы и хитрости, чтобы уничтожить всякій успѣхъ предпріятія. Папа послалъ двухъ Францисканскихъ монаховъ въ Палестину, чтобы запретить Патріарху, рыцарскимъ Орденамъ, однимъ словомъ всѣмъ Христіанамъ въ Сиріи и Палестинѣ повиноваться повелѣніямъ Императора. И Фридрихъ былъ робко и коварно покинутъ своими сподвижниками; только рыцари Тевтоническіе и Гроссмейстеръ ихъ, прямодушный и твердый Германъ Залца не измѣнилъ Фридриху. Съ небольшою дружиною вѣрныхъ остался онъ въ Яффѣ, и конечно ничего не предпринялъ бы безъ особеннаго стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ, которыми Императоръ вполнѣ умѣлъ воспользоваться.

166. Въ это время Мелединъ, Султанъ Египетскій, находился во враждѣ съ братомъ своимъ (Шарфеддиномъ), Султаномъ Дамаска, а по смерти его (г. 1227), съ своимъ племянникомъ Даудомъ, у котораго желалъ и надѣялся Султанъ Египетскій отнять

Сирію. Обѣ враждующія стороны желали имѣть Фридриха своимъ союзникомъ. Мелединъ предупредилъ Дауда, вступилъ въ переговоры съ Императоромъ, и перемиріе, заключенное на 10 лѣтъ (Февр. 1229) предавало въ руки Фридриха Іерусалимъ и Виѳлеемъ и Назаретъ и всю страну отъ Яффы до Тира, т. е. почти все Королевство Іерусалимское, какъ оное существовало нѣкогда, за исключеніемъ немногихъ округовъ къ Ю. и ЮЗ. отъ Іерусалима, оставшихся во власти Султана Египетскаго. 42 года послѣ взятія Іерусалима Саладдиномъ, Императоръ Фридрихъ, Король Іерусалима, вступилъ въ свою Королевскую столицу и возложилъ собственными руками на себя корону Іерусалимскую, не имѣвъ возможности получить ее изъ рукъ Патріарха, который, вѣрный слуга Папской воли, не хотѣлъ имѣть сообщенія съ Императоромъ, отверженнымъ Папою; не хотѣлъ и самъ, воспретилъ и духовенству участвовать въ радости о возвратѣ Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ во власть Христіанскую. Фридрихъ спѣшилъ оставить Королевство, имъ пріобрѣтенное, окруженный во Іерусалимѣ ненавистью, измѣною, встревоженный и извѣстіями изъ Европы. Тамъ непримиримый врагъ его, Папа, объявилъ и перемиріе его съ Магометанами новымъ преступленіемъ противу Церкви, и еще болѣе тяжкимъ преступленіемъ объявилъ и самовольное возложеніе Фридрихомъ короны Іерусалимской на главу, еще отягченную проклятіемъ Папскимъ. Григорій IX, проповѣдалъ и ополчилъ походъ противу самого Фридриха, и тесть его, Іоаннъ Бріеннскій, объявилъ зятя похитителемъ у него достоинства, ему принадлежащаго, и вторгнулся въ Неаполь. Фридрихъ оставилъ намѣстника своего въ Іерусалимѣ, прибылъ въ Бриндизи (Май 1229) для новой, тягостнѣйшей борьбы съ Григоріемъ IX, и съ его преемникомъ Иннокентіемъ IV, борьбы, которой одна кончина Императора Фридриха положила предѣлъ, но которая погубила знаменитый родъ Гогенштауфеновъ.

167. Но едва Императоръ Фридрихъ оставилъ берегъ, какъ Бароны Іерусалимскіе и враждебные ему рыцарскіе Ордены: Іоанна Іерусалимскаго и Тампліеровъ, отказались отъ повиновенія его Намѣстнику, и раздоры и безначаліе едва возстановленнаго Королевства неминуемо сдѣлали бы его тогда же добычію невѣрныхъ, если бы не спасали его распри и брани, неумолкавшія между Султанами Египетскими и Дамасскими. Мелединъ, Султанъ Египетскій, имѣя постоянною цѣлію своихъ усилій соединить Египетъ и

Сирію подъ своею рукою, отнимаетъ ее у племянника своего Дауда и ставитъ на престолъ Дамаска своего втораго брата Аскрафа, съ зависимостію отъ себя; а когда, по смерти Аскрафа (г. 1237), меньшій его братъ, Измаилъ, не хотѣлъ повиноваться Султану Египетскому, то Мелединъ, свергаетъ и его и дѣлается Султаномъ Египта и Сиріи. Но Мелединъ умеръ въ Дамаскѣ вскорѣ (г. 1238), и смерть его была поводомъ къ новымъ распрямъ. Старшій сынъ его, Малекъ-Сале, утвердясь въ Дамаскѣ, пошелъ войною на своего младшаго брата, Малекъ-Аделя II, провозгласившаго себя Султаномъ Египетскимъ по смерти отца; но въ то время, когда Малекъ-Сале двинулся на Египетъ, дядя его, Измаилъ, съ помощію Юсуфа, Султана Алепскаго, правнука Саладдинова (только Алепъ съ частію Месопотаміи остался въ прямомъ потомствѣ Саладдина), овладѣваетъ Дамаскомъ, и потому Малекъ-Сале возвратился отстанвать сей городъ отъ непріятеля. Битва была упорная; побѣда сомнительная для обѣихъ сторонъ; слѣдствіемъ ея были переговоры, по которымъ Малекъ-Сале уступаетъ Дамаскъ Измаилу, а сей послѣдній, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ Юсуфомъ, обѣщается не препятствовать Малекъ-Сале воевать Египетъ. Такимъ образомъ враги сдѣлались союзниками (г. 1239) къ бѣдѣ Христіанъ; совокупными силами двинулись они на Іерусалимъ,—и городъ сталъ снова добычею невѣрныхъ. Тогда Малекъ-Сале отправился на Египетъ; безъ труда низложилъ своего развратнаго брата и сдѣлался Султаномъ Египетскимъ (г. 1240).

168. Въ бывшихъ распряхъ между Измаиломъ и Малекъ-Сале принимали Палестинскіе Христіане и рыцарскіе Ордены неблагоразумное участіе, раздѣлясь, подобно врагамъ своимъ, на двѣ партіи. Такъ, Іоаннитскіе рыцари приняли сторону Измаила, а Тампліеры были союзниками Малекъ-Сале. Въ самое время сихъ раздоровъ прибыло новое крестоносное ополченіе, которое составлялось въ Европѣ (еще съ 1235) по настоянію Папы Григорія IX, и котораго главою долженъ былъ бы сдѣлаться Фридрихъ II. Срокъ перемирію, заключенному имъ съ Мелединомъ (166) кончился, и Фридрихъ, какъ Король Іерусалима, долженъ былъ прочнѣе устроить судьбу своего Королевства. Но непримиримый врагъ его, Папа, желавшій сначала направить крестоносцевъ на Грецію въ помощь Латинской Имперіи (159), которая въ это время склонялась къ неизбѣжному паденію, и неуспѣвшій побудить ихъ къ тому, воспретилъ ополчившимся признать Фридриха вождемъ своимъ,

да и самъ Императоръ, занятый заботами важнѣйшими, не домогался этой сомнительной чести. Главою ополченія сталъ Тибо Графъ Шампани, сдѣлавшійся, по причинѣ бездѣтной смерти брата своей матери, Короля Наваррскаго Санхо VII, владѣтелемъ и сей страны; къ нему присоединились многіе Вассаллы Франціи. Сіи прибывшіе во время раздоровъ между потомками Саладдина Крестоносцы, равномѣрно раздѣлились на партіи между враждующими Магометанскими сторонами, и тѣмъ, можетъ быть, содѣйствуя къ примиренію своихъ враговъ, обратили на себя ихъ совокупныя силы; Крестоносцы потерпѣли жестокое пораженіе и Іерусалимъ былъ взятъ (г. 1239 см. выше), можно сказать, подъ глазами ополченія, пришедшаго изъ Европы оберегать Святой Городъ. Тибо и большая часть уцѣлѣвшихъ отъ пораженія его сподвижниковъ воротились въ Европу, и хотя вскорѣ (г. 1241) Ричардъ, Герцогъ Корнваллійскій, братъ Короля Генриха III, прибылъ въ Палестину съ войсками и деньгами, и хотя при открывшихся вновь тогда раздорахъ между Малекъ-Сале, который уже сдѣлался Султаномъ Египта, съ Измаиломъ, сей послѣдній, желая имѣть Христіанъ себѣ союзниками, вступилъ въ переговоры съ Ричардомъ и возвратилъ опять Христіанамъ Іерусалимъ; но это пріобрѣтеніе (въ послѣдній разъ! г. 1241) было кратковременное. Ричардъ утвердилъ въ Іерусалимѣ правительство отъ имени Императора Фридриха II, Короля Іерусалимскаго.

ГЛАВА XVI.

Крестовые походы.

Второе отдѣленіе періода Крестовыхъ походовъ; переворотъ, произведенный Монголами въ судьбѣ Азіятскихъ земель и вліяніе сего переворота на Іерусалимъ; окончательная его потеря; планы и дѣйствія Лудовика IX; состояніе христіанскихъ владѣній въ Сиріи по его отбытіи; послѣднія усилія Европейцевъ подъ начальствомъ Принца Эдуарда; паденіе Птолемаиды и конецъ Крестовыхъ походовъ; непрочность бытія Іерусалимскаго Королевства по его географическому очертанію и политическому устройству, и по составу его народонаселенія.

---

169. Но сіе Королевство Іерусалимское или, лучше сказать, только призракъ Королевства, держась еще въ полубытіи, по причинѣ раздоровъ между Египетскими и Сирійскими потомками Саладдина, получило столь же страшно, какъ и неожиданно, новаго непріятеля. Около этого времени при Чингисханѣ и сынѣ его Угудэѣ (Октаѣ) совершались тѣ страшныя и быстрыя завоеванія, которыми ужасъ Монгольскаго имени пронесенъ былъ отъ береговъ Китайскаго моря до Силезскихъ горъ Гуюкъ, сынъ Угудэя, въ разрушительномъ движеніи своемъ на Западъ, къ предѣламъ Европы, опустошилъ страны около Аральскаго и Каспійскаго морей, сокрушилъ властительство Хивинцовъ (Ховарезмійцевъ) надъ странами отъ р. Гигона, къ ЮЗ. до Персидскаго залива, и Хивинцы, подъ начальствомъ Джелаледдина, сына послѣдняго своего властителя,

бросивъ свои родныя степи на жертву неукротимому побѣдителю, потянулись съ своими женами, дѣтьми и стадами на ЮЗ., съ мыслію искать себѣ оружіемъ новыхъ жилищъ, и съ бѣшеною яростію вымѣщать на другихъ народахъ потерю своей отчизны. Такъ, опустошая земли, по которымъ проходили, добрались они до Месопотаміи. Здѣсь погибъ ихъ вождь, и Хивинцы, раздѣлясь на многія толпы, разсѣялись по окрестнымъ землямъ. Одни изъ нихъ погибли въ бояхъ, другіе бросились отчаянно чрезъ Евфратъ на Сирію. Малекъ-Сале употребилъ въ свою пользу это неожиданное нашествіе; онъ соединился съ вождями Хивинскими, чтобы отмстить Дамасскому Султану за союзъ его съ Христіанами. Малекъ-Сале самъ сдѣлался предводителемъ неистовыхъ полчищъ; вмѣстѣ съ ними взялъ Іерусалимъ и отдалъ его на разграбленіе и поруганіе (г. 1244). — (*) При Газѣ еще стояли Христіане въ славномъ бою; рыцари трехъ Орденовъ ратовали какъ бы въ лучшіе дни свои; и если они смертію и кровію не могли перемѣнить и улучшить духа своего общества, то все же однако мужи, которые здѣсь стояли и гибли, съ честію загладили то, въ чемъ, можетъ быть, виновными сдѣлались они въ свои лучшія времена. Какъ ни велико было впрочемъ пораженіе Христіанъ, непріязненныя отношенія потомковъ Саладдиновыхъ другъ къ другу, все же сдѣлали для нихъ еще возможнымъ держаться на берегахъ Палестинскихъ и протягивать еще нѣсколько далѣе цѣпь предпріятій для пріобрѣтенія сей страны.

170. Въ то самое время, какъ Христіане гибли подъ ударами Малекъ-Сале и какъ города Христіанской Палестины снова падали одни за другими во власть невѣрныхъ, остывавшій энтузіазмъ къ крестоноснымъ предпріятіямъ запылалъ съ новою силою въ душѣ Государя, который, и яко Царь и яко человѣкъ, въ состояніи былъ, казалось, увлечь за собою общество современное, если бы не измѣнилось уже столь явственно современное общество въ своихъ понятіяхъ и потребностяхъ: это былъ Лудовикъ IX, Святой, Король Франціи, умѣвшій сочетать въ полной мѣрѣ съ дѣлами смиренія Христіанскаго дѣла царственной силы и геройской храбрости. Еще въ лѣтахъ ранняго мужества застигнутъ былъ набожный Государь болѣзнію, которая привела его на край гроба. Находясь

(*) Луденъ.

на смертномъ одрѣ, онъ далъ клятву (Дек. 1244): если встанетъ, ополчиться на завоеваніе Іерусалима. И Лудовикъ всталъ съ своего смертнаго одра, и первымъ дѣломъ его было возложить на себя знаменіе креста. Сверхъ ожиданія, люди близкіе къ Королю, болѣе съ безпокойнымъ изумленіемъ, чѣмъ съ живою радостію, увидѣли на Царѣ своемъ знаменіе принятой имъ обязанности, и Лудовикъ долженъ былъ пріостановиться объявленіемъ похода, чтобы не остаться безъ сопутниковъ и участниковъ въ предпріятіи, котораго послѣдствія должны были сдѣлаться рѣшительны; долженъ былъ употребить нѣкоторый родъ обмана или шутки, чтобы завлечь своихъ приближенныхъ къ участію въ предполагаемомъ походѣ. И самъ Государь остановилъ свое набожное нетерпѣніе быть въ Палестинѣ; готовился осмотрительно, чтобъ тѣмъ болѣе быть увѣреннымъ въ успѣхѣ предпріятія, и предполагалъ въ Египтѣ завоевать Палестину. Въ самомъ дѣлѣ, опыты прежнихъ лѣтъ убѣдительно доказывали, что обладаніе Сиріею и Палестиною не надежно, пока въ Египтѣ существуетъ престолъ Мусульманскихъ владѣтелей; все время существованія Іерусалимскаго Королевства была цѣпь битвъ, и большею частію неудачныхъ, съ Египетскими владѣтелями, и походъ Короля Іоанна Бріеннскаго (163) служилъ примѣромъ, хотя, конечно, и не весьма ободрительнымъ для подобнаго предпріятія.

171. Въ 1248 (Авг.) отплылъ въ походъ Король Лудовикъ; присталъ къ острову Кипру, гдѣ царствовалъ Король Генрихъ, внукъ Амори, брата Лузиньянова; здѣсь провелъ зиму и отсюда, по правиламъ рыцарской чести, послалъ объявить Султану Египетскому, что онъ идетъ воевать его землю. Малекъ-Сале принялъ вызовъ, и готовился встрѣтить непріятеля съ сильнымъ войскомъ и флотомъ. Въ сопутствіи Короля Кипрскаго, Лудовикъ присталъ къ берегу Египта (Іюль 1249) у Даміетты. Султана уже не было въ станѣ; убитый недугами, онъ отправился въ Каиръ, гдѣ и умеръ вскорѣ. Воинство Лудовика и Короля Кипрскаго высадилось на берегъ, не смотря на сильное сопротивленіе Египтянъ, и Даміетта пала въ руки Христіанъ. Вопреки настоянію Короля итти впередъ и пользоваться первымъ впечатлѣніемъ ужаса, который произвело паденіе Даміетты, и замѣшательствомъ, причиненнымъ смертію Малекъ-Сале, положено было остаться въ Даміеттѣ и ожидать подкрѣпленія, которое Альфонсъ, младшій братъ Короля, долженъ былъ привести изъ Франціи. Между тѣмъ Моаттамъ Туранъ-Шахъ,

сынъ Малекъ-Сале, прибылъ изъ Азіи, гдѣ онъ находился, и вступилъ на престолъ отца; между тѣмъ христіанская армія ослабѣла и отъ продолжительнаго бездѣйствія въ Даміеттѣ, и отъ болѣзней и разврата, бывшихъ слѣдствіемъ сего бездѣйствія; и хотя ожидаемая помощь прибыла изъ Франціи, и хотя побѣдами новыми проложили себѣ Французы путь во внутренность Египта, но сіи самые успѣхи навлекли погибель на христіанское воинство. Графъ д'Артуа, братъ Короля Лудовика, преслѣдуя побѣжденныхъ имъ Египтянъ, вломился въ городъ Мансуру, и здѣсь погибъ и вождь и воинство, истребленное Египтянами. Лудовикъ, спѣшившій на спасеніе брата и его дружины, окруженъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ непріятелями (Апр. 1250). Султанъ Египетскій, повидимому, приведенъ былъ въ затрудненіе и своею побѣдою и своими плѣнниками; онъ могъ опасаться новыхъ нападеній Французовъ на Египетъ для освобожденія своего Короля; могъ опасаться союза ихъ съ враждебными Египту Сирійскими владѣтелями изъ рода Саладдинова: такъ по крайней мѣрѣ изъяснять должно поспѣшность, съ которою новый Султанъ Египта даровалъ свободу своему плѣннику. Не безкорыстна была впрочемъ эта снисходительность Туранъ-Шаха: Даміетта и огромный выкупъ (болѣе 30 милл. рублей на наши деньги), были цѣною освобожденія Лудовика и сохранившейся отъ погибели части его воинства.

172. Сія уступчивость стоила однако же престола и жизни Султану Египетскому. Мамелюки, составлявшіе тѣлохранительное войско Султановъ, и пріобрѣтшіе себѣ въ смутахъ, которыя испытала страна со времени кончины Саладдина, великую силу и дерзость, возмутились, низложили и умертвили Султана, и предводителя своего, Ибега, возвели на престолъ Саладдиновъ. Но по миновaніи первыхъ потрясеній, неразлучныхъ съ переворотомъ, и новый Султанъ потвердилъ условія прежняго, побуждаемый къ тому и безпокойствами въ Египетскомъ народѣ, возставшемъ противу новыхъ владыкъ бывшихъ наемниковъ, и видами, какіе Юсуфъ, Султанъ Алепа (167), захватившій и Дамаскъ во время смутъ въ Египтѣ послѣ смерти Малекъ-Сале, обнаруживалъ на Египетъ. Освобожденный Лудовикъ не отправился во Францію, а въ Палестину, влекомый своимъ набожнымъ чувствомъ поклониться святымъ мѣстамъ и, можетъ быть, въ намѣреніи союзно съ Юсуфомъ дѣйствовать противу Египта. Съ 6000 только изъ 35,000, которыхъ онъ вывелъ изъ Франціи, высадился Король въ Птолемандѣ; отсю-

да, облеченный власяницею, странствовалъ на поклоненіе въ Назаретъ, такъ-какъ опасно было итти въ Іерусалимъ, находившійся въ рукахъ враговъ его. Но набожно-политическіе планы Короля не сбылись; предпріятіе Юсуфа на Египетъ кончилось его пораженіемъ и миромъ съ Мамелюками; малыя средства, съ коими явился Лудовикъ въ Палестинѣ, не могли ободрить и тамошнихъ Христіанъ къ предпринятію чего нибудь рѣшительнаго, и послѣ почти четырехлѣтняго безплоднаго пребыванія въ Палестинѣ, извѣстясь о кончинѣ матери своей, Королевы Бланки, управлявшей во время его отсутствія Франціею, возвратился Лудовикъ IX въ свое Государство (Іюль 1254). Укрѣпленіе береговыхъ, еще во власти Христіанъ находившихся городовъ Палестины, было единственнымъ плодомъ пребыванія въ ней Лудовика Святаго, и вмѣстѣ какъ бы знаменіемъ, что набожный Государь не навсегда думалъ разставаться со Святой Землею.

173. И дѣйствительно, Лудовикъ и по возвратѣ во Францію, оставилъ крестъ на плечѣ своемъ, свидѣтельствуя чрезъ то, что онъ не считаетъ обѣтъ свой исполненнымъ. Шестнадцать лѣтъ однако же протекло со времени его возврата, прежде чѣмъ Король нашелъ возможнымъ предпринять новый походъ. Въ сіи 16 лѣтъ много перемѣнилось! Завоеванія Крестоносцевъ въ Европѣ и Азіи уничтожались одно за другимъ, предваряя какъ бы близкую утрату и всѣхъ ихъ пріобрѣтеній. Такъ пала Латинская Имперія въ Константинополѣ, и обстоятельства, при какихъ она пала, доказываютъ, сколь ничтожно было ея существованіе съ самаго основанія. Михаилъ Палеологъ, опекунъ малолѣтняго Іоанна Ласкариса, лишилъ (г. 1259) престола своего питомца въ Никеѣ, и войдя въ сношеніе съ Генуэзцами, ненавидѣвшими Венеціянъ за преимущества, которыми они пользовались въ Константинополѣ по торговлѣ, рѣшился напасть на Константинополь, въ которомъ Императоръ Балдуинъ II едва держался на своемъ престолѣ и отъ непослушанія своихъ Вассаловъ и Бароновъ, и отъ возмущеній своихъ подданныхъ, ненавидѣвшихъ съ самаго начала вновѣрнаго Латинскаго владычества. Тогда палъ Царь-градъ, котораго пріобрѣтеніе стоило Крестоносцамъ столько крови и насильствъ, въ одну только ночь (Іюль 1261), палъ въ руки небольшой дружины, которая выслана была Императоромъ Никейскимъ для развѣдыванія, а вовсе не для битвъ. Императоръ Балдуинъ бѣжалъ и, нѣсколько дней спустя, имѣлъ Императоръ Михаилъ Палеологъ свой торжествен-

вый въѣздъ, привѣтствуемый, какъ избавитель, кликами жителей древней столицы.

174. Около того же времени и Сирійскія владѣнія крестоносцевъ погибли. По отбытіи Лудовика Святаго, въ Палестинѣ все пришло въ прежній безпорядокъ (*). Генуэзцы, Венеціяне и Пизанцы вели между собою и съ другими христіанскими властями кровопролитные бои, порожденные торговою завистію. Тампліеры и Іоаннитскіе рыцари, съ 1259 въ теченіе многихъ лѣтъ, бились между собою съ такимъ ожесточеніемъ, что не брали и плѣнниковъ. Притязанія на королевское достоинство по наслѣдству отъ женской линіи такъ умножились и такъ перепутались; претенденты были такъ слабы или такъ заняты другими предпріятіями, что объ утвержденіи королевской власти нельзя было и думать. Иногда соединялись, правда, рыцарскіе Ордены черезъ вліяніе Папы или по видамъ общихъ выгодъ, и дѣлали поиски на Сарацынъ, но это согласіе не бывало продолжительно, и исторгнуть Іерусалимъ изъ рукъ Мамелюкскихъ Султановъ не представлялось никакой надежды. Между тѣмъ Монголы, уже разлившись по Азіи отъ Каспійскаго моря до Китайскаго, ринулись въ это время и на западную Азію. Мынгэ, внукъ Чингисъ-Хана, далъ своему брату, Гулагу, огромную армію съ повелѣніемъ сокрушить Царства западной Азіи, уже потрясенныя Монгольскими ударами при первомъ преемникѣ Чингисхановомъ, Угудэѣ (г. 1229 — 1241). Уничтоживъ окончательно власть Государей Хивинской династіи въ Персіи и утвердивъ свою собственную власть; разрушивъ государство Ассасиновъ (г. 1256), Гулагу приступилъ къ Багдаду; Калифъ Мостасемъ Билла и сынъ его Абубекеръ погибли мученически; и хотя титло Калифа еще и послѣ носимо было потомками (можетъ быть, сомнительными) рода Аббассидовъ, но взятіемъ Багдада положенъ конецъ существованію Калифата (г. 1258). Отъ Багдада воинство Гулагу, перешагнувъ черезъ Тигръ и Евфратъ, разлилось по Сиріи и Малой Азіи, опустошая и покоряя безъ различія и Христіанскія и Селджукскія владѣнія. Сметрь Мынгэ (г. 1259); временная неизвѣстность о томъ, кому долженъ принадлежать титулъ Великаго Хана; поспѣшность, съ какою Хубилай, младшій братъ Мынгэ и Гулагу, объявилъ себя Великимъ Ханомъ (г. 1260), не дожидаясь съѣзда прочихъ членовъ Чингисханова дома, и вслѣдствіе сего раз-

(*) Лео.

дѣленіе огромной Монгольской Имперіи пріостановили успѣхи Монгольскихъ завоеваній и были препятствіемъ для Гулагу утвердить прочно власть свою въ Сиріи и Малой Азіи. Этими замѣшательствами воспользовался Бибарсъ, Султанъ Египетскій, Цезарь мужествомъ и Неронъ жестокостію, по выраженію одного современнаго писателя. Бибарсъ въ самый годъ своего вступленія на престолъ Египта (г. 1260) вступаетъ въ Сирію, вытѣсняетъ оттуда Монголовъ, покоряетъ быстро власти своей всѣ Магометанскія владѣнія въ Сиріи, и устремляется на истребленіе остатка владѣній Христіанскихъ. Неудачу потерпѣнную имъ подъ Птолемаидою, вознаграждаетъ онъ покореніемъ Антіохіи и разореніемъ Триполи и Тира и всѣхъ Христіанскихъ городовъ по берегу Палестинскому, такъ-что въ г 1268 Бибарсъ могъ считать себя владыкою почти всей страны отъ Средиземнаго моря до Евфрата; Триполи и Тиръ, съ ихъ небольшими округами, находились еще въ рукахъ Христіанъ, но разоренные; одна Птолемаида продолжала стоять нетронутымъ памятникомъ Христіанскаго владычества въ Сиріи.

175. Такое положеніе дѣлъ въ сихъ странахъ, конечно, немного подавало надеждъ на успѣхъ въ ту эпоху, когда Лудовикъ IX, считая дѣла свои во Франціи довольно устроенными, полагалъ возможнымъ выполнить свое давнее намѣреніе. Какъ бы въ предчувствіи, что онъ навсегда разстается съ своимъ царствомъ, Лудовикъ духовнымъ завѣщаніемъ устроилъ будущую судьбу его, и отправился (г. 1270) къ острову Сардиніи, откуда, какъ думали его сопутники, флотъ пойдетъ въ Палестину; но здѣсь объявлено было, что предпріятіе назначается на Тунисъ. Какъ бы въ причудливомъ и странномъ расположеніи духа направилъ Король свой походъ въ эту сторону. Имѣлъ ли онъ какіе-либо политическіе замыслы, или только намѣреніе, предводительствуя своими рыцарями и Вассаллами, повести къ купели владѣтеля Тунисскаго и быть его воспріемникомъ въ крещеніи — все равно! Предпріятіе въ такомъ направленіи и для такихъ цѣлей остается важнымъ свидѣтельствомъ, что совершенно потеряны были изъ виду и прежній духъ и прежнее направленіе крестоносныхъ ополченій. Дѣйствительно трудно истолковать мысль и цѣль этого похода Лудовика IX! Считать ли его началомъ обширнаго плана завоеваній, чтобы вдоль всего Сѣвернаго берега Африки основать Христіанскія государства и такимъ образомъ добраться до Палестины? Но въ такомъ случаѣ могъ ли Король, тогда уже близкій къ старости (ему

было 55 лѣтъ), надѣяться выполнить такой обширный планъ? — Полагать ли что это было вслѣдствіе убѣжденій брата Лудовикова, Карла Анжу, Короля Неаполя и Сициліи? Въ это время ему дѣйствительно изъ Туниса угрожала опасность; новая перемѣна произошла въ сей части Африканскаго берега; новая династія (Абугафіевъ съ 1205) возникла здѣсь и утвердила власть свою и, по примѣру прежнихъ, стремилась ознаменовать свою новую власть новыми предпріятіями противу Христіанъ; близкая Сицилія, сдѣлалась предметомъ ихъ поисковъ, и разбойничьи суда Мугамеда, тогдашняго властителя Туниса (г. 1249 — 1276) приносили разореніе и ужасъ на берега Сициліи, Калабріи и Апуліи. Но въ такомъ случаѣ это предпріятіе было чисто-политическое и не имѣло никакого отношенія къ Крестовымъ походамъ въ ихъ настоящемъ значеніи. Не считать ли лучше все это предпріятіе выраженіемъ съ одной стороны, убѣжденія въ невозможности воротить Іерусалимъ, и съ другой, обязанности, въ которой находился Король передъ своею набожною совѣстію, обязанности выполнить тѣмъ или другимъ образомъ принятый обѣтъ. Передъ Туниcомъ нашелъ себѣ могилу (Авг. 1270) Король Лудовикъ, и самая большая часть его 60,000 войска погибла и отъ непріятелей и отъ чумы. Съ кончиною Короля кончилось и все предпріятіе.

17℃. Такъ-какъ съ этихъ поръ Сарацины Туниса и Триполя сдѣлались чрезвычайно опасными для торговли Генуэзцевъ и Венеціянъ, Сициліи и Неаполя, Прованса и Каталоніи, то взоры западныхъ Христіанъ обращаются въ той же мѣрѣ къ этой части сѣверной Африки, въ какой мѣрѣ исчезала и послѣдняя надежда сдѣлать завоеванія на В., или отнять у невѣрныхъ Святую Землю. Предпріятія Христіанъ противу СЗ. береговъ Африки получили новую жизнь, когда Сарацины лишены были вовсе политической самостоятельности на Пиренейскомъ полуостровѣ, и Испанцы и Португальцы стали дѣлать завоеванія на твердой землѣ Африки, и когда Іоаннитскіе рыцари, изгнанные съ Родоса, утвердились въ Мальтѣ. Битвы Христіанской Европы противу Османскихъ Турокъ и противу такъ называемыхъ Варварійскихъ государствъ Сѣверной Африки представляли въ Новыя времена какъ бы продолженіе Крестовыхъ походовъ; и долго, очень долго Іоаннитскіе рыцари, которыхъ Орденскія правила не позволяли никогда имѣть мира съ невѣрными, равно какъ Венеціяне и Генуэзцы составляли главную ограду Ю. Европы противу Турокъ, все смѣлѣе

и смѣлѣе являвшихся на берегахъ Средиземнаго моря, обитаемыхъ Христіанами.

177. Еще прежде чѣмъ вѣсть о кончинѣ Лудовика IX достигла Европы, спѣшилъ присоединиться къ нему и быть его сподвижникомъ Эдуардъ, старшій сынъ Короля Генриха III, и (съ 1272) преемникъ своего отца въ Англіи подъ именемъ Эдуарда I. Эдуардъ былъ мужъ сильный духомъ; раздражителенъ, запальчивъ, строгъ до жестокости; но дѣятеленъ, мужественъ, славолюбивъ, и въ царствованіе безхарактернаго и робкаго своего родителя Эдуардъ былъ его главною, его единственною опорою. Смутное царствованіе Генриха III представляло довольно дѣла мужественному удальству его сына, и смиривъ Вассальство неугомонное, и покоривъ его, и утвердивъ отца своего на колеблющемся престолѣ, и не имѣя болѣе въ успокоенной имъ (г. 1267) Англіи предметовъ для своей воинственной дѣятельности, Эдуардъ уносился мыслію въ тѣ страны, гдѣ столько храбрыхъ Витязей прежде его ратовали побѣждая, или падая съ громкою славою. Въ 1268 онъ знаменовался крестомъ и многіе Вассаллы и Витязи Англіи рѣшились сопутствовать наслѣдному Принцу. Предпріятіе Лудовика IX представляло блистательное поприще безпокойному мужеству Эдуарда: ибо не прежняя набожная цѣль освобожденія Святой Земли, а пылъ его собственной души влекъ его подъ знамя креста; не для Іерусалима, а для битвъ съ невѣрными, въ той ли или другой странѣ, ополчался онъ. Эдуардъ не засталъ уже въ живыхъ подъ Тунисомъ Короля Французскаго. Оставивъ погибельный берегъ, онъ оправился съ своею немногочисленною дружиною къ Птолемаидѣ, помогать Гуго III, преемнику своего двоюроднаго брата Гуго II, въ Королевствѣ Кипрскомъ. Гуго III давно уже (съ 1265) оспаривалъ у Бибарса Палестину, и, въ подкрѣпленіе правъ своихъ на эту землю, принялъ на себя праздный тогда титулъ Короля Іерусалимскаго. Прибытіе Эдуарда (г. 1271) остановило успѣхи Султана Египетскаго, который злодѣйствомъ рѣшился избавиться отъ опаснаго соперника; убійца успѣлъ нанести только легкую рану Эдуарду и погибъ самъ; но Эдуардъ и союзникъ его, Король Гуго III, принуждены были заключить перемиріе съ Султаномъ (г. 1272), и всѣ дѣла въ Палестинѣ остались въ прежнемъ положеніи; Птолемаида и суетное титло Короля Іерусалимскаго, носимое преемниками Гуго III, остались единственными памятниками двухсотлѣтнихъ предпріятій.

178. Походъ Эдуарда былъ послѣдній, замѣченный современ-

никами; и по удаленіи его и Короля Кипрскаго, Бибарсъ тѣмъ безпрепятственнѣе утверждалъ свою власть въ Сиріи и Палестинѣ, что онъ истребилъ остатки фамиліи Саладдина, и что принялъ къ себѣ въ Египетъ потомка погибшей фамиліи Аббассидовъ (174), Ахмета, которому онъ далъ титулъ Калифа безъ всякой однако же свѣтской власти. Имѣя въ рукахъ своихъ главу Магометанства Бибарсъ освятилъ и укрѣпилъ свою власть надъ Египтомъ и Сиріею безъ труда полученнымъ благословеніемъ Калифа, и готовился быть наслѣдникомъ всѣхъ завоеваній Магометанъ въ Азіи и Африкѣ, какъ земель, составлявшихъ законное достояніе Калифа; въ сихъ надеждахъ смерть (г. 1277) прекратила его далекіе замыслы. Два сына его низложены были, одинъ за другимъ, непокорными Емирами Мамелюкскими, смиренными подъ твердою рукою Бибарса, и буйными при его дѣтяхъ. Одинъ изъ нихъ, Келаунъ, Атабекъ (воспитатель) младшаго Бибарсова сына, послалъ своего питомца въ заточеніе въ замокъ Петру, гдѣ уже находился въ неволѣ старшій братъ его, и самъ вступилъ на престолъ Египетскій (г. 1279). Келаунъ смирилъ возмутившихся по смерти Бибарса Емировъ Сиріи, поразилъ Монголовъ при Емезѣ, очистилъ всю страну отъ ихъ воинствъ, и пустился уничтожать остатокъ Христіанскихъ владѣній въ семъ краѣ. Взятіемъ Триполи и Антіохіи онъ положилъ конецъ Герцогству Антіохійскому (г. 1288) и готовилъ послѣдній ударъ Птолемандѣ. Келаунъ погибъ въ походѣ отъ руки убійцы (г. 1290); но въ послѣднія минуты своей жизни завѣщалъ своему сыну не предавать тѣло его землѣ, пока не падетъ Птолемаида. Калилъ-Аскрафъ, вѣрный исполнитель отцовской воли, осадилъ упорный городъ. Напрасно Тампліеры и рыцари Тевтоническіе отстаивали сіе послѣднее убѣжище Христіанъ на берегу Сирійскомъ: Птолеманда пала (г. 1291) и Европа и не замѣтила и едва свѣдала, что не стало и слѣдовъ Христіанскаго владычества въ Сиріи и Палестинѣ!

179. И что были съ самаго начала своего эти завоеванія Христіанъ въ пространствѣ земли между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ и отъ Аманскихъ горъ до Идумеи, гдѣ пустыни Сирійскія сливаются въ одно песчаное море съ степями Аравіи? Они не составляли цѣлаго, эти завоеванія, ни по своему географическому положенію, ни по единству власти, ни по составу своего народонаселенія. Феодальная система со всѣми своими подраздѣленіями была перенесена Европейцами на Азіятскую землю; здѣсь былъ и

Король, и большіе Вассаллы и малые, и духовенство съ своими притязаніями на власть, и города съ своими привилегіями. Власть Іерусалимскаго Короля простиралась собственно надъ страною отъ Идумеи до р. Леонта; къ С. отсюда лежали: 1) Графство Трипольское, отъ р. Леонта до р. Елевѳерія; 2) Герцогство Антіохійское отъ Елевѳерія по обѣ стороны р. Оронта на С. до горъ Аманскихъ и СВ. до Евфрата; 3) Графство Эдесское къ СВ. отъ Антіохіи и за Евфратъ до р. Мигдонія; кромѣ того, Бароны, Яффы, Цезареи, Галилеи, Крака (Петры); кромѣ того, помѣстья, принадлежавшія Капитуламъ Орденовъ: Тампліеровъ, Іоанна Іерусалимскаго, Тевтоническаго. И всѣ сіи владѣнія безъ согласія между собою, безъ границъ опредѣленныхъ, обставленныя кругомъ магометанскими государствами; и если держалось еще Іерусалимское Королевство со всѣми своими подраздѣленіями отъ 1099 до 1187 года, то этому главная причина соперничество и религіозное и политическое между владѣтелями Египта (Фатимидами) и Азіятскими владѣльцами Селджукскаго происхожденія. Послѣдній часъ Іерусалимскаго Королевства и всѣхъ вообще Христіанскихъ владѣній пробилъ, когда династія Фатимидовъ погибла, и Египетъ и Сирія соединились подъ одною рукою, подъ рукою Саладдина.

180. И могли ли устоять и это Королевство и эти Христіанскія владѣнія противъ Саладдина, противъ преемниковъ его Султановъ Египетскихъ, когда при всѣхъ внѣшнихъ причинахъ ихъ непрочности, и внутренній составъ ихъ былъ слабъ и разнороденъ? Подлѣ Короля Іерусалимскаго возвышалась власть Іерусалимскаго Патріарха, почти равная королевской. Патріархъ имѣлъ своихъ Вассалловъ— Архіепископовъ и множество Епископовъ. Духовные смотрѣли на себя какъ на настоящихъ виновниковъ завоеванія и хотѣли видѣть въ Королѣ только военачальника и судію, поставленнаго отъ духовной власти для свѣтской управы и обороны отъ непріятелей; отъ того съ самаго начала споры между духовною властію и свѣтскою: Духовенство, по величинѣ государства, было необыкновенно многочисленно и богато; кромѣ большихъ помѣстьевъ, ему въ собственность принадлежавшихъ и его самосудомъ управляемыхъ, оно пользовалось десятиною со всѣхъ доходовъ. Потому бореніе двухъ началъ, свѣтскаго и духовнаго, бореніе, сильное въ это время въ Европѣ, было здѣсь еще сильнѣе.

181. Іерусалимское Королевство представляло, по устройству своему, вполнѣ Феодальную Монархію, но образовавшуюся уже

подъ вліяніемъ современныхъ понятій; въ немъ учредилась Феодальная система не какъ въ земляхъ Европейскихъ, гдѣ она была произведеніемъ Исторіи и развивалась изъ самой жизни общества; въ немъ приложена она была какъ готовая теорія, по которой устроивалось новое государство. Посему здѣсь уже не существовало это начало полной зависимости и владѣнія и званія Вассала отъ Короля (suzérain), и это начало безусловной вѣрности Вассала своему Сеніору; а напротивъ, за образецъ взяты были въ основаніе тѣ отношенія, въ какихъ находились Вассаллы къ Королю, а Король и къ нимъ и къ цѣлому обществу; въ тогдашней Франціи, гдѣ обязанности Сеніора къ Вассаллу были не меньшія, если не бо́льшія, какъ Вассала къ Сеніору, и гдѣ Король самъ былъ не болѣе какъ первый Баронъ. Здѣсь, слѣдственно, *фактъ* былъ принятъ за *начало*, злоупотребленія Феодальной системы за правило, и на этомъ-то *началѣ злоупотребленій* Феодальной системы устроено было Феодальное Королевство Іерусалимское. Познаніе устройства сего Королевства имѣетъ ту историческую важность, что оно можетъ дать понятіе и объ устройствѣ всѣхъ вообще государствъ западной Европы въ тогдашнее время.

182. По законамъ, служившимъ основаніемъ Королевству (Assises du Royaume de Jerusalem) (*), утвержденнымъ еще при Готфридѣ и пополненнымъ при слѣдующихъ Короляхъ, государство было объявлено наслѣдственнымъ и нераздѣльнымъ. Избраніе допускалось только въ такомъ случаѣ, если вовсе не было родственниковъ, которые могли бы имѣть права на наслѣдіе; и женскому полу предоставлялись таковыя права, коль скоро мужескій совершенно пресѣчется. Избраніе производилось высшимъ духовенствомъ и непосредственными Вассаллами Короля, которые имѣли титло Бароновъ. Король, прежде принятія присяги отъ Вассалловъ, долженъ былъ присягнуть уставамъ государства; коронованіе совершалъ Патріархъ, или, если нѣтъ Патріарха, одинъ изъ Архіепископовъ Королевства; коронованіе представляло присягу духовенства, и посему Король долженъ былъ передъ этимъ опять присягнуть уставамъ государственнымъ.

183. Коронное владѣніе, или часть Королевства, которую Король уже не отдавалъ Вассалламъ княжескаго достоинства, само считалось Баронствомъ. Земли Вассалловъ княжескаго достоинства

(*) Лео.

были также Баронства, и ихъ владѣльцы составляли первое свѣтское сословіе въ государствѣ; ихъ Вассаллы—второе; Вассаллы сихъ послѣднихъ — третіе. Два важнѣйшія Баронства, которыя вмѣстѣ были и настоящими владѣтельными Княжествами, были Графство Эдесса и Герцогство Антіохія, къ которымъ позже присоединилось третье, Графство Триполи. Какъ эти три Князя, такъ и прочіе Бароны имѣли въ своихъ владѣніяхъ всѣ права самодержавія. Они имѣли свои судилища, въ которыхъ судили своихъ Вассалловъ, какъ Король своихъ Бароновъ; какъ Король въ своихъ городахъ опредѣлялъ Викомтовъ предстательствующими въ городскихъ судахъ, такъ и они въ своихъ. Никакая грамата королевская, относительно какой-нибудь части, или какого-нибудь права въ Баронствѣ не имѣла силы, коль скоро на ней не было печати самого Барона; Бароны чеканили монету въ своихъ владѣніяхъ какъ и Король. Лены были наслѣдственны, и объ наслѣдственномъ правѣ въ нихъ существовали точныя постановленія, равно какъ и о передачѣ, опекѣ и проч. Отличны были отъ этихъ Баронствъ Лены, которые Король раздавалъ въ своихъ коронныхъ земляхъ; ихъ давалъ Король самъ на правѣ Баронскомъ, и тѣ, которые получали ихъ, не считались непосредственными Вассаллами Королевства, а были на ряду съ Вассаллами Бароновъ. Такіе Лены назывались Каммеръ-Ленами, и состояли въ участкахъ земли, розданныхъ людямъ рыцарскаго званія, которые за то платили ежегодную подать.

184. Король учреждалъ *Верховный судъ* (Haute court) для Вассалловъ и Городскіе суды (court de borgés) для всякой подвластной ему городской общины. На первомъ предсѣдательствовалъ онъ самъ, въ послѣднихъ (по образцу устроившихся подъ Епископскимъ начальствомъ на западѣ судовъ corpora sancta) опредѣлялся отъ него Викомтъ. Въ Haute court члены были изъ рыцарства; въ court de borgés изъ почетныхъ родовъ города. Подвластные Королю, неимѣвшіе права судиться себѣ равными жители городовъ и деревень, какъ напр. Суріаны (см. ниже 187), подвѣдомы были Королевскому Балльи, или Балльи Бароновъ или Прелатовъ; Суріаны имѣли однако же для незначительныхъ предметовъ и собственные суды, которые состояли изъ обывателей мѣста и двухъ присяжныхъ. Балльи опредѣлялись Сенешаломъ, первымъ придворнымъ сановникомъ Королевства, и состояли подъ его вѣдомствомъ. Сенешалъ и въ отношеніи къ непосредственнымъ подданнымъ, неба-

ронамъ, заступалъ въ судѣ мѣсто Короля, коль скоро онъ самъ не предсѣдательствовалъ, и имѣлъ подъ своимъ вѣдомствомъ камеру доходовъ, слѣдственно и всѣ Камеръ-Лены. Подъ его же вѣдомствомъ находились гарнизоны Королевскихъ замковъ съ ихъ Кастеллянами, которыхъ однако же назначалъ самъ Король. Если Король не находился въ государствѣ, то Сенешалъ заступалъ его мѣсто, только не имѣлъ права предводительствовать войскомъ. Подлѣ Сенешала какъ, придворный сановникъ, значителенъ былъ Коннетабль или Маршалъ Королевства; онъ заступалъ мѣсто Короля въ Haute court, когда въ немъ судились Бароны; сверхъ того, онъ судилъ во всѣхъ собственно военныхъ дѣлахъ; въ войскѣ вообще онъ былъ первый послѣ Короля, и коль скоро Король не находился въ государствѣ, онъ былъ верховный воевода. Маршалъ былъ подчиненъ Коннетаблю.

185. Управленіе духовное было уже вообще на Западѣ образовано и потому оно осталось безъ перемѣны. Вся страна раздѣлена была на Эпархіи; Епископскія церкви получили свои каѳедральныя коллегіи; духовное судоустройство учреждено было по образцу Западному; только вся вообще Іерархія была независимѣе, не столько подчинена была Королю по своимъ имѣніямъ, какъ въ государствахъ Запада, гдѣ владѣнія церковныя почти всѣ были государственными Ленами. Въ Королевствѣ Іерусалимскомъ она была самостоятельнѣе, и потому не выставляла Королю солдатъ, а только, если страна была въ большой опасности, давала ему помощь (aide).

186. То же самое дѣлали и города, которые въ своихъ судахъ имѣли нѣкоторымъ образомъ самостоятельную власть, и безъ Королевскихъ Викомтовъ и правъ, симъ послѣднимъ предоставленныхъ, были бы настоящими республиками. Города такого рода были Іерусалимъ, Акра (Птолемаида), Суръ (Тиръ), Наплусъ, Цезарея и нѣкоторые другіе. Впрочемъ, третій элементъ, вольныя городскія общины, образовался преимущественно въ поселеніяхъ Италіянцевъ изъ Генуи, Пизы и Венеціи, въ городахъ по берегу, гдѣ они устроили республиканскія общины, почти вовсе несостоявшія въ связи съ Королевствомъ и представлявшія собою независимость городскихъ общинъ передъ Королевскою властію и передъ дворянствомъ столь же рѣзко, какъ духовные Ордены въ своемъ блескѣ и своей силѣ рѣзко выражали рыцарство.

187. Наконецъ народонаселеніе Христіанскаго Царства въ Си-

ріи составляло смѣсь безобразную. Европейцы, занимавшіе первый разрядъ въ новомъ обществѣ, были люди разныхъ націй, хотя и значились подъ однимъ названіемъ *Франковъ*. Нравы сихъ выходцевъ, изъ которыхъ многіе составляли отребіе Европейскаго народонаселенія, были въ высокой степени испорчены; они погружены были въ развратъ отвратительный, и своимъ чванствомъ передъ туземцами, и своимъ корыстолюбіемъ, вѣроломствомъ и жестокостями, сдѣлались они предметомъ ненависти и непримиримой для Христіанъ и для Магометанъ Сиріи и Палестины. Потомство Европейскихъ выходцевъ, здѣсь возникшее, называлось *Пулланами*; они приняли много Азіятскаго въ свой образъ жизни; считали себя настоящими хозяевами края и презирали новыхъ пришельцевъ изъ Европы, будучи ими взаимно презираемы и причисляемы къ низшему сословію народонаселенія. За тѣмъ Христіанскіе подданные Греческаго исповѣданія, *Суріаны*, говорившіе Арабскимъ языкомъ и по жизни своей уже совершенные Азіятцы; они составляли собственно промышленный классъ; но, по различію вѣры, были предметомъ угнетеній и преслѣдованій со стороны Латинскаго духовенства; наконецъ, собственно *Греки* и *Сарацины*; и всѣ сіи племена отъ души ненавидѣли другъ друга. Естественно посему и неизбѣжно было паденіе сего Христіанскаго завоеванія снова подъ власть Магометанъ, и тщетными должны были сдѣлаться усилія Европейцевъ возвратить утраченное и удержать въ свой власти.

ГЛАВА XVII.

Слѣдствія Крестовыхъ походовъ.

Важность вліянія Крестовыхъ походовъ на Европу, не смотря на то, что цѣль предпріятій не была достигнута; вліяніе ихъ на общество въ цѣломъ его составѣ; вліяніе ихъ на каждую изъ составныхъ частей общества порознь.

---

188. Такимъ образомъ предметъ набожныхъ и воинственныхъ усилій Европейцевъ, Іерусалимъ, погибъ для нихъ навсегда. И тѣмъ не менѣе Крестовые походы небезплоднымъ были для Европы событіемъ, ибо цѣль здѣсь состояла не въ достиженіи, а въ стремленіи; не обладаніе Іерусалимомъ, а усиліе обладать имъ было настоящею причиною великихъ и рѣшительныхъ перемѣнъ въ состояніи Европейскаго общества. (*) «Подъ стѣнами Іерусалима, предъ Гробомъ Спасителя, положенъ наконецъ (безвѣдома строителей и, конечно, противъ ихъ воли) первый камень будущаго политическаго зданія Европы. Рыцари Креста погребли въ степяхъ Сиріи лучшую часть своихъ воинствъ, свою славу и свои богатства; они предали на жертву жизнь нѣсколькихъ милліоновъ, они пролили рѣки крови и слезъ; но — исполнители неизвѣстнаго имъ закона, они въ замѣну толикихъ бѣдъ, принесли въ Европу новую искру свободы и просвѣщенія.»

189. Чтобы убѣдиться, какъ во время Крестовыхъ походовъ, и черезъ нихъ, измѣнилось общество въ своихъ понятіяхъ, слѣдственно въ своихъ потребностяхъ и стремленіяхъ, достаточно при-

---

(*) Уваровъ.

помнить вышеизложенный ходъ ихъ, и сравнить ту исполненную энтузіазма готовность, съ которою составлялись и шли, одно за другимъ, ополченія Крестоносцевъ въ Палестину въ послѣднихъ годахъ, XI и въ первой половинѣ XII вѣка (112—118); съ тою медлительною расчетливостію, съ тѣмъ безпрерывнымъ уклоненіемъ отъ главнаго предмета, которые столь явственно обнаруживаются въ походахъ, предпринятыхъ 100 лѣтъ спустя (157), между тѣмъ какъ надлежало бы думать, что позднѣйшіе походы должны бы и охотнѣе быть предпринимаемы и успѣшнѣе совершаемы, нежели походы первыхъ временъ, ибо Европейцы сдѣлались опытнѣе, лучше знали и страны, въ которыхъ, и враговъ, съ которыми имъ ратовать надлежало, лучше знали и средства, которыя имъ надлежало употребить для успѣха дѣла, и при всемъ томъ вторая половина періода Крестовыхъ походовъ столь скудна подвигами сравнительно съ первою. Причину сего различія должно искать единственно въ перемѣнѣ, происшедшей во мнѣніяхъ, а слѣдственно и въ состояніи всего общества. По причинѣ таковой перемѣны прежнія побужденія утратили свое могущество надъ умами. Всего явственнѣе понимается эта перемѣна въ состояніи общества изъ писателей-современниковъ первыхъ походовъ и современниковъ послѣднихъ: ибо писатели суть живые свидѣтели за *свое* время, суть представители своего вѣка и своихъ народовъ. Что найдемъ мы у первыхъ? Сухую перечень движеній и встрѣчъ, приправленную энтузіазмомъ къ предпріятію и ненавистію къ невѣрнымъ, и изъ этой сферы не выходятъ они; не замѣчаютъ, что́ около нихъ происходитъ; не знаютъ, не заботятся ни о земляхъ, ни о народахъ, съ которыми они имѣли дѣло. У послѣднихъ напротивъ, повѣствованіе о походѣ служитъ основою и поводомъ къ изображенію разнообразному. Предметы, мимо которыхъ шли первые, не замѣчая ихъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе послѣднихъ: нравы народовъ, Географія, Этнографія, Естественная Исторія — все находитъ мѣсто въ ихъ повѣствованіи (*). Однимъ словомъ, между лѣтописцами первыхъ походовъ и историками послѣднихъ разстояніе безмѣрно, и оно обличаетъ совершенный переворотъ въ состояніи умовъ. Этотъ переворотъ обнаруживается всего болѣе въ образѣ, какъ одни и другіе говорятъ о Магометанахъ. Для первыхъ лѣтописцевъ и, слѣдственно, для первыхъ Крестоносцевъ, которыхъ пер-

(*) Гизо.

вые лѣтописцы суть выраженіе, Магометане составляютъ единственно предметъ ненависти; ясно, что тѣ, которые говорятъ объ нихъ, ихъ не знаютъ, не судятъ объ нихъ, и смотрятъ на нихъ только съ одной стороны, со стороны вражды религіозной, существующей между ними; не встрѣчаешь никакого слѣда общественныхъ между ними сношеній; они ихъ ненавидятъ, бьются съ ними — и ничего болѣе. Писатели послѣднихъ походовъ говорятъ о Мусульманахъ совсѣмъ иначе; видишь, что, и враждуя съ ними, они не смотрятъ на нихъ какъ на чудовищъ; что они до нѣкоторой степени вошли въ ихъ понятія, что они жили съ ними; что между тѣми и другими устроились сношенія и нѣкоторый родъ благорасположенія и привязанности. Вильгельмъ Тирскій, напр., распространяется въ похвалахъ Нуреддину, Бернардъ Казначей — Саладдину. Они доходятъ иногда даже до того, что противополагаютъ нравы и поведеніе Мусульманъ нравамъ и поведенію Христіанъ; берутъ сторону Мусульманъ, чтобы представить сатиру на нравы Христіанъ, какъ Тацитъ изображалъ нравы Германцевъ для противоположности съ нравами Римлянъ. Видно, какая чрезвычайная перемѣна должна была совершиться между сими двумя эпохами, потому-что въ послѣдней находимъ объ самыхъ врагахъ Христіанъ, объ тѣхъ, противу которыхъ крестоносныя ополченія были направлены, свободный, безпристрастный образъ мыслей, который бы изумилъ и исполнилъ негодованія первыхъ Крестоносцевъ.

190. Такая перемѣна въ образѣ мыслей свидѣтельствуетъ расширеніе круга умственной дѣятельности, какъ неминуемое слѣдствіе тѣхъ многообразныхъ и продолжительныхъ сношеній, въ которыя западные Европейцы приведены были и между собою и съ народами Азіи и Африки. Во время Крестовыхъ походовъ они имѣли случай ознакомиться съ странами, все еще полными памятниковъ древняго образованія; съ государствами, которыя, и при тогдашнемъ упадкѣ своемъ, все же изобиловали, вслѣдствіе издавна укорененной и распространенной промышленной дѣятельности—такими удобствами для жизни, о которыхъ въ тогдашней Европѣ и понятія не имѣли. Слѣдственно, Крестоносцы, побывавъ въ Греціи, Малой Азіи, Сиріи, Египтѣ, и по возвратѣ на родину, желали имѣть тѣ же жизненныя удобства, тѣ же предметы роскоши, которые они узнали на Востокѣ. Предпріимчивая дѣятельность Италіянскихъ городовъ: Венеціи, Генуи, Пизы, поспѣшила удовлетворить этимъ новымъ потребностямъ, и между тѣмъ, какъ крестоносные Витязи,

объятые или побужденіями набожности, или побужденіями удальства и славолюбія, издерживали свои настоящіе и грядущіе доходы въ усиліяхъ исторгнуть у Мусульманъ святыя мѣста; между тѣмъ промышленные республиканцы хладнокровно расчитывали выгоды, какія они могутъ извлечь изъ набожнаго фанатизма пилигримовъ, или изъ хвастливой расточительности рыцарей, доставляя имъ дорогою цѣною суда для переѣзда. Флоты ходили взадъ и впередъ безпрерывно между Европою и Азіею, чтобы доставлять крестовымъ воинамъ продовольствіе, въ которомъ они нуждались и которое было продаваемо имъ за большія деньги. Сіи же самые флоты привозили съ Востока шелковыя ткани, пряности, сахаръ, красильныя вещества. Примѣру ихъ послѣдовали приморскіе города южной Франціи, откуда устроилась торговля въ Левантъ; съ другой стороны, города Придунайскіе и Прирейнскіе въ Германіи сдѣлались складочными мѣстами произведеній Востока для доставленія ихъ изъ Италіи землямъ внутренней и восточной Европы; для большей безопасности своей торговли и для большей правильности въ ней, города вступали въ союзы, между которыми знаменитая Ганза занимаетъ неоспоримо первое мѣсто, и золотая цѣпь торговли связала земли и народы отъ Лиссабона до Новгорода, и отъ Бергена до Палермо, могущественнымъ чувствомъ взаимной другъ въ другѣ надобности, и отдѣленныя дотолѣ другъ отъ друга націи шли, хотя еще весьма медленно, ко взаимному сближенію между собою.

191. Вслѣдствіе распространявшагося разнообразія потребностей жизни и способовъ удовлетворять имъ, и жизнь на родинѣ получала и большую правильность и большее разнообразіе; всякому сословію представлялась у себя дома цѣль, къ которой оно должно было стремиться, и не стало надобности искать въ далекихъ странахъ упражненій для своего духа, когда подлѣ себя столь многаго достигать можно было. Такимъ образомъ *Вассаллы*, невольно влекомые силою вѣка, начали узнавать и потребности и занятія кромѣ войны и охоты; нашлись упражненія и заботы, наполнявшія время ихъ прежней буйной праздности; *Духоненство* не могло не примѣчать, что власть надъ обществомъ начинаетъ уходить изъ его рукъ, и что ему должно усиливаться быть впереди общества, чтобъ не утратить вовсе власти надъ онымъ; *Горожане* въ расширявшейся болѣе и болѣе промышленной дѣятельности видѣли способы къ своему благосостоянію и стали пріобрѣтать бо́ль-

шую и бо́льшую важность по мѣрѣ того, какъ и капиталы вещественные — плодъ разнообразной промышленности, и капиталы умственные — плодъ возвышавшагося и распространявшагося образованія, скопляться стали въ ихъ сословіи; самое *простолюдство*, наконецъ, увидѣло множество путей къ своему освобожденію отъ тяжелаго феодальнаго гнета и къ пріобрѣтенію себѣ мѣста и значенія въ обществѣ, для котораго оно составляло доселѣ, такъ сказать, подножіе. Однимъ словомъ, жизнь общества, дотолѣ разбитая и разсѣянная, начала сосредоточиваться, получать правильныя формы, приходить къ единству.

192. Таково было дѣйствіе Крестовыхъ походовъ на общество въ цѣломъ его составѣ; изъ вышеизложеннаго (189 — 191) явствуетъ, что оно измѣнилось въ двоякомъ отношеніи: въ *духовномъ*, со стороны понятій и образа мыслей, и въ *матеріяльномъ*, со стороны условій и потребностей жизни и способовъ удовлетворенія имъ. Естественно, что при таковомъ измѣненіи общества въ цѣломъ, и части, его составлявшія, не могли остаться въ прежнемъ положеніи. Постараемся опредѣлить дѣйствіе Крестовыхъ походовъ отдѣльно на каждый изъ элементовъ, составлявшихъ тогдашнее общество, и именно: I на Вассаловъ; II на Духовенство; III на Городскія общины.

193. I. *Перемѣна, произведенная Крестовыми походами въ состояніи Вассаловъ.* Съ окончаніемъ Крестовыхъ походовъ Феодальная система перестаетъ быть господствующею въ государствахъ западной Европы; началомъ XIV вѣка ограничивается ея владычество въ обществѣ; отселѣ раздѣльность одного и того же народа на нѣсколько мелкихъ народовъ; раздѣльность верховной власти по рукамъ нѣсколькихъ властей, прекращается; мелкіе народы и мелкія владѣнія сливаются въ большія массы; мелкія власти сосредоточиваются и исчезаютъ мало по малу въ одной, общей для цѣлаго государства, или, лучше, съ сей эпохи начинается идея Государства, образовываются двѣ составныя части его: народъ и Правительство. Ходъ дѣлъ въ каждомъ Государствѣ въ особенности, и во всѣхъ Государствахъ вообще съ XIV вѣка служитъ тому доказательствомъ. И событія внутри Государствъ и внѣшнія предпріятія Правительствъ, носятъ на себѣ характеръ общности, котораго они прежде не имѣли. Законодательныя и административныя распоряженія обнимать начинаютъ болѣе и болѣе весь составъ Государства, простираясь и на всю страну

и на всѣ классы народа. Войны, до XIV столѣтія наполняющія Исторію Европейскихъ земель, суть мелкія внутреннія войны: Вассаллы воюютъ между собою за свои частныя распри, или для усиленія себя на счетъ другъ друга; Вассаллы воюютъ съ своими Государями съ цѣлію не дать утвердиться власти ихъ, Вассаллы воюютъ съ городами, стремясь привести ихъ отъ себя въ полную зависимость. Съ XIV вѣка начинающіяся войны получаютъ другой характеръ: это войны, ведомыя правительствомъ одного Государства съ правительствомъ другаго; войны внѣшнія, имѣющія цѣль политическую. Все это служитъ свидѣтельствомъ, что не Вассаллы съ этого времени являются главными дѣйствователями въ событіяхъ и виновниками оныхъ, и что, слѣдственно, важность ихъ и сила много потеряли противу прежняго. Какимъ же образомъ Крестовые походы могли содѣйствовать къ упадку Феодализма?—Они содѣйствовали и къ ограниченію матеріяльнаго могущества Вассалловъ, и ихъ могущества во мнѣніи народномъ. Рѣшимость встать подъ знамя креста уже одна освобождала всякаго простолюдина отъ подданства своему Феодальному владѣльцу: цѣлыя деревни бросали свои земледѣльческія орудія и отправлялись въ походъ, и власть Вассалла не въ силахъ была остановить ихъ, потому-что это бы значило возставать противу святости предпріятія, и потому, что, при малѣйшемъ сопротивленіи со стороны Вассалла, Епископъ или Настоятель монастыря предалъ бы его проклятію, разрѣшилъ бы его подвассалловъ и его рабовъ отъ всякаго повиновенія, и позволилъ бы имъ открытое на него возстаніе. Писатели, Трубадуры, дотолѣ сопутники, чада Феодализма, возстаютъ противу него: одни доказываютъ незаконность и насильственность власти Вассалловъ, другіе пишутъ сатиры на эту власть; и если народъ не былъ еще столько образованъ, чтобы вполнѣ обнять новыя мысли, писателями распространяемыя, то, во всякомъ случаѣ, ученіе, котораго приложеніе клонилось къ выгодамъ цѣлой массы, могло быть матеріяльно понято умами самыми грубыми. И между тѣмъ университеты распространяли познанія ученыя; поощряли духъ изслѣдованія своими преніями о разныхъ вопросахъ, и религіозныхъ и политическихъ. Тогда появляются сочиненія юридическаго и политическаго содержанія; юристы, проникнутые началами Римскаго права, доказываютъ могущество и законность власти Монархической и незаконность власти Вассалловъ, и эти идеи тѣмъ съ бо́льшею ревностію были распространяемы, что онѣ исходили

изъ класса людей, которымъ чужды были выгоды и преимущества феодальныхъ владѣльцевъ. Люди, составлявшіе новое, учащееся поколѣніе, не принадлежали къ сословію Вассалловъ; гордые Бароны и честные рыцари презирали всѣ умствованія, которыя не относились къ ихъ любимымъ боевымъ занятіямъ; всѣ упражненія, которыя не служили къ умноженію тѣлесныхъ силъ и ловкости: изъ сословія гражданъ состояло почти все это многочисленное юношество, которое наполняло университеты, и которое потомъ вносило свои новыя идеи обратно въ общество.

194. Другое дѣйствіе Крестовыхъ походовъ на классъ Вассалловъ состояло въ томъ, что они уменьшили количество мелкихъ владѣльцевъ и свели собственность и власть въ меньшее число рукъ. Многіе, отправляясь въ дальній походъ, продавали свои помѣстья или Королямъ, или большимъ владѣльцамъ, или церквамъ и монастырямъ, или, просто, отпускали ихъ на волю, одни за деньги, для издержекъ похода, другіе безденежно, по побужденіямъ набожности; многіе въ походѣ положили свои головы; многіе пріобрѣли себѣ помѣстья въ Сиріи, Палестинѣ, и тамъ остались; тѣ же, которые воротились, уже не могли жить такъ отдѣльно и такъ уединенно, какъ жили прежде; самая необходимость во время похода поступить подъ начальство какого нибудь сильнаго Вассалла, была для мелкихъ владѣльцевъ основою нѣкотораго рода подчиненности большимъ и по возвратѣ на родину. Замки сихъ большихъ владѣльцевъ сдѣлались центрами, около которыхъ стекались малые; стали жить тамъ, и сохраняя свои небольшія помѣстья, уже не замыкались въ нихъ. Жизнь, болѣе разнообразная, болѣе сообщительная дома, стала съ другой стороны причиною, что Вассаллы охотно уклонялись и отъ своихъ судебныхъ обязанностей и, слѣдственно, и сопряженныхъ съ ними правъ; они часто откупались отъ своей обязанности итти на войну за своего Сеніора, и нанимали вмѣсто себя эти толпы вольницы, Кондотьерами, Брабансонами и другими разными именами называвшіяся. Эти люди сдѣлали изъ войны промыселъ и бились за всякаго, кто имъ платилъ. Вассаллы находили для себя удобнымъ нанимать вмѣсто себя эти толпы, которыя впослѣдствіи могли быть употреблены противу нихъ самихъ. Подобнымъ же образомъ, скучая обязанностію съѣзжаться для суда и расправы, они выпустили изъ рукъ своихъ и участіе въ судебной и участіе въ законодательной власти; суды Королевскіе замѣнили судъ Вассалловъ. Однимъ словомъ, въ XIII и

началѣ XIV вѣка Феодальная система еще существуетъ, еще занимаетъ важное мѣсто въ устройствѣ общественномъ; но вверху и внизу общества уже возрастали двѣ силы, которыя долженствовали ниспровергнуть ея основаніе: сила Монархической власти и сила Средняго сословія, дѣлавшагося съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе многочисленнымъ, богатымъ и образованнымъ. Въ эпоху господства Феодальной системы всѣ общественныя условія и отношенія были устроены неизмѣнно и непреклонно: все происходило отъ земли и къ землѣ возвращалось (*). Отъ знатнѣйшаго Барона до послѣдняго подвассалла все зависѣло отъ Феода, отъ условій обладанія онымъ; все опредѣлялось этими условіями Феодальнаго владѣнія. Горожане и духовенство одни еще нѣсколько разнообразили собою это утомительно-единообразное общество. Но когда университетскія знанія, важность Судебныхъ Палатъ, могущество Королевской власти, дѣятельность промышленная, родили новыя отношенія, по необходимости должно было произойти, что эти новые классы людей займутъ свое мѣсто въ обществѣ. Съ тѣхъ поръ прежнія неподвижныя раздѣленія людей измѣнились; Дворянство перестало основываться исключительно на владѣніи землею, и классы людей не располагались болѣе по взаимнымъ обязанностямъ, зависѣвшимъ отъ условій обладанія оною; Короли сами стали возводить въ Дворянство. — Такъ во всемъ, когда будемъ всматриваться въ состояніе общества при концѣ Крестовыхъ походовъ, во всемъ найдемъ, что это направленіе къ раздробительности, которое предшествовало сей эпохѣ, и которое было отличительнымъ признакомъ господства феодальныхъ идей и уставовъ, прекратилось, и было замѣнено направленіемъ въ противную сторону, направленіемъ къ сосредоточенію. Все стремится ко взаимному сближенію, а въ семъ только направленіи общество можетъ итти впередъ и совершенствоваться.

195. *Перемѣна, произведенная Крестовыми походами въ состояніи Духовенства.* Вышеизложенный ходъ крестоносныхъ предпріятій ясно показываетъ, что власть Папъ и, черезъ нихъ, власть Духовенства должна была возвыситься, имѣя уже прочное основаніе, которое, около эпохи самаго начала походовъ, положилъ ей Григорій VII. Она и дѣйствительно возвысилась: Крестовые походы были войны (**), но войны, веденныя во славу Вѣры, — предпрія-

(*) Капфигъ.

(**) Геереиъ.

тія, которыя должна была производить въ дѣйство свѣтская власть, но по повелѣнію Церкви. Глава ея, Папа, повелѣвалъ производить ихъ въ дѣйство, эти предпріятія; и чего не могло заключаться въ этомъ правѣ повелѣвать, производить ихъ въ дѣйство? Но явленія, ознаменовавшія начало XIV вѣка (87), столь же ясно доказываютъ, что если начало Крестовыхъ походовъ содѣйствовало къ новому и большому возвышенію власти Духовенства, то окончаніе ихъ произвело послѣдствія, противныя началу, и эта противоположность въ обоихъ случаяхъ была весьма естественнымъ послѣдствіемъ самыхъ событій. Причина ея заключается въ перемѣнѣ понятій, совершившейся во всѣхъ сословіяхъ общества, вслѣдствіе успѣховъ разума, и сія перемѣна должна была преимущественно дѣйствовать на отношенія, въ какихъ доселѣ состояла Папская власть къ прочимъ элементамъ общества преимущественно: ибо важность сей власти основывалась доселѣ на одномъ только мнѣніи, съ перемѣною котораго она должна была измѣниться. Если Аристократія Феодальная, помня свою прежнюю высоту и свою прежнюю власть надъ Духовенствомъ (съ VI до X вѣка), и была постоянною противодѣйствующею силою его могуществу, то съ XIII вѣка, въ эпоху наибольшаго могущества власти Духовной, начинается уже въ разныхъ земляхъ Европы противодѣйствіе народное ея могуществу. Тогда (съ 1208 — 1229) обнаруживается въ южной Франціи ересь Албигенцевъ, обхватившая общество многочисленное и сильное; почти въ то же время на С., во Фландріи, проявляются идеи и желанія сего же рода; нѣсколько позже, въ Англіи, Виклефъ съ умомъ и дарованіемъ нападаетъ на власть Папскую и основываетъ секту, которая будетъ жить и послѣ него Государи не замедлили дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ и народы. Въ началѣ XIII вѣка самые могущественные и самые умные и дѣятельные изъ Государей Европейскихъ, Императоры Дома Гогенштауфенскаго, изнемогли въ бою съ Папскою властью; этотъ вѣкъ еще продолжается, и уже Св. Лудовикъ, набожнѣйшій изъ Государей, провозглашаетъ независимость свѣтской власти отъ Духовной, обнародываетъ свою Прагматическую Санкцію (г. 1269), которою дозволяетъ каѳедральнымъ церквамъ и аббатствамъ во Франціи избирать самимъ своихъ Прелатовъ; ограничиваетъ притязанія Духовенства на власть свѣтскую и опредѣляетъ только случаями крайней необходимости сборы, которые Римскій Дворъ могъ налагать на Церкви во Франціи. При началѣ XIV вѣка воз-

*

никаетъ ссора Филиппа Красиваго съ Бонифаціемъ VIII (87); и Король Англіи, Эдуардъ I, не болѣе послушенъ велѣніямъ Рима. Однимъ словомъ, съ исхода XIII вѣка начинается дѣйствительное освобожденіе Европейскаго общества отъ Папской опеки; съ сихъ поръ власть Духовная должна была перестать думать объ обладаніи имъ, тѣмъ болѣе, что орудіе, которымъ она доселѣ могла держать общество въ своей опекѣ, переходить стало изъ рукъ Духовныхъ въ другія: это орудіе — науки.

196. Тотъ рѣшительный перевѣсъ, который доселѣ духовные имѣли по своей большей учености надъ всѣми сословіями общества, кончился, и науки, изъ обителей церковныхъ и монастырскихъ, гдѣ онѣ доселѣ имѣли единственное убѣжище, стали переходить въ свѣтъ. Съ XII еще вѣка начали учреждаться университеты; древнѣйшіе въ Салерно, Болоніи и Парижѣ. Первый возникъ изъ Медицинской школы, основавшейся еще во второй половинѣ XI вѣка и прославленный учредителемъ своимъ Константиномъ Карѳагенскимъ или Африканскимъ, который, изучивъ медицинскія и естественныя науки на Востокѣ, въ училищахъ Аравійскихъ, сталъ знакомить жителей Запада съ медициною Гиппократа и Аравитянъ; знаменитость сего заведенія въ теченіе XII вѣка увеличивалась, и кругъ его ученой дѣятельности расширялся, и въ XIII вѣкѣ, при покровительствѣ Фридриха II Гогенштауфена, въ Салернскій университетъ стекались юноши изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Европы. Кромѣ Медицины, преподаваема была здѣсь Философія и Юриспруденція; но первая оставалась главною наукою, и составляла основаніе Европейской славы университета. Болонскій университетъ пріобрѣлъ въ половинѣ XII вѣка громкую славу, какъ первая въ Европѣ школа Юриспруденціи, и основаніе сей славѣ положилъ Ирнерій, изъяснявшій здѣсь Римское право; въ началѣ XIII вѣка Болонскій университетъ имѣлъ до 10,000 слушателей; кромѣ Юриспруденціи, здѣсь изучаемы были Богословіе, Медицина и Изящныя Искусства; но Юриспруденція оставалась главною. Парижскій Университетъ прославился Абелардомъ и ученикомъ его, Петромъ Ломбардскимъ, во второй половинѣ XII вѣка; Философія, Богословіе, Юриспруденція, Медицина были здѣсь преподаваемы, и изъ всѣхъ школъ XII и XIII вѣка Парижскій университетъ имѣлъ наибольшую славу, и десятками тысячъ считали въ немъ количество слушателей. Университеты Оксфордской и Кембриджскій, особенно первый, можетъ быть древ-

нѣе сказанныхъ временемъ основанія (*), но современны имъ извѣстностію. Въ Падуѣ, Неаполѣ, Реджіо, Римѣ и Тревизо въ Италіи; въ Монпельѣ и Тулузѣ во Франціи; въ Саламанкѣ въ Испаніи, университеты основались съ XIII вѣка; въ Германіи стали возникать и размножаться съ XIV. Понятно, что прежнія монастырскія школы не могли выдерживать соперничества съ сими новыми училищами, и должны были приходить въ бо́льшую и бо́льшую незначительность; понятно, что новое поколѣніе, подъ вліяніемъ другихъ идей образовавшееся въ сихъ училищахъ, и разсѣявшееся по обществу въ исходѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, внесло съ собою и въ жизнь идеи, совершенно отличныя отъ прежнихъ.

197. *Перемѣна, произведенная Крестовыми походами въ состояніи Горожанъ.* Не смотря на различную, по мѣстнымъ обстоятельствамъ (89 — 100) судьбу въ положеніи городовъ и жителей ихъ, всѣ они подпали вліянію общаго цѣлой Западной Европѣ учрежденія, Феодальной системѣ; и когда, съ исхода XI вѣка, замѣтнымъ становится постепенное возстаніе городовъ противу ига феодальнаго, тогда они, освобождаясь, получали эти уставы общинъ, по которымъ, отчасти, какъ и въ древнемъ Римскомъ мірѣ, сословіе городскихъ жителей составило собою тоже родъ касты, для другихъ недоступной. Видоизмѣненія въ учрежденіяхъ сихъ общинъ зависѣли отъ того, съ болѣе или менѣе сильными сосѣдними Вассаллами города вели споръ за свою независимость. Такъ въ Италіи Сѣверной и Средней образовались республики, отъ того, что вокругъ городовъ не было сильныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Жители тамошнихъ городовъ не только освободили себя отъ зависимости своихъ мелкихъ феодальныхъ сосѣдовъ, но поглотили ихъ, такъ сказать, т. е. включили ихъ въ свой собственный составъ, принудили ихъ жить въ своихъ стѣнахъ. Въ подобномъ положеніи были города южной Франціи до половины XIII вѣка, до окончанія войны Албигенской, войны феодальной Франціи съ Франціею городскихъ общинъ; ЮВ. Испаніи до исхода XIII вѣка, до завоеванія Мурціи, чѣмъ кончилась собственно для Арагона война съ Маврами; Германіи до исхода XIII вѣка, до конца междуцарствія, и усиленія власти немногихъ сильнѣйшихъ Князей Гер-

(*) Основаніе Оксфордскаго университета относятъ ко временамъ Альфреда Великаго, слѣд. къ исходу IX вѣка.

маніи (сравни. 104 и 105). Такимъ образомъ индѣ ранѣе, индѣ позже, но общины образовались и существовали всюду въ XII и XIII вѣкахъ, одолженныя своимъ образованіемъ преимущественно возстанію горожанъ противу Вассаловъ (97 — 99) и, слѣдственно, въ своемъ настоящемъ видѣ онѣ уже были, такъ сказать, продуктомъ Феодализма, хотя первоначальною основою многихъ и были Муниципіи Римскія. Нося на себѣ отпечатокъ своего Феодальнаго происхожденія, и города явно и ясно стремились по направленію Феодальному къ отдѣльности и мѣстности (107). Если Крестовые походы измѣнили главный элементъ Феодальнаго общества, состояніе Вассаловъ, и остановя стремленіе къ раздѣльности, произвели направленіе противное, направленіе къ сосредоточенію: то и положеніе городскихъ общинъ должно было измѣниться съ XIV вѣка. Это измѣненіе было неминуемымъ слѣдствіемъ двухъ причинъ: 1) *перемѣны въ отношеніи общинъ къ Вассаламъ*, 2) *перемѣны въ составѣ народонаселенія общинъ*.

198. 1) *Перемѣна въ отношеніяхъ общинъ къ Вассаламъ* состояла въ томъ, что если до-сихъ-поръ общины имѣли дѣла съ мелкими владѣльцами, противу которыхъ они могли отстаивать свою независимость, то съ XIV вѣка, по сліяніи малыхъ феодовъ въ большія владѣнія, имъ надобно было стоять противу владѣльцевъ сильныхъ. Здѣсь не всегда могли быть средствомъ къ защитѣ и союзы между городами, какъ потому, во-первыхъ, что не вездѣ степень образованности въ горожанахъ была достаточна къ учрежденію такихъ союзовъ, къ начертанію правилъ, которыми бы могла держаться большая конфедерація; такъ, во-вторыхъ, и потому, что и тамъ, гдѣ подобныя конфедераціи устроивались, рѣдко было можно согласить выгоды частныя каждой общины съ выгодами цѣлаго союза и, слѣдственно, въ случаѣ спора съ тѣмъ или другимъ феодальнымъ владѣльцемъ, и въ самомъ союзѣ тотъ или другой городъ находилъ такой споръ для себя невыгоднымъ; надобно было, слѣдственно, городскимъ общинамъ искать для себя защиты отъ Вассаловъ у Государей. Таковыя жалобы общинъ Государямъ на притязанія Вассаловъ были въ духѣ главнаго начала феодальной системы, начала, худо исполняемаго, но всегда, однакожь, имѣвшаго свою силу надъ умами: что можно искать управы на Вассала у его феодальнаго владыки (Сеніора, Seigneur, Suzérain). И тѣмъ охотнѣе общины обращались съ таковыми жалобами къ Государямъ, что могли надѣяться дѣйствительной защиты; ибо власть Госуда-

рей, какъ изложено будетъ ниже, очевидно возрастаетъ, и утверждается во главѣ цѣлаго общества съ исхода XIII вѣка.

199. 2) *Перемѣна въ составѣ народонаселенія общинъ* заключалась въ томъ, что распространеніе промышленности и образованія породило множество новыхъ занятій, произвело и усилило классъ людей, которые собственно не принадлежали къ составу общины, т. е. не были въ числѣ тѣхъ людей, между которыми раздѣлены были городскія преимущества, но которые принадлежали однако же къ народонаселенію городскому, каковы были, напримѣръ, члены университетовъ и многочисленное и разнородное юношество, въ нихъ обучавшееся; врачи, законовѣдцы, многочисленные агенты, употреблявшіеся по дѣламъ управленія, и тѣмъ болѣе увеличивавшіеся въ своемъ числѣ, чѣмъ болѣе разнообразилась жизнь, и общественныя сношенія дѣлались чаще.

200. При такихъ перемѣнахъ быта своего община не могла устоять съ прежними своими учрежденіями, образуя (*) отдѣльное маленькое государство, управляемое небольшимъ числомъ гражданъ, стремящихся распространить свое владычество надъ остальными, которые, въ свою очередь, тѣснили несчастныхъ, неимѣвшихъ вовсе права гражданства, или бывшихъ подданными общины. Такимъ образомъ сіи общества недостаточными сдѣлались, чтобы обезпечить спокойствіе цѣлаго и утвердить взаимное довѣріе людей, къ нимъ принадлежащихъ; мелкія страсти, возбужденныя самымъ неограниченнымъ эгоизмомъ, недостатокъ общей цѣли, зависть, столь естественная между людьми, неодушевленными любовію къ общему благу, недостатокъ нравственной связи между гражданами одной и той же общины и членами одного и того же сословія, причиняли новыя затрудненія; слѣдствіемъ ихъ было подраздѣленіе въ самихъ сословіяхъ; цехи въ общинахъ, коллегіи въ университетахъ сдѣлались новыми обществами, которыя имѣли свою отдѣльную цѣль и которыя уклонялись, сколько могли, отъ повинностей общины, стараясь, чтобы оныя падали на другихъ. Слѣдственно безпокойства и волненія въ самыхъ общинахъ были опять причиною, что онѣ прибѣгали къ посредству власти Государей и искали въ сей власти, такъ сказать, защиты отъ самихъ себя. Отъ сего произошло съ XIV вѣка во всѣхъ земляхъ Европы паденіе

(*) Мейеръ.

общинъ, уничтоженіе, т. е. ихъ грамматъ, ихъ правъ самодержавія; уничтоженіе деспотизма этой олигархіи, которая содержала города подъ своею тягостною властію, угнетая въ нихъ истинное, великое развитіе и мысли и дѣятельности человѣческой,—это развитіе законносвободное, разнообразное, неимѣвшее предѣла, который могъ быть опредѣленъ кѣмъ-нибудь, и составлявшее истинную причину высокаго образованія новыхъ обществъ. Но въ замѣнъ погасавшихъ болѣе и болѣе въ XIV и XV вѣкахъ городскихъ общинъ составился изъ нихъ же многочисленный *Средній классъ*, и Исторія Европейскихъ Государствъ свидѣтельствуетъ, что отъ болѣе ранняго или поздняго образованія сего класса, отъ бо́льшей или меньшей его многочисленности, зависѣла и бо́льшая или меньшая степень ихъ образованности и ихъ благосостоянія

201. Итакъ, общій результатъ вліянія Крестовыхъ походовъ на Европейское общество состоитъ въ томъ, что отъ нихъ всѣ прежнія стихіи онаго, Вассаллы, Духовенства, Городскія Общины, ослабѣли или, лучше сказать, утратили свою суровость непріязненную, свою, такъ сказать, угловатую, готическую форму, сгладились и пришли въ возможность спаяться между собою, слиться подъ рукою одной общей центральной власти, которая, находясь внѣ духа отдѣльности и мѣстности, духа, коимъ проникнуты всѣ учрежденія Среднихъ вѣковъ, не принадлежа ни къ какой партіи, ни къ Феодальной, ни къ Духовной, ни къ Городской, а стоя выше всѣхъ ихъ, могла съ этой высоты своей безкорыстно и могущественно сливать разнородныя части общественнаго состава въ одно стройное цѣлое, и стремить общество къ этому единству возвышенному и свободному, которое составляетъ достославную цѣль усилій и желаній человѣческаго рода. Это есть *Власть единодержавная*, получающая свою опредѣленную физіономію и свое спасительное право дѣйствовать вдругъ для блага милліоновъ, со времени окончанія Крестовыхъ походовъ, съ XIV вѣка, именно вслѣдствіе ослабленія этихъ, ей противодѣйствующихъ и враждебныхъ силъ, которыя встрѣчала она доселѣ всюду на пути своемъ: могущества и своевольства Вассалловъ, власти Духовенства и привилегій Городскихъ Общинъ.

ГЛАВА XVIII.

Монархическая власть.

Важность Монархической власти въ Исторіи происхожденія и образованія обществъ; историческій ходъ ея развитія въ Древнемъ и Новомъ обществѣ; понятія Римлянъ о Монархической власти отъ Августа до Діоклетіана; перемѣны въ понятіяхъ объ ней во времена Діоклетіана и Константина В., до паденія Имперіи.

---

202. Монархическая власть занимаетъ въ Исторіи происхожденія и образованія человѣческихъ обществъ великое мѣсто; и въ Новой Европѣ, когда общество послѣ многихъ перерожденій достигло наконецъ своего единства, въ которомъ слились и, такъ сказать, разрѣшились другъ въ другѣ разнородныя стихіи общественной жизни; когда на великой сценѣ міра Исторія встрѣчаетъ всюду только два великіе образа: Народъ и Правительство, то это Правительство, дѣйствіями котораго отселѣ опредѣляться будетъ судьба общества, и подъ вліяніемъ котораго зацвѣли въ Европѣ съ XIV вѣка націи многочисленныя и сильныя, и подъ вліяніемъ котораго Европа достигла того высокаго первенства надъ всѣми частями Историческаго міра (16, 29), которое принадлежитъ ей и доселѣ, — есть *власть Монархическая*. И что она, сія власть, занимала такое великое мѣсто въ судьбѣ обществъ, это и быть долженствовало a), по причинѣ глубокой древности ея происхожденія, b) всеобщности ея распространенія, c) ея удобопримѣняемости

ко всякому состоянію общества, большаго, какъ и малаго, малопросвѣщеннаго, какъ и стоящаго на самой высшей степени образованія.

203. a) Никто не укажетъ эпохи, съ которой началась власть Монархическая въ мірѣ. Первыя Государства, до которыхъ восходятъ историческія воспоминанія, были Монархіи; но она древнѣе и сихъ древнѣйшихъ Монархій; она уже видится въ первобытной жизни Патріарховъ; ея основная идея заключается въ обществѣ семейственномъ, въ которомъ впервые начала развиваться жизнь человѣка. b) Въ трехъ частяхъ извѣстнаго Древнимъ свѣта она существовала и существуетъ; по открытіи Америки, и еще позднѣе, внутреннихъ странъ Африки, ее находимъ тамъ утвержденною, такъ какъ и на большой части Архипелаговъ Австраліи; однимъ словомъ, почти все народонаселеніе Земнаго Шара раздѣлено, съ весьма немногими исключеніями, между нѣкоторымъ числомъ единодержавныхъ властителей. c) Государства огромныя, какъ Монархіи Нина и Кира, общества небольшія, какъ Государства Древней Греціи; миролюбивое народонаселеніе неподвижнаго Китая; изнѣженные жители Индіи и суевѣрные обитатели древняго Египта—наравнѣ покорялись этой власти, какъ и воинственныя полудикія племена древнихъ Скиѳовъ, Монголовъ или Негровъ или жителей внутренней Америки. Другіе роды Государственнаго устройства зависятъ отъ времени, мѣста, обстоятельствъ; Монархическая власть не подчинена симъ условіямъ; другіе роды допускаютъ величайшее разнообразіе формъ; форма Монархической власти въ основаніи своемъ всегда одна и та же; простая, неизмѣнная, и при всемъ этомъ, она примѣняется къ обществамъ вовсе непохожимъ другъ на друга. Должно быть, что идея Монархіи наиболѣе соотвѣтствуетъ природѣ человѣка; должно быть, что Монархическая власть проявляетъ наиболѣе ощутительнымъ образомъ идею и характеръ власти Верховной, служитъ самымъ внятнымъ ея выраженіемъ. Этотъ характеръ Верховной власти заключается въ томъ, чтобы она имѣла единство, была неизмѣнна и стояла въ обществѣ на такой высотѣ, чтобы могла быть чуждою всѣхъ измѣненій, происходящихъ въ этомъ мірѣ; чтобы она принадлежала міру какъ зритель и судія перемѣнъ, въ немъ совершающихся. — Дѣйствительно, основныя естественныя свойства Верховной власти, власть Монархическая проявляетъ подъ формою наиболѣе осязаемою. Посему-то къ ней обращались народы, когда основанія общественнаго союза приходили въ забвеніе, и буйный произволъ

и страсти партій готовились расторгнуть общество на части; посему-то Римское владычество, угрожаемое неминуемымъ уничтоженіемъ во времена Республики въ послѣднемъ столѣтіи передъ Р. Х., скрѣпилось идеею единодержавія и прожило ещё 500 лѣтъ при безпрерывномъ сильнымъ оспориваніи его существованія со стороны опасныхъ по своимъ свѣжимъ силамъ внѣшнихъ враговъ; посему-то въ наши времена Франція, перейдя кровавый періодъ своей революціи, испытавъ всѣ ея ужасы, перепробовавъ всѣ формы Государственнаго устройства, возвратилась подъ сѣнь престола Монаршаго. Времена бурныхъ колебаній въ обществѣ, эпохи потрясенія Государственнаго состава служатъ народамъ уроками для убѣжденія въ той истинѣ, что престолъ Государя есть для нихъ надежнѣйшій залогъ ихъ благоденствія; но счастливы тѣ народы, которые пріобрѣли въ сей истинѣ убѣжденія безъ подобныхъ кровавыхъ испытаній!

204. Если бурные періоды существованія общества могутъ считаться временами особенно благопріятными къ утвержденію и развитію Монархической власти; то Новая Европа, въ которой стихіи общественной жизни были въ такой жестокой и, казалось, несконча́емой борьбѣ, имѣла такія времена. Съ той именно эпохи, въ которую каждая изъ сихъ стихій вызрѣла отдѣльно и пріобрѣла себѣ силу существовать отдѣльно; въ которую Европейское общество, такъ сказать, стояло на распутіи, не зная, по какому направленію ему слѣдовать; съ той самой эпохи, съ исхода XIII и начала XIV вѣка, стала утверждаться Монархическая власть. Это не значитъ, чтобы она тогда же и родилась въ Европейскомъ обществѣ; идея сей власти съ одной стороны была въ числѣ тѣхъ наслѣдствъ, которыя Новый Европейскій міръ получилъ отъ Древняго Римскаго; съ другой стороны, виновники существованія новыхъ обществъ принесли идею ея съ собою. Такимъ образомъ Монархическая власть Новой Европы, и формы, подъ которыми она проявлялась, составляютъ опять результатъ изъ сліянія понятій, оставшихся отъ древняго Рима съ понятіями Германскихъ народовъ. Разсмотримъ, во 1-хъ, что́ была Монархическая власть, по понятіямъ Римлянъ, во 2-хъ, что́ была она по понятіямъ Германцевъ, въ 3-хъ, чѣмъ стала она въ Новомъ Европейскомъ обществѣ.

205. Когда не хитрости Октавія, а сила обстоятельствъ и стремленіе Римскаго общества укрыться отъ бурь и бѣдствій, избавить-

ся отъ губительныхъ кровавыхъ споровъ, которые предводители партій вели за власть между собою, утвердили за нимъ власть верховную; тогда владыка Рима и самъ недоумѣвалъ: подъ какою формою ему устроить власть свою; переданная намъ историками бесѣда его о семъ предметѣ съ Агриппою и Меценатомъ служитъ доказательствомъ сего недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, въ тогдашнемъ Римскомъ обществѣ не существовало для новой власти готовыхъ формъ; Императоръ Августъ перевелъ на себя всѣ званія и должности Республиканскія, и сталъ править Римскимъ міромъ какъ уполномоченный Римскимъ народомъ, или представителемъ онаго, Сенатомъ. Подобное сему явленіе встрѣчаемъ въ новѣйшія времена. На монетахъ Французскихъ, въ началѣ царствованія Наполеона, писано было съ одной стороны: *Республика Французская*, а съ другой: *Наполеонъ Императоръ*. Это и была первая идея Императорской власти въ Римѣ, служившая основаніемъ ей до самыхъ временъ Діоклетіана, до исхода III вѣка по Р. Х. Сія идея не могла быть ни для власти Императорской прочнымъ основаніемъ, ни для общества Римскаго надежнымъ ручательствомъ за общее спокойствіе. Исторія Рима въ періодѣ Императоровъ служитъ слишкомъ убѣдительнымъ доказательствомъ, сколь шатка была Императорская власть, не смотря и на то, что власть многихъ Императоровъ является безпредѣльною, и на то, что развращенные потомки Ромула воздавали многимъ изъ своихъ властителей божескія почести. Причина сего очевидна: во мнѣніи общемъ Императоръ Римскій былъ все же гражданинъ, уполномоченный отъ Республики править ею; слѣдственно народъ оставался какъ бы въ правѣ поручить завѣдываніе Верховною властію тому или другому, по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ и выходило, что таковое порученіе давалось отъ Сената, отъ Преторіанской гвардіи, отъ Легіоновъ въ провинціяхъ, покупалось за деньги, пріобрѣталось насиліемъ, хитростію, злодѣйствами.

206. Императоръ Діоклетіанъ, получившій власть, какъ и самая большая часть его предшественниковъ, отъ Легіоновъ, которыми онъ начальствовалъ (г. 284); человѣкъ вовсе не жадничавшій власти, и болѣе склонный къ тихой жизни частнаго человѣка, чѣмъ къ царственнымъ заботамъ, чувствовалъ однако же необходимость вывести, такъ сказать, Императора изъ сословія гражданъ, возвысить власть его надъ народомъ и облечь ее благолѣпіемъ. Съ этой цѣлію Діоклетіанъ, простой и умѣренный въ своихъ нра-

сахъ, въ своей жизни окружилъ себя и своихъ соцарственниковъ пышностію, составилъ великолѣпный дворъ, и при всей многосложности и искусственности устройства, какое онъ далъ Императорской власти, нельзя не понять намѣренія его показать Римлянамъ заранѣе въ Цесаряхъ Галеріи и Констанціи Хлорѣ ихъ будущихъ владыкъ, и подчинить на будущее время пріобрѣтеніе Императорскаго титла не случайностямъ своеволія Легіоновъ, не проискамъ хитрости или нахальству злодѣйства, а благонамѣренному предварительному избранію царствующихъ Августовъ. Такимъ образомъ думалъ Діоклетіанъ устроить въ Римѣ, внѣ состава Республики, какъ бы, такъ сказать, разсадникъ будущихъ владыкъ, не внезапности какого нибудь переворота обязанныхъ своею властію, а приготовленныхъ къ ней заранѣе. Но зданіе, сооруженное Діоклетіаномъ, было, какъ сказано, и сложно и искусственно. Чтобы могъ поддержаться введенный имъ порядокъ, надобно было, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній могли повториться люди, столь взаимно другъ друга по характеру своему дополнявшіе, каковы были Августъ Діоклетіанъ съ своимъ Цесаремъ Галеріемъ, и Максиміанъ съ Констанціемъ Хлоромъ; надобно было, сверхъ того, чтобы въ числѣ четырехъ правителей находился всегда одинъ, который бы, подобно Діоклетіану, умѣлъ и не дать чувствовать своей власти и своего первенства другимъ, и имѣть надъ ними и хранить надъ ними власть дѣйствительную Послѣдствія скоро оказались. Едва Діоклетіанъ, уступая сколько своимъ склонностямъ, столь же, и еще болѣе, докукамъ своего Цесаря, сложилъ съ себя титло и убѣдилъ къ тому же Максиміана (г. 305), начался прежній обычный споръ за власть, и 18 лѣтъ длился этотъ кровавый споръ дотолѣ, пока Константинъ отчасти пережилъ, отчасти побѣдилъ своихъ соперниковъ (г. 323).

207. Эти 18 лѣтъ были для Константина Великаго новымъ убѣжденіемъ, что нужны для Императорской власти другія основанія: непрочность прежнихъ была слишкомъ очевидна! Выше было сказано (33), съ какими мыслями и намѣреніями принялъ Константинъ Имперію; преобразованіе Императорской власти, естественно, должно было быть одною изъ главнѣйшихъ частей его плана общаго преобразованія, и Константинъ, поддерживая вполнѣ великолѣпіе, которымъ окружилъ власть Императорскую Діоклетіанъ, составивъ Дворъ еще болѣе пышный, придумавъ многіе титулы, которые были сопряжены съ большими почестями, но безъ всякаго вліянія,

старался дополнить недостатки прежнихъ основаній Императорской власти, 1) постановленіемъ новаго, священнаго начала Императорской власти, по которому не проистекаетъ она отъ народа, и по которому Императоръ на престолѣ своемъ не есть уполномоченный народа, а уполномоченный Провидѣнія управлять народами; 2) введеніемъ наслѣдственности Императорской власти. Объявленіе Христіанской Вѣры господствующею въ Имперіи дало ему средство достигнуть перваго. Вѣра истинная, для искупленія рода человѣческаго въ нравственномъ, и для преобразованія его въ политическомъ отношеніи въ міръ ниспосланная, заключала въ своемъ ученіи начало сего освященія власти верховной. «Воздадите Кесарева Кесареви» говорилъ Царь царствующихъ; и «нѣсть власть, аще не отъ Бога; прочія же власти отъ Бога сотворены суть,» проповѣдывалъ Апостолъ. Императоръ сталъ главою новой Церкви, и власть его освятилась вѣрою; съ симъ неминуемо новыя идеи должны были родиться въ обществѣ объ источникѣ и свойствѣ Императорской власти. Втораго надѣялся онъ достигнуть объявленіемъ Императорами трехъ сыновей своихъ еще при жизни, и и раздѣломъ между ними Имперіи, не съ тѣмъ, чтобы составить три отдѣльныя Государства, а съ тѣмъ, чтобы, по идеѣ Діоклетіана, облегчить дѣйствія Правительства въ Государствѣ огромномъ и многосложномъ, и чтобы показать Римлянамъ заранѣе въ трехъ своихъ сыновьяхъ ихъ законныхъ властителей. Учрежденія Константиновы не поддержались его преемниками; общество Римское было столь разстроено въ своемъ внутреннемъ составѣ, что единственное дѣйствіе, какое могла на него имѣть власть Императорская, было то, что она, скрѣпивъ распадавшіяся части, отсрочила совершенное разрушеніе Государства, которое безъ того неминуемо ранѣе бы послѣдовало. Не смотря однако же на всѣ сіи неудачныя покушенія устроить и утвердить власть Императорскую, идея сей власти не погибла вмѣстѣ съ погибелью Римскаго общества, она пережила его и перешла въ новое общество, выраставшее изъ развалинъ Римскаго. Не столько собственно въ народѣ, сколько въ классѣ духовенства, и вообще въ классѣ грамотномъ, сколько въ особенности въ памятникахъ письменныхъ и въ памятникахъ архитектурныхъ осталось воспоминаніе объ Имперіи, осталось имя Императора, идея Императорскаго величества, власти верховной, священной, привязанной къ имени Императора, которое было и знаменіемъ и выраженіемъ сей власти.

ГЛАВА XIX.

Монархическая власть.

Понятія Германцевъ о Монархической власти; измѣненія нѣкоторыхъ изъ сихъ понятій по водвореніи ихъ въ Римскихъ областяхъ; состояніе Монархической власти въ Феодальную эпоху; начала будущаго могущества Монархической власти, сохранившіяся и въ эту эпоху; развитіе сихъ началъ событіями XIII и XIV вѣковъ; XV вѣкъ—время полнаго утвержденія Монархической власти.

---

208. Германцы, ворвавшіеся въ Римскій міръ и утвердившіеся на жительство и властвованіе въ его предѣлахъ, нашли тамъ (207) воспоминанія Императорской власти, и принесли съ собою и свои понятія о власти Монархической. Эти понятія проистекали изъ воинственныхъ учрежденій Германцевъ (40), особенно изъ образованія тѣхъ подвижныхъ воинственныхъ дружинъ (Гелейтовъ), которыя были настоящими виновниками переворота, отдѣляющаго Древній міръ отъ Новаго (40, 41). Вожди Гелейтовъ, нерѣдко начальники временные, подвижные, нерѣдко сами простые воины, окруженные сподвижниками, которыхъ привлекала къ нимъ ихъ щедрость, ихъ храбрость, именуемы были, даже и тогда, когда они не были начальниками Верманней (40), Королями, названіе, которое потомъ сдѣлалось титломъ Монарховъ въ новыхъ Европейскихъ обществахъ, происшедшихъ изъ завоеваній, Гелейтами

совершенныхъ. Итакъ, власть воеводы надъ своими воинами, власть весьма ограниченная, весьма нетвердая,—ибо воины Гелейта были люди добровольно приставшіе къ вождю, обязанные клятвою безпрекословно повиноваться ему во всемъ касающемся до дѣлъ войны и до дѣлъ цѣлой дружины, но и его обязывавшіе не предпринимать ничего безъ согласія дружины, — эта власть воеводы и была первымъ основаніемъ, на которомъ возникла власть Монархическая, когда вожди Гелейтовъ, Короли, сдѣлались вмѣстѣ со своею дружиной обладателями населенныхъ земель; слѣдовательно и основное право Монарха на властвованіе надъ другими, по понятіямъ Германцевъ, было право военачальства; и первое качество, котораго, по ихъ понятіямъ отъ Монарха требовалось, было качество воеводы мужественнаго и искуснаго. По таковому понятію власть Монарха должна была быть необходимо въ началѣ *избирательною*: воины по общему согласію провозглашали вождемъ своимъ того, кого считали къ тому способнѣйшимъ.

209. Но въ тѣ времена, когда Германскіе Гелейты дѣйствуютъ въ предѣлахъ историческаго міра и дѣлаются замѣтны для Исторіи (въ исходѣ IV и въ V вѣкѣ), сей первоначальный характеръ измѣняется: *избраніе* остается первоначальнымъ основаніемъ власти; но избраніе ограничивается *одною* или *нѣкоторыми* фамиліями, пріобрѣтшими себѣ болѣе важности, болѣе славы, болѣе богатства, чѣмъ другія; члены только сей или сихъ фамилій получаютъ власть: первое проявленіе идеи *наслѣдственности*, идеи, совершенно чуждой Римскому обществу. Эта идея наслѣдственности основывалась на преданіи, сдѣлавшемся вѣрованіемъ народнымъ у разныхъ Германскихъ племенъ, что фамиліи вождей ихъ происходятъ отъ боговъ и отъ героевъ, сдѣлавшихся богами, отъ Одена, Туискона и проч. Почти не было народа Германскаго, у котораго бы не существовало подобное преданіе; вожди Готовъ и Англосаксовъ происходятъ отъ Одена; у Франковъ Меровинги отъ бога морей (Meer, Meervingen), и въ отличіе своего особаго происхожденія одна эта фамилія носитъ длинные волосы: здѣсь проявленіе *религіознаго*, священнаго для народовъ начала власти. Слѣдственно, Германцы внесли съ собою въ основанныя ими общества идеи отличныя отъ Римскихъ о монархической власти; идею *военачальства*, идею *наслѣдственности*, идею *священнаго происхожденія лицъ*, облекаемыхъ сею властію. Присоединимъ къ этому и еще сдѣланное ими нововведеніе, служившее столь много

впослѣдствіи къ сохраненію права въ Монархическую власть въ рукахъ немногихъ фамилій, обычай, сдѣлавшійся въ теченіе времени закономъ, что супружескія связи царственныхъ лицъ заключаются только съ лицами царственнаго же происхожденія.

210. Сіи идеи Германцевъ о Монархической власти въ разныхъ странахъ, ими завоеванныхъ, различно измѣнились. Въ Галліи, у Франковъ при Королях Меровингскихъ, преобладаетъ монархія по понятіямъ Германцевъ; дѣлаются, правда, нѣкоторыя покушенія духовенствомъ возвысить эту власть до степени власти Императорской Римской и усилить ея религіозное начало; но избраніе въ Королевской Фамиліи съ нѣкоторою примѣсью наслѣдственности и идей религіозныхъ остается господствующимъ. Между тѣмъ однако уже Клодвигъ, при помощи, безъ сомнѣнія, духовныхъ и по ихъ указаніямъ, устроилъ у себя въ Парижѣ Дворъ по образцу Двора Константинопольскаго, и Императоръ Анастасій прислалъ ему діадиму и пурпуровую мантію вмѣстѣ съ титломъ Патриція Римскаго. Въ Италіи у Остготовъ идея Монархіи Императорской Римской покоряетъ себѣ обычаи Германскіе. Теодорикъ дѣйствуетъ въ духѣ преемника власти Императоровъ, хотя и удерживаетъ свой Готскій титулъ, Короля. Въ Испаніи Монархическая власть получаетъ религіозный характеръ болѣе, нежели въ другихъ странахъ (31, 45), такъ-какъ Толедскіе соборы составляютъ тамъ, если не настоящую верховную власть, то по крайней мѣрѣ власть, имѣющую наиболѣе вліянія; характеръ религіозный тамъ преобладаетъ, если не въ собственномъ управленіи Королей Визиготскихъ, то по крайней мѣрѣ въ законахъ, которые духовенство имъ внушаетъ, въ тонѣ, которымъ оно заставляетъ говорить ихъ. — Въ Англіи, у Саксовъ, обычаи варварскіе существуютъ почти безъ примѣси: Гептархія представляетъ ни что иное, какъ владѣнія Гелейтовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего вождя; Монархія Англосаксовъ представляетъ собою самый вѣрный типъ Монархіи по понятіямъ Германцевъ.

211. Такимъ образомъ отъ V до VI столѣтія различныя начала Монархической власти дѣйствуютъ, и ни одно изъ нихъ не утвердилось; напротивъ, время ослабило силу многихъ началъ Германскихъ: религіозный, древнегерманскій характеръ власти исчезъ; происхожденіе той или другой фамиліи отъ боговъ или отъ героевъ было забыто; вмѣстѣ съ тѣмъ были забыты многія преданія прежней Германской жизни. Она потеряла также свой первона-

чальный военный характеръ: Гелейтъ не существовалъ болѣе; жизнь бродячая, товарищеская кончилась; большая часть воиновъ устроились въ своихъ участкахъ. Политическій характеръ Монархіи Императорской также не приличествовалъ Новому обществу; народа властительнаго, общества, подобнаго Римскому, подчинившему себѣ другіе народы, не было; какимъ же образомъ могъ бы существовать символъ, представитель того, чего не было? Религіозно-Христіанскій характеръ монархической власти одинъ сохранялъ еще нѣкоторую дѣйствительность, нѣкоторое вліяніе слабое и рѣдкое; свѣтскіе владѣльцы почти объ немъ не думали; бурная ихъ жизнь и потребности личной независимости одни ихъ занимали; сами Епископы и Аббаты большихъ монастырей мало о томъ заботились: они сами сдѣлались владѣльцами земель, приняли и привычки, увлеклись и выгодами своего новаго положенія, и весьма слабое участіе принимали въ тѣхъ идеяхъ и въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не согласовались съ ихъ мірскимъ положеніемъ, т. е. Феодальная система, поколебавъ основанія Монархической власти, поглотила и самую ея идею.

212. Карлъ Великій стремился сбросить съ Монархической власти эту феодальную ризу и облечь ее въ багряницу Императорскую. Не суетное славолюбіе руководило великаго человѣка, когда онъ принялъ титулъ Римскаго Императора (г. 800); онъ желалъ, такъ сказать, поставить себя въ одинаковое разстояніе отъ своихъ разноплеменныхъ подданныхъ, быть всѣмъ имъ одинаково владыкою, а не Королемъ Франковъ, завоевателемъ Германіи, Ломбардіи, части Испаніи; желалъ проникнуть собою все общество, бывшее подъ его державою, и соединивъ въ своей рукѣ всѣ его силы, вести это общество къ развитію и усовершенствованію. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ духѣ съ самаго начала своего царствованія; но онъ не находилъ въ своемъ тогдашнемъ положеніи относительно къ обществу, ему подвластному, довольно основаній къ тому, чтобы достигнуть сей цѣли, и тѣмъ менѣе могъ находить основаній, чѣмъ болѣе расширялись его владѣнія и чѣмъ многосложнѣе дѣлался составъ ихъ. Онъ не могъ дѣйствовать на это общество, какъ военачальникъ дружины (Гелейта): дружины уже не было (211); не могъ основываться на священномъ происхожденіи своего рода: родъ его не шелъ отъ древнегерманскихъ боговъ и героевъ. Слѣдственно, всѣ тѣ начала, которыя дѣйствовали на умы подвластныхъ при царствованіи прежнихъ Германскихъ династій, ут-

ратили свою силу; слѣдственно, ему нужно было положить въ основаніе своей власти другое начало, другую идею, именно, идею Императорской Римской власти. И онъ надѣялся, удержавъ для своей власти отчасти характеръ Монархіи Германской, т. е. наслѣдственное военачальство и освященіе религіозное, привить къ нему и характеръ Монархіи Римской, т. е. сдѣлаться представителемъ всѣхъ силъ Государства, какъ были Римскіе Императоры. И онъ стремился къ тому, употребляя средства самыя дѣйствительныя: не одну только пышность обрядовъ и возвышенность тона, которымъ онъ говорилъ къ своимъ народамъ; но старался воскресить дѣйствительно власть Императорскую, управленіе Римское, это, такъ сказать, присутствіе власти на всѣхъ пунктахъ Государства, желая все знать, всюду быть или самъ собою, или чрезъ своихъ уполномоченныхъ; желая, однимъ словомъ, являться мыслямъ своихъ народовъ какъ всеобщій двигатель и источникъ всего управленія. Сего достигалъ онъ *Царскими Посланными* (missi dominici), которыхъ отправлялъ въ разныя части Государства, чтобы наблюдать въ нихъ за ходомъ дѣлъ, преобразовывать сей ходъ, или давать ему въ томъ отчетъ; потомъ *общими собраніями* (placita), которыя онъ производилъ съ гораздо большею правильностію, чѣмъ его предшественники, и на которыя онъ заставлялъ являться почти всѣхъ значительныхъ людей Государства; слѣдственно, это не были собранія свободныя, въ духѣ Германскихъ волостныхъ сеймовъ (39), хотя сіи послѣдніе могли служить для Карла Великаго образцемъ къ учрежденію своихъ собраній. Они давали Государю возможность узнавать все, что дѣлается, и посредствомъ ихъ онъ надѣялся и ввести и утвердить какое-нибудь правило, какое-нибудь единство въ жизни народовъ своего Государства, ненмѣвшихъ ни того, ни другаго: идея большаго Государства, большаго политическаго единства есть любимая идея, мечта царствованія Карла Великаго.

213. Эта мечта не осуществилась: феодальное начало было слишкомъ сильно въ обществѣ: оно одолѣло всѣ учрежденія великаго Императора (53). Осталось титло Императорское, возбуждая многія и разныя воспоминанія въ умахъ; и чѣмъ менѣе впослѣдствіи времени знали, что́ это собственно такое, тѣмъ болѣе воображеніе людей имѣло свободы приписывать этому титлу многое. Императоръ вездѣ считался вообще за перваго властелина во вселенной, съ которымъ никто другой сравниться, подлѣ кото-

раго никто другой и называемъ быть не можетъ; нерѣдко онъ былъ почитаемъ какъ свѣтскій глава Христіанства, котораго Папа глава духовный, такъ-что вся свѣтская власть въ немъ заключается и изъ него проистекаетъ, подобно какъ вся духовная заключается въ Папѣ и проистекаетъ отъ Папы. Но вмѣстѣ съ раздѣленіемъ Имперіи Карла Великаго уничтожилось то, что составляло сущность Монархической власти по началамъ, на которыхъ онъ желалъ утвердить ее. Уничтожилось это, такъ сказать, всемогущество власти, проникавшее во всѣ составы общества; это ея присутствіе всюду одинаковое, и всюду дѣйствующее. Идея *единства власти* была совершенно противоположна духу феодальному, котораго существо есть *раздѣльность власти*. Сія-то самая несоотвѣтственность власти Монархической, по началамъ Карла Великаго, съ состояніемъ общества, въ которомъ феодальное начало дѣлалось господствующимъ, и погубило потомковъ Великаго Императора, которые по воспоминаніямъ, жившимъ въ ихъ фамиліи, по титлу Императорскому, какъ наслѣдіе сохранявшемуся въ ихъ фамиліи, и носимому въ теченіе слишкомъ 80 лѣтъ (до смерти Арнульфа въ г. 899) то однимъ, то другимъ изъ ея членовъ, стремились къ единовластію, но не имѣли силы покорить себѣ Вассаловъ, стремившихся къ независимости. Съ упадкомъ центральной власти свѣтской по раздѣленіи Имперіи Карла Великаго, пришла въ упадокъ и центральная власть духовная, имъ возвышенная и поддерживаемая, и въ замѣнъ поддерживавшая и его своимъ вліяніемъ на умы народа. Отъ преобладанія феодализма и господства учрежденій и идей мѣстныхъ, это видимое единство Церкви потерпѣло, если не уронъ невозвратный, по крайней мѣрѣ сильное ослабленіе: въ небольшихъ новыхъ Государствахъ важность и сила свѣтскаго владѣльца превзошла важность и силу Епископа. Духовенство дѣйствовало гораздо менѣе какъ сословіе и въ своей цѣлости: его члены, отдѣленные другъ отъ друга, впали въ нѣкоторый родъ уничиженія. Отселѣ довольно сильное, хотя преходящее, ослабленіе для Церкви вообще, и для всѣхъ учрежденій, для всѣхъ идей, которыя къ ней привязывались, между прочимъ, и для Монархической власти, со стороны ея характера религіознаго. Въ X вѣкѣ сія послѣдняя идея имѣла, кажется, наименѣе силы.

214. Такимъ образомъ феодальный характеръ, и прежде Карла Великаго облекавшій Монархическую власть, уже полнѣе и опредѣлительнѣе въ ней выразился послѣ окончательнаго раздѣленія

Имперіи Карловой; она уже вполнѣ облеклась, какъ и цѣлое общество, въ феодальную ризу; Государи сами стали не болѣе какъ владѣльцы феодовъ и не всегда еще самыхъ большихъ феодовъ въ своемъ Государствѣ, такъ напр, власть Королей Франціи въ XI и половинѣ XII вѣка простиралась на часть нынѣшней Франціи отъ верховья Сейны до Орлеана, и отъ рѣки Эры до соединенія рѣки Объ съ Сейною, пространство земли, заключающее въ себѣ $456\frac{1}{2}$ кв. милъ. И чтобы въ семъ самомъ пространствѣ пользоваться властію своею, Король Франціи долженъ былъ безпрерывно употреблять силу оружія противъ Графовъ Шомона, Клермона (близъ Бовэ), владѣльцевъ Монлери, Монфортъ-Аморн, Монморанси, Куси и многихъ другихъ, всегда готовыхъ и почти всегда бывшихъ въ состояніи ему не повиноваться,—вотъ настоящая *феодальная Монархія*. Періодъ Монархіи феодальной хотя и равняется періоду, который занимаетъ собою распространеніе и утвержденіе феодальной системы: время отъ исхода VI до XII вѣка (53); но до исхода IX вѣка еще другія основанія и начала Монархической власти боролись съ идеею феодальною; съ исхода IX вѣка преобладаніе феодальныхъ понятій очевидно, и съ сихъ поръ можно считать настоящее начало существованія феодальной Монархіи до исхода XIII вѣка.

215. Смутны коренныя начала и дѣйствія феодальной Монархіи и весьма трудно опредѣлить что она такое. Можно было бы думать, что Король въ феодальномъ устройствѣ былъ владыка всѣхъ Вассаловъ, Сеніоръ всѣхъ Сеніоровъ (suzerain des suzerains); что къ нему было привязано, въ опредѣлительной и прочной постепенности, все общество, и что, сзывая вокругъ себя своихъ Вассаловъ, и потомъ Вассаловъ этихъ Вассаловъ, и такъ далѣе, онъ созывалъ вокругъ себя весь народъ и являлся настоящимъ Царемъ. Дѣйствительно, въ томъ состояла теорія феодальной Монархіи; но это простая теорія никогда не примѣнявшаяся къ дѣламъ (37). Это общее вліяніе Короля посредствомъ іерархическаго устройства; эти связи, которыя соединяли Королевскую власть съ цѣлымъ феодальнымъ обществомъ, суть мечтанія публицистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, наибольшая часть феодальныхъ владѣльцевъ были въ сію эпоху совершенно и вполнѣ независимы отъ власти Королевской; многіе едва знали сію власть по имени и имѣли очень мало или вовсе не имѣли сношеній съ нею: всѣ власти стали мѣстными, независимыми Имя Короля, употребляемое въ грамматахъ тѣмъ или другимъ фео-

дальнымъ владѣльцемъ, выражаетъ болѣе воспоминаніе, нежели дѣйствіе необходимой обязанности, и были примѣры (во Франціи), что иной Вассалъ употреблялъ въ своихъ актахъ имя Короля, но Короля уже умершаго; онъ отдавалъ, слѣдственно, таковымъ употребленіемъ почесть Королевской власти, но не зналъ, кто именно ея представитель въ то время. Понятно, что въ такомъ положеніи власть Монархическая не могла служить основою общественнаго союза и единства, не могла быть во главѣ общества, принуждена будучи часто уступать и уничижаться предъ своевольствомъ Вассаловъ, могуществомъ духовенства и привилегіями городскихъ общинъ.

216. При всемъ томъ, что власть Монархическая въ феодальную эпоху лишилась многихъ своихъ началъ, на которыхъ она опиралась дотолѣ, для нея сохранились, однако же, и въ сію эпоху начала, противу которыхъ не возставала, и которыхъ у нея не оспоривала и сила феодальная; которыя, напротивъ, перешли въ послѣдующія времена и были основаніемъ окончательному утвержденію Монархической власти и сліянію въ ней силъ всего общества. Эти начала были: 1) *Начало высшаго ея происхожденія и освященія религіознаго*, 2) *Начало наслѣдственности*; сіе послѣднее особенно укрѣпилось въ эпоху господства феодальной системы, но независимо отъ нея. Что дѣйствительно оба сіи начала остались неприкосновенными, этому доказательства найдемъ въ самыхъ событіяхъ, не смотря на то, что Государь, по своимъ собственнымъ владѣніямъ, бывалъ иногда ни сколько не сильнѣе своихъ Вассаловъ; что Императоръ Германскій, напримѣръ, былъ гораздо слабѣе большей части своихъ. Не смотря, слѣдственно, на то, что по наружности и Государь стоялъ въ ряду своихъ Вассаловъ, заключалась великая разница въ сущности власти Государя надъ своими землями, и Вассалла надъ своими. У всякаго изъ сихъ послѣднихъ источникъ власти его былъ очевидѣнъ, такъ сказать матеріяленъ; онъ заключался въ томъ бо́льшемъ или ме́ньшемъ участкѣ земли, которая была въ его владѣніи, и если онъ лично былъ независимъ, то земля его не переставала считаться зависимою отъ его Сеніора (suzerain), или отъ самого Государя, и вступая въ обладаніе ею, онъ долженъ былъ все же принести присягу на вѣрность тому, чьею принадлежностію считалась земля, находящаяся въ его владѣніи: это коренной уставъ феодальной системы. Допустимъ, что Вассалъ *имѣлъ силу* не остаться вѣр-

нымъ своей присягѣ, и что его Сеніоръ *не имѣлъ силы* наказать его за то; допустимъ, что эта присяга на вѣрность Вассалла его Сеніору стала простымъ обрядомъ, ни къ чему необязывающимъ, все же согласиться должно, во-первыхъ, что сила, которую имѣлъ Вассалъ противиться своему Сеніору, не была правомъ для перваго; во-вторыхъ, что и этотъ обрядъ все же былъ напоминаніемъ о зависимости Вассалла отъ другой власти, которая выше его. Напротивъ, земля, которою владѣлъ Государь, его собственное удѣльное имѣніе (domaine), не составляло ни чьей собственности; на этой землѣ не лежали никакія повинности, которыя бы обязывали его, какъ всякаго другаго Вассалла, какою бы то ни было подчиненностью кому-нибудь, и не присягою на вѣрность какому-нибудь лицу, а обѣтомъ передъ лицемъ Бога: творить судъ и правду; а священнымъ коронованіемъ и муропомазаніемъ (общіе всей Христіанской Европѣ обряды, весьма рано по обращеніи всѣхъ побѣдителей въ вѣрѣ побѣжденныхъ ими народовъ установленные) начиналъ Государь вступленіе во владѣніе своими землями. Такимъ образомъ вступленіе Вассалла во владѣніе своими землями составляло принадлежность его званія и рода, и принимая землю, онъ долженъ былъ принять на себя и всѣ обязанности, на этой землѣ лежащія; вступленіе Государя во владѣніе своими, было таинство. Самыя титла Вассалловъ: Герцога, Графа и другія, присвоены были не лицу ихъ, а землямъ, коими они владѣли, такъ-что одинъ и тотъ же Вассалъ былъ Герцогъ по одному своему феоду, Графъ по другому, Викомтъ по третьему, Баронъ по четвертому; титулъ Государя, какъ Государя, не зависѣлъ отъ земли, которою онъ обладалъ; Короли Германскіе, напримѣръ, нося съ X вѣка титулъ Императоровъ Римскихъ, вовсе не владѣли Римомъ; а Рудольфъ Габсбургскій, при избраніи своемъ въ Императоры, не имѣлъ и въ самой Германіи никакого владѣнія, ему принадлежащаго, и при всемъ томъ Императоръ Германскій, или, какъ его называли, Римскій, считался всегда первымъ, старшимъ между Государями Европы; феодальные же титулы, въ титулахъ Государей встрѣчающіеся, означаютъ только, что то или другое изъ приналлежащихъ ему владѣній было нѣкогда феодомъ, вошедшимъ по разнымъ обстоятельствамъ въ составъ вотчинъ Государевыхъ.

217. Итакъ, при всемъ томъ, что власть Монархическая въ феодальную эпоху была весьма неопредѣленною и незамѣтною, она съ другой стороны не была ни чѣмъ и ограничена. Въ обществен-

номъ порядкѣ тогдашняго времени не было ни какого учрежденія, которое бы существовало для ея уравновѣшиванія съ прочими силами общества; въ порядкѣ нравственномъ не было ни какого начала, ни какой могущественной общепринятой идеи, которою бы полагались предѣлы власти Монархической. Не думали, чтобы она имѣла право все дѣлать, всего достигать; но ни кто не зналъ, гдѣ она должна остановиться. На самомъ дѣлѣ Монархическая власть была въ дѣйствіяхъ своихъ ограничиваема и безпрерывно оспориваема силами ей непокорными и до нѣкоторой степени ей соперничествовавшими: могуществомъ духовенства, еще болѣе могуществомъ владѣльцевъ большихъ феодовъ, посредственныхъ или непосредственныхъ коронныхъ Вассаловъ; но въ ней сберегліись, какъ выше сказано, тѣ начала, которыя ставили сію власть внѣ феодальной іерархіи и выше ея. Оставалось только, чтобы стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ помогло Монархической власти воспользоваться своею силою, въ идеѣ ея заключавшеюся, и привести въ дѣйство эту силу.

218. Сіи благопріятныя обстоятельства произведены Крестовыми походами. Они заключаются въ ослабленіи силы всѣхъ прежнихъ стихій общественной жизни (201), въ особенности въ ослабленіи могущества Вассаловъ (193), дотолѣ главныхъ противодѣйствователей единодержавію. Въ теченіе XIII и еще болѣе XIV вѣка большая часть правъ, коими дотолѣ пользовались многіе Вассаллы, наравнѣ съ Государемъ, перешла исключительно на Государя: право чеканенія монеты, право войны и мира и, важнѣйшее изъ всѣхъ: право суда и законодательства, единообразнаго для цѣлаго общества. Тогда Монархическая власть получаетъ свою опредѣленную физіономію; она дѣлается властію хранительною; покровительницею общественнаго порядка, общаго правосудія, общихъ выгодъ; дѣлается центромъ и основою связи всего общества; въ семъ видѣ предстоитъ она народамъ, и цѣлая просвѣщенная Европа, не смотря на мѣстныя различія государственнаго устройства, для собственнаго своего счастія сопрягаетъ нынѣ одну идею съ особою Монарха; вездѣ *Государь есть особа священная, которая получаетъ власть свою наслѣдственно, и которой власть не снизу* (не Римскій Монархъ) *изъ общества проистекаетъ, а въ ней самой заключается; и изъ нея разливается по цѣлому составу общества; вездѣ Государь источникъ и суда и правды.* И съ сей поры Европейскія общества дѣлаются Государствами въ

настоящемъ значеніи сего слова; раздѣльность и мѣстность (характеристическія отличія феодальныхъ временъ) исчезаютъ; маленькія общества сливаются въ большія; дѣлается возможнымъ существованіе большихъ и сильныхъ націй, которыя — опытъ Исторіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ это доказываетъ — и могутъ существовать и развиваться и процвѣтать только подъ властію единодержавною.

219. Таковъ былъ ходъ общественныхъ измѣненій въ Европѣ вообще. При разсмотрѣніи хода дѣлъ частно по землямъ Европейскимъ встрѣтимъ то тамъ, то здѣсь, уклоненія; но общій результатъ всюду одинъ: съ XIV вѣка устрояется всюду одна центральная власть, и общество Европейское основывается преимущественно, и въ теченіе времени почти исключительно, на идеѣ наслѣдственнаго единодержавія; образуются Государства, т. е. общества людей, соединенныхъ для частнаго и общаго благоденствія подъ одною верховною властію и одними законами. Не будемъ утверждать, чтобы уже съ XIV вѣка это устройство и отлилось въ свою опредѣленную форму; нѣтъ; Монархическая власть, какъ и другія стихіи общественнаго устройства, вызрѣвавшія временемъ, также требовала времени для того, чтобы могла она также достигнуть своей полной зрѣлости и силы. Начало XIV вѣка есть эпоха, въ которую Монархическая власть, доселѣ въ общественномъ порядкѣ столь мало имѣвшая вліянія, пріобрѣтаетъ силу бороться съ прочими стихіями общества и начинаетъ становиться во главѣ его; онѣ, помня свою недавнюю силу, еще стараются противодѣйствовать ея расширенію и укрѣпленію: вѣкъ XIV и XV и есть время борьбы Монархической власти съ этими непокорными и враждебными ей элементами общественнаго состава, но борьбы для нея замѣтно побѣдоносной и славной; конецъ XV вѣка есть конецъ этой борьбы, настоящая эпоха полнаго и совершеннаго утвержденія Монархической власти въ Европѣ. Отселѣ начало новаго порядка вещей, новаго быта народовъ, быта, сохранившаго свои главныя черты, и до нашего времени, такъ-что въ Государствахъ Европы послѣднихъ годовъ XV и начала XVI вѣка мы можемъ уже распознать нынѣшнихъ главныхъ дѣйствователей на сценѣ Историческаго міра.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе объ Исторіи, основаніе ея раздѣленія и характеръ частей ея. 1

КНИГА ПЕРВАЯ.

Изображеніе характера и содержанія Исторіи первыхъ десяти вѣковъ.

ГЛАВА I.

Характеръ такъ называемыхъ Среднихъ вѣковъ; видъ Историческаго міра въ эпоху паденія З. Р. И.; видъ СВ. и ЮВ. Европы; Германцы главные дѣйствователи въ эту эпоху; Германцы на родинѣ и племена, сосѣдственныя имъ на В.; Германцы въ Римскихъ областяхъ..... 12

ГЛАВА II.

Общій взглядъ на Европу въ исходѣ V и въ VI вѣкѣ; элементы новаго Европейскаго общества: общество Римское свѣтское; общество Римское духовное; перевѣсъ послѣдняго надъ первымъ; Германскій элементъ въ составѣ новаго общества 29

ГЛАВА III.

Взглядъ на Германію по понятіямъ Римлянъ; бытъ Германцевъ на родинѣ; мирныя и военныя учрежденія ихъ; Гелейты; особенная важность ихъ и на родинѣ и въ Римскихъ областяхъ..... 39

Стран.

ГЛАВА IV.

Смутное состояніе общества отъ столкновенія быта побѣдителей и быта побѣжденныхъ; бореніе разнородныхъ стихій общественнаго состава, отъ исхода V до исхода IX вѣка; происхожденіе изъ сей борьбы началъ новаго общественнаго устройства..... 45

ГЛАВА V.

Феодальная система.

Происхожденіе ея изъ уставовъ Гелейта; доказательство, что она у Франковъ должна быть преимущественно изучаема; эпохи распространенія Феодальной системы на все общество; предѣлъ ея распространенія; вліяніе ея на общество; паденіе ея и отъ собственнаго неустройства, и отъ противодѣйствія постороннихъ силъ..... 52

ГЛАВА VI.

Папская власть.

Происхожденіе духовной власти въ Римской Имперіи и состояніе Церкви по паденіи Имперіи Западной; состояніе Церкви по утвержденіи Феодальной системы; постепенное образованіе центральной духовной власти въ лицѣ Римскаго Первосвященника; обстоятельства, содѣйствовавшія возвышенію Папской власти отъ V до исхода XI вѣка..... 78

ГЛАВА VII.

Папская власть.

Полное утвержденіе могущества Папскаго съ половины XI вѣка; дѣйствія Григорія VII и въ званіи Кардинала, и въ санѣ Папы; побѣдоносныя распри его съ Генрихомъ; развязка спора объ Инвеституръ и утвержденіе первенства Папской власти и надъ всѣми духовными властями и надъ свѣтскою властію въ западной Европѣ; монашескіе Ордены; первосвященство Иннокентія III — зенитъ могущества Папскаго; первосвященство Бонифація VIII — предѣлъ сего могущества..... 93

Стран.

ГЛАВА VIII.

Папская власть.

Первосвященство Бонифація VIII—начало упадка Папской власти; споръ Бонифація VIII съ Филиппомъ IV; ходъ, развязка и послѣдствія сего спора; значеніе Папской власти въ исторіи образованія Европейскаго общества; переходъ ея за черту ея историческаго назначенія и неизбѣжность ея упадка..... 108

ГЛАВА IX.

Городскія общины.

Городскія общины—новый противодѣйствователь Феодальному могуществу; онѣ не существуютъ ни въ древнемъ Востокѣ, ни въ мірѣ Греческомъ и Римскомъ. Понятіе о Римскихъ муниципіяхъ; различіе духа управленія ихъ съ городскими общинами; упадокъ ихъ по завоеваніи Римскихъ земель Германцами и утвержденіи Феодальной системы. Другой родъ городовъ, происшедшихъ уже въ Феодальномъ обществѣ; полная зависимость городовъ обоего рода отъ Феодальной аристократіи; нечувствительное возвышеніе городовъ отъ умноженія народонаселенія и промысловъ въ нихъ; начало возстанія городовъ и освобожденія ихъ отъ Феодальнаго ига; обстоятельства, тому способствовавшія; устройство и управленіе городскихъ общинъ по освобожденіи; умноженіе народонаселенія въ городахъ и разнообразіе сего народонаселенія 116

ГЛАВА X.

Городскія общины.

Обозрѣніе происхожденія и состоянія Городскихъ общинъ и Городскихъ союзовъ въ разныхъ Европейскихъ земляхъ: въ Италіи, Германіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи, Англіи; усугубленіе раздѣльности общества по образованіи Городскихъ общинъ и Городскихъ союзовъ; необходимость событія, которое сблизило бы разнородныя стихіи общества, и власти, которая соединила бы ихъ въ одно стройное цѣлое..... 150

Стран.

ГЛАВА XI.

Крестовые походы.

Необходимость подобнаго событія по состоянію народнаго духа и по положенію современнаго общества; важность событія по объему времени и мѣста и по участію въ немъ всѣхъ классовъ общества и всѣхъ народовъ западной Европы; необходимость его по современнымъ отношеніямъ Европейско-Христіанскаго міра къ Восточно-Магометанскому 138

ГЛАВА XII.

Крестовые походы.

Энтузіазмъ, съ которымъ начались крестоносныя предпріятія; ополченіе простолюдиновъ; ополченіе Вассаловъ и Витязей; Готфридъ Бульйонъ; взятіе Іерусалима есть не конецъ, а начало Крестовыхъ походовъ 146

ГЛАВА XIII.

Крестовые походы.

Объемъ періода Крестовыхъ походовъ; раздѣленіе его на два отдѣленія и характеръ каждаго; раздѣленіе перваго отдѣленія на двѣ части, перечень предпріятій въ первой половинѣ; Рыцарскіе Ордены; Ассасины; перечень событій въ Христіанскихъ владѣніяхъ Сиріи и Палестины; состояніе Іерусалимскаго Королевства передъ 1147 годомъ 153

ГЛАВА XIV.

Крестовые походы.

Вторая часть перваго отдѣленія періода Крестовыхъ походовъ; впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Эдессы; походъ Лудовика VII и Конрада III; Нуреддинъ и Саладдинъ; соединеніе Египта и Сиріи; взятіе Іерусалима Саладдиномъ; сильное впечатлѣніе въ Европѣ, начинавшей охладѣвать къ предпріятіямъ; походы Императора Фридриха I, Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце; Христіанскій станъ подъ Птолемаидою; взятіе ея; возвратъ Ричарда въ Европу; состояніе Саладиновыхъ владѣній по его смерти 180

Стран.

ГЛАВА XV.

Крестовые походы.

Второе отдѣленіе періода Крестовыхъ походовъ; различіе въ характерѣ предпріятій по различію внутреннихъ побужденій; уклоненія Крестоносцевъ отъ цѣли, съ которою они выступали въ походъ; завоеваніе Крестоносцами Константинополя и временное существованіе Латинской Имперіи; невольный походъ Императора Фридриха II и возвращеніе имъ Іерусалима по договору съ Султаномъ Египетскимъ; состояніе Іерусалима и Христіанскихъ владѣній по отбытіи Фридриха II; Христіане Палестинскіе и Крестоносцы принимаютъ участіе въ распряхъ владѣтелей Египта и Сиріи и вновь теряютъ Іерусалимъ; обратное временное завоеваніе Іерусалима Ричардомъ Корнваллійскимъ. 190

ГЛАВА XVI.

Крестовые походы.

Второе отдѣленіе періода Крестовыхъ походовъ; переворотъ, произведенный Монголами въ судьбѣ Азіятскихъ земель и вліяніе сего переворота на Іерусалимъ; окончательная его потеря; планы и дѣйствія Лудовика IX; состояніе христіанскихъ владѣній въ Сиріи по его отбытіи; послѣднія усилія Европейцевъ подъ начальствомъ Принца Эдуарда; паденіе Птолемаиды и конецъ Крестовыхъ походовъ; непрочность бытія Іерусалимскаго Королевства по его географическому очертанію и политическому устройству, и по составу его народонаселенія. 204

ГЛАВА XVII.

Слѣдствіе Крестовыхъ походовъ.

Важность вліянія Крестовыхъ походовъ на Европу, не смотря на то, что цѣль предпріятій не была достигнута; вліяніе ихъ на общество въ цѣломъ его составѣ; вліяніе ихъ на каждую изъ составныхъ частей общества порознь 219

ГЛАВА XVIII.

Монархическая власть.

Важность Монархической власти въ Исторіи происхожденія и образованія обществъ; историческій ходъ ея развитія въ Древнемъ и Новомъ

Стран.
обществѣ; понятія Римлянъ о Монархической власти отъ Августа до Діоклетіана; перемѣны въ понятіяхъ объ ней во времена Діоклетіана и Константина В., до паденія Имперіи 233

ГЛАВА XIX.

Монархическая власть.

Понятія Германцевъ о Монархической власти; измѣненія нѣкоторыхъ изъ сихъ понятій по водвореніи ихъ въ Римскихъ областяхъ; состояніе Монархической власти въ Феодальную эпоху; начала будущаго могущества Монархической власти, сохранившіяся и въ эту эпоху; развитіе сихъ началъ событіями XIII и XIV вѣковъ; XV вѣкъ — время полнаго утвержденія Монархической власти 239

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЯ ТАБЕЛИ.

№ 1 и 2. ІЕРУСАЛИМСКИХЪ КОРОЛЕЙ И ФАМИЛІЙ, БЫВШИХЪ ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ РОДСТВѢ СЪ ДОМОМЪ КОРОЛЯ БАЛДУИНА II.

№ 3. ДОМА САЛАДДИНА, СУЛТАНОВЪ ЕГИПТА И СИРІИ.

№ 1.

Короли Іерусалимскіе изъ Булонскаго дома, происходившаго отъ Вильгельма Графа Понтье; *Арнульфъ* († 972) сынъ Вильгельма, былъ родоначальникомъ Графовъ Булонскихъ.

Евстафій I правнукъ Арнульфа † 1049

Евстафій II † 1095 ⌒ Ида, дочь Готфрида Брадатаго, Герцога Нижней Лотарингіи (Брабанта), наслѣдуетъ Герцогство по мерти отца и брата. (*)

Готфридъ Буилльонъ, I Кор. † 1100; по матери Герц. Лотарингіи.	Балдуинъ I, 2 Король † 1118 *Супр.* Адель, дочь Бонифація I Маркграфа Монферратъ.	Евстафій III остается Графомъ Булонскимъ.

Маркграфы Монферратскіе.

Бонифацій I, 3 Маркграфъ † 1100.

Адель, *Супр.* Балд. I. ⌒ Вильгельмъ II † 1126.

Ренье † 1140

Вильгельмъ Старый † 1188.

Вильгельмъ Гр. Тира † 1177. *Супр.* Сивилла, дочь Амори I.	Конрадъ Гр Тира. *Супр.* Изабелла, доч. Амори I.	Бонифацій II въ Крестов. походѣ съ Венеціан. въ 1201.
Балдуинъ V, Кор. Іерус.	Марія ⌒ Іоанъ. Бріен.	
	Іоланта. ⌒ Фрид. II Имп.	

Графы Шампанскіе.

Тибо I, 7 Гр. Шампани † 1089.

Гуго, Гр. Труа, Тампліеръ † 1130.	Стефанъ Гр. Блуа, въ перв. Крест. походѣ † 1102. *Супр.* Адель, дочь Вильг. Завоев.
Тибо II Гр. Блуа, соед. всю Шампань † 1152.	Стефанъ Гр. Булонь Кор Англіи въ 1135.

Генрихъ I † 1181

Марія *Супр.* Балдуинъ Гр. Фландр. Имп. Констан тинопольскій въ 1204.	Генр. II Кор. Іерусал. въ 1192 *Супр.* Изабелла, дочь Амори I.	Тибо III Гр. Шампан. † 1200
	Алиса, *Супр.* Гуго Кипрскій.	

(*) Братъ Иды, Готфридъ, въ супружествѣ съ знаменитою Матильдою.

№ 2.

Короли Іерусалимскіе изъ Дома Графовъ Ретельскихъ (въ Шампани близъ Реймса); Балдуинъ, 4 Графъ Ретельскій, спутникъ Готфрида и Балдуина въ первомъ походѣ, и преемникъ Балдуина I въ Графствѣ Эдесскомъ.

Балдуинъ II, 3 Кор. † 1131.

Мелузина *Супр.* Фулко Анжу Графъ Птолемаиды, 4 Кор. † 1144.	Алиса *Супр.* Боемундъ Герц. Антіохіи, сынъ Боемунда I.	Годіерна *Супр.* Раймондъ Гр. Триполи.

Балдуинъ III, 5 Кор. † 1162.	Амори I, 6 Кор. † 1173. *Супр.* 1) Агнеса дочь Іосцелина Эдесскаго; 2) Марія Комнена.

1	1	2.
Балдуинъ IV. 7 Кор. † 1185.	Сивилла *Супр.* 1) Вильгельмъ Монферратъ; 2) Гвидо Лузиньянъ, 9 Кор.; съ 1191. Кор. Кипра.	Изабелла *Супр.* 1) Гумфри Торонъ Коннетабль Іерусалимскій; 2) Конр. Маркгр. Монферратъ Гр. Тира, 10 Кор. † 1192; *) 3) Генрихъ Гр. Шампанскій, 11 Кор. † 1197; 4) Амори II братъ Гвидо Лузиньяна, 12 Кор. † 1205.

1	2	3	4	4
Балдуинъ V 8 Кор. 1186.	Марія *Супр.* Іоаннъ Бріенскій, 13 Кор.	Алиса *Супр.* 1) Гуго Кипрскій. сынъ Амори II отъ перваго брака; 2) Рауль Гр. Суассонскій.	Сивилла *Супр.* Лионъ Армянскій.	Мелузина *Супр.* Боемундъ Антіохійскій.
	Іоланта. *Супр.* Фридр. II Императоръ **).			

(*) Отъ него перешло титло Королей Іерусалимскихъ на Герцоговъ Савойскихъ, впослѣдствіи Королей Сардиніи.

(**) Отъ него перешло титло Іерусалимскаго Короля на Королей Неаполитанскихъ и Императоровъ Германскихъ.

№ 3.

Домъ Саладдина (Султаны Египта и Сиріи).

Саладдинъ † 1193
Султ. Египта и Сиріи.

Малекъ-Адель (Сейфеддинъ) братъ Саладдина † 1218.

Алфдаль. (Дамаскъ,) низл. Малекъ-Аделемъ 1196.

Малекъ-Гаятединъ (Алепъ) † 1216.

Азисъ † 1236.

Юсуфъ (Алепъ и Дамаскъ) †1260 кон. Алек. и Дам. Царства.

Малекъ-Азисъ † 1198 (Египетъ)

Ал-Манзуръ низлож. Малекъ-Аделемъ 1199.

(Египетъ) Малекъ-Камель (Мелединъ) † 1238.

Малекъ Сале. (Дамаскъ) † 1250.

Туранъ-Шахъ (Египетъ) уб. Мамелюками 1251.

Малекъ Адель II (Египетъ) сверг. братомъ 1240.

(Дамаскъ) Шарфеддинъ †1227.

Даудъ, свер. Мелединомъ 1229.

Аскрафъ упр. Дамаскомъ какъ намѣст. Меледина † 1237.

Исмаилъ получ. отъ Малекъ Сале Дамаскъ † 1242.